

31.03.86
[Handwritten signature]

Р.Ш.-А. Алиев

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ

в 70-х—начале 80-х годов
(теория и практика)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Ответственный редактор
В. Б. ВОРОНЦОВ

В книге исследование внешней политики Японии, играющей заметную роль в современном мире, увязано с анализом особенностей японского монополистического капитала, его влияния на дипломатию официального Токио. Внешнеполитические проблемы рассматриваются автором в контексте общей международной обстановки в мире и внутривосточной ситуации в Японии.

А 0804000000-039
013(02)-86—72-85

Рафик Шаги-Агзамович Алиев

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
В 70-х — НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ**

(Теория и практика)

Редактор *Б. Е. Косолапов*. Младший редактор *Е. В. Степанова*
Художник *А. Г. Кобрин*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. В. Погоскина*.
Корректоры *В. Н. Багрова* и *Л. М. Кольчина*

ИБ № 15174

Сдано в набор 11.05.85. Подписано к печати 13.01.86. А-04116.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 19,75. Уч.-изд. л. 20,7.
Тираж 3700 экз. Изд. № 5901. Зак. 227. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано в Московской типографии № 13 ПО «Периодика»
ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
107005, Москва Б-5, Денисовский пер., 30
Отпечатано в 3-й типографии издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

В историю международных отношений 70-е годы войдут как период дальнейшего роста мощи, активности и авторитета Советского Союза и других стран социалистического содружества.

В то же время происходит неуклонное ослабление позиций капитализма на мировой арене. Этот процесс сопровождается углублением всеобщего кризиса самой империалистической системы. «Империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах», — подчеркивалось на июньском Пленуме ЦК КПСС (1983 г.). Однако в духе привычного для себя стереотипа за неудачами и просчетами во внутренней и внешней политике лидеры империалистических держав, и прежде всего США, усматривали действия СССР и других социалистических государств на международной арене. Такой «анализ» послужил поводом для возврата к формам и средствам ведения политики, характерным для периода «холодной войны». В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии указывалось: «В международном плане отчетный период был временем сложным и бурным. Оно было отмечено прежде всего интенсивной борьбой двух направлений в мировой политике. С одной стороны, курс на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой стороны, курс на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, политика угроз и вмешательства в чужие дела, подавления освободительной борьбы»¹.

Второе направление на международной арене представлено в первую очередь Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО. Политика этих государств на рубеже 70—80-х годов является предметом пристального внимания со стороны советских международников, которые в своих работах не только дали анализ истоков и причин их курса на ликвидацию разрядки, но и показали пагубность и опасность такого курса для судеб мира и человечества.

Особое значение в рамках борьбы двух линий в мировой политике стала приобретать Япония. К началу 80-х годов эта страна оказалась, пожалуй, единственной крупной капиталистической державой, внешняя политика которой претерпела серьезные изменения. Практически все направления государственной политики японского правительства стал определять резко возросший

антисоветизм, выразившийся, в частности, в усилении кампаний вокруг так называемых «северных территорий», в экономических «санкциях» против СССР, в бойкоте Московской олимпиады, в негативной политике в отношении стран Индокитая, Афганистана, в откровенной поддержке стратегии Вашингтона по глобальным и региональным проблемам.

Конечно, все перечисленные действия Японии естественны для страны государственно-монополистического капитализма и диктуются логикой борьбы двух исторических тенденций в мировой политике, борьбы между социализмом и империализмом. Когда говорится о «резком изменении или крутом повороте в политике Токио», отнюдь не имеется в виду степень враждебности в господствующем классе Японии к исторически прогрессивным силам внутри страны или на международной арене. Речь идет об изменении форм, способов и средств борьбы с Советским Союзом. Вплоть до 80-х годов Япония, объективно находясь в лагере империализма, субъективно стремилась избегать (за некоторыми исключениями) открытого втягивания в конфронтацию двух систем на глобальном уровне. В 50-е годы это объяснялось низким уровнем ее экономического развития. В следующем десятилетии все усилия Японии были сосредоточены на увеличении экономического потенциала, а в 70-е годы она была вовлечена в процесс разрядки. На непрекращающуюся борьбу между системами в Токио смотрели главным образом как на борьбу между США и СССР, НАТО и Организацией Варшавского Договора (ОВД). Такая позиция стороннего наблюдателя не случайно снижала ей среди классовых союзников репутацию страны, проводящей «классовую дипломатию».

Правда, по-иному вела себя Япония в самой системе империализма и в отношении развивающегося мира. Превратившись к началу 70-х годов в один из центров империалистического соперничества, она сумела серьезно потеснить своих конкурентов на мировых рынках и, более того, довольно успешно «освоила» рынки двух других центров капитализма. В определенной степени эти успехи были вызваны тем, что практически все государственные ведомства и неправительственные организации, имеющие отношение к внешнеполитической деятельности, были поставлены на службу экономической экспансии, получившей название «экономической дипломатии». В начале 80-х годов «экономическая дипломатия» стала дополняться так называемой «политизированной дипломатией», под которой подразумевается активность в вопросах вооружения и разоружения, более деятельное участие в международных организациях, развитие контактов с военно-политическими блоками, т. е. вовлечение в те сферы и области, которые являются ключевыми во взаимоотношениях между системами. Смысл такой переоценки внешнеполитической деятельности Японии заключается в намерениях правящих кругов глубже втянуть свою страну в борьбу против сил социализма и национально-освободительного движения.

Не все в Японии разделяют такой подход. В ней действуют и другие силы, сопротивляющиеся опасному втягиванию страны в военно-политическую конфронтацию между системами. Наиболее активными среди них являются оппозиционные партии и в целом прогрессивные слои японского общества. В этом же направлении действуют и те политики из правящей ЛДП, а также представители деловых кругов, которые более реально расценивают положение на международной арене, понимают необходимость и обоюдную выгоду длительного мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Борьба между сторонниками здравого смысла и поборниками конфронтации с социалистическими странами всегда произывала политическую жизнь любого капиталистического государства, в том числе и японского. Но, как подчеркивалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, в нынешних условиях, когда «произошло небывалое обострение борьбы двух мировых общественных систем», от результатов внутривнутриполитического столкновения по вопросам внешней политики в той или иной капиталистической стране, особенно в крупных государствах, зависят общие судьбы мира. Поэтому исследование внешней политики Японии, ее места и роли в мировой политике является столь же актуальной задачей, как и изучение двух других центров империализма.

Обращение к данной теме диктуется также и другими соображениями. В японоведческой литературе, изданной в Советском Союзе, имеется множество фундаментальных работ, в которых анализируются различные стороны японской действительности. Особенно много исследований приходится на экономику, внутреннюю политику, культуру, историю Японии. Немало монографий посвящено внешней политике этой страны, включая и ее военные аспекты². Эта тема освещалась также в работах, посвященных анализу положения в азиатско-тихоокеанском регионе³.

Совершенно естественно, что освоение столь обширной советской японоведческой литературы является необходимым условием для дальнейшего углубления исследований как по Японии вообще, так и по внешней политике этой страны в частности. Вместе с тем оно даст возможность выяснить, какие стороны внешней политики Японии получили еще недостаточное освещение, а по каким вопросам сделанные ранее выводы требуют пересмысления. Обнаруживаются и противоречивые оценки по одним и тем же вопросам. Приведем два примера.

Первый пример касается вопроса о характере японо-американских отношений. В соответствующем разделе коллективной монографии «Япония» (М., 1981) один из авторов, Д. В. Петров, указывает, что Япония, несмотря на объективные возможности, не смогла добиться проведения самостоятельной и независимой политики. Более того, она еще глубже втянулась в американскую военно-стратегическую систему, ограничивающую свободу ее политического маневрирования⁴. Другой автор, А. П. Марков, в своей работе придерживается противоположной

точки зрения. Он считает, что «не выдерживает критики» утверждение о зависимости Японии от США. Более того, «по очень важным вопросам, например о вооружении страны, об участии в военных блоках и других,— пишет А. П. Марков,— она проводила... в общем самостоятельную политику». Правда, это не мешает тому же автору через страничку утверждать, что отношения с США способствовали «частичной утрате суверенитета Японии, подрыву ее национального достоинства и престижа»⁵.

Второй пример относится к вопросу о милитаризации Японии. В упоминавшейся монографии А. П. Марков пишет, что «в сложившихся условиях главным в политике Японии по-прежнему остается (и, по-видимому, останется в обозримом будущем) решение разнообразных внешнеполитических проблем, в том числе связанных с обеспечением успешного экономического прогресса страны, исчерпавшими средствами, не прибегая к оружию» (с. 233). Однако в специальных исследованиях, посвященных японской военной политике, делаются другие выводы. Эта идея определенно высказана в работе М. И. Иванова: «Возрождение японского милитаризма стало реальностью наших дней»⁶.

На наш взгляд, подобные противоречивые суждения обусловлены властью подхода: частная тема, даже очень важная (как, например, характер американо-японских отношений или вопрос о милитаризации), оторвана от всего объекта исследования, в данном случае внешней политики. Этого можно избежать, когда объект анализируется во всей его целостности, совокупности и в сравнении с другими аналогичными объектами. Только учет всех факторов, воздействующих на внешнюю политику Японии (экономических, внутри- и внешнеполитических и т. д.), позволит избежать крайностей в частностях и делать научные выводы об общем.

В представленной на суд читателей монографии предпринята именно такая попытка. Она ставит своей целью всестороннее исследование внешней политики Японии, которая рассматривается как процесс, обладающий дискретностью и непрерывностью. Разворачиваясь в «политическом пространстве и времени», внешняя политика обнаруживает себя в двух фазах: в стадии формирования и в реализации «вовне». Выделение фаз отвечает требованию дискретности, а их взаимосвязь и взаимообусловленность — непрерывности. Вместе с тем каждая из фаз обладает своей, только ей присущей спецификой как вследствие особых факторов, лежащих в основе разделения внешнеполитического процесса, так и в силу различного характера его функционирования.

Такой подход продиктован свойствами самого объекта исследования, а кроме того, он отвечает логике целостного описания процесса, к чему уже давно призывают теоретики-международники эмпириков-страноведов.

Существуют еще дополнительные причины, побуждающие автора следовать вышеприведенной концепции. Опыт показал, что

анализ внешней политики Японии в ее второй фазе, т. е. деятельности страны на международной арене, оказывается недостаточным для понимания такого свойственного ей поведенческого феномена: с одной стороны, напористость, экспансия, с другой — «дипломатия приспособления» и чуть ли не безоговорочная поддержка стратегии Вашингтона. Часть ученых в связи с этим считает, что существует разрыв, брешь, несоответствие между экономическим потенциалом страны и ее политической ролью в мире. Другие, наоборот, полагают, что эти явления взаимосвязаны и потому естественны. В попытках объяснить эти противоречия западные международники обратились к зарождению внешней политики, к ее первоначальным звеньям — формированию и принятию решений. В зависимости от объекта исследования ученые уже как бы «испустили» разделились на две группы. Одна из них сконцентрировала внимание на изучении структуры и механизма власти, на их функциональных связях с внешнеполитическим аппаратом государства. Эта область исследуется политологами.

Поисками ответов на вопрос, «почему так, а не иначе» формируется и делается политика, занимается культурологическое направление, анализирующее психологию, характер, мышление, традиции японцев, т. е. все, что связано с этно-, гео-, социокультурными факторами. Этим проблемам на Западе и в самой Японии уделяется повышенное внимание, у нас же — явно недостаточное⁷, хотя применительно к США и странам Западной Европы существует немало книг на эту тему.

Вместе с тем Япония — одна из немногих развитых капиталистических стран, которую было бы затруднительно понять, не принимая во внимание роль исторических традиций, своеобразия типа мышления японцев. Все эти факторы, безусловно, оказывают свое воздействие на поведение страны на мировой арене. Но они проявляются на еще более ранней стадии — в процессе формирования идейно-теоретических основ внешней политики Японии. И в связи с этим встает очень важный вопрос, кто составляет и формулирует внешнеполитические концепции и доктрины. Обычно говорят, что этим занимаются «правящие круги» страны. Но вся проблема в том, что правящие круги не едины ни в действиях, ни в сознании. Как справедливо отмечает советский философ В. В. Мшвениерадзе, «само буржуазное политическое сознание сегодня расслоено и представлено в различных модификациях: буржуазно-экстремистское, буржуазно-реформистское, буржуазно-либеральное, буржуазно-радикалистское, мелкобуржуазное и т. д.»⁸. Различные же модификации предполагают и различные «материальные опоры», т. е. на кого опираются те или иные слои политических кругов — другими словами, какая часть буржуазии их «кормит». Это, в свою очередь, требует анализа механизма политической власти и формы его функционирования, в нашем случае — с точки зрения принятия

внешнеполитических решений. Попытка разобраться в этих вопросах предпринята в соответствующих главах данной книги.

В монографии рассматривается еще одна важная проблема: характер и тип японского империализма через призму его внешнеполитической деятельности. Известно, что внешняя политика Японии не столь однозначна, как политика США или, скажем, политика Великобритании. Активно эксплуатируемый правящим классом имидж экономической державы, которая занята-де только торговыми операциями в мире, может порою создать иллюзию о «мирном» характере японского империализма. И кое-кто, особенно в развивающихся странах, попадает на эту удочку. В. И. Ленин еще в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение», имея в виду Японию, писал: «Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии»⁹. Природа японского государства осталась прежней, но формы порабощения существенно изменились. Необходимо учитывать и другое: при одном и том же экономическом строе, базисе могут возникать различные вариации форм, средств, методов эксплуатации внутри и вне государства. На это совершенно определенно указывал К. Маркс: «Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств»¹⁰. В самом деле, внешняя политика империалистических государств определяется и направляется в конечном счете выгодами и интересами финансового капитала¹¹, но добивается он этого различными путями. В этом смысле формы поведения и внешнеполитические средства воздействия США и западноевропейских стран отличаются от японских. Японии свойственна большая гибкость, изощренность и, если угодно, даже хитрость в достижении своих экономических целей. В. И. Ленин, как известно, не ограничивался выявлением общих качеств, присущих государственно-монополистическому капитализму, он находил также и особенности в капитализме основных государств того времени и давал этим особенностям четкие характеристики: для Франции — ростовщический, для Англии — колониальный, для Германии — милитаристско-прусский (юнкерский), для России — военно-феодальный¹².

Эти определения крайне важны как с теоретической, так и с практической стороны, поскольку от выяснения характера, типа империализма зависят формы и средства борьбы с ним на мировой арене. То, что японский империализм после второй мировой войны утратил военно-феодальные признаки, — это очевидно. Приобретенные им новые качества и признаки с точки зрения внутренней организационной структуры и его функционирования в рамках понятия ГМК и классовой борьбы внутри

японского общества исследуются в экономической литературе по Японии, а также в работах, посвященных борьбе рабочего класса и его партий в стране¹³.

Свою же задачу мы видим в выявлении отличительных признаков японского финансово-монополистического капитала, спроецированного на все фазы внешнеполитического процесса.

Для анализа внешнеполитической активности японских монополий, естественно, были привлечены статистические материалы. В связи с этим уместно напомнить, что В. И. Ленин использовал для изучения Японии четыре работы специально по этой стране, 15 общих исследований по международным отношениям на Дальнем Востоке и отдельным странам и более 200 статистических справочников и материалов!¹⁴ Это позволило ему сделать выводы о характере японского империализма и о неизбежном военном столкновении между Японией и США. Мы считаем, что анализ статистики, расчеты объемов торгово-экономических отношений Японии с теми или иными странами и регионами могут помочь избежать часто употребляемых фраз об «одном из основных направлений» внешней политики Японии и дать четкое представление об иерархии внешнеэкономической деятельности этой страны и ее приоритетах, а значит, и определить масштабы и объекты сосредоточения ее внешнеполитической энергии.

Правда, заранее можно предположить, что использование статистических данных в работе по внешней политике вызовет негативную реакцию со стороны некоторых наших теоретиков, в частности авторов коллективной монографии «Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран», которые квалифицируют такой подход как подход «чиновника-статистика»¹⁵. В этом неприятии статистики необходимо с самого начала разобраться, так как оно затрагивает методологические основы данной работы. У противников использования статистики применительно к внешней политике есть своя логика. Они считают «бесспорным», что «внешнеполитический процесс», «оформляемый», хотя и не полностью, деятельностью государства, также является процессом политическим, в конечном счете «государственным». В соответствии с этим «признаками понятия внешней политики государства» считаются только такие действия, которые санкционированы государством и осуществляются от его имени. «Поэтому действия организаций, групп и лиц, не удовлетворяющих названному условию, не могут рассматриваться как составная часть политики государства». А следовательно, если какая-либо монополия самостоятельно выступит на международной арене, не получив от государства таких полномочий, то это уже не внешняя политика, а что-то иное, чему, однако, авторы не дали еще названия. Такая логика фактически ведет к выводам об отсутствии известной самостоятельности монополий и государства относительно друг друга, о верховенстве государства над финансово-монополистическим капиталом. Эти выводы означают также, что «любая внешнеполити-

ческая задача (и ее решение), будь она политической или экономической, идеологической или культурной, неизбежно приобретает политический характер»¹⁶ — вывод, который В. И. Ленин в свое время охарактеризовал как «сапоги всмятку». Так, В. И. Ленин писал: «Но было бы глубочайшей ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы... Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов и чужой, политически независимой, страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая „аннексия“ вполне „осуществима“ без политической и постоянно встречается»¹⁷. И мы постараемся подтвердить это на примере Японии.

Сведение всех форм внешнеполитических действий к политическим — это в общем-то крайне редкое явление в советской политической науке. Практика постоянно доказывает и подтверждает, что политические средства могут служить экономическим интересам в свою очередь, экономические — достижению политического влияния. Главное же во всех этих взаимопереплетениях — марксистско-ленинское положение о роли экономической стороны как пружины межгосударственных отношений в политических, военных и иных областях. Исходя из этого, международные экономические связи относятся «к первичным, базовым в системе международных отношений»¹⁸, которые было бы затруднительно анализировать без статистики.

В монографии поднят ряд проблем, формально не имеющих отношения к Японии. Это вопросы понятийного аппарата теории международных отношений. Как известно, в западной политологии, а впоследствии и в некоторых советских работах Япония квалифицируется как «центр силы». Эта оценка обосновывается набором экономических показателей, — другими словами, сила определяется через экономический потенциал страны. Однако в работах классиков научного коммунизма даются иные толкования категории силы, из которых вытекает, что сила — категория не экономическая, а скорее политическая¹⁹. А является ли тогда Япония «центром силы»? Без попытки разобраться в этой категории и некоторых других (мощь, место, роль и т. д.) было бы сложно определить и место, и роль Японии в мире. Впрочем, в любом случае, как утверждает советский философ А. И. Ракитов, «терминологическая четкость и концептуальная прозрачность — необходимое условие серьезного обсуждения всякой научной проблемы»²⁰, условие, которому всегда следовали классики научного коммунизма. Достаточно вспомнить, с какой математической четкостью определяли К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин размытые термины «товар», «капитал», «стоимость», «классы», «империализм», «государство», «революция». Эта традиция вновь возрождается. Об этом можно судить, например, по монографии Н. А. Симонин «Страны Востока: пути развития» (М., 1975) и книге Г. Х. Шахназарова «Грядущий миропорядок» (М., 1981), в которых авторы не только объясняли используемые

ими термины, но некоторые из них вывели на понятийный уровень.

На наш взгляд, сама японская тематика, парадоксальное соотношение места и роли Японии в мире, побуждают исследователей обратиться к теории международных отношений. Не случайно наиболее близко к объективному пониманию некоторых понятий, в частности силы, подошли именно японские теоретики, а не западные. В этой связи следует назвать имя профессора М. Маруяма, который писал: «Сила определено является наиболее фундаментальной категорией, причем не только политической науки»²¹. В нашей работе мы не стали подробно останавливаться на крайне интересных взглядах М. Маруяма, поскольку это увело бы нас слишком далеко в область теории. Анализ его концепции требует особого исследования. В то же время надо сказать, что категориальный пласт теории международных отношений в Японии изучается более фундаментально, чем в западной политологии.

Основные задачи нашей работы, если их сформулировать в самом общем виде, сводятся к исследованию механизма формирования и выработки внешнеполитических решений, к анализу теоретических концепций и доктрин, к разбору деятельности Японии на международной арене с упором на основные направления этой деятельности (США, Западная Европа, Азия)²², в том числе выявлению форм и средств внешнеполитического воздействия, к которым прибегают правящие круги страны. Выводы по этим «частным» проблемам должны привести к оценкам более общего характера: места и роли Японии в мире и выявлению внешнеполитического профиля японского империализма.

Структура работы вытекает из вышеупомянутой концепции: первая ее часть посвящена формированию и выработке решений, вторая — внешнеполитической деятельности Японии.

Хронологические рамки исследования охватывают период 70-х — начало 80-х годов.

Идейно-теоретической основой и инструментом анализа внешней политики Японии при написании данной работы автору служили произведения основоположников марксизма-ленинизма.

Большое значение имели также материалы и документы КПСС, решения XXIV, XXV, XXVI съездов партии, Пленумов ЦК КПСС, выступления руководящих деятелей партии и правительства, в которых неоднократно давались характеристики внешней политики Японии, ее отношений с другими странами, в том числе и с Советским Союзом.

В своем исследовании автор опирался на накопленные знания, представленные в фундаментальных трудах по внешней политике и международным отношениям.

Существенную роль сыграли и работы советских ученых-теоретиков, в том числе системного направления, в частности В. Г. Афанасьева, Ф. М. Бурлацкого, А. В. Сергисва, Э. А. Позднякова.

Первостепенное значение при написании книги имела специальная японоведческая литература, в том числе работы И. Я. Бедняк, В. Н. Березина, И. И. Коваленко, Ю. Д. Кузнецова, И. А. Латышева, М. Г. Носова, А. Н. Панова, Я. А. Певнера, Д. В. Петрова, Н. Н. Соловьева, С. Л. Тихвинского и К. Е. Черевко.

Учитывая отсутствие у нас специальных исследований по японской политологии, автор привлёк большое количество работ буржуазных ученых, в первую очередь японских, в особенности тех, кого можно отнести к разряду «политических реалистов». Собранный ими фактический материал позволил глубже вникнуть в японские реалии в контексте раскрытия темы формирования и принятия внешнеполитических решений в стране. Принимались к сведению и некоторые выводы этих ученых, которые представлялись более или менее объективными. Вместе с тем мы не могли оставить без внимания и критики те или иные положения, фальсифицирующие политику собственно Японии или политику нашей страны.

Автор отдаёт себе отчет в том, что, несмотря на предпринятую попытку комплексно подойти к изучению внешней политики Японии, многие ее аспекты остались за рамками исследования. Очень важно, например, проследить масштабы влияния оппозиционных сил страны, прогрессивных партий, демократического движения на выработку официального курса Токио. Весьма актуальной исследовательской задачей является анализ позиции и действий Японии в отношении проблем мира и безопасности в Азии. Начало такому изучению положено упомянутой монографией И. И. Коваленко. В условиях нынешнего обострения международной обстановки, в том числе и в Азии, эта тема приобретает еще большую значимость.

Необходимо изыскивать и новые ракурсы в способах исследования. Автор считает, что весьма плодотворным было бы использование в этом смысле системного подхода, а может быть, и математических методов. Неисчерпаем объем проблем при изучении такого сложного понятия, как японский империализм в контексте общей политэкономической теории современного капитализма.

Япония не только одна из крупнейших держав капиталистической системы, роль которой, судя по всему, будет возрастать, но и страна, являющаяся нашим ближайшим соседом. И поэтому нам безразлично, каков будет характер этой роли, каким образом правящий класс в этой стране распорядится своим громадным экономическим потенциалом и возрастающей военной мощью. Объективный анализ и учет по возможности всех факторов, связанных с поведением Японии на мировой арене, является прямым долгом советских исследователей — международных и японоведов.

ФОРМИРОВАНИЕ И ВЫРАБОТКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЯПОНИИ

Предмет исследования

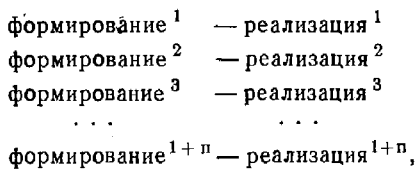
Прежде всего необходимо определить предмет исследования, что отнюдь не такое простое дело. За последние годы у нас и за рубежом вышло немало книг, в которых подняты вопросы понятийного аппарата науки о международных отношениях и внешней политике. Объективная потребность в упорядочении языка этих областей знания назрела давно, поскольку многие исследователи сталкиваются постоянно с тем, что одни и те же термины выражают различные понятия, а одно понятие может быть выражено различными терминами. Выход в свет ряда работ на эту тему еще не привел к единой систематизации понятийного аппарата — обнаружилось различные подходы, противоположные толкования тех или иных категорий, в том числе таких ключевых, как «внешняя политика» и «международные отношения». Это, видимо, естественно в ходе первых шагов в выработке современного понятийного аппарата.

Однако именно такое положение вещей вынуждает нас дать разъяснение относительно предмета исследования. Дело в том, что некоторые теоретики считают, что «процесс формирования означает и в теоретическом, и в практическом планах реализацию внешней политики. Осуществление внешней политики одновременно означает и ее дальнейшее формирование»¹. Последующие оговорки не снимают методических указаний авторов о том, что «структура процесса должна исследоваться одновременно как „по горизонтали“... так и „по вертикали“». (Под термином «по горизонтали» авторы имеют в виду непосредственную реализацию внешней политики, а «по вертикали» — внутренние процессы формирования внешней политики²). С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться, если иметь в виду, что по своей сути формирование и реализация внешней политики³ — это единый непрерывный диалектически взаимосвязанный процесс. Но *одновременно* весь процесс охватить невозможно именно в силу его непрерывности и текучести; анализ же любого его звена («по горизонтали» либо «по вертикали») непременно будет означать остановку этого потока «одновременности», нару-

шение его «естественного» течения. К сожалению, других методов познания наука еще не придумала. Но, как представляется, дело не только в этом. Любой процесс, в том числе и внешнеполитический, обладает временной и пространственной протяженностью, которая сразу же обнаруживается при рассмотрении какого угодно конкретного примера.

Для наглядности возьмем внешнеполитическую доктрину. Для ее разработки (или формулирования) необходимо время, которое приходится на фазу формирования. То, что можно условно назвать циклом производства доктрины. Следующая стадия — ее провозглашение (реализация) в сфере международных отношений, или «продажа» доктрины на мировом рынке, т. е. еще один цикл, который опять же обладает временной протяженностью, поскольку реакция на нее со стороны внешней среды не является одновременным актом. Учет действия этой доктрины на международной арене становится, таким образом, новым фактором формирования внешнеполитического курса. В результате доктрина прошла три фазы своего развития: этап первоначального формирования, реализацию и этап вторичного формирования. Все это — время обращения внешнеполитического действия, а переход от одной фазы к другой — это воспроизводство внешнеполитического процесса. Это, конечно, грубый, самый приближенный вариант описания внешней политики. В реальной жизни его процесс более многоступенчат, многослоен и прерывист в любой фазе. Существует масса примеров, показывающих, как в одних случаях сформулированная внешнеполитическая акция не доводилась до стадии провозглашения (реализации), а в других случаях — на перевод внешнеполитического действия из одной фазы в другую уходили годы и десятилетия. Поэтому говорить об «одновременности» внешнеполитического процесса — формировании и реализации — можно лишь на самом высоком уровне абстракции, без обращения к анализу реальной внешней политики.

В действительности же существует еще «политическое пространство», не однозначное с точки зрения функционирования каждой из разбираемых фаз. Причем оно «протянуто» не в виде горизонтальной цепочки: формирование — реализация — формирование — реализация..., а

т. е. процесс формирования внешней политики происходит в рамках национальной системы (левый столбик), тогда как реализация осуществляется в сфере международной системы (правый столбик). В результате каждая из фаз испытывает на себе воз-

действие различных факторов: в одном случае — внутриполитических сил и объективных внутригосударственных условий, в другом — международных сил и объективных мировых условий.

Еще одним признаком вычленения двух фаз выступает тот факт, что стадия формирования находится под контролем разрабатывающих внешнюю политику страны субъектов, т. е. эта стадия более субъективирована. В момент же реализации внешнеполитического действа «отрывается» от его носителя, теряет свои субъективные начала и приобретает объективные качества, т. е. выступает уже в качестве объективного фактора международных отношений.

Относительная самостоятельность этих двух фаз, наконец, отражена и в разделении труда во внешнеполитическом механизме государства: за каждую из них отвечают специализированные органы, например за «реализацию» — МИД, а за формирование — Совет национальной безопасности.

Во второй части работы будут рассмотрены и другие признаки стадии реализации внешней политики. Здесь же определим термин «формирование». Под формированием внешней политики мы понимаем одну из фаз внешнеполитического процесса, протекающего в рамках национальной системы под воздействием таких внутренних и внешних факторов, которые вызывают у системы (государства) объективную потребность вступить во взаимоотношения с внешним миром. В качестве важнейшего объективного фактора внутри государства выступает определенный (но не любой) уровень экономики, позволяющий производить излишки продукции, принимающие форму товаров, капитала и НИОКР. Наличие таких «излишков» порождает заинтересованность в их обмене на международной арене, что становится возможным на определенном историческом этапе в результате неравномерного, разноразмерного и разнотипного характера мирового производства (внешний объективный фактор). Следовательно, анализ формирования внешней политики требует учета группы экономических индикаторов, в том числе географического местоположения и природных условий, населения, уровня экономики и научно-технического потенциала.

Однако, чтобы эти объективные потребности, вызванные экономическим развитием страны, реализовались во взаимодействии, они должны пройти этап субъективизации, т. е. быть осознаны общественными силами в государстве — другими словами, принять форму интереса. Поэтому *интерес* — это субъективная форма выражения объективных потребностей общества. Но само по себе интерес не воплощается в политике. Политика начинается тогда, когда интерес трансформируется в цель. Общее между интересом и целью заключается в том, что и то, и другое отражает объективную потребность общества, различие же кроется в том, что первое *осознается*, а второе предполагает субъективную *деятельность* через институциональные механизмы

государства. Отсюда *цель*—это интерес в действии. Следовательно, внешняя цель выступает в качестве закона, детерминирующего характер деятельности и способ действия государства на мировой арене. Но на данном этапе внешняя цель представляет лишь идею о необходимости действовать. Такие идеи обычно воплощаются во внешнеполитических программах в виде концепций и доктрин. В процессе их формулирования особое значение придается роли и месту собственного государства в мире, а также оценке восприятия данного государства и его политики со стороны международной среды.

Но развитие явлений, определяемых цепочкой понятий потребность — интерес — цель — доктрина, протекает не в вакууме, а в конкретной социально-политической системе. Анализ последней дает возможность выявить классовую направленность внешней политики⁴.

Важны и другие моменты, проявляющиеся в формировании и реализации внешнеполитического процесса: исторические и национальные традиции, тип политического поведения, психологические факторы и т. д.⁵.

Естественно, что многие явления и факторы, связанные с формированием внешней политики, не найдут отражения в данной работе; некоторые из них будут затронуты только в форме постановки вопроса. В первой части работы делается попытка выявить внешнеполитические цели и задачи Японии, способы их достижения, сформулированные во внешнеполитических доктринах этой страны; воздействие на них группы экономических факторов и, наконец, разобраться в структуре и в функционировании механизма принятия внешнеполитических решений.

Глава первая

МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЯПОНИИ И ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Японо-американская политология о механизме принятия решений

На первый взгляд несложно ответить на вопрос, кто принимает решения в Японии: достаточно перечислить институты власти и в соответствии со степенью вовлеченности в управление производством и государством определить этажи власти каждого сегмента правящего класса. Такой анализ привел бы нас к выводу, что механизм политической власти в Японии хотя и обладает рядом специфических качеств, тем не менее в общих чертах отражает картину, характерную для ведущих капиталистических государств. Это вполне естественно — всех их роднит один и тот же социально-экономический строй. Но проблема состоит в том, что характер проявления власти в Японии существенно отличается от западных стереотипов, что и затрудняет поиск источника власти. И первыми, кто столкнулся с этой проблемой, оказались США. Это произошло на рубеже 60—70-х годов с «нашествием» японского текстиля на американский рынок. Неудачные попытки Вашингтона защитить интересы собственных компаний в этой «текстильной войне» политологи США объясняли тем, что Белый дом не учел, во-первых, специфику политической и институциональной структуры Японии, во-вторых, своеобразие политической культуры, включая и стиль ведения переговоров со стороны Токио. Авторы изданной в США в 1976 г. коллективной монографии «Формирование альянса: политика в американо-японских отношениях» отмечают, что американцы «преувеличивали роль правительства (японского. — Р. А.) в контроле над развитием экономики и внешней торговли» и, кроме того, не имели верного представления о месте и значимости статуса премьер-министра Японии⁶. Помимо этого, американская бюрократия, исходя из политических традиций США, вела переговоры по текстильным проблемам с представителями МИД Японии (в июне 1970 г.), в то время как значительно большим влиянием в разрешении данной проблемы обладало министерство внешней торговли и промышленности (МВТП)⁷.

Во второй половине 70-х годов вопрос исследования выработки внешней политики Японии приобретает еще большую актуальность. Это было вызвано не только упрочением экономических позиций страны, но и тем, что Япония демонстрировала способность выходить из перманентных кризисных ситуаций, присущих мировой системе капитализма, с меньшими потерями, нежели США и западноевропейские государства. Анализ внешней политики Токио, его поведения на международной арене становился недостаточным для ответа на вопрос, каким образом монополиям страны удавалось обходить острые межимпериалистические «углы» и продолжать наращивать свое экономическое присутствие почти во всех частях земного шара, в том числе на рынках США и Западной Европы. Поэтому внимание американских политологов, международныхников, социологов было вновь сконцентрировано на внутривнутриполитических факторах формирования внешней политики Японии, и главным образом на методах управления экономикой и политикой. До конца неясными оставались структура и механизм принятия решений в Японии. Известен вопрос Г. Киссинджера, который постоянно интересовался, кто же в конце концов принимает окончательное решение в японском правительстве?⁸ Этот вопрос впервые был высказан в 1975 г., в период правления кабинета Т. Мики, когда, по признанию японской прессы, создалась ситуация «двух премьер-министров» и «двух председателей партии (ЛДП.— Р. А.)».

Мы еще вернемся к этой теме. Однако следует оговорить, что первая трудность, с которой сталкиваются буржуазные исследователи в изучении проблем принятия решений в Японии, заключается в отсутствии единой теоретической базы или «общих принципов», а следовательно, единой «типологии» структурных блоков, составляющих механизм принятия решений⁹. При всей внешней схожести структурных частей политической системы Японии и других капиталистических стран первая обладает рядом специфических особенностей, во-первых, в функционировании структурных блоков, во-вторых, в самой технике, точнее, в процедуре принятия решений.

В японо-американской политологии наиболее распространенным является так называемый структурно-институциональный подход, который, в свою очередь, делится на две модели, или концепции: «элитарную» и «плюралистическую».

Сторонники «элитарной» модели исходят из того, что три группы сил — профессиональные политики, высшая бюрократия и крупный бизнес — образуют центральное ядро, формирующее и принимающее политическое решение. Взаимодействие между ними происходит по схеме, изложенной видным политическим деятелем Японии 50—60-х годов И. Коно, на которого постоянно ссылаются приверженцы данной концепции, в частности американский ученый Н. Тайер. «Бизнесмены, — говорил И. Коно, — влияют на политиков, последние контролируют бюрократов, бю-

рократы держат в курсе дел бизнесменов — а это создает естественную систему контроля и баланса»¹⁰. Данная схема имеет некоторые усложненные разновидности, представленные, например, профессором университета «Хитоцубаси» Т. Хосоя. Он считает, что «сердцевину власти в структуре принятия решений образует элитарная организация „единства 3-х“, состоящая из руководителей правительства и правящей партии, высшего слоя бюрократии и руководителей финансовых кругов». Эту модель Т. Хосоя называют «треножником», поскольку «тройка» (он использует русское слово) ЛДП, бюрократия, бизнес образует «горизонтальную» структуру и выступают в качестве «советников и помощников», т. е. в виде совещательной группы, «вертикально» связанной с центром принятия решений — другими словами, с премьер-министром и кабинетом министров¹¹.

Данной схемы с небольшими вариациями придерживается основная часть американских и японских политологов. Разновидности же проявляются в том, что одни подчеркивают силу воздействия бюрократического блока, другие акцентируют внимание на силе и мощи бизнеса.

Сторонников «плюралистической» модели объединяет идея о том, что каждый блок в структуре «3-х» не выступает как единое целое из-за противоречивых интересов групп, и это ведет, по выражению американского ученого В. Стеслика, к «диффузии силы на высшем уровне структуры формулирования политики в современной Японии»¹². Здесь имеется в виду фракционная борьба в ЛДП, отсутствие единства среди различных кругов японского бизнеса и определенное соперничество между бюрократическими ведомствами. Кроме того, по их мнению, «элитарная» модель не учитывает другие звенья в механизме принятия решений — парламент, оппозиционные партии, профсоюзы, средства массовой информации, группы давления. Такой подход характерен, например, для Д. Хеллмана, Дж. Паккарда, М. Вайнштейна, А. Ватанабэ, Х. Ханаи¹³.

Помимо этих двух моделей, в основе которых лежит анализ структуры механизма принятия решений, предлагаются другие варианты исследования разработки внешней политики Японии. Профессор Калифорнийского университета Х. Фукуи, один из крупнейших американских специалистов в данной области, выдвигает так называемую «функциональную» модель, претендующую на статус «общей типологии». Суть ее сводится к тому, что министерства и агентства правительства, а также их подразделения несут ответственность за разрешение проблем в особой функциональной сфере. Таким образом, формируются «организации правительственной бюрократии, которые представляют собой типологию сфер политических проблем»¹⁴. Следовательно, по Фукуи, анализ должен строиться по принципу «функционального разделения национальных общественных служб». Для этого, по мнению ученого, необходимо, во-первых, выделить акторов¹⁵ и лиц, принимающих участие в решении проблем,

во-вторых, выяснить соотношения между проблемами, в-третьих, выявить эволюцию проблем и длительность процесса. На этом же этапе предлагается проанализировать различие в характерах ролей: центральных или периферийных, прямых и регулярных или косвенных и спорадических, обладающих властью, весом и влиянием или не обладающих этими признаками. Эта же стадия требует выяснения типов акторов в терминах восприятия проблем (т. е. анализ перцепции) и вовлеченность в них.

На втором этапе анализа, считает Х. Фукуи, необходимо выяснить: 1) степень и каналы взаимосвязи проблем, 2) как восприятие проблем действует на акторов, 3) как этот феномен проявляет себя на политическом выходе. На протяжении всего анализа надо иметь в виду, что формулирование политики—это исторический процесс, а политические проблемы есть переменная в этом процессе¹⁶.

Сходных с Х. Фукуи взглядов на метод исследования механизма принятия решений придерживается американский ученый Б. Ричардсон, которого также не удовлетворяет способ «довольно простых структурных парадигм». Он исходит из того, что «политический процесс можно рассматривать как достаточно постоянные потоки функционально дифференцированной активности. Другими словами, разработка политики—это мириады достаточно непрерывных операций и множество „мини- и макси-решений”». «Три основные причины действуют в японской политической жизни: защита интересов, политический выбор и институциональные позиции». Для достижения необходимого политического решения акторы, преследующие какие-либо интересы с целью получения политических выгод, должны обладать влиянием. Иными словами, «политическая выгода — мотивация поведения, влияние же — это поведенческий феномен, включающий в себя манипуляцию поведением актора со стороны другого актора».

В процессе политического потока действующие лица выступают в различных ролях, определенных их «институциональными позициями»: защитников интересов; политиков, принимающих решение; политиков, ратифицирующих решения; реализаторов, интерпретаторов, информаторов мнений и консультантов, причем каждая «институциональная» организация или личность в зависимости от проблем или сопричастности к интересам и выгодам может выступать в одной или многих ролях одновременно¹⁷. Несмотря на внешнюю усложненность, Ричардсон в общем-то говорит о простых вещах. Так, интерпретаторами выступают средства массовой информации, реализатором — аппарат внешней политики и т. д. Пожалуй, единственное отличие подхода Ричардсона от «простых» структуралистов сводится к тому, что он пытается выяснить функциональные свойства структурных ячеек, подчеркивая неоднозначность их роли. Безусловно, схема последовательного анализа, предложенного Х. Фукуи и Ричардсоном, имеет определенный смысл, если говорить в це-

лом о процессе формирования и осуществления внешней политики. Но она практически малопродуктивна с точки зрения анализа механизма принятия решений, т. е. того участка, который, хотя и связан с формированием и осуществлением политики, но обладает относительной автономностью, самостоятельностью. Правда, оба автора указывают на сложность, а порой и невозможность отделить «выработку политики» от «осуществления политики». Более того, Ричардсон категорически выступает против тезиса о том, что «осуществление политики лежит за сферой анализа парадигмы формулирования политики», считая, что осуществление и формулирование «неразрывно связаны в реальном мировом процессе»¹⁸. Конечно, все это так. И об этом мы говорили выше. Профессор Корнельского университета Т. Пемпел для полноты анализа предлагает включить в исследование разбор идеологического фактора, конфликтные и неконфликтные ситуации, политические отклонения, фактор техники в политике, соотношение проблем и политической структуры и т. д.¹⁹

И все-таки подобный подход вызывает принципиальное возражение. Во-первых, если допустить, что факторы, предложенные для анализа Фукуи, Пемпелом, Ричардсоном и другими сторонниками подобного направления, действительно относятся к «выработке», «деланию политики», их просто было бы невозможно учесть во взаимосвязи по той простой причине, что разбор только пяти факторов дает 25 связей. Но главное возражение состоит в другом. Предложенные факторы имеют отношение к процессу формирования внешней политики, но не к механизму принятия решений (механизм не равен процессу), хотя, конечно, в некоторой опосредованной форме воздействуют на этот механизм. Не случайно и сами упомянутые авторы при анализе конкретных проблем обходятся без своих же собственных рекомендаций.

Кроме того, столь дробная детализация по «институциональным позициям» и ролям акторов размывает иерархическую значимость наиболее влиятельных сил, участвующих в принятии решений, и предполагает разбор несущественных акторов, что искажает реальную действительность. Так, у Ричардсона на один уровень влияния ставится вице-председатель ЛДП, министерство иностранных дел, МВТП и т. д. Правящую партию он дробит на ряд самостоятельных акторов (Специальный комитет по проблемам Окинавы, Комитет по исследованию внешней политики, Ассоциация азиатских проблем). Вместе с тем из сферы анализа почему-то исключается деятельность бизнеса Японии. Искажаются и роли тех или иных акторов. Ричардсон пишет, что адвокатами закупки военной техники из США выступают УНО и министерство финансов, а премьер-министр является всего лишь «консультантом». Однако деятельность К. Танака в качестве главы кабинета, непосредственно принявшего участие (правда, весьма неудачно) в закупках американских самолетов

«Локхид», как нельзя более красноречиво опровергает теоретические постулаты американского профессора.

Внешне противоположные тенденции в исследовании принятия решений в Японии — от сужения предмета до безграничного его расширения — независимо от того, делается это сознательно или бессознательно, заранее обрекают на невозможность ответить на вопрос, кто же правит Японией. Как пишет по этому поводу американский ученый из Стэнфордского университета Р. Уард, «в системах, в которых власть и силы, принимающие решение, размыты, чрезвычайно трудно определить ответственность за правительственную политику „действия“»²⁰.

А раз так, то некого винить за неудачные решения, за провалы в политике. Эти иррациональные концепции и подходы как нельзя кстати отвечают интересам господствующих классов, поскольку они являются не чем иным, как попыткой скрыть, по словам В. И. Ленина, самое существенное в политике — это «устройство государственной власти»²¹.

Советская политическая наука, опираясь на теоретическое наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, накопила большой опыт в анализе политических направлений и школ Запада и самого предмета внешнеполитического механизма и процесса принятия решений в капиталистических странах²². В работах советских ученых вскрыты методологические пороки концептуальных основ буржуазной политической мысли, для которой характерны отрыв внутренней политики от внешней, отсутствие анализа сопряженности процесса принятия решений с политической системой общества, а следовательно, игнорирование взаимосвязи власти, задающей социально-классовые детерминанты, с механизмом разработки внешней политики.

Кроме того, западная и японская политология не совсем четко представляет себе место механизма принятия решений в процессе формирования внешней политики. Вполне очевидно, что правом принимать решения наделены такие политические единицы, которые обладают властью, поскольку политическая власть «характеризуется реальной способностью класса, группы, индивида проводить свою волю, выраженную в политике и праве»²³. В капиталистическом обществе такой властью обладают монополии и осуществляют ее посредством государства и собственных негосударственных организаций (партий, союзов). Но в политической организации буржуазного общества помимо государственных институтов существуют противостоящие им силы в лице оппозиционных партий, движений, идеологий. Хотя последние и не участвуют непосредственно в принятии решений, однако они оказывают влияние на их формирование. Другими словами, в процесс формирования включены (прямо или косвенно) практически все силы, составляющие политическую организацию общества, а в принятие решений — только те, которые обладают реальной властью в этом обществе. Следовательно, анализ процесса принятия внешнеполитических решений, таким:

образом, упирается в исследование механизма политической власти монополий и государства. Причем он должен быть рассмотрен в контексте двух взаимосвязанных аспектов: в институциональном плане как совокупность политических учреждений господствующего класса (т. е. его структурные блоки) и с точки зрения их функционирования, проявляющегося в способах, приемах, методах, с помощью которых монополии и государство осуществляют реализацию своей власти в сфере политики.

Японский финансово-монополистический капитал, власть и государство

Из предыдущего раздела видно, что буржуазные политологи исходят из формальной процедуры работы внешнеполитического механизма, определяемого правовой нормой буржуазной Японии, в соответствии с которой центральным звеном выступает кабинет во главе с премьер-министром и парламент. Однако реальная структура механизма власти не совпадает с нормативной, причем разрыв между первой и второй в современных буржуазных обществах зависит как от соотношения классовых сил внутри общества вообще, так и от соотношения власти монополий и государства в частности.

В период классического капитализма вся политическая власть находилась в руках государства, буржуазия обладала собственностью, богатством. Ф. Энгельс писал: «Буржуазия покупает свое постепенное общественное освобождение ценой немедленного отказа от собственной политической власти»²⁴. Но по мере образования монополий и объединения их с буржуазным государством, приведшего к формированию ГМК, одновременно происходило и слияние политической и экономической власти в единую государственно-монополистическую власть. Внутри этого сложного организма происходит единое по своей классовой направленности взаимодействие всех звеньев государственно-монополистической системы, «не исключающее вместе с тем столкновений внутриклассовых интересов в отношении государственного сектора»²⁵ и, мы бы добавили, в отношении тех или иных аспектов внешней политики. Причем власть монополий в силу концентрации огромного экономического потенциала в руках сравнительно небольшой группы может проявлять себя и как политическая в обход государственных институтов²⁶. А это означает, что монополии, их объединения могут проводить политику, в том числе в какой-то степени и свою внешнюю политику, самостоятельно, не проходя, так сказать, стадию «огосударствления», что оспаривается некоторыми авторами, упомянутыми во Введении.

В. И. Ленин, неоднократно подчеркивая «силу капитала», «всевластие капитала», писал: «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях (курсив наш. — Р. А.),

что он способен подчинить себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью»²⁷. Этот вывод В. И. Ленина остается актуальным и по сей день, хотя и продолжает иметь хождение тезис «государственников» о том, что только государство есть средоточие политической власти (так как оно обладает суверенитетом) и что только государственные действия носят политический характер²⁸. Если последовательно придерживаться такого взгляда, то он непременно приводит к выводу, который сделал, например профессор Парижского университета П. Бирнбаум: предприниматели — это «слуги государства», а последнее «диктует обществу свою собственную логику»²⁹.

На самом же деле, как писал К. Маркс, «вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство»³⁰. И в этом гражданском капиталистическом обществе решающая политическая власть, хотя и не закреплена никакими конституциями, находится в руках монополий.

Современная капиталистическая Япония представляет собой страну, в которой «процесс сращивания банковских, промышленных и других монополий привел к образованию устойчивых монополистических объединений гигантского масштаба с многоотраслевой структурой в виде финансовых (или финансово-промышленных) групп»³¹. По расчетам японского профессора К. Имаи, доля монополизированного сектора в масштабе национальной экономики в 1970 г. составляла 21,5 % общей стоимости внутренней продукции, в обрабатывающей промышленности — 35,2%, а в некоторых областях тяжелой и химической промышленности, например в производстве нефтепродуктов, достигала 78,6, в черной металлургии — 65,6, электротехники — 45,3 %³².

Доминирующие позиции в монополистическом секторе занимают шесть финансово-промышленных групп: Санва с количеством корпораций 4430, Иккан — 3530, Фуё — 3420, Мицубиси — 3000, Мицуи — 2850, Сумитомо — 1635³³.

Обладая огромным экономическим богатством, японский монополистический капитал имеет все возможности оказывать влияние на институты политической власти и тем самым активнейшим образом участвовать в процессе принятия решений. Но поскольку в Японии действуют и другие, менее мощные корпорации, буржуазные исследователи подвергают анализу степень и уровень приобщения к механизму власти и принятию решений различных слоев японского бизнеса. Японские политологи подчеркивают, что финансово-экономические круги не представляют собой единства и поэтому подразделяются по своему влиянию и функциональным связям на несколько категорий. При этом они до сих пор не смогли выработать единого терминологического аппарата для определений различных пластов японской буржуазии. Знают механизм связей деловых кругов с полити-

ками, посланник Японии в ООН С. Огата делит верхний слой истеблишмента на три группы или категории: финансовые (дзайкай), промышленные (гёкай) и предпринимательские (кигё) круги, среди которых дзайкай является выразителем интересов «всего капитала» и представляет экономику всей страны. Эти группы он считает возможным обозначить одним термином: «промышленно-финансовые круги» (кэйдзайкай)³⁴.

Т. Хосоя усматривает разницу между первыми двумя группами в том, что гёкай, действующая в качестве «группы давления», стремится оказать влияние через различные бюрократические организации, «играя роль охранительницы общих экономических интересов крупного бизнеса». Дзайкай же, не забывая об этих интересах, учитывает и «идеологические моменты», т. е. подходит к решению проблем с более широких, классовых позиций. Стоя правее гёкай, эта группа, по уверению Хосоя, более либеральна, чем политические круги и бюрократия, поскольку ей не чужда гибкость и реалистичность в отношениях с государствами иных социально-политических систем³⁵.

Профессор университета Сайтама С. Мисава утверждает, что именно термин «дзайкай» (а не кэйдзайкай, как считает С. Огата) выступает в качестве обобщающего понятия, обозначающего правящую верхушку японского бизнеса, в которую входит, во-первых, кэйдзайкай (промышленно-финансовые круги), дзицугёкай (деловые круги) и сангёкай (промышленные круги); во-вторых, экономические и предпринимательские организации общенационального и регионального масштаба; в-третьих, экономические организации — посредники между деловым миром и государственными учреждениями или структурно интегрированные в эти учреждения³⁶. С. Мисава, правда, не дает разъяснения относительно содержательной сути терминов «промышленно-финансовые», «деловые» и «промышленные круги». Если последний термин ясен, то, судя по всему, первый — означает лиц, возглавляющих предпринимательские союзы и непосредственно связанных с государством, а «деловые круги» используются для обозначения тех бизнесменов, которые заняты в сфере финансов и торговли.

К. Маркс, как известно из серии его работ о классовой и политической борьбе во Франции периода 1830—1850 гг., делил буржуазию на различные группы по принципу источника их обогащения и «разделение труда» в управлении государством (финансовая аристократия, земельная, промышленная буржуазия)³⁷. В то время столкновения между различными слоями буржуазии и одновременно некоторой ее частью с государственной властью были одной из важнейших причин социальных потрясений во Франции. Без анализа этих противоречий невозможно было бы понять зигзаги в ходе политической борьбы за «долю власти» или за приобщение к государственной исполнительной власти на всем протяжении домонополистической стадии развития капитализма.

В эпоху империализма, особенно в ее нынешней фазе, картина иная. Масштабы реальной власти монополий достигли таких размеров, что им фактически не с кем делить эту власть. Возникающие же противоречия или автономные интересы внутри монополизированной буржуазии «большой бизнес» разрешает и нивелирует в своих неправительственных «исполнительных» органах, которым подчиняются практически все крупные монополии Японии.

К экономическим организациям общеяпонского масштаба относятся так называемые «четыре монархии»: Федерация экономических организаций (Кэйданрэн), Японская торгово-промышленная палата (Ниссё), Ассоциация предпринимательских организаций (Никкэйрэн) и Общество единомышленников по вопросам экономической политики (Кэйдзай доюкай).

Именно в этих организациях вырабатывается общая экономическая и политическая программы, с которой дзайкай — финансово-промышленная олигархия — единым фронтом «выходит» на государство. Поэтому совершенно ясной становится причина, по которой японские буржуазные ученые «дробят» монополистический капитал на несколько слоев. Тем самым они пытаются доказать распыление власти монополий, отсутствие у них единства, а значит, и неспособность оказывать решающее воздействие на государственные органы власти и, следовательно, играть ключевую роль в процессе формирования политики и принятия решений. И именно поэтому все они, признавая, что дзайкай является частью «силовой элиты» (Т. Хосоя), или «руководящей элитой» (С. Мисава), приуменьшают значение влияния финансово-промышленных кругов на выработку политики. В лучшем случае они сводят значение дзайкай к роли «советчиков». Т. Хосоя пишет: «Если говорить о рамках анализа теории политических решений, то, будучи группой вне механизма принятия публичных политических решений, дзайкай является «внутригосударственной средой». Если же рассматривать ее действительную функцию, то она является одним из столпов 3-х... и через механизм личностных связей с бюрократией, и через политические жертвования выступает в качестве влиятельной *организации советчиков* (курсив наш.— Р. А.) в процессе политических решений»³⁸. Такая точка зрения «логично» вписывается в горизонтально-вертикальный «треножник» Т. Хосоя, который, правда, не является «сбалансированным». Дисбаланс проистекает из того, что «если рассматривать в целом уровень вовлеченности и степень влияния на процесс принятия политических решений, то они (дзайкай) по сравнению с двумя другими объединениями — бюрократами и членами ЛДП — по силе относительно слабее»³⁹. В результате система «треножника», выглядит следующим образом: «советники» в лице бюрократов, ЛДП и дзайкай; над ними — кабинет во главе с премьер-министром. Если перевернуть этот «треножник» с головы на ноги, то все станет на свои места. Даже тот же Т. Хосоя, вопреки своей «логичной» кон-

цепции, вынужден признать, что, хотя степень причастности и «обнаружения» влияния бизнеса на политику весьма призрачна, так как этот процесс взаимосвязей носит сознательно скрытый характер, все же, когда наступают кризисные ситуации в стране, бизнес «открыто» встает на позиции сознательных «защитников» системы и непосредственно вмешивается в политические проблемы, «оказывая внушительное влияние на процесс внешнеполитических решений»⁴⁰.

С. Мисава в этом смысле более откровенен. В противовес своему же мнению о том, что дзайкай — это часть «правлящей элиты», он утверждает, что дзайкай не является представителем «частного капитала», т. е. капитала, который принадлежит тому или другому члену дзайкай. Дзайкай, считает Т. Мисава, «необходимо рассматривать как объединение правящей элиты, которое управляет экономикой, политикой и обществом, исходя из интересов всего капитала»⁴¹.

Приобщение дзайкай к политике после второй мировой войны произошло не сразу. Это было вызвано многими причинами. Одна из них заключалась в том, что на основе закона о декартелизации (в конце 40-х годов) были раздроблены и разъединены старые японские монополии (дзайбацу и гумбацу). Новые же монополии, связанные с такими именами, как К. Мацусита, С. Идэмицу, К. Игимура, С. Хонда, М. Ибуки, занявшие в последующем доминирующие позиции в экономике, в начале 50-х годов не обладали реальной властью: они находились в стадии становления. Наконец, в условиях оккупации и некоторое время после нее японская внешняя политика находилась практически в руках американцев и их откровенных ставленников. Например, в период правления кабинета С. Есида (1948—1953 гг.) действительная власть японских монополий еще не достигла той степени, чтобы эффективно участвовать в принятии внешнеполитических решений. Однако по мере наращивания экономического могущества роль «среды» перестала удовлетворять монополистические круги Японии. Дзайкай проявила склонность самостоятельно, без промежуточных посредников участвовать в решении политических проблем; в результате, выражаясь словами С. Мисава, произошла «своеобразная политизация организаций», и прежде всего упомянутых «4-х империй», точнее, для того времени «4-х княжеств».

Эта «четверка» не представляет какую-либо одну промышленно-финансовую группу, пусть даже такую крупную, как Мицубиси, Мицуи, Санва или Иккан.

«Четверка» объединяет конгломерат самых крупных финансовых и промышленных групп и объединений, контролирующих более половины японской экономики. Это те самые, по словам В. И. Ленина, «всесильные союзы монополистов», которые планируют не только темпы, масштабы, структуру японской экономики, но и деятельность своих политических представителей на всех уровнях власти: будь то кабинет, партия или бюрократия.

С. Мисава не прав, когда утверждает, что дзайкай является как бы промежуточным звеном между «политикой» и «экономикой». Промышленно-финансовая олигархия в отношении с государством занимает не просто место, которое можно было бы охарактеризовать как интегральные части капиталистической социально-экономической системы. Взаимоотношения между частями такие, когда «капитал, раз он существует, господствует над всем обществом... Сила капитала — все, биржа — все, а парламент, выборы — это марионетки, куклы...»⁴².

В иерархии предпринимательских союзов на вершине могущества стоит Кэйданрэн, президента которого неофициально именуют «финансовым премьер-министром»⁴³. Кэйданрэн обычно осуществляет стратегическую и тактическую деятельность по формированию государственной экономики и политики. Кэйдзай доюкай разрабатывает альтернативные курсы и новые методы регулирования экономики и политики страны, поэтому эту ассоциацию часто называют «мозговым трестом». Давая оценку влиянию союзов японских монополий, швейцарский еженедельник писал: «Правительство представляет собой „исполнительный орган“, которому могут принадлежать экономические организации, наподобие Кэйдзай доюкай... в течение десятилетий просто до деталей предписывают, что ему следует делать»⁴⁴.

Безусловно, подобная оценка несколько преувеличена. До деталей крупный бизнес не снисходит, а вот предписывание главных требований, которым должно следовать правительство, действительно имеет место. Они сводятся к трем: 1) сохранить систему «свободного предпринимательства» в стране; 2) не доводить фракционную борьбу внутри правящей партии до ситуации, способной привести к потере политической власти; 3) отстаивать международные позиции японского монополистического капитала в конкурентной борьбе с их классовыми союзниками — экономическими соперниками.

Конечно, свое влияние на политику японский бизнес не склонен афишировать, и, как отмечают все исследователи данной проблемы, оно осуществляется «ни в коем случае не прямо, а скрыто», что дает повод некоторым считать, что дзайкай «умер». Реальная деятельность финансово-промышленной олигархии подрывает основу для подобных утверждений. Другое дело, что влияние дзайкай на политику в настоящее время становится менее видимым, более скрытым в отличие, скажем, от периода правления Н. Киси или Х. Икэда (1957—1964). Политические круги учитывают, что японская общественность негативно относится к их связям с бизнесом. Полностью игнорировать позиции японского населения «чистые» политики не могут хотя бы уже потому, что они нуждаются в их голосах на выборах. И поэтому стремление закамouflировать свои отношения с монополиями выглядит вполне естественным и даже необходимым.

Тем не менее эти связи существуют, и существует огромное влияние дзайкай на политику. И оказывает оно его хотя и «косвенно», но зато тем «вернее». Ф. Энгельс и В. И. Ленин указывали две формы воздействия бизнеса на политиков: прямой подкуп чиновников; союз правительства с биржей⁴⁵. В Японии также прослеживаются эти формы. Основным рычагом воздействия на правящую партию являются денежные субсидии (политические пожертвования), поступающие в казну ЛДП через различные комитеты и ассоциации. К официальным организациям подобного рода относятся: Комитет по перестройке экономики (Кэйдзай сайкэн конданкай), Ассоциация свободного народа (Дзию кокумин рэнго), Народная политическая ассоциация (Кокумин сэйдзи кёкай). В самой ЛДП сбором денежных средств занимается Партийный комитет (Тофусацу конданкай). Но значительная часть средств поступает через неофициальные каналы.

Непосредственное общение бизнесменов и высших политиков осуществляется во время встреч членов различных обществ. При премьер-министрах Э. Сато, К. Танака и Т. Мики каналом связи с Кэйдзай доюкай служило Общество третьего четверга (Санмоккай), где в третий четверг каждого месяца члены ЛДП выслушивали «советы» Кэйдзай доюкай.

В годы правления К. Танака (1972—1974) особую значимость приобрели два общества: Общество понедельника (Гэцуёкай) и Общество обновления (Исинкай). В первом из них большой бизнес представляли тогдашний президент Кэйданрэн К. Уэмура и его заместитель Т. Доко, а также президент Ниссё С. Нагано; членами второго общества были крупнейший нефтепромышленник Х. Имадзато, президент Промышленного банка Японии С. Накаяма, председатель Кэйдзай доюкай К. Кикавада и тот же С. Нагано.

Связующим звеном между бизнесом и МИД служило Общество пятницы (Киньёкай).

В период кризиса ЛДП в 1975—1977 гг., когда по инициативе премьер-министра Т. Мики были распущены все фракции, в партии возникли различные «группы по изучению политики», куда входили и представители финансовой олигархии.

В 1976 г. по инициативе почетного президента Никкэйрэн Т. Сакурада и Х. Имадзато было организовано общество для поддержки М. Охира (Сюмпокай). В это общество вошли также С. Нагано, Х. Хюга (президент Канкэйрэн), Б. Оцуки (президент Никкэйрэн) и В. Тадзицу (советник банка «Мицубиси»). После смерти М. Охира эти влиятельные лица стали поддерживать Д. Судзуки через ту же самую организацию, которая, правда, стала называться Сюнкокай. Эти же бизнесмены создали еще одно объединение для поддержки Судзуки — Сэйрэйкай, в котором большим влиянием пользовались сторонники С. Нагано.

Наконец, последним такого рода образованием является общество Сэйкокай, сформированное в марте 1983 г. по инициативе того же С. Нагано для «связей» с премьер-министром Я. Накасонэ. Сначала в это общество вошло 64 бизнесмена. На открытии Сэйкокай С. Нагано заявил: «Невозможно искусно играть в гольф с одним закрытым глазом, поскольку трудно правильно определить дистанцию. Премьер-министра, не пожелавшего войти в тесный контакт с деловыми кругами, можно было бы сравнить с одноглазым игроком в гольф»⁴⁶. Японские газеты так прокомментировали эти слова: «Нагано хотел сказать, что премьер-министр не сможет формулировать приемлемую политику, если он откажется выслушивать откровенное мнение бизнеса»⁴⁷. Напоминание более чем лишнее для Накасонэ, который давно имеет «дружеские отношения» с президентом торгово-транспортной корпорации «Токою» Н. Гото, вице-президентом компании «Фудзицу» С. Акадзава, с почетным президентом компании «Коданся» С. Нома, с советником банка «Мицуи» Г. Кояма и с Е. Миура из группы Мицубиси.

Обращает на себя внимание, что во всех перечисленных организациях встречаются одни и те же лица. Для Японии это неудивительно. По подсчетам журнала «Эйшауик», к некоронованным королям этой страны относятся около 190 человек, среди них 25—30 человек — на самой вершине могущества, у которых достаточно финансовых и иных средств, чтобы суметь навязать кабинету любые решения, удобные бизнесу, или, как они говорят, «натицу»⁴⁸.

Это не означает, конечно, что финансово-промышленным кругам необходимо постоянно прибегать к методам давления на правительство или — в более широком смысле — на государство. Союз между ними добровольный, взаимовыгодный и, главное, объективно взаимообусловленный. Он питается общими классовыми корнями — марксистская истина, с которой вынуждены соглашаться и многие буржуазные ученые. «В то время как корпорации контролируют экономические условия, обеспечивающие благоприятный социальный и политический климат, государство создает условия для обеспечения благоприятной структуры налогообложения, создания рынков для товаров, растущей социализации инвестиций, регулирования фискальной и внешней политики, проводимой в интересах бизнеса», — так пишет американский политолог из университета Северного Кентукки М. Марджер⁴⁹.

Вместе с тем, когда мы говорим о дзайкай как силе, формирующей внешнюю политику и принимающей участие в разработке внешнеполитических решений, это отнюдь не означает, что ее участие в этих процессах сводится к простому финансовому донорству правящей партии и представителей исполнительной власти. Этим сопричастность финансово-промышленных кругов с политикой не ограничивается. Японские магнаты непосредственно приобщены к формулированию внутри- и внешне-

политического курса страны. Закономерным является тот факт, что идеи нынешней административно-финансовой реформы, плодами которой, если она будет осуществлена, прежде всего воспользуются монополии, были почерпнуты чуть ли не дословно из программ, изложенных такими патриархами делового мира, как Т. Доко и Ё. Инаяма. И хотя все звенья механизма принятия решений взаимосвязаны (бизнес — партия — бюрократия), эти связи не равноценны по своей значимости и по силе воздействия. Дзайкай — это, образно говоря, голова и сердце этого механизма; ЛДП и бюрократия — его руки, манипуляторы. Поэтому утверждение, что «монополистические круги, обладающие важнейшим рычагом — финансами, не могут обойтись без информационного обеспечения со стороны МИД»⁵⁰, не отражает реального положения вещей. Во-первых, потому, что МИД сам испытывает нехватку материальных ресурсов и кадров (об этом будет сказано ниже). Во-вторых, и это главное, дзайкай обладает своими внешнеполитическими ведомствами, превосходящими государственные по финансовой мощи, по информационным и людским ресурсам. Например, при Кэйданрэн существует своеобразный собственный МИД — Комитет по развитию сотрудничества за рубежом (Кайгай кайхацукёрёку кёгикай), осуществляющий планирование и деятельность на международной арене в интересах этой экономической группировки.

Прямое участие во внешней политике имеет под собой и более серьезное основание. Дело связано с внешней торговлей. Еще К. Маркс писал, что «производственные отношения Франции обуславливаются ее внешней торговлей, ее положением на мировом рынке и законами этого рынка... Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразовала по-своему все отношения собственности; а этой степени могущества промышленность может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала мировой рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития»⁵¹.

Для Японии это особенно важно, и об этом мы будем говорить отдельно. Здесь достаточно указать, что экономические интересы монополий и вообще развитие японской экономики реализуется и осуществляется в значительной степени за счет внешнеэкономической активности. Об этом красноречиво говорят следующие цифры: ее доля в темпах роста японской экономики в 1975 г. составляла 44%, в 1976 — 29, в 1977 — 19, в 1978 — 135 (причем 35% надо отнести за счет внутренней активности, точнее, пассивности), в 1979 — 9,4, в 1980 — 89, в 1981 — 63%⁵². Такие цифры не могут позволить монополиям оставлять на откуп политикам и бюрократам решать внешнеполитические вопросы без их участия. Более того, во внешнеполитической деятельности монополистической буржуазии уже давно утвердилась практика обходиться без промежуточных звеньев в лице правительства или других государственных орга-

нов, например МИД. Этот механизм приводится в действие (в Японии он получил название «частная экономическая дипломатия» — минкан кэйдай гайко), когда бизнес считает, что правительство не способно разрешить какие-либо сложные, крупномасштабные международные проблемы, или тогда, когда поведение правительства не устраивает монополии. В отличие от политических кругов, которые склонны в некоторых случаях принести «экономические жертвы» в угоду каким-либо политическим акциям, деловые круги не идут на это, просто игнорируя «советы» правительства. Так, во время визита в Европу в 1981 г. премьер-министра Японии Д. Судзуки, на которого обрушился гнев представителей Общего рынка в связи с проникновением японского бизнеса на рынки западноевропейских стран, Д. Судзуки обещал довести их требования до сведения дзайкай. Однако японский бизнес пропустил «советы» главы правительства мимо ушей и продолжал наращивать свое экономическое наступление на Западную Европу.

Показательным было также поведение бизнеса в отношениях с Советским Союзом. Заинтересованные в развитии советско-японского экономического сотрудничества, деловые круги Японии в 60-х годах, вопреки негативной позиции правительства, проявили инициативу в налаживании диалога с советской стороной. Так, после визита в СССР в июле 1965 г. С. Нагано в том же году был учрежден 1-й советско-японский экономический комитет в Токио, деятельность которого дала толчок дальнейшему развитию советско-японских торгово-экономических отношений.

Любопытно, что через 18 лет, когда советско-японские отношения вновь подверглись серьезным осложнениям в результате усиления антисоветского курса, по инициативе того же С. Нагано была организована в феврале 1983 г. крупномасштабная поездка японской делегации деловых кругов в СССР, в состав которой входило 252 человека. Значение этого визита, давшего определенный импульс торгово-экономическому сотрудничеству между странами, заключалось, кроме того, и в том, что он был осуществлен вопреки жесткой негативной позиции правительства.

Весьма решительно вел себя бизнес во время «нефтяного кризиса» конца 1973 г. В ЛДП и в правительстве не было единого мнения о том, какую позицию занять: встать ли на сторону арабов или на сторону американцев? Возникли серьезные трения между «традиционно» проамериканским МИД, возглавлявшимся в тот период М. Охира, и МВТП, главой которого был Я. Накасонэ. Как всегда в таких случаях, последнее слово сказали лидеры Кэйданрэн. Обладая более ценной и обширной информацией о Ближнем Востоке, чем дипломатическое ведомство, а также проанализировав итоги двухнедельного визита президента компании «Арабу сэкию» С. Мидзуно в Саудовскую Аравию и Кувейт, они «порекомендовали» правитель-

ству занять проарабскую позицию, что и было неукоснительно выполнено⁵³.

Вместе с тем диалектическое взаимоотношение между монополистической буржуазией и государством таково, что одно без другого существовать не может. Приведенные выше примеры не должны восприниматься как противопоставление монополий государству и наоборот. Речь идет об относительной самостоятельности и ведущей роли японского капитала в рамках ГМК. Относительной самостоятельностью в буржуазном обществе обладает и государство, поскольку оно выступает в качестве «комитета», отстаивающего общие интересы всего класса буржуазии, а не только монополизированной в борьбе против всех врагов капиталистического строя. «Всякий *общий* интерес,— писал К. Маркс,— немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* интерес, вырывался из сферы самостоятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности»⁵⁴.

Еще большее значение приобрела эта деятельность в современную эпоху. Внешнеполитический процесс ныне настолько усложнился, что планирование, прогнозирование, сведение интересов мелкой, средней и монополистической буржуазии к единому знаменателю (относительному, конечно) невозможно без профессиональных аналитиков, без информационной базы и поисков информации, а также без использования новейших способов управления обществом. Регулятивная роль государства возрастает и в связи с обострением противоречий во всей капиталистической системе, оборачивающихся время от времени острыми кризисами, что требует общих усилий монополий и государства для их разрешения. В свою очередь, усилившаяся классовая борьба в каждом из капиталистических обществ заставляет власть капитала, как власть меньшинства над большинством, постоянно опираться на принудительные средства «защиты», т. е. государственную машину. Наконец, конфронтация двух политических систем вынуждает капитал обращаться к централизованным органам, способным агрегировать в себе интересы всех группировок монополистической элиты и отстаивать их в борьбе с социализмом и национально-освободительным движением. При этом классовое обличье государства определяется не только тем, что оно поддерживает и выражает интересы крупной буржуазии, оно само является собственником. Власть без собственности столь же иллюзорна, как и собственность без власти. Таким образом, идеологическое родство двух видов власти, наличие в руках государства аппарата насилия, что особенно важно в современную эпоху, аппарата централизованных управленческих органов — все это заставляет монополии вступать в теснейший союз с государством и поддерживать его.

Финансово-экономическую мощь японского государства отражают следующие показатели. В соответствии с новой системой счетов, которая стала практиковаться в стране с осени 1978 г.,

национальное богатство Японии на конец 1977 г. составило 856,9 трлн. иен, из которых на частный сектор приходилось 686,9 трлн. (79,3%), а на общественный, включая центральное правительство и местные органы власти, — 179,0 трлн. иен (20,7%)⁵⁵. Согласно подсчетам авторов монографии «Япония», «в общей величине воспроизводимых материальных активов доля государственной собственности составляет 20,4%, а в производительном капитале доля государственных предприятий была равна 2,2%. Но если взять отдельные отрасли экономики, то доля государственных предприятий в основном капитале будет значительно выше: в сфере транспорта и связи — 67,7%, в электро-, газо- и водоснабжении — 41, в строительстве — 19,3, в сфере услуг — 2%. Правда, в обрабатывающей промышленности эта доля крайне мала и составляет всего лишь 0,7%⁵⁶. Что же касается капиталовложений, то доля государственного сектора достигает 26—28% общей суммы капиталовложений в стране, т. е. этот уровень выше, чем в других капиталистических государствах⁵⁷.

К наиболее крупным государственным компаниям относятся Японская корпорация телеграфно-телефонной связи (Ниппон дэнсин дэнва кося) и Корпорация по производству и продаже товаров государственно-торговой монополии (Ниппон сэмбан кося).

Типичными финансовыми объединениями государства являются Корпорация по финансированию жилищного строительства и Корпорация финансирования мелких и средних предприятий, которые действуют под контролем МВТП. Крупными государственными банками являются японский Экспортно-импортный банк (ЭИБ) и японский Банк развития, которые находятся в ведении министерства финансов и МВТП.

Государство на пах с частным капиталом контролирует Японские государственные авиалинии (Нихонкоку кабусики кайся) (доля государства — 45%), Электроэнергетическую компанию Окинавы (доля государства — 99,9%), Компанию по развитию района Тохоку (доля государства — 95,6%) и др.

Под управлением государства находятся 47 различных предпринимательских организаций, в том числе такие мощные, как ДЖЭТРО и Японская радиовещательная корпорация (Ниппон хосокёку), а также Институт азиатских исследований (Адзия кэйдзай кэнкюдзё).

Авторы упомянутой монографии «Япония» приводят такие данные: «в середине 70-х годов МВТП контролировало деятельность 27 общенациональных общественных корпораций, министерство сельского хозяйства и лесоводства — 19, министерство финансов — 16, министерство транспорта — 14, министерство строительства — 10⁵⁸».

Приведенные данные показывают, что государство обладает значительно меньшими экономическими и финансовыми ресурсами, чем монополизированная буржуазия. Однако главная сила

государства заключается в том, что оно, являясь носителем верховной политической власти в обществе, обладает способностью выступать как «совокупный капиталист», т. е. выражать общие интересы государственно-монополистических слоев господствующего класса, а не только интересы определенных групп.

Структура внешнеполитического механизма и процесс принятия решений

Если исходить из конституционных положений Японии, то структура механизма формирования и принятия решений состоит из императора, парламента и правительства. На самом деле действует иной механизм, в котором ключевым звеном, как уже говорилось, является финансово-монополистический капитал. Значение императора в контексте нашей темы столь незначительно, что его функции не рассматриваются даже буржуазными учеными. Прежде чем перейти к анализу роли правительства и парламента, рассмотрим сначала столь важное негосударственное звено, как ЛДП, которая выступает в качестве «приводного ремня» между монополиями и государством.

ЛДП и монополии. Президент Кэйданрэн Ё. Инаяма, нынешний глава делового истеблишмента, выражая кредо японского монополистического капитала, говорил: «Бизнесмены будут поддерживать любую политическую партию, которая готова сохранить систему „свободного предпринимательства“»⁵⁹. Как известно, такой партией в Японии является ЛДП. Советский историк И. А. Латышев следующим образом характеризует ее: «Правящая партия Японии представляет собой не что иное, как бюрократизированную политическую организацию, навязывающую народу волю, политику и идеологию монополистической буржуазии»⁶⁰.

Идеологическая общность ЛДП и монополий не означает равноправных взаимоотношений между ними. Их отношения строятся по принципу соподчиненности политиков деловым кругам страны, поскольку партия фактически находится на «довольствии» денежных пожертвований крупных корпораций. Ранее уже упоминались несколько организаций, выступающих как передаточное звено между правящей партией и монополиями. Самой крупной среди них, аккумулирующей денежные поступления в фонд ЛДП, является Народная политическая ассоциация, куда входило в период правления кабинета К. Танака (1972—1974) 60 тыс. индивидуальных и 10 тыс. организованных членов. По данным японской печати, в 70-е годы только через эту ассоциацию в ЛДП поступало ежегодно от 7 млрд. до 16 млрд. иен. Необходимо при этом иметь в виду, что крупные компании и отдельные лица большого бизнеса передают многозначные суммы непосредственно фракциям или деятелям ЛДП, с которыми они поддерживают наиболее тесные связи. В докладе министер-

ства по делам местного самоуправления (сентябрь 1977 г.) говорилось, что в 1976 г. генеральный директор Управления по борьбе с загрязнением окружающей среды С. Исихара получил от восьми поддерживающих его групп 1,5 млн. иен. В том же докладе указывалось, что примерно 1500 корпораций и торговых ассоциаций внесли пожертвования в фонд ЛДП. Среди них наиболее «щедрыми» были «Нихон сэйтэцу», «Сумитомо киндзоку когё», «Тосиба», «Кансай дэнки», «Тюбу дэнки» и «Кавасаки сэйтэцу».

Финансируя правящую партию, монополии зорко следят за ее действиями, в частности в борьбе с оппозицией. Кроме того, дзайкай постоянно беспокоит фракционная борьба внутри ЛДП, которую Е. Инаяма охарактеризовал как «политическую деградацию», вызванную «эгоистическим стремлением политических деятелей к власти и деньгам»⁶¹. Дело, конечно, не в «эгоистических стремлениях». Недовольство бизнеса вызывает не сама по себе внутриполитическая грызня между лидерами фракций, а то, что в борьбе за высшие посты в партии, а следовательно, и в правительстве верхушка ЛДП подчас упускает из виду необходимость отстаивания интересов монополистической буржуазии в целом, сохранения власти и противодействия оппозиционным силам.

Именно такая ситуация возникла в период правления кабинета Т. Мики в 1974—1976 гг., когда с целью положить конец межфракционной борьбе бизнес временно сократил финансовую помощь ЛДП. Однако это не только не ликвидировало противоречий в правящей партии, а, наоборот, усилило разброд в ее верхушечном звене. В результате на выборах в нижнюю палату парламента 5 декабря 1976 г. партия впервые за послевоенные годы лишилась абсолютного большинства в нижней палате, потеряв 22 места (доля депутатов от ЛДП составила 48,7%)⁶². И только поддержка ЛДП членами Нового либерального клуба и «независимыми» позволила сохранить зыбкое большинство консерваторов в парламенте. Итоги выборов настолько напугали промышленно-финансовые круги, что впоследствии они вновь увеличили денежную помощь партии⁶³. Вместе с тем они сумели добиться ухода с поста премьер-министра и президента партии Т. Мики.

Взаимоотношения Т. Мики с бизнесом — это тот редкий случай в послевоенной истории Японии, когда глава партии и кабинета оказался в конфронтации с финансово-промышленными кругами. Но этот же случай наглядно демонстрирует, в чьих руках находится реальная власть в стране. Мики вызвал недовольство дзайкай не только своим неумением сплотить партию в борьбе с оппозицией: это бизнес еще мог бы простить. Но его совершенно не устраивало намерение Мики посягнуть на интересы трестов и монополий путем утверждения нового варианта антимонополистического закона, предусматривающего дробле-

ние крупных компаний, ограничение в приобретении акций предпринимателями и дополнительный налог на сверхприбыли.

Подобные стремления Мики, о которых он говорил еще до прихода к власти, снискали ему репутацию «господина Чистого», не связанного с бизнесом независимого политического деятеля. Этот идеализированный портрет не отражает реальности. Ни один политический деятель не смог бы добиться высоких постов в партии или государстве без поддержки со стороны бизнеса. Не является исключением и Мики. Через братьев и сестер своей жены он связан с компаниями «Сёва дэнки», «Токио газ», «Ниппон якин когё»; через других родственников — с компанией «Фудзи» и Банком Токио. Кроме того, официальными «донорами» фракции Мики в партии является одна из «4-х империй» — Кэйдзай доюкай. Так, во время выборов в 1972 г. Мики поддерживал лично К. Кикавада, тогдашний президент этой организации, одновременно являвшийся председателем правления компании «Тосиба». В разное время оказывали поддержку Мики бывший президент Кэйданрэн Т. Доко и К. Окубо (из «Мицубиси когё») ⁶⁴. Сам Мики является обладателем акций в строительной компании «Тиёда кигё» и в радиовещательной компании «Сикоку». По данным японской прессы, доход Т. Мики в 1974 г. согласно налоговой декларации составил свыше 15 млн. иен. «Господину Чистому» принадлежат такие слова: «Если бизнес терпит поражение, то страдает вся страна» ⁶⁵. Следовательно, попытки Мики «улучшить капитализм» вряд ли слишком далеко расходились с канонами капиталистической действительности. Вероятнее всего, бизнес невзлюбил Мики за «дело „Локхид“». Из-за этого «инцидента» покинули свои посты два премьер-министра: вначале К. Танака, затем Т. Мики. Парадокс заключается в том, что первый был вынужден это сделать потому, что не смог «спрятать концы в воду» (т. е. скрыть внутреннюю механику незаконных сделок с американской компанией «Локхид» о поставках самолетов в Японию), второй же — потому, что попытался вскрыть на примере этого «дела» механизм взяточничества и коррупции, присущих как взаимоотношениям внутри японского бизнеса, так и его отношениям с чужим, в данном случае с американским, бизнесом. И когда неоднократные намеки и прямые «советы» дзайкай в адрес Мики о необходимости замять скандал с «делом „Локхид“» не возымели действие, то бизнес «дал инструкцию своим компаниям временно прекратить политические пожертвования, поступающие в Кокумин сэйдзи кёкай» ⁶⁶. Причем еще до формального ухода Мики в отставку (декабрь 1976 г.) он оказался фактически лишённым власти, в результате чего и сложилась упомянутая в начале главы парадоксальная ситуация «двух премьеров» и «двух председателей партии». Реальная власть в кабинете оказалась в руках начальника Бюро экономического планирования Т. Фукуда, а в ЛДП — в руках вице-президента Э. Сиина.

Таким образом, исход борьбы между строптивым премьером и дзайкай однозначно дает ответ на вопрос, в чьих руках в конечном счете находится власть в Японии.

Специфика правящей партии заключается также в том, что именно ее члены выдвигаются на все звенья политической власти и из них формируется правительство. А поскольку буржуазное правительство формируется фактически из единственно существующей в Японии буржуазной правящей партии, то ЛДП, таким образом, является своего рода кузницей кадров для исполнительной власти. В этом заключается также и своеобразие японского ГМК. Советский ученый Г. Н. Сорвина писала: «Для современного этапа в развитии капитализма характерно, что представители финансовой олигархии, уже не доверяя своим посредникам, сами занимают важнейшие посты в правительствах»⁶⁷. Этот вывод подтверждается практикой политической жизни в США. Так, например, 8 из 13 членов первого кабинета Р. Рейгана являлись представителями бизнеса. В Японии иная практика. Монополии настолько сильны, а политики настолько верно им служат, что большой бизнес не нуждается в персональном представительстве в государственных учреждениях или в правительстве. Анализ биографий членов 13 кабинетов⁶⁸ показывает, что из приблизительно 200 министров всего лишь несколько имели прямое отношение к бизнесу, причем не к самому верхнему его слою. Это — К. Танака, Т. Куранари («Тоё коацу»), братья Дзэнтаро и Токусаборо Косака («Синьэцу кагаку»), М. Эдзакэ («Дзэннику»), Т. Комото (президент «Санко кисэн»), М. Фудзита («Фудзита когё») и Ё. Сакураути. Из них только Т. Косака занимал важные посты в Кэйданрэн и Никкэйрэн.

Более распространенной формой взаимодействия профессиональных политиков и бизнеса являются родственные и дружественные связи. Примерами такого варианта отношений могут служить (помимо упомянутого Т. Мики) братья, бывшие премьер-министры Японии, Ёйсако Сато и Нобусукэ Киси, которые через своих сестер связаны с банком «Санва» и «Дайити дэнки». Аналогичными отношениями характеризовались связи М. Охира с бизнесом (Ё. Инаяма, глава Кэйданрэн, а также председатель правления «Синнихон сэйтэцу», является тестем сына Охира). В круг «друзей» этого премьер-министра входили также А. Кобаяси («Джапан эйрлайн»), С. Нагано (Ниссё), Т. Сакурада (Никкэйрэн), Х. Эдо («Мицуи»), Б. Табэ («Мицубиси»).

Т. Фукуда опирался на Т. Цукаса («Марудзэн сэкию»), Х. Андзай («Токио газ»), Ё. Иваса («Фудзи»), К. Кикавада («Тосиба»), К. Мори («Мори»).

Подобными отношениями с бизнесом связаны, по сути дела, все политические деятели крупного масштаба. Вместе с тем было бы упрощенно считать, что такие связи означают однозначную активность политика в пользу соответствующего пред-

ставителя большого бизнеса. Расхождения по тем или иным проблемам не исключаются, о чем свидетельствует и пример с Мики. Однако что касается общих целей по обеспечению основных классовых интересов, то в этом монополистическая буржуазия вполне может доверять ЛДП и правительству⁶⁹. И хотя конституционной властью партия не обладает, но, во-первых, именно она фактически поставляет политические кадры для правительства, а во-вторых, в недрах ЛДП разрабатываются внешнеполитические программы (как и курс внутренней политики), которые берутся за основу политики кабинета министров.

В партии существует и соответствующий аппарат для этого: Комитет по вопросам внешней политики (Гайко тэсакай), Центральная политическая академия (Тюо сэйдзи гакуин) и такие подразделения, как Внешнеполитический отдел (Гайко букай) и Отдел по национальной обороне (Кокубо букай), Совет по изучению политических вопросов (Сэйму тэсакай). Последний является «мозговым трестом» партии — он выдвигает инициативы, разрабатывает и планирует общую политику ЛДП. Окончательное решение принимает самый влиятельный орган в партии — Совет по общим вопросам (Сомукай). В дальнейшем выработанная партией программа (в том числе и внешнеполитическая) переходит на уровень кабинета министров, где происходит детализация и конкретизация тех или иных направлений политики, ее утверждение и реализация через соответствующие внешнеполитические ведомства.

Так, на очередном съезде ЛДП в январе 1984 г. были выдвинуты, в частности, следующие задачи: проведение административно-финансовой реформы⁷⁰; стимулирование деловой активности; обеспечение национальной безопасности. Претворением в жизнь этих задач занимаются все органы государственной власти, в том числе и правительство.

Говоря о ЛДП как важнейшем звене выработки политики, необходимо иметь в виду, что в этот процесс вовлечена весьма узкая группа лиц. Приобщение к политике начинается с уровня членов парламента, хотя и они, как говорилось выше, имеют весьма косвенный доступ к участию в политике. В структуре внутривластной власти доминирующие позиции занимает Совет по общим вопросам, куда входят 30 самых влиятельных членов ЛДП. Совет выступает в качестве решающего и постановляющего органа консерваторов. Но и среди членов Совета распределена власть неравномерно. Помимо председателей этого Совета и Совета по изучению политических вопросов («мозгового треста») есть 5—6 старейших членов партии, обычно лидеров фракций, которые и принимают окончательное решение.

В 70-е и в начале 80-х годов в партийную элиту ЛДП входили следующие деятели: К. Танака, Т. Мики, Т. Фукуда, М. Охира, Д. Судзуки, Я. Накасонэ, Э. Сиина, Э. Нисимура, Н. Фунада, С. Никайдо, Т. Хасимото (осужден по «делу

„Локхид“»), Ц. Утида, К. Сайто, Ё. Сакураути, С. Уно, Т. Окубо, М. Такаи, Р. Танака, Х. Надао, Р. Мацуно, М. Эдзаки, Т. Кураиси, Т. Танака, М. Мидзута, С. Яманака, Ц. Мацуно, Т. Комото, С. Абэ, К. Хосода, С. Канэмару, М. Фудзиро — всего 31 человек. Именно они определяли курс партии и правительства.

Анализ продвижения высших партийных чиновников в 70-е годы позволяет предполагать, что реальными претендентами на посты президента партии в 80-х годах являются Т. Комото, С. Абэ, Р. Танака, М. Эдзаки. Их вес определяется не только позициями в партии, но и тесными связями с бизнесом. Кроме того, к числу претендентов на пост президента можно отнести К. Миядзава, Н. Такэсита, Г. Ямасита, также связанных как с бизнесом, так и с профессиональной бюрократией Японии.

Многие исследователи, сторонники «плюралистической» модели, указывают на то, что наличие фракций и межфракционной борьбы не дает оснований рассматривать ЛДП как единую монолитную партию, способную выработать единую общую линию, отражающую интересы всего господствующего класса. С такими выводами трудно согласиться по следующим причинам: во-первых, возникновение и функционирование фракций порождает не столько принципиальные политические разногласия между их членами, сколько стремление к власти в партии и правительстве⁷¹. Во-вторых, объединение во фракции осуществляется на основе вертикальных связей «оябун — кобун» («патрон — вассал»), а сами фракции делятся по принципу «кормушки», ориентации на ту или иную монополистическую группу или группировки. Разногласия по некоторым политическим вопросам ведут к формированию надфракционных групп с горизонтальной структурой связей, поскольку в них входят деятели из различных фракций. Особенность разногласий заключается в том, что в результате взаимодействия этих групп они разрешаются внутри партии. Члены всех фракций стремятся не выносить «сор из избы» — такова внутрипартийная дисциплина. И когда тот или иной влиятельный деятель ЛДП, не согласный с выработанной общей точкой зрения, продолжает отстаивать свою линию за пределами партии (в парламенте, кабинете или даже на посту премьер-министра), его деятельность обречена на поражение.

Х. Фукуи, сравнивая значимость ЛДП и государственных учреждений (например, МИД) считает, что поскольку партия не обладает достаточным потенциалом в сборе информации, она лишена «самостоятельных внешнеполитических способностей» и потому «почти полностью зависит от советников и информации государственных учреждений». А решения, принятые в комитетах ЛДП, «являют собой не что иное, как просто последующее признание курса, выработанного МИД»⁷². С таким мнением согласен и Т. Хосоя.

Взаимосвязь между ЛДП и государственными учреждениями, безусловно, существует, причем довольно тесная. Однако

зависимость ЛДП от информации МИД не следует преувеличивать. Во-первых, Информационный комитет ЛДП, которому подчиняется 10 бюро, занятых сбором и обработкой информации, сам по себе обладает внушительными ресурсами, по крайней мере его штат превосходит информационный штат МИД. Во-вторых, партия получает информацию не только из государственных организаций, но от средств массовой информации, от многих институтов и университетов (аналитическая информация), а также от бизнеса. И самое главное, партия, точнее, ее верхушечное звено обладает секретной информацией, получаемой от премьер-министра и его окружения. Кроме того, утверждение о подчиненности деятельности ЛДП Министерству иностранных дел неверно и потому, что внешнеполитическое ведомство не принимает и не утверждает решений, а реализует их «вовне». МИД своего рода «почтовый ящик», причем и в этом качестве он не монополист.

Дополнительное значение ЛДП придает и небывалая политизация населения, растущий интерес японского народа к внешней политике. Учитывая этот фактор, правящая партия стала все более настойчиво добиваться «понимания» и «поддержки» со стороны населения политических решений, выработанных представителями господствующих классов. Данный участок работы становится особенно актуальным в тех случаях, когда в массах возникает оппозиция или противодействие политике ЛДП и кабинета, ведущих к социальной напряженности в политической жизни страны, как это было, например, в период ратификации «договора безопасности» с США в 1960 г., а также в нынешних условиях в связи с новым подъемом антивоенного движения в стране. В некоторых случаях верхушка ЛДП вменяет в обязанность партийным организациям на местах добиться не только «понимания» со стороны населения, но и его «участия» в предпринимаемых акциях. Примером может служить развязанная правящими кругами страны кампания вокруг «северных территорий», в которую политикам отчасти удалось втянуть и некоторые прогрессивные слои японского общества.

Приобщение масс к политике вынуждает правящую партию действовать не только через государственные органы, но и через общественные организации с выходом на непосредственные контакты с населением.

Сказанное не означает, что ЛДП ограничивается только функцией участия в принятии решений. Партия, наряду с государственными учреждениями, является одновременно и проводником этих решений на международной арене, в частности посредством различных парламентских ассоциаций и обществ дружбы. Вместе с тем партия держит под определенным контролем и специальные государственные органы, в компетенцию которых входит осуществление внешней политики, например МИД. Когда в начале 80-х годов была установлена неэффективность деятельности внешнеполитического ведомства, в 1982 г.

в ЛДП при Совете по изучению политических вопросов был создан специальный комитет во главе с Т. Кимура (бывший министр иностранных дел), призванный разработать мероприятия с целью структурного и качественного совершенствования МИД.

Таким образом, функции ЛДП весьма обширны на всех стадиях внешнеполитического процесса, и по своей значимости в механизме политической власти правящая партия уступает только монополиям.

Премьер-министр и кабинет министров. Весьма проницательный журналист, главный редактор журнала «Фар истери экономик ревью» Дерек Дэвис писал: «Правительство с исключительной чуткостью реагирует на нажим, оказываемый крупными компаниями, с которыми никто не может соперничать в смысле доступа к центральной власти»⁷³. Это безусловно верная мысль нуждается тем не менее в определенной корректировке.

Процесс разработки политики не единовременный акт: он проходит ряд этапов или стадий. Стратегические и тактические задачи ставит монополистическая буржуазия. ЛДП на их основе составляет общие экономические программы. Бюрократия разрабатывает конкретные мини-программы и поэтапно очерчивает политический курс. Правительство утверждает, т. е. принимает окончательное решение по всему спектру внутренних и внешних вопросов. Такова в самой общей схеме процедура разработки политики в Японии: каждому субъекту свое место и свое время. Это не означает, что механизм выработки политики осуществляется неукоснительно по данной схеме. В зависимости от значимости проблем какие-то звенья могут выпадать или, наоборот, все этапы могут решаться в одном блоке. Но действие общего принципа, изложенного выше, в его основе можно проследить на любом конкретном примере. Однако было бы неправомерно преуменьшать значимость кабинета в механизме власти, а значит, и в процессе принятия решений. Поэтому и сам бизнес не только нуждается, но и активно тянется к государственной власти, что особенно проявилось на рубеже 70—80-х годов.

Усиленное продвижение японских монополий на рынке развитых стран затормозилось противодействием со стороны даже не столько монополистических группировок США и Западной Европы, сколько объединенной мощи монополий и государств. Лозунги «свободного предпринимательства и конкуренции», начертанные на знаменах японских своего рода экономических даймё-княжеств, позволявшие им ранее победоносно пересекать любые границы капиталистических стран, в 80-е годы начали давать сбой. Этот факт вынужден был констатировать «премьер-министр» делового мира, президент Кэйданрэн Е. Инаяма. Он заявил: «Мы намерены сохранить систему свободного предпринимательства, которая предусматривает свободную конкуренцию. Однако проблема заключается в том, что свободная конкуренция не обязательно способствует стабилизации экономики

в сегодняшнем мире. Нам, руководителям делового мира, уже пора придумать новую форму стабилизации экономики, не опираясь только на механизм свободной конкуренции»⁷⁴. Такой механизм у них, конечно, есть — государственно-монополистическая форма взаимодействия и взаимоподдержки. Японские монополии, как и их собратья по классу в других капиталистических странах, также начали крепить свои отношения с государством для обеспечения новых побед в борьбе с конкурентами на мировых рынках.

В этих условиях государственная власть в лице правительства приобретает новое качество, более весомое, чем в период «свободного предпринимательства».

В соответствии со ст. 73 конституции в обязанности кабинета министров входит «руководство внешней политикой». Премьер-министр как высший представитель кабинета обладает компетенцией не только контролировать и руководить всеми сферами политической деятельности, но и «отстранять государственных министров от должности» (ст. 68). Таким образом, с точки зрения конституционного статуса кабинет представляет высшую инстанцию в утверждении решений. В этот процесс вовлечены помимо глав министерств и ведомств, непосредственно связанных с внешней политикой (МИД, МВТП, министерства финансов, сельского и лесного хозяйства, УНО), также генеральный секретарь Совета национальной обороны при премьер-министре и генеральный секретарь кабинета. Независимо от проблем именно министры названных подразделений вместе с премьер-министром составляют ядро «команды», утверждающей конечное решение.

В чем слабость и сила японского правительства? Начнем с премьер-министра. Как было показано выше, некоторые политики определяют статус главы правительства как центральный в механизме выработки политики (вспомним «треножник» Т. Хосоэ), поскольку он одновременно является президентом ЛДП. Формально эта «двойственная» власть позволяет осуществить две функции: выработать и утверждать политику. На первый взгляд исполнительная власть премьера, предоставленная ему конституцией и уставом ЛДП, должна носить более весомый характер, чем власть президента США и глав правительств в странах Западной Европы. Действительно, президент США одновременно является председателем одной из двух попеременно меняющихся правящих партий. Но он, во-первых, не может влиять на оппозиционную партию (имеется в виду одна из двух: республиканская или демократическая), а во-вторых, он в значительно меньшей степени, чем японский премьер, способен контролировать конгресс или сенат. В Европе, в частности в ФРГ, канцлер обладает еще меньшей властью, поскольку он не обязательно сохраняет за собой пост председателя партии, от имени которой он выдвинут на высшую исполнительную должность (например Г. Шмидт и В. Брандт); кроме того, ему

может противостоять жесткая оппозиция в бундестаге. Во Франции полномочия президента объемнее, чем в США, однако его партия может оказаться в меньшинстве по числу депутатских мест в парламенте, что ослабляет позиции президента на уровне исполнительной власти. Несмотря на это, реальная власть японского главы правительства все-таки значительно слабее, чем у его коллег в США и Западной Европе.

Дело в том, что президент ЛДП по уставу выбирается на два года⁷⁵. При его смене происходит замена всех деятелей на ведущих постах в партии, а следовательно, и в правительстве. Ограниченный срок пребывания на посту главы партии и правительства не дает возможности тому или иному политику монополизировать процесс выработки политики на всех его ступенях. Это заставляет его постоянно привлекать к этому процессу ведущих членов ЛДП и кабинета, в первую очередь предполагаемых претендентов на высшие посты в партии, которыми обычно являются лидеры самых крупных фракций. После ухода он рассчитывает на ответную «благодарность» в форме получения важного министерского или партийного поста. Это и есть та самая «социальная грамматика», которую в свое время пытался проигнорировать Т. Мики. Причем его правление выявило еще одну особенность, характеризующую отношения между премьер-министром и членами его правительства. Среди членов кабинета может оказаться деятель, превосходящий по влиянию самого премьера. Таковым в кабинете Т. Мики был его заместитель — Т. Фукуда и отчасти министр иностранных дел К. Миядзава. Это обнаружилось в результатах столкновения последних с Т. Мики по проблеме заключения договора с КНР. Т. Мики ратовал за подписание, Т. Фукуда и К. Миядзава выступали против. Победили последние. Однако, когда эта тема всплыла на поверхность уже в следующем, 1978 г., т. е. в период правления самого Т. Фукуда, несмотря на то что противников договора в кабинете было больше, чем сторонников, премьер-министр сумел настоять на подписании договора с Китаем. Другими словами, вес и реальная власть премьер-министра зависит, помимо его базового источника (связей с бизнесом), от его позиций в партии.

Эти причины определяют политический вес и остальных министров. Поскольку они прежде всего члены ЛДП и только во вторую очередь члены кабинета, ситуация и расстановка сил в самой партии их интересует значительно больше, чем проблемы, которыми они обязаны заниматься в правительстве. Их функции в кабинете, по существу, сводятся, по словам Т. Хосоя, «к удостоверению в знакомстве с предметом дела или в крайнем случае его корректировке». Кроме того, и ограниченный срок их пребывания на посту министров (обычно год-два) не дает им возможности основательно разрабатывать какие-либо проблемы.

Основанием для принятия окончательного решения кабинетом являются не только аналитические материалы, представленные бюрократией, или общие программы ЛДП. У кабинета министров есть и собственные разведывательные, аналитические и информационные службы.

Центральными разведывательными органами правительства являются следующие подразделения⁷⁶.

Главный аккумулятор секретной информации — Исследовательский отдел при кабинете министров (Найтё). Основной штат состоит из 84 человек, из других ведомств привлекается еще 154 человека. Сведения в Найтё поступают из 12 частных информационных организаций, в том числе из Исследовательского совета по проблемам мировой политики и экономики, агентств Кёдо Цусин и Дзидзи Цусин, служб радиоперехватов, газет и журналов. Бюджет Найтё на 1978/79 финансовый год был равен 1,5 млрд. иен, из них $\frac{2}{3}$ было выплачено частным организациям — поставщикам информации. В задачу центра входит анализ информации и последующие рекомендации правительству, в основном по вопросам отношений с СССР, КНР и другими социалистическими странами.

Другим, преимущественно информационным, ведомством является Комиссия по делам общественной безопасности, которая ранее подчинялась министерству юстиции. Штат — 2 тыс. человек, бюджет на 1978/79 фин. год — 9,98 млрд. иен, в том числе 1,28 млрд. иен на разведывательную деятельность. Комиссия собирает и анализирует информацию об организациях левого направления, а также публикует доклады о социалистических государствах, например, такие, как «Современная международная федерация коммунизма» или «Изучение событий в Чехословакии».

О характере работы следующей службы говорит его название — Разведывательный отдел при штабе сухопутных сил (Нибэцу, или G-2). Он расположен в Токио, в секретной зоне, куда не имеют доступа даже члены парламента. Штат — 950 человек, в том числе 480 офицеров сухопутных сил, 190 — ВМФ, 230 — ВВС и 50 гражданских лиц.

Еще более закрытый характер носит деятельность Внешнеполитического отдела главного полицейского управления (фактически шпионского центра), бюджет которого засекречен.

Наконец, разведывательной деятельностью занимается Японская торговая ассоциация (ДЖЭТРО), являющаяся, по мнению одного журнала, своего рода японским прототипом ЦРУ. В сборе секретной информации участвует 270 человек в 81 городе 59 стран мира.

Необходимо отметить, что умелое использование вычислительной техники, хорошо налаженная структура сбора информации, тщательный отбор и правильная расстановка кадров позволяют разведывательным органам Японии содержать самый малочисленный штат в мире. Достаточно сказать, что количе-

ство сотрудников Найтё вместе с сотрудниками за рубежом достигает всего лишь 600 человек, в то время как штат спецслужб США (ЦРУ) равен 25 тыс., ФРГ (БНД)—10 тыс., Франции (СДЕСЕ)—6 тыс., Англии (МИС)—5 тыс., Израиля (МОССАД)—3 тыс. человек.

За подготовку прогнозной информации для правительства отвечают примерно около 20 учреждений и институтов, в том числе Научно-технический совет при канцелярии премьер-министра (директор Н. Синокара). Экономический исследовательский институт Планового экономического агентства (директор Х. Канамори), Институт системных исследований (директор Х. Итокава), Исследовательский институт технологии и экономики корпорации «Номура» (президент К. Саэки).

В конце 70-х — начале 80-х годов были созданы различные советы и комитеты при правительстве, в функции которых входит выработка внешнеполитических программ в контексте обеспечения «национальной безопасности» Японии. К влиятельнейшим организациям такого рода относятся: созданный в апреле 1979 г. Совет по национальной безопасности во главе с бывшим ректором военной академии УНО М. Иноки, который одновременно является президентом Института мира и безопасности (генеральный секретарь Совета И. Суэцугу); Группа по изучению внешнеэкономической политики (создана в апреле 1980 г.) во главе с бывшим министром иностранных дел в правительстве М. Охира С. Окита; созданный в конце того же года по инициативе премьер-министра Д. Судзуки Совет по изучению проблем комплексного обеспечения безопасности.

Названные организации совместно с Комитетом по вопросам мира и безопасности МИД и Советом национальной обороны (генеральный секретарь К. Ито) разработали Программу обеспечения безопасности Японии на 80-е годы, утвержденную правительством.

В конце июля 1983 г. по инициативе премьер-министра Я. Накасонэ был учрежден Совет по изучению проблем мира (Хэйва мондай кэнкюкай) во главе с профессором Киотоского университета М. Косака, куда вошли ученые-аналитики, должностные лица, а также представители бизнеса.

Учреждение таких политизированных организаций при канцелярии премьер-министра демонстрирует новое явление в жизни страны, заключающееся в формировании группы ученых или, по меткому выражению знатока Японии, американского бизнесмена Ф. Гибни, «гакубацу» — «олигархии ученых» (по аналогии с «гумбацу» — военной олигархией), непосредственно связанных с правительством. Другими словами, в Японии происходит оформление «политико-академического комплекса», некоторые члены которого попадают даже на правительственные посты (например, С. Окита и И. Осаму). Появление таких организаций отражает тенденцию к большей самостоятельности и независимости высшей исполнительной власти от ЛДП и бюрократии.

тических организаций не только на стадии принятия решений, но и на стадии их разработки. Это, в свою очередь, повышает значимость членов правительства, особенно тех, кто обязан своим продвижением не столько партии, сколько бюрократическим службам.

Место и роль бюрократии в формировании внешней политики.

Наверное, было бы трюизмом начинать изложение о бюрократах с утверждения о том, что они играют важную роль на всех стадиях внешнеполитического процесса. Столь же банальным выглядело бы утверждение об исключительной значимости чиновников на стадии реализации решений. С этим согласны все. Расхождения обычно возникают при определении места бюрократов в ходе принятия решений. При этом доминирующей позицией буржуазных политологов является преувеличенное представление о роли бюрократических служб в данном звене внешней политики. Подобный взгляд привел их к созданию даже теории «бюрократического процесса» выработки политики. Адептами подобных концепций в США являются такие авторы, как Р. Аксельрод, Д. Дэйвис, Д. Стейнбрюннер и др.⁷⁷ Аналогичный подход присущ ученым из США в оценке и японской бюрократии. Так, Т. Дестлер, Х. Сато, П. Клапп, Х. Фукуи считают, что «партийные комитеты обычно не выступают сами инициаторами внешнеполитических предложений, поскольку у них нет для этого ни технических, ни людских ресурсов. И они сильно реагируют на внешнеполитические инициативы кабинета и бюрократии»⁷⁸. Японский исследователь «бюрократической кухни» Г. Сонода идет еще дальше, полагая, что «в сфере администрации решающей силой, находящейся в тени, но определяющей деятельность властей, является бюрократия»⁷⁹.

Влиятельный журналист, некогда доверенный советник Э. Сато, М. Кусуда на «живых» примерах доказывает приведенный постулат. Разбирая карьеру нынешнего министра иностранных дел С. Абэ, он утверждает, что своим продвижением он обязан поддержке бюрократов, в среду которых С. Абэ сумел искусно «проникнуть»⁸⁰. Правда, при этом М. Кусуда упускает из виду, что такому «проникновению», а главное, согласию на это проникновение со стороны бюрократов предшествовала активность С. Абэ во фракции Т. Фукуда, которую после ухода с политической арены последнего он собирает и возглавляет. Кстати, и к самому Т. Фукуда эта фракция перешла по наследству от тестя С. Абэ — Н. Киси, бывшего премьер-министра Японии. Кроме того, М. Кусуда прочно «забывает» о родственных и «дружеских» связях тестя и зятя с деловым миром страны.

Такой подход означает значительный шаг назад даже от основателя этого направления М. Вебера. Последний, указывая на относительную самостоятельность бюрократии, все-таки подчеркивал, что ее можно рассматривать лишь как технический инструмент управления. В то же время даже эта относительная

самостоятельность не освобождает ее от мировоззрения тех классов, из которых она рекрутируется и которые она обслуживает. Кроме того, М. Вебер четко отличал бюрократов от политиков, во взаимоотношениях между которыми прослеживается подчиненность интересов бюрократии исполнительной власти. Последняя же, писал К. Маркс, «имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. постоянно держит в самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и лиц»⁸¹. Это особенно важно иметь в виду, так как некоторые ученые относят к категории бюрократов членов кабинета. На самом деле они являются по своим функциям уже политиками, пусть даже с «бюрократическим» прошлым.

Чтобы яснее представить значение бюрократии, необходимо еще раз напомнить функциональные роли основных блоков в механизме выработки политики. Если кабинет утверждает решения, а партийная верхушка выступает в качестве инициаторов курса и разрабатывает общие направления, то бюрократия осуществляет текущую, так называемую «рутинную» работу, выбирает средства осуществления решений и претворяет их в жизнь после утверждения их политиками. Таким образом, бюрократия исполняет функции и в «системе обслуживания», и в «системе реализации». В первую очередь это, конечно, относится к бюрократам МИД. Что же касается бюрократических ведомств, связанных с экономикой, то у них дело до реализации не доходит. Знарок чиновничьей кухни Японии, американский ученый Э. Ф. Фогель пишет по этому поводу: бюрократы «предоставляют реализацию намеченных ими планов частному сектору, чья забота о прибыли усиливает мотивацию и повышает эффективность. Они делают предмет своих забот все общество, но их гениальность заключается в том, чтобы, уклоняясь от руководства, создавать условия для сильных частных игроков»⁸². Фогель совершенно верно подметил, на кого работают бюрократы и в каких отношениях с «игроками» они состоят.

Профессор политологии А. Кубота из Виндзорского университета в Канаде сводит центральную роль японских бюрократов высшего звена к функции создания консенсуса и консолидации мнений различных чиновничьих групп⁸³. Это не совсем так, хотя бы потому, что между различными бюрократическими ведомствами, например между МИД и МВТП, между министерством финансов и УНО, подчас существуют более сильные противоречия, чем среди политических деятелей, консенсус которых создается особой ролью партийной политической верхушки и лично президента. Бюрократия не выступает как единое целое, а свои разветвленные связи с политиками и деловыми кругами использует для генерирования информации (с этой точки зрения этот блок действительно обладает преимуществами перед остальными участниками политики), но самое главное, эти свя-

зи необходимы ей в целях «взрыхления почвы» для последующей карьеры.

Источник влияния бюрократов на политиков коренится прежде всего в том, что «в отличие от консервативных партийных деятелей, склонных к верхоглядству, чиновники квалифицированно разбираются в конкретных вопросах государственной и политической жизни. Их огромным преимуществом является несравнимо лучшее знание содержания законов и законодательной процедуры, а также ходов и выходов в сложном лабиринте государственных учреждений»⁸⁴. Однако это относится к чиновничьему миру среднего и низшего звена. Секрет влияния высших бюрократов Японии заключается в другом, что и отличает их от коллег на Западе. В США и в европейских странах чиновничью элиту составляют не бюрократы в буквальном смысле слова, а скорее эксперты и специалисты по тем или иным конкретным вопросам. В Японии же от высших бюрократов, проработавших 20—25 лет, не требуется конкретных знаний, их роль заключается в способности руководить всеми аспектами деятельности организации, что в японском понимании означает умение создать бесконфликтную атмосферу и слаженность всего бюрократического аппарата.

Связи японских бюрократов с кабинетом и премьер-министром также отличаются от американских и европейских стандартов. Канцелярия премьер-министра не имеет большого штата сотрудников, каким обладает, например, Белый дом. Премьер-министр как бы отделен от бюрократических служб и никогда не вмешивается во внутренние дела своих министров. Взаимодействие с учреждениями осуществляется в большей степени через партийные каналы, т. е. через тех членов партии, которые возглавляют то или иное бюрократическое подразделение. В свою очередь, и высшие бюрократы имеют возможность влиять на партийные решения, а значит, и на кабинет министров через *своих* министров, особенно тех из них, кто и сам являлся в свое время бюрократом.

В японской политической практике установилась также традиция, согласно которой чиновники, вошедшие в бюрократическую элиту, после достижения 50 лет переходят на так называемую «светскую работу», т. е. в сферу общественных организаций. Тех из них, которые попадают в частный бизнес, обозначают термином «амакудари» («спустившиеся с небес»), перешедших в государственные компании (Банк Японии, Экспортно-импортный банк Японии, Государственную железнодорожную компанию) — «ёкосубэри» («скатившиеся на край»), а ставших губернаторами и членами парламента или местных национально-законодательных органов — «тириё» («использовавшие место»).

Некоторым представителям бюрократической элиты удается пробиться на высшие государственные посты. Так, после второй мировой войны более половины премьеров были выходцами

из этой среды (С. Ёсида, Н. Киси, Х. Икэда, Э. Сато, Т. Фукуда, М. Охира, Я. Накасонэ). Относительно широко выходцы из высшей бюрократии были представлены на министерских постах. Так, в 70-х годах из 73 министров (из общего числа 140), чьи социальные корни удалось выявить, 30 человек было бывшими бюрократами, 19 — «чистыми» политиками, 9 — бизнесменами, 8 — журналистами, 3 — юристами, 2 — учеными, 1 — писателем, 1 — врачом.

Особенность японской бюрократии, придающая ей весомость и значимость, заключается в том, что, как уже говорилось, сроки деятельности кабинета ограничены. И хотя формально именно министру вменяется в обязанность заниматься персональными назначениями и формулированием политики (в рамках министерства), фактически этих проблем он в своей деятельности не затрагивает. Так, если в США вновь назначенный государственный секретарь может привести в госдепартамент «свою команду» помощников и сам выбрать сотрудников, в Японии это происходит крайне редко и является исключением из правила. Хорошим министром считается такой, «который добивается большого бюджета для своего министерства и умеет навязать кабинету любимые проекты своего ведомства»⁸⁵. Но поскольку время его пребывания на посту чрезвычайно коротко, то характерной чертой поведения министра в отношении бюрократов своего учреждения является стремление сохранить преемственность проводимой им политики и свой вес в их глазах. Причем последнее определяется не его местом в качестве главы ведомства (этому не придается особого значения), а его весом в иерархии внутрипартийной структуры и уровнем связей с деловым миром страны.

Правда, у самих бюрократов связи с дзайкай могут оказаться еще более тесными, чем у министра, особенно у тех, кто служит в министерствах, имеющих непосредственное отношение к бизнесу, таких, как МВТП, министерства финансов, транспорта, лесного и сельского хозяйства, Управление экономического планирования.

Подобная взаимосвязь имеет свои исторические и социальные корни, о которых писал К. Маркс: в государственную машину буржуазия «сбывает... свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров»⁸⁶. В современной же политической жизни такое «духовное родство» политиков, бюрократов и бизнеса закрепляется чувством сопричастности к «альма-матер», характерной для всей правящей элиты Японии. Особенно «родственные» отношения возникают среди тех, кто окончил престижные учебные заведения. Очень высоко котируется в этом отношении юридический факультет Токийского университета, университеты «Кэйё», «Васэда», «Хитоцубаси». В довоенные годы большое значение имело место рождения.

Все эти факторы позволяют говорить о том, что японская бюрократия занимает особое привилегированное место в политической жизни страны. Из приведенных данных видно, что, во-первых, сами японские бюрократы оценивают свою роль в формулировании политики значительно выше бюрократов из Англии, ФРГ, Нидерландов, хотя по степени влияния на выработку политики их восприятие почти совпадает с бюрократами Англии и США.

Как оценивают свою роль (в контексте рассматриваемой темы понятие «роль» адекватно понятию «участник») в формулировании политики страны японские бюрократы по сравнению с бюрократами некоторых других капиталистических стран, видно из следующих данных опросов, приводимых японским исследователем А. Кубота (%):

	Япония	Англия	ФРГ	Нидерланды
«Да»	28	3	2	6
«Да, но...»	52	18	14	36
«Нет, но...»	16	59	56	39
«Нет»	4	20	28	19

Восприятие бюрократами Японии и некоторых других стран степени своего влияния на процесс формулирования политики страны видно из следующих данных (%):

Степень влияния	Япония	Англия	ФРГ	Италия	США
Сильное	43	44	5	12	41
Достаточное	53	41	33	34	34
Умеренное	3	13	48	32	19
Маленькое	1	2	14	20	4
Отсутствует	0	0	0	2	2

Политики Японии, в свою очередь, также расценивают роль бюрократического блока в своей стране выше, чем политики в европейских странах. Об этом свидетельствуют следующие данные о восприятии политическими деятелями роли бюрократов в формулировании политики своей страны (%):

	Япония	Англия	ФРГ	Нидерланды
«Да»	22	4	0	0
«Да, но...»	37	14	3	10
«Нет, но...»	23	54	47	57
«Нет»	18	28	50	33

Высокая значимость политической деятельности японских чиновников является исторической традицией страны, берущей начало в средневековье. Особенно заметную роль чиновники играли в период между незавершенной революцией Мэйдзи и второй мировой войной. Тогда процесс принятия решений был менее распылен среди институционных блоков и фактически был сосредоточен в руках сюсинов и родзинов (членов Совета старейшин при императоре) и бюрократов. И хотя в настоящее время их значение по сравнению с довоенным периодом понизилось, тем не менее они продолжают оставаться важнейшим

звеном процесса формулирования политики на стадии разработки и этапе реализации.

А. Кубота пытается также рассмотреть влияние групп и личностей на процесс формулирования политики. Он приводит следующие данные (индекс-100)⁸⁷:

Мнение бюрократов	Индекс	Мнение политиков	Индекс
Партийные лидеры	340.0	—	333.3
Высшие чиновники	338.0	—	330.4
Министры	336.0	—	323.5
Средства массовой информации	288.0	Члены парламента	312.7
Члены парламента	270.0	Средства массовой информации	292.2
Промышленно-финансовые круги	246.0	—	270.5
Другие группы интересов	244.0	—	252.8
Торговые объединения	205.0	—	212.7
Религиозные группы	103.0	—	143.1

Эта сводка данных, на наш взгляд, составлена некорректно по двум причинам. Во-первых, половина перечисленных в ней групп не имеет отношения к *формулированию* политики (например, средства массовой информации, другие группы интересов, члены парламента, религиозные организации). Во-вторых, если в этой сводке данных фиксируются участвующие в *формировании* политики, то этот перечень явно недостаточен, поскольку среди них отсутствуют оппозиционные партии, профсоюзы и др. К тому же разделение промышленно-финансовых кругов и торговых объединений носит искусственный характер.

Тем не менее эти данные весьма любопытны с точки зрения оценок японской бюрократией и профессиональными политиками иерархической сопричастности к политике (в данном случае неважно: к формированию или к выработке) других субъектов. Каждый из них довольно объективно оценивает свое место и значимость в процессе разработки политики. В приведенных данных, видимо, сознательно опущен блок кабинета министров, поскольку А. Кубота анализировал этап формулирования политики, а не этап принятия решений. Поэтому иерархический статус министров в представленном контексте вполне может совпадать с мнениями японских политиков и бюрократов.

Политики и бюрократы не случайно столь низко оценили роль промышленно-финансовых кругов. Если бы такой опрос был бы проделан среди представителей дзайкай, не исключено, что они бы свою роль оценили еще ниже. В этом просматривается вполне сознательный подход, призванный затушевать реальные источники власти, свести их до уровня «одного из многих», причем не самых важных.

Однако при определении места монополистической буржуазии, а соответственно политиков и бюрократов, как с точки зрения власти, так и в контексте внешнеполитического процес-

са, необходимо помнить вывод К. Маркса о том, что «бюрократия при всем своем стремлении к самовластию была орудием господствующего класса»⁸⁸. Такой она осталась и поныне, и в Японии в частности.

МИД и МВТП в формировании внешней политики. Среди более чем 20 министерств и управлений правительственного аппарата, которые почти все так или иначе оказывают воздействие на формирование внешней политики, ключевыми, безусловно, являются МИД и МВТП. Их роль можно свести, как минимум, к трем функциям: участвовать в выработке политики, служить информационным каналом между правительствами, выступать в качестве средства или инструмента политики. Нас интересует первая функция.

В политологической литературе, посвященной Японии, до сих пор не утихают споры относительно того, какое из двух ведомств играет большую роль в процессе разработки политики. Так, Т. Хосоя рассматривает МИД всего лишь в качестве «публичного советника», с ним солидарен Д. Хеллман, в то время как С. Мисава, наоборот, исходит из преувеличенного представления о значимости японского внешнеполитического ведомства.

Чтобы понять «соотношение сил» между двумя бюрократическими учреждениями, необходимо обратиться к некоторым цифрам. По данным японского политолога С. Ёсиката, на конец 1977 г. в аппарате МИД работало 3225 человек, в МВТП — 12831 человек. По более поздним сведениям, штат того и другого министерства достиг соответственно 3400 (из них 1552 в самом аппарате МИД, 1842 — за рубежом) и 16000. Исходя из данных за 1977 г., японский МИД по количеству персонала уступал следующим капиталистическим государствам: США (11400), Англии (10500), Франции (7800), ФРГ (6200), Канаде (5400), Италии (4500), Индии (4000) и Австрии (4000)⁸⁹.

Количественный состав некоторых отделов министерства вызывает особое беспокойство у руководителей МИД. Так, штат 2-го западноевропейского департамента, имеющего дело с 12 странами уровня Греции и скандинавских стран, составляет всего 14 человек, а африканский департамент, «обслуживающий» более 30 государств африканского континента, имеет еще более скромный штат служащих. В японском посольстве в Вашингтоне работает лишь 77 дипломатов, в то время как штат американского посольства в Токио составляет 221 кадровый дипломат, а также 800 нанятых в самой Японии служащих. Неблестяще обстоят дела и с информацией. Сами сотрудники МИД жалуются, что у них «отсутствуют возможности для сбора информации, а это подрывает дипломатическую маневренность»⁹⁰.

Не в пользу МИД говорит и соотношение ежегодных бюджетов рассматриваемых ведомств: на 1976 г. бюджет МИД составил 177 659 млн. иен, бюджет МВТП — 297 486 млн. иен, причем больше половины бюджета МИД (94 786 млн. иен) приходится на департамент внешнеэкономических связей.

Необходимо иметь также в виду, что МВТП в отличие от МИД кроме более тесных связей с крупными частными компаниями и основными предпринимательскими организациями само осуществляет прямой контроль с помощью «административного руководства» за объемом производственных инвестиций около 1700 крупных фирм в 12 основных отраслях экономики, на которые приходится значительная часть валовых частных капиталовложений в стране⁹¹. Учитывая приведенные данные, можно констатировать, что торговое ведомство обладает большими возможностями, чем ведомство дипломатическое, а следовательно, и «соотношение сил» между ними с точки зрения воздействия на процесс реализации решений также в пользу МВТП.

Ссылаясь на то, что послевоенная внешняя политика Японии, по существу, проявляла себя в форме «экономической дипломатии» и министерства, связанные по своим функциям с экономическими проблемами, играли значительно большую роль, чем МИД, ряд японских исследователей пришли к выводу, что внешнеполитическое ведомство Токио нельзя рассматривать в качестве органа, «выступающего с инициативами в принятии важных внешнеполитических решений»⁹². В определенной степени этот аргумент можно признать справедливым, тем более что практика взаимодействия между двумя ведомствами по внешнеполитическим вопросам свидетельствует о более слабых позициях МИД по сравнению с МВТП.

В период правления кабинета С. Ёсида (начало 50-х годов) функции МИД почти полностью находились в руках канцелярии кабинета министров. Во время переговоров с СССР в 1955—1956 гг. МИД во главе с Д. Сигэмицу, противодействующий стремлению премьер-министра И. Хатояма восстановить отношения с Советским Союзом, фактически был устранен от этих переговоров⁹³. В последующем особенно острые противоречия между МИД и МВТП возникали по поводу различных «торговых войн» Японии с США, в которых японские дипломаты обычно занимали проамериканскую позицию, в то время как «торгаши», по выражению Ханаи, «отстаивали государственные интересы». Исход этих споров завершался чаще всего в пользу МВТП. Довольно непреклонной позиции придерживался МИД и по китайским проблемам. И в момент установления дипломатических отношений в 1972 г., и в период перед подписанием договора о мире и дружбе с КНР в 1974—1978 гг. МИД выступил в качестве тормозящего фактора в деле продвижения японо-китайских связей. Правда, в этих случаях он вступал в противоречие не столько с МВТП, сколько с установками ЛДП. Конечные результаты по проблемам с Китаем также свидетельствуют об ограниченных возможностях внешнеполитического органа оказывать серьезное влияние на процесс внешнеполитических решений.

В общем-то и профессиональные дипломаты вполне осознают свое реальное место в механизме принятия решений. Причем:

ныне существующее положение вещей их явно не удовлетворяет. Кадровый дипломат С. Есиката следующим образом выразил свое недовольство: «Дипломатическая деятельность нашего государства вступила в эпоху, когда оно вынуждено сейчас проводить так называемую „дипломатию по всем направлениям“, на что указывает не только скачкообразное увеличение количества государств, с которыми мы имеем дипломатические отношения, но и быстрое расширение ее деятельности... Несмотря на это, штат МИД, который должен заниматься дипломатией, находится на уровне 1940—1941 гг.»⁹⁴.

С целью усовершенствования аппарата МИД в его недрах в 1971 г. была создана группа, выработавшая проект реорганизации министерства, получивший название «Перспективы плана расширения штата МИД». Он содержал требование увеличить персонал до 5000 человек, укрепить различные департаменты квалифицированными кадрами, усилить исследовательские подразделения, разработать внешнеполитические мероприятия по проблемам безопасности, улучшить работу информационного отдела и систему согласования с другими информационными источниками и т. д.⁹⁵.

Подобные планы, однако, встречают противодействие со стороны других бюрократических органов. Более того, выдвигается даже идея, изложенная, например, в рекомендациях правительству со стороны близкого к верхним слоям политиков японского профессора Ё. Нагаи, о том, что «в современных условиях, когда увеличивается значение экономических проблем, нецелесообразно закреплять за МИД статус центрального внешнеполитического учреждения»⁹⁶.

Тем не менее преобладающей является тенденция, свидетельствующая об увеличении значимости МИД, в котором постепенно, но неуклонно происходят структурные изменения. Последнее выражается в том, что руководство МИД привлекло на работу лиц, представляющих наиболее крупные финансово-промышленные группировки Японии. Так, в 1976 г. оно впервые приняло на работу на посты секретарей посольств в ряде стран кадры от банка «Дайити кангё» (посольство в Перу), от банка «Фудзи» (в Панаме), от банка «Сумитомо» (в Кувейте), от банка «Мицубиси» (в Польше), от банка «Дайва» (в Мексике), от банка «Кёва» (в Кении), от Банка Токио (в Саудовской Аравии), от Промышленного банка Японии (в Иране), от Банка долгосрочного кредитования (в Венесуэле), от банка «Токай» (при ОАЭ), от банка «Мицуи» (в Нигерии).

МИД стал активнее привлекать сотрудников из других организаций. Например, в посольстве Японии в США из 68 человек на «чисто» мидовский персонал приходится лишь 46, остальные представляют другие ведомства (в том числе МВТП, министерства финансов, лесной и рыбной промышленности, Научно-техническое управление).

В начале 1984 г. было объявлено о некоторых структурных изменениях в МИД: взамен департамента информации и культуры организован информационно-исследовательский департамент, который состоит из отделов информации, планирования и анализа, а также отдела политики в области обеспечения безопасности; образовано три новых отдела в департаменте, ведающем связями с ООН; введен пост официального представителя по связям с прессой.

Правительство чаще стало требовать от МИД участия в выработке внешней политики. Так, программа действий Японии на международной арене в 80-е годы готовилась под непосредственным руководством Комитета МИД по вопросам мира и безопасности и была утверждена кабинетом. Этот факт свидетельствует о том, что хотя МИД и в целом дипломатическое направление японской внешней политики еще не получили должного развития, однако в качестве участника выработки политики роль МИД явно начинает возрастать. Тем самым, наряду с основными функциями по обеспечению «рутинной работы», МИД вменяется в обязанность составление общих внешнеполитических программ и направлений политики Токио. Все это, правда, отнюдь не умаляет значимость МВТП или других финансово-экономических подразделений в правительстве, которые продолжают занимать ключевые позиции в кабинете в процессе принятия решений.

Место парламента. Согласно классической буржуазной государственно-правовой норме, исполнительная власть в рамках разделения ответственности подотчетна законодательному органу — парламенту. Ст. 41 японской конституции гласит: «Парламент является высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства». В ст. 73 указывается также, что кабинет министров (исполнительная власть) имеет право заключать договоры, но «при этом требуется предварительное или, в зависимости от обстоятельств, последующее одобрение парламента».

Действительно, в отличие от довоенного периода значение парламента возросло, однако не настолько, чтобы оказывать существенное воздействие на принятие решений. Представляется, что некоторые японские и американские ученые преувеличивают роль японского парламента. Они исходят из того, что парламент являет собой «вершину политической власти по сравнению с другими органами государственной власти»⁹⁷.

Но в современной политической жизни этот тезис носит в значительной степени фиктивный характер. Еще сто лет назад К. Маркс определял взаимоотношения между парламентом и исполнительной властью как взаимоотношения между «силой фразы» и «неприкрытой фразой силой». В. И. Ленин неоднократно подчеркивал: «Действительное классовое господство лежало и лежит *вне* парламента»⁹⁸. Политическая практика в послевоенной Японии подтверждает эти положения: парламент не только не является институтом власти, он даже не выступает

в качестве значимого звена в подготовке или в утверждении решений. Тот же С. Кимура, являющийся членом внешнеполитического комитета палаты советников, признает: «Большая часть законов, которая проходит через законодательную власть, фактически вносится исполнительной властью». Парламент же, по его мнению, занят «обсуждением политики, осуществляемой исполнительными организациями, и играет вторичную, пассивную роль»⁹⁹. Даже если политика вызывает острые дискуссии между оппозиционными и правящей партиями, то они, как правило, утверждает Х. Ханай, «редко могут повлиять на принятие политических решений»¹⁰⁰. С таким положением вещей вынуждено согласиться большинство японских исследователей. Незначительная роль парламента особенно ярко выступает в вопросах внешней политики. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, большая часть законопроектов, представленная в парламент, падает на проблемы внутривластного характера. Во-вторых, в парламенте представлены оппозиционные силы, например в лице депутатов от КПЯ и СПЯ, взгляды которых особенно резко расходятся с внешнеполитическим курсом правящей партии. Противоречия между оппозицией и консерваторами, «исключающие соглашение», побуждают правящие круги не выносить острые вопросы на парламентские форумы. Как пишет С. Кимура, чем «обсуждать эти проблемы в парламенте, лучше решать их путем согласования и сотрудничества между консервативной партией и бюрократией»¹⁰¹, что в общем-то и делается. В-третьих, консерваторы обладают абсолютным большинством в обеих палатах парламента и таким образом имеют возможность «пропускать» важнейшие решения и законопроекты, а также ратифицировать любой договор. Кроме того, внешнеполитическими вопросами обычно занимается Комитет по внешней политике, контролируемый депутатами, которые одновременно входят в Совет по изучению политических вопросов при ЛДП, разрабатывающий общий политический курс партии. Следовательно, парламентский комитет можно рассматривать как придаток консервативной партии в законодательном органе. В результате запросы и обращения к премьер-министру или министру иностранных дел с требованиями разъяснить те или иные внешнеполитические акции, а также их ответы заранее согласовываются и утверждаются еще на партийном уровне. В этой связи профессор Токийского университета А. Ватанабэ для определения влияния ЛДП в парламенте приводит следующее недвусмысленное высказывание известного политического деятеля страны К. Миядзава: «ЛДП — это третья палата парламента»¹⁰².

Следовательно, японский парламент нельзя рассматривать как серьезное звено в механизме принятия решений. А поскольку парламент не обладает такой значимостью, он фактически не в состоянии и контролировать решения, хотя формально относится к блоку «системы контроля». Несмотря на это, япон-

ская буржуазия, как и буржуазия других капиталистических стран, заинтересована в сохранении парламента, призванного выполнять в определенной степени функцию ширмы буржуазной демократии. Как справедливо отмечалось в нашей литературе, «голосование на парламентских выборах остается единственной общенациональной акцией, создающей ощущение причастности всего населения ко всему кругу важнейших политических решений. Разрушать это впечатление не в интересах капитализма»¹⁰³.

Влияние неправительственных организаций и средств массовой информации на процесс формирования внешней политики

Марксистско-ленинская теория политики не ограничивается анализом классовых интересов в целом и их общего влияния на политическую жизнь страны. Она предполагает более конкретный социологический анализ роли, политического веса и форм деятельности различных слоев и групп внутри тех или иных классов — как господствующих, так и угнетенных. Внутриклассовая дифференциация порождена наличием автономных, подчас конъюнктурных интересов тех или иных группировок, которые хотя и не идут вразрез с конечными общими классовыми интересами, однако могут не совпадать с промежуточными целями и средствами или способами их достижения. На это определенное несовпадение автономных интересов различных группировок с общими классовыми интересами неоднократно обращали внимание К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

«Группы давления». В капиталистических государствах особые интересы различных слоев правящего класса находят свое выражение в возникновении так называемых «групп давления». К таким группам обычно причисляют военно-промышленный комплекс (ВПК), транснациональные компании (ТНК), всевозможные лобби и т. д. Япония также не является исключением в этом отношении. Ее внутривнутриполитическая жизнь всегда характеризовалась борьбой в правящем лагере, в основе которой лежит неоднородность финансово-промышленных и политических кругов, что подчас и вызывает расхождения между ними в понимании государственных интересов страны. Хотя весь правящий лагерь преследует единую стратегическую цель на международной арене — достижение такого миропорядка, в котором Япония играла бы возрастающую экономическую и политическую роль, — мнения представителей различных кругов не совпадают в отношении наилучших методов и путей ее осуществления.

Прежде чем выявить «группы давления» в Японии, необходимо сделать ряд оговорок. Дело в том, что некоторые советские исследователи «включают» в эти группы, хотя и со ссылками на японских ученых, Кэйданрэн, Кэйдзай доюкай, Ниссё и Никкэйрэн, а также «консультативные» комитеты японского МИД¹⁰⁴. Признавая доминирующее влияние названных эконо-

мических объединений на всех стадиях разработки политики, нельзя согласиться с положением о том, что они представляют «группы давления» или «группы интересов». Напротив, в их задачу входит сведение, а не противопоставление собственных интересов интересам других экономических или политических группировок, хотя бы потому, что у них просто нет «достойных оппонентов». «Группы давления» же формируются за рамками официальных институциональных блоков капиталистических государств, хотя некоторые звенья тех же «4-х империй» могут обладать специфическими интересами и входить в неформальные альянсы с оппозиционными правительству силами.

Еще менее оправданным является выделение «групп интересов» в бюрократических ведомствах страны, особенно в МИД. Они даже в большей степени, чем экономические организации, «включены» в правительственную политику и с присущим бюрократам рвением отстаивают ее, в том числе и против всевозможных «групп давления».

Нельзя, на наш взгляд, рассматривать в качестве лобби и фракции в ЛДП, поскольку они своим существованием обязаны не разногласиям по политическим вопросам (их политические ориентиры практически не отличаются), а главным образом борьбой за власть. Не случайно действительно существующие в партии лобби образованы из членов различных фракций, а не какой-либо одной. Единство политических взглядов и общность идеологии — это главное, что свело их в консервативную партию. Однако подобное единство не исключает расхождение (независимо от фракций) по частным вопросам, например по вопросам отношений с Советским Союзом, Китаем, Тайванем, а иногда и в целом (крайне редко) с политическим курсом партии. Примером последнего может служить образованное в 1973 г. молодыми политическими деятелями ЛДП Общество молодой бури (Сэйранкай), отстаивавшее необходимость проведения более жесткого курса на международной арене, причем независимого от США.

Следовательно, понятие лобби, или «группа давления», означает внеинституциональные объединения представителей некоторой части правящего класса, не согласной с теми или иными аспектами правительственного курса и ставящей перед собой задачу посредством давления на правительство «исправления» этого курса в соответствии с собственными интересами. В некоторых случаях возможны альянсы и с оппозиционными государству силами.

Такого типа объединениями являлись пропекинское и протайваньское лобби, возникшие в 60—70-е годы в политических и деловых кругах страны. В ЛДП протайваньское лобби складывалось вокруг Ассоциации по изучению азиатских проблем (Адзиа мондай кэнкюкай, создана в 1964 г.), а пропекинское — вокруг Совета по изучению проблем Азии и Африки (Адзиа африка мондай кэнкюкай, 1965 г.)¹⁰⁵. Экономические круги пропе-

кинской ориентации сформировали Японо-китайскую экономическую ассоциацию (Ниттю кэйдзай кёкай, 1972 г.), протайваньской — Японо-тайваньское общество (Никка корё кёкай, 1972 г.). В парламенте в пользу КНР действовала Лига парламентариев за японо-китайскую дружбу (Ниттю юко гин рэмэй, 1973). Причем из 497 членов Лиги 166 представляли ЛДП, остальные — оппозиционные партии (за исключением КПЯ). Протайваньскую позицию занимал (и занимает) Консультативный совет парламентариев за развитие японо-китайских (тайваньских) отношений (Никка канкэй гин конданкай). Вне стен парламента в пользу преимущественного развития отношений с КНР выступали различные общества: Японо-китайская ассоциация (Ниттю кёкай), Общество японо-китайской дружбы (Ниттю юкокай), Общество японо-китайской дружбы (ортодоксальное), куда входили политические и деловые круги, а также общественные деятели страны.

По мере того как проблемы, стоявшие перед Токио в отношении Пекина, разрешались, значение пропекинских лоббистов падало, и в настоящее время их можно оценивать как утративших статус «групп давления». Вместе с тем, поскольку тайваньский сюжет продолжает оставаться актуальным, причем действия правительства в отношении тайбэйского режима решительно не согласуются с представлениями лоббистов, последние продолжают сохранять свою значимость наряду с так называемым «просеульским лобби», которые не удовлетворены официальной линией Токио в отношении Южной Кореи.

Нужно, однако, иметь в виду, что «выравнивание» правительственного курса с лоббистским не обязательно надо рассматривать как результат действия «группы давления», хотя их значение не следует и преуменьшать. Например, что касается разрешения проблем в отношении Китая, то они в большей степени были связаны с внешними факторами, в первую голову с позицией и политикой США, нежели с действиями пропекинского лобби.

Попутно важно отметить другую сторону лоббистского явления (эта тема частично будет затронута во второй части исследования), а именно существование лобби на межгосударственном уровне. Так, в советской печати сообщалось: «Около 11 млн. долл. израсходовано японским правительством в 1981 г. для поддержания прояпонского лобби в США. Каждый пятый политик, занимающийся в Соединенных Штатах лоббистской деятельностью в пользу иностранных государств, оплачивается официальным Токио»¹⁰⁶. Думается, что еще большие суммы тратят Вашингтон и военные корпорации США для поддержания проамериканских позиций в японской столице. «Дело „Локхид“», в котором были замешаны даже правительственные чиновники во главе с премьером К. Танака, — это, по-видимому, всего лишь часть айсберга проамериканского лоббизма в Японии.

На рубеже 70—80-х годов резко возросло значение Управления национальной обороны (УНО) в процессе разработки внешней политики. Это было вызвано поворотом Японии к жесточенным формам политики, значительно большее внимание, чем ранее, стало уделяться военному направлению. Захиревший было Совет национальной обороны при кабинете министров, созданный еще в 1956 г., ныне приобретает все большее значение в качестве своего рода «мозгового центра» в области разработки военно-стратегических планов Японии.

Крайне правые организации. Одним из важных факторов формирования внешнеполитического процесса, особенно в настоящее время, когда в Японии поднялась волна национализма, являются крайне правые силы страны. Эти силы довольно значительны и достаточно организованны. По данным японской печати, количество крайне правых групп и объединений достигает 550 (по другим данным — 700) с общим количеством членов в 120—125 тыс. человек.

К наиболее крупным и влиятельным правым организациям относятся: Дзэнкоку айкокуся дантай кайги (сокр. Дзэнъай кайги — национальная конференция патриотических организаций), Сэйнэн сисо кэнкюкай (Сэйсикай — общество изучения мыслей молодежи), Дайниппон айкоку дантай рэнго дзикиоку тайсаку кёгикай (Дзитайкай — Объединенное совещание патриотических обществ великой Японии по разработке мероприятий по текущим событиям). В каждое из них входят организации и группы с числом членов от десяти до нескольких тысяч. Дзэнъай кайги, например, объединяет более 300 организаций, а Сэйсикай — около 50. В случае чрезвычайных обстоятельств они могут мобилизовать более 30 тыс. человек. Оба этих объединения имеют примерно равное соотношение сил, но, по мнению полиции, большей мобильностью и организованностью обладает Сэйсикай, почетным председателем которой до недавнего времени являлся Ё. Кодама (умер в 1984 г.).

Другой важной фигурой правых является «старец» Бин Акао, руководитель Великой патриотической партии Японии (Дайнихон айкокуто). О его крайне правой позиции свидетельствует то, что он даже К. Танака и Я. Накасонэ считает «шпионами в пользу СССР и КНР». Его организация связана с Международной федерацией за победу над коммунизмом (Кокусай сёкурэнго), члены которой (по одним данным — 400 тыс., по другим — 21 тыс.) входят одновременно в христианскую организацию известного корейского антикоммунистического проповедника Мьюн Муна. Эта организация финансируется крупным японским бизнесменом, идеологом фашизма еще с довоенных времен Р. Сасагава, под началом которого находится еще 30 аналогичных организаций¹⁰⁷.

Общественность обратила внимание на эти группы в связи со скандальными разоблачениями по «делу „Локхид“», ключевую роль в котором играл уже упоминавшийся выше виднейший

деятель и идейный вдохновитель правого течения Ё. Кодама. Идеологической платформой всех этих групп является воинствующий антикоммунизм и крайний национализм. Они считают, что руководящим принципом для построения идеального национального общества должен стать «японизм» (нихонсюги), предусматривающий отказ от буржуазно-либеральной демократии и восстановление верховной власти императора. Их политические требования формулируются следующим образом: 1) отмена конституции, навязанной США, и введение самостоятельной конституции; 2) ликвидация КПЯ; 3) наведение «порядка» в области просвещения (т. е. роспуск Всеяпонского профсоюза учителей); 4) немедленное возвращение так называемых «северных территорий».

Правые и националистические организации Японии не имеют собственной финансовой базы. Средства для своей деятельности они получают от крупного капитала и правящей ЛДП, а также от преступного мира, с которым они тесно связаны. Эта помощь не афишируется и носит замаскированный характер (в форме платы за рекламу и объявления в газетах этих организаций). По данным полиции, правые организации получают помощь от банжов «Мицубиси», «Дайити», «Токай», «Сумитомо», «Мицуи», компаний «Дэнки когаку когё», «Мацусита дэнки» и др. «Дело „Локхид“» показало, что средства они получают также из-за рубежа. По крайней мере не исключено, что часть денег, полученных Ё. Кодама от «Локхид», он передавал правым организациям.

Безусловно, главным объектом нападков этих организаций являются прежде всего прогрессивные силы Японии, однако нередко они нападают и на правительство, когда приходят к заключению, что оно недостаточно решительно борется с забастовщиками и проводит, по их мнению, слишком «мягкую» линию в отношении социалистических государств. В свое время острые атаки были направлены в адрес Т. Мики за его внутреннюю политику (принятие Антимонополистического закона, расследование по «делу „Локхид“» и т. д.) и за намерение заключить договор с Китаем, который, как они считали, «ускорит проникновение коммунизма в Азию».

Конечно, действия крайне правых, особенно с точки зрения процесса принятия решений и разработки внешней политики, не следует преувеличивать, но и недооценивать этот фактор было бы также неправомерным.

Средства массовой информации. Роль средств массовой информации (СМИ) в государственно-монополистической системе достаточно известна благодаря многочисленным исследованиям. Для нас важно определить место СМИ в процессе разработки и осуществления внешней политики и показать их «работу» на японском примере. Дело в том, что существует мнение о важной роли СМИ «в разработке решения по данному внешнеполитическому вопросу и в выборе окончательного решения»¹⁰⁸. Как

нам представляется, печать и другие средства массовой информации во внешнеполитический механизм «встроены» не на участке принятия решений¹⁰⁹, а на участке формирования и осуществления внешней политики. В последних двух случаях они выступают в качестве канала воздействия на общественное мнение внутри и вне страны. При этом надо иметь в виду, что органы СМИ в значительной степени подчинены государству и монополиям (достаточно сказать, что правительственные расходы на финансирование аппарата по связям с общественностью выросли за 1960—1978 гг. с 760 тыс. долл. до 48 млн. долл.). В этих условиях свою главную функциональную роль, а именно пропагандистско-идеологическую в оболочке информационной, СМИ осуществляют в поддержку внутренней и внешней политики господствующих классов капиталистического общества.

Для буржуазных авторов является вполне естественным включение СМИ во внешнеполитический цикл на участке принятия решений, поскольку такое «введение» должно демонстрировать вовлеченность общественного мнения, т. е. народных масс, в разработку политики, тем самым как бы опровергая тезис о том, что выработка внешней политики является прерогативой верхнего слоя господствующего класса. Правда, некоторые профессиональные теоретики, такие, как Х. Фукуи, Дж. Паккард, Д. Хеллман, избежали соблазна встать на буржуазно-пропагандистские позиции и не включили СМИ в механизм принятия решений. Д. Хеллман, хотя и в осторожной форме, обосновывает это тем, что «общественное мнение и формулирование (он отличает категорию «формулирование» от понятия «формирование») политики, видимо, функционируют независимо друг от друга, в параллельных направлениях, с неразличными взаимосвязями»¹¹⁰.

Взаимосвязи, однако, существуют, и различить их не так сложно. Например, в 60-е годы, когда Япония придерживалась жесткой позиции в отношении КНР, средства массовой информации действовали таким образом, что, как говорит Х. Ханай, «широкие массы... не имели информацию», а если и имели, то искаженную. Х. Ханай пишет, что, «по опросам общественного мнения, проведенным в период культурной революции, каждый третий из опрошенных японских граждан не знал, что в Китае господствует коммунистическая власть»¹¹¹. Но, когда в 70-х годах позиция правящих кругов Японии в отношении КНР изменилась, СМИ добились формирования в стране «прокитайских» настроений, облегчавших официальному Токио решение проблем, связанных с Китаем.

На Западе бытует тезис об «автономии» и «независимости» СМИ от государства. При этом авторы часто ссылаются на Японию. В качестве примера исключительной роли СМИ американские ученые М. Е. Вайнштейн, Дж. К. Эммерсон указывают на тот факт, что именно СМИ возбуждают интерес общественности к проблемам национальной обороны и безопасности и призывают

ют население бороться против захода в японские порты американского авианосца «Энтерпрайз»¹¹².

Действительно, в конце 60-х — начале 70-х годов антивоенные и антиамериканские настроения были особенно сильны в Японии, что нашло отражение и в буржуазной печати. Этому способствовало, как минимум, три обстоятельства. Во-первых, монополии в тот период не изъявляли особого желания откликаться на военные программы, которые выдвигало правительство. Во-вторых, в те же годы разразился первый серьезный кризис в торговых отношениях Японии с США («текстильная война») и потому антиамериканские настроения были сильны даже среди деловых кругов. В-третьих, Соединенные Штаты настолько дискредитировали себя войной в Индокитае, что их поддержка США в этой войне или подача материалов о ней в проамериканском духе была невыгодна для правящих кругов, а хозяев прессы лишила бы читателей и подписчиков, а значит, и прибылей. За любыми отклонениями от буржуазных правил и норм (типа критических статей в адрес правительства или какого-нибудь монополиста) всегда кроется тщательно взвешанный умысел, который становится очевидным если не сразу, то через некоторое время, причем умысел в конечном счете в интересах того же правительства и монополистического капитала. Вывод В. И. Ленина о том, что «свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *покупать* и покупать и фабриковать „общественное мнение“ *в пользу буржуазии*»¹¹³, сохраняет свою актуальность и в наши дни, в частности и в отношении Японии. Чтобы не быть голословным, разберем взаимоотношения печати и политики в этой стране.

Печатная индустрия Японии издает 126 газет, значительная часть которых имеет вечерние выпуски. В 1979 г. общий тираж газет составил 65,8 млн. экз. в день. Это значит, что общий объем продажи газет в Японии больше, чем в США, население которых почти в 2 раза превышает население этой страны.

На первом месте по объему тиража находится «Ёмиури симбун», утренний выпуск которой (на март 1980 г.) составляет 8,4 млн. экз., на втором — «Асахи симбун» (7,4 млн. экз.). Тираж вечерних выпусков каждой из этих двух газет составляет около 3 млн. экз. Третье место занимает «Майнити симбун» (утренний выпуск — 4,6 млн. экз.). «Ёмиури симбун» имеет 440 отделений в Японии и 25 отделений за границей, «Асахи симбун» — соответственно 300 и 23, а «Майнити симбун» — 250 и 13. Эту «великую тройцу» японцы обозначают одним словом: Тёмайёми.

К общенациональным газетам относятся также «Нихон кэйдзай» («Экономическая газета») и «Санкэй симбун» («Промышленно-экономическая газета»). ЛДП издает «Дзию симпо» («Вестник свободы»). «Джапан таймс» считается официозом Министерства иностранных дел.

Как же создается «общественное мнение»? Любая серьезная проблема, освещение которой выгодно правящим кругам, немедленно выносится на первые полосы «великой троицы» («Ёмиури», «Асахи», «Майнити») и «Джапан таймс» с многочисленными комментариями в духе, благоприятном правительственному курсу. Несмотря на обострение конкуренции между прессой и телевидением, взаимные споры в таких случаях отходят на второй план и СМИ страны выступают единым фронтом. Нагнетая, а порой искусственно разжигая страсти вокруг выбранной темы, они оказывают воздействие на население страны, формируя «общественное мнение» в русле, выгодном правящим кругам. Так, в частности, работала пресса в период, предшествующий подписанию договора с КНР. В 1975—1977 гг., когда среди членов правительства и партии еще не был выработан консенсус и они не были готовы к подписанию этого договора, органы массовой информации «призывали» правительство к осторожной, сбалансированной политике в отношении с КНР и СССР. Чтобы обосновать необходимость такого подхода, все крупнейшие японские газеты процитировали высказывание тогдашнего министра иностранных дел К. Миядзава (противника договора) о том, что его подписание приведет к оформлению военно-политического альянса между Японией и Китаем с негативными последствиями для первой. Однако, как только к власти пришел Т. Фукуда, который под давлением Вашингтона решил пойти на подписание договора с Пекином, СМИ, немедленно «забыв» о своих предостережениях, стали рекомендовать правительству как можно скорее заключить договор, который якобы совершенно необходим для противодействия «угрозе с Севера». И хотя на страницах печати встречались критические статьи на эту тему, однако они были размыты потоком информации, спланированным официальными органами.

В конце 70-х — начале 80-х годов буржуазная пресса заpestрела статьями, призывающими правительство наращивать военный потенциал Японии. Если обратиться к программным документам кабинета на этот счёт, которые официально нацеливают Японию на проведение политики в направлении милитаризации, то станут очевидными истоки воинственности журналистов и репортеров.

Уже упоминавшийся знаток Японии Фр. Гибни, много лет проживший в этой стране, не без сарказма отмечал, что все факты, комментарии, редакционные статьи и подвалы японских газет почти ничем не отличаются друг от друга. «У меня было хобби, — пишет Гибни, — каждое утро я раскрывал три газеты (тёмайёми) и сравнивал первые страницы. За редким исключением, их содержание, вплоть до фотографий и заглавий, было идентично. Ни одна страна... не может похвастаться столь вопиющей однородностью мнений, которую умудряются организовать мандарины прессы на страницах японских газет».

Гибни, в отличие от некоторых авторов, не заблуждается в истоках такой подачи информации. Он пишет далее: «Несмотря на появление критических высказываний в трех газетах, мандарины прессы весьма осторожны по части истэблшмента. Подобно бизнесменам, бюрократам и профессуре, они причисляют себя к защитникам государства... они прежде всего националисты. И когда они усматривают угрозу национальным интересам, только тогда они начинают дуть в свой злой свисток»¹¹⁴.

Каков же механизм взаимоотношений между СМИ и правительством?

В Японии давно сложились своеобразные формы связи или так называемая «ёмяку» (спайка) между прессой и политиками. Эта «ёмяку» осуществляется путем общения в закрытых журналистских клубах (кися курабу) при правительственных органах. Взаимодействие может происходить на двух уровнях: личном и групповом. Сотрудника политической редакции какой-либо ведущей газеты, состоящего при определенном политическом деятеле, в журналистской среде называют «бан»: «бан» при Фукуда, «бан» при Миядзава, «бан» при Судзуки.

На групповом уровне редакторы из разных газет объединены в упомянутые выше кися курабу. Группу возглавляет руководитель, от которого в конечном счете зависит судьба любой информации. Членство в таких журналистских клубах ограничено узким кругом репортеров, представляющих основные газеты Японии. Вход в клуб иностранным корреспондентам, за редким исключением, запрещен. Обычно эти кися курабу ориентируются на того или иного политического лидера или на ту или иную фракцию ЛДП. Степень «спайки» может быть таковой, что данная группа отождествляет себя с выбранной ею фракцией. Естественно, что подобного рода связи нигде не афишируются, о них можно только догадываться. О глубине «ёмяку» свидетельствует то, что для Японии не редкость, когда тот или иной репортер или глава журналистского клана становится членом кабинета. Так, в 70-е годы членами правительства стали ряд выходцев из журналистских кругов, в частности такие деятели, как С. Абэ, Х. Бо, Х. Исидэ, С. Ито, Д. Комияма, М. Нагаи, Х. Фукуда, Т. Хасэгава.

Исследователь механизма связей между прессой и политикой К. Мурата на примере взаимоотношений К. Танака, Э. Сиина и Т. Мики (в контексте разбора «дела „Локхид“») сделал такой красноречивый вывод: «Отношения между японскими политиками и репортерами большой прессы представляют собой симбиоз, наличие которого обе стороны находят для себя взаимоприемлемым, правда за счет третьей стороны. И этой стороной является общественность Японии»¹¹⁵. И происходит то, о чем редактор журнала «Фар истерн экономик ревью» Дэвис Дерек, пожалуй самый квалифицированный знаток Японии на Дальнем Востоке, писал: «На протяжении минувших 15 лет возникла гнилая система — кровосмесительный союз между по-

литической элитой ЛДП, крупным капиталом и чиновничьим аппаратом. Слишком часто этой системе помогала и попустительствовала пресса, которая считается свободной, но на самом деле культивирует свои связи с влиятельными кругами и не обладает традицией пытливой журналистики»¹¹⁶.

Совершенно естественно, что в этот симбиоз включен и бизнес Японии. Во-первых, индустрия СМИ уже сама по себе представляет крупные монополистические объединения (газеты+телевидение+кинопродукция). Во-вторых, подавляющая часть акций средств массовой информации находится в руках банков, страховых компаний, рекламных и прочих фирм, т. е. в руках тех же дзайкай. И конечно, СМИ не могут не ориентироваться на своих заказчиков, на общие целевые установки японской монополистической буржуазии.

Противостоят этому мощному симбиозу (СМИ+правительство+бизнес) прогрессивным органам печати с их ограниченным тиражом, слабой финансовой и производственной базой крайне нелегко.

Политологи и международники, исследуя проблемы власти и механизм выработки политики в Японии, для подтверждения или иллюстрации своих теорий и концепций чаще всего обращаются к нескольким событиям, которые оказали существенное влияние на внешнюю политику страны. Это — подписание Сан-Францисского договора 1951 г., восстановление японо-советских дипломатических отношений в 1956 г., пересмотр «договора безопасности» с США в 1960 г., японо-американская «текстильная война» 1969—1971 гг., нормализация японо-китайских отношений в 1972 г.

Мы ограничимся обращением к событиям, связанным с восстановлением дипломатических отношений с КНР. Такое ограничение продиктовано двумя причинами: во-первых, в центре внимания нашего исследования находится внешняя политика Японии в 70-е годы; во-вторых, японо-китайские отношения изучены нами более подробно, чем другие аспекты политики Токио. В данном случае нас интересует не формирование политики Японии в отношении КНР, предусматривающее анализ интересов и целей Токио: он исследован настолько детально, что нет смысла еще раз останавливаться на нем¹¹⁷. В нашу задачу входит выяснение основных участников принятия решения о поездке К. Танака в Пекин в 1972 г.

Нам представляется целесообразным рассмотреть эту тему с помощью статьи Х. Фукуи «Танака едет в Пекин: опыт исследования выработки внешней политики»¹¹⁸. Такое желание мотивировано тем, что Х. Фукуи является самым авторитетным специалистом по японо-китайским отношениям на Западе и, кроме того, это позволит нам на конкретном примере проверить его «функциональную» модель, о которой говорилось в первом разделе.

Американский ученый представляет дело таким образом, что К. Танака, ставший премьер-министром в июле 1972 г., встретил жесткую оппозицию в партии своим намерениям установить дипломатические отношения с Пекином. Справа ему противодействовали члены протайваньского лобби и значительная часть фракции Т. Фукуда, слева — Т. Мики и другие партийные деятели «левого направления», временный союз с которыми распался после выборов президента ЛДП. В результате ядро группы, «делающей политику», состояло из самого премьер-министра К. Танака и министра иностранных дел М. Охира, опиравшихся на свои фракции, которые на тот период превратились в «основное течение» ЛДП. Такая «раскладка сил» давала основание приписывать последующим действиям К. Танака в сторону сближения с Китаем элементы решительности и смелости, чуть ли не революционности, что, конечно, не характерно для поведения даже самых высокопоставленных политических лидеров Японии. В таком ключе описывает ситуацию Фукуи¹¹⁹. Свой вывод о малочисленности «команды ad hoc» он подкрепляет следующим образом.

Не соглашаясь с мнениями двух других американских ученых, Дж. Холидея и Дж. Маккормика, считавших, что «движение, предопределившее признание Японией Китая, показывает, что большой бизнес был главным детерминантом в изменении правительственной политики. Танака и многие члены его кабинета принадлежат к крайне правому крылу ЛДП, и они не могли бы столь круто измениться без поддержки и давления большого бизнеса, который контролирует казну ЛДП»¹²⁰, Фукуи подчеркивает, во-первых, что «поддержку и давление» оказывал не только большой бизнес, но в еще большей степени СМИ, общественное мнение и оппозиционные партии, во-вторых, «давление бизнеса было не главным фактором и поэтому ошибочно считать, что „большой бизнес“ двинул Танака в Пекин»¹²¹.

По Фукуи, сложилась такая ситуация, когда К. Танака и М. Охира чуть ли не вдвоем совершили переворот в японской политике по отношению к КНР.

На самом деле переворота никакого не было и весь процесс нормализации протекал в соответствии с японскими канонами политической жизни.

При всей дробности анализа периода 1971—1972 гг. Х. Фукуи почему-то «забывает» напомнить, что на 25-м съезде ЛДП (21 января 1971 г.), т. е. до объявления Никсоном летом того же года о предстоящей поездке в Пекин, было указано на необходимость «как можно скорее осуществить нормализацию отношений между двумя странами (КНР и Японией) и прилагать активные усилия в целях достижения взаимопонимания и взаимодоверия»¹²². Следовательно, консенсус в партии по вопросам отношений с Китаем в принципе был достигнут еще при кабинете Э. Сато. И хотя дискуссии между протайваньцами и пропекинцами в ЛДП продолжались, но речь шла уже не о сути,

а о формах сближения. Протайбэйские лоббисты, смирившись с решением о нормализации, настаивали на сохранении каких-либо форм отношений с Тайванем, предусматривающих развитие торгово-экономического сотрудничества. В конце концов такая форма была найдена: разрыв дипломатических отношений при сохранении всех иных каналов связи между Токио и Тайбэем, что устроило и ястребов из ЛДП, и руководителей Китая.

Надо сказать, что оппозиционные партии, за исключением КПЯ, несмотря на некоторые внутрипартийные разногласия, в целом выступали за скорейшую нормализацию отношений с КНР. Другими словами, консенсус по китайской проблеме был соблюден не только на уровне правящей партии, но и на общепартийном уровне. Причем лидеры оппозиционных партий, например председатель СПЯ Т. Нарита и бывший председатель этой партии К. Сааки, председатель Комэйто Ё. Такэри и видный деятель ПДС И. Касуга, были непосредственно вовлечены в основную «команду» и «сыграли (особенно Ё. Такэри. — Р. А.) ключевую роль в подготовке визита Танака в Пекин»¹²³. Это дало основание Х. Фукуи сделать следующий вывод: привлечение лидеров оппозиционных партий к важным политическим проблемам «указывает на ясный характер группы формулирования политики и чрезвычайную гибкость и открытую природу ее структуры»¹²⁴. Формально, казалось бы, так. Но необходимо учитывать специфику проблемы. Китай — страна социалистическая, и поэтому естественно, что из чисто тактических соображений направление в Пекин лидеров оппозиции для выяснения ситуации на месте было на тот момент более целесообразным, чем поездки представителей консервативного лагеря, тем более что Пекин питал подозрение к правительству Э. Сато и не имел четкого представления о намерениях правительства К. Танака. Следовательно, дело не в «открытой структуре» механизма принятия решений, а в дальновзоркости политических лидеров Токио.

Что касается бизнеса, то даже приведенные Х. Фукуи конкретные материалы указывают на его главенствующее влияние в деле формирования политики Токио в отношении Пекина, в том числе и на стадии установления дипломатических отношений.

Среди крупных промышленно-финансовых группировок первой стала осваивать китайский рынок группа Сумитомо после того, как она была вытеснена группой Мицубиси с Тайваня. С сентября 1971 г. наладили связи с Китаем кансайские промышленники, а с ноября — Токийская группа бизнесменов, группирующаяся вокруг Кэйдзай доюкай. Кстати сказать, именно эти группировки финансировали предвыборную кампанию фракции К. Танака, М. Охира и Т. Мики, т. е. тех деятелей, которые заявили о своей готовности нормализовать отношения с КНР. Выжидательную позицию некоторое время занимал Кэйданрэн, однако и эта организация с мая 1972 г. одобрила сближение с Китаем, которое, по словам ее тогдашнего президента

К. Уэмура, «является естественной тенденцией в потоке истории». Таким образом, все основные группы дзайкай заняли позицию, благоприятную для налаживания связей с Китаем. И поэтому странным выглядит утверждение Х. Фукуи, что «лидеры наиболее крупных дзайбацу... не руководили политиками и бюрократами; они следовали за ними». В то же время совсем отвергать влияние дзайкай на решение К. Танака о поездке в Пекин Х. Фукуи не мог. Признавая это, ученый писал, что «его влияние было скорее общим и концептуальным, нежели специфическим и связанным с конкретным решением», а посему «ЛДП... большой бизнес были скорее объектами, чем субъектами со стороны действующей группы»¹²⁵. Все это выглядит довольно нелепо даже с точки зрения приведенных самим Х. Фукуи фактов. Дело в том, что «конкретное давление» на К. Танака бизнесу и не требовалось, поскольку действия правительства не шли вразрез с интересами монополий. Наоборот, именно дзайкай ставил перед правительством задачу нормализации отношений с Китаем еще в 50-е и 60-е годы, и только позиция США не позволяла выполнить это требование в те годы.

Этот в общем-то банальный вывод, которого придерживаются все ученые, мало-мальски знакомые с разбираемой темой, например уже упоминавшиеся Т. Хосоя и С. Огата, вызывает принципиальное возражение у Х. Фукуи только по одной причине. Он противоречит его концептуальной схеме относительно механизма принятия решений. В соответствии с ней Х. Фукуи отвергает «элитарную» модель и заменяет ее «функциональной». Парадокс заключается в том, что его вариант анализа на «выходе» дает «полдюжины акторов», так называемую «ad hoc группу», которая и вершит политику. В результате получается «суперэлитная» модель. В подтверждение своей концепции Х. Фукуи наносит удар и по бюрократическим ведомствам. Они, пишет ученый, играли «вспомогательную роль, а не инициативную», они были тренированной и лояльной «лошадкой», чтобы тащить на себе «жокея» Танака — Охира. В «ad hoc группу» от МИД входило, за исключением министра иностранных дел М. Охира (он оценивался как представитель партии), пять человек: заместитель министра иностранных дел С. Хогэн, директор договорного департамента М. Такасима, зав. отделом этого же департамента С. Курияма, директор азиатского департамента К. Ёсида и зав. отделом азиатского департамента Х. Хасимото. Х. Фукуи, правда, не указывает на роль МВТП и особенно тогдашнего его министра Я. Накасонэ, который по своей значимости не уступал К. Танака и М. Охира.

«Выстрел» Х. Фукуи по бюрократии оказывается холостым, поскольку в их функциональные роли и не входило проявлять «инициативы»: задача МИД состояла в тщательной подготовке к этой поездке и в составлении документов, в частности текста Совместного заявления, который, кстати, был встречен китайской стороной без возражений.

Действительно, на последней стадии установления дипломатических отношений организовалась довольно небольшая группа, состоявшая из К. Танака, М. Охира, генерального секретаря кабинета С. Никайдо, нескольких сотрудников МИД и МВТП, которые и довели дело до конца. Но эта группа действовала не в вакууме, и тем более не против центров власти. Она фактически исполняла волю монополий, правящей партии, а в определенной степени и желания оппозиционных партий.

Роль традиций в процессе формирования внешней политики и принятия решений

Общая характеристика традиций и их влияния на формирование внешней политики. Изучение политической культуры Японии и национального сознания японцев интересно не только само по себе, но оно позволяет в определенной степени выяснить специфику поведения страны на международной арене, например те «странности», о которых говорилось выше. Правда, обращение к традициям и национальным особенностям таит в себе опасность двоякого рода, которую как раз и не избежали западная и японская культурология. Будучи приверженцами идеалистического мировоззрения, буржуазные ученые-культурологи склонны объяснить «загадки» «японского феномена», в том числе характер и содержание внешней политики, только национальными особенностями японцев, сформировавшимися, по мнению австралийского ученого Г. Кларка, в результате максимально благоприятного баланса «универсалистских» и «партикуляристских» ценностей¹²⁶. Такая постановка вопроса неверна уже потому, что весь этот социокультурный пласт вторичен и третичен относительно базовых факторов, каковыми выступают способ производства и характер классовых отношений в обществе. Но она не только неверна, но и опасна, поскольку от нее один шаг до национал-шовинизма, который и сделали в самой Японии ученые правого, точнее, националистического направления. Отличительные особенности поведения японцев на стадии формирования и принятия решений они интерпретируют как признаки исключительности и уникальности японской нации, получившей воплощение в теории «японизма» («нихондзинрон»), проповедующей превосходство японцев над другими народами. Как справедливо писал по поводу этой теории японский социолог-марксист К. Нодзому, она представляет «одно из направлений реакционной идеологии», причем все ее разновидности в конечном счете «противостоят марксизму и историческому материализму»¹²⁷.

Это и естественно, поскольку марксистская наука отвергает претензии на исключительность любой нации. Марксистская трактовка особенностей национального характера и этнопсихологии признает наличие специфического и особенного у каждой нации в силу общего психологического склада мышления, отра-

женного в национальной культуре, в том числе культуре политического поведения. В то же время марксистская наука, учитывая особенности национального характера, психологического склада и другие элементы культуры, никогда не забывает ее классовой подоплеки, того, что она формируется под решающим воздействием системы классовых отношений. И поэтому «классово-служебная направленность является самым значимым социальным признаком всей политической культуры, каждого его элемента»¹²⁸.

Анализ взаимодействия политики и культуры на уровне формирования и принятия решений может быть спроецирован и на внутреннюю, и на внешнюю политику. Нас интересует внешнеполитический аспект этой темы. Предмет этот еще слабо изучен в советском японоведении, и поэтому изложенное ниже необходимо рассматривать как попытку поставить проблему, разрешение которой потребует дальнейших углубленных исследований.

Большинство исследователей социально-психологического склада жизни японцев исходят из признания, что его истоками являются особенности структуры японского общества. На Западе, считают они, сложились «горизонтальные» общества: социальные группы в них объединены качественно однородными по классовой и социальной принадлежности элементами. Япония же представляет собой общество с «вертикальной» структурой, и его ведущим организационным принципом является принцип «места» (ба). Людей в «вертикальном» обществе объединяет в группы не их качественная однородность (сикаку), а единство места действия, единство организационных рамок. В средневековье такими «местами» были семья и община. Отношения в каждой из этих ячеек регулировались конфуцианской моралью, заимствованной у Китая, но переработанной на японский лад. В Китае конфуцианство являлось монолитной господствующей идеологией, канонизирующей все стороны жизни общества с четкой иерархической субординацией всех институциональных звеньев и членов государства. В Японии конфуцианство носит ограниченный характер и распространяется только на межличностные отношения внутри каждой из ячеек по принципу приоритета старших. Другие стороны жизни японцев, например производственные отношения, определялись иными религиозно-идеологическими канонами. Кроме того, в отличие от Китая (и Индии), где семье и семейным связям придавалась исключительная роль, в Японии привязанность к семейным узам была значительно слабее; большее значение для личности имели отношения в общине или в государстве, а в современных условиях — на производстве.

Именно эту сторону японских традиций активно эксплуатирует нынешний бизнес, который организует производство на основе так называемой системы патернализма (оябун), «спланивающей воедино» рабочих и предпринимателей одной компании. Социал-антрополог Т. Наканэ утверждает в связи с этим, что

такое общество не признает «качественного первенства», оно построено на «равенстве между людьми». Поэтому, согласно Т. Наканэ, в японском обществе якобы нет места классовому антагонизму: гармония пронизывает всю общественную систему.

Подобные утверждения, конечно, не согласуются с реальностью, с борьбой рабочего класса страны с монополистическим капиталом, регулярно проявляющейся в стачках и забастовках. Именно с позиций реальной действительности японские ученые-марксисты, в частности уже упоминавшийся К. Надзому, опровергают утверждения, подобные взглядам Т. Наканэ. Наличие особенностей, будь то в западных или японском обществах, не отменяет ни классы, ни борьбу между ними — это то общее, что присуще всем капиталистическим государствам. Поэтому действительно существующая в Японии «вертикальная» структура придает специфику не самой классовой борьбе (по содержанию она ничем не отличается, допустим, от борьбы рабочих с буржуазией в Западной Европе и США), а *формам* этой борьбы, формам принятия решений внутри классов. Сама процедура принятия решений в том или ином классе с этой точки зрения почти ничем не отличается, поскольку форма ее есть продукт национальной психологии японцев. Именно на этапе принятия решений «вертикальная» структура оказывает свое воздействие через так называемую «групповую логику».

«Групповая логика», или «отсутствие самостоятельности в принятии решений», является характерной особенностью мышления и поведения японцев, сохранившейся в Японии до настоящего времени. Ее исходные посылки были заложены в глубокой древности, в период земледельческой общины, когда общинники совместным трудом выращивали рис, что делало их отношения взаимосвязанными. Общий, совместный труд порождал принципы групповой логики, в соответствии с которыми люди не могли иметь собственное мнение, свои личностные желания. В отличие от Европы и Америки, где под воспитанием понимается формирование самостоятельности, независимости, в Японии родители стремятся привить своим детям чувство понимания чужих взглядов, позицию невыделения из коллектива. Отсюда возникло и такое явление, присущее японцам, как «шаблонизация личности». Как считает профессор университета Эхимэ Х. Араки, «принцип отрицания способности человека и принцип выдвижения человека в зависимости от стажа работы, пустившие глубокие корни в японском обществе, имеют непосредственное отношение к механике шаблонизации»¹²⁹.

Отсутствие самостоятельности требует подчинения чьей-то воле, т. е. руководителю. Последний обычно обладает большим авторитетом у членов группы. Соподчиненность и взаимодействие между подчиненными и руководителем являются сильными и слабыми сторонами японского коллектива. Если руководитель обладает качествами, позволяющими успешно отстаивать интересы группы вне ее, то возможности группы проявляются в пол-

ной мере. Если группа теряет лидера или он утрачивает авторитет, такая группа превращается в аморфную толпу. Вместе с тем принцип «группа — руководитель» вступает в противоречие с принципом «шаблонизации личности». Это противоречие разрешается частой сменяемостью лидера. Совершенно не случайно сроки полномочий президента партии (ЛДП) и главы правительства ограничены двумя годами. Не случайно также, что в Японии редко встречается «сильная личность» на западный или китайский манер¹³⁰.

В «вертикальной» структуре по линии «группа — руководитель» обнаруживается явление, которое в японском языке передается словом «амаэ», в приближенном переводе означающим «благожелательное отношение к духу зависимости», «желание быть любимым». Психологическим прототипом «амаэ» является психология отношения ребенка к матери. В социальной среде «амаэ» означает, что сильный проявляет терпимость к слабому, признает свои обязательства перед ним, заботится и защищает его, не требуя взаимных обязательств. Именно чувством «амаэ» объясняют авторы монографии «Формирование альянса» жесткую позицию лидеров текстильной промышленности Японии на переговорах с США в 1969—1971 гг. Они, по мнению авторов монографии, исходили из необходимости заботиться об интересах небольших фирм, хотя последние не имели обратных обязательств перед крупными текстильными компаниями. Подобный тип отношений, считают авторы, японцы распространяют и на свои связи с США: «Соединенные Штаты подходят к роли старшего партнера, старшего брата, от которого можно много получить и много ожидать»¹³¹.

Некоторые ученые объясняют подчиненное положение Японии во взаимоотношениях с США традиционным японским «конформизмом, перешагнувшим национальные границы»¹³². Однако конформизм предполагает идентификацию, соглашательство, растворение своего «я» в среде или в отношениях с более сильным партнером. Но, встав на эту точку зрения, невозможно было бы объяснить непрекращающиеся конфликты между Японией и США. По-видимому, дело в том, что, возникающие на основе экономических и политических противоречий, эти конфликты усугубляются антагонистичным взаимодействием конфуцианской морали и принципом «амаэ», перенесенным на взаимоотношения с США. Поскольку последние являются лидером западного мира, постольку Япония в соответствии с логикой конфуцианских канонов находится и должна находиться в подчиненном положении перед Америкой. В какой-то степени этим и объясняется столь послушное равнение Токио на Вашингтон, по крайней мере в сфере тех проблем, которые не затрагивают двусторонних отношений. Когда же США начинают оказывать давление на Японию в вопросах, касающихся непосредственно двусторонних связей, японцы воспринимают это как нарушение принципа «амаэ», в соответствии с которым старший, более сильный парт-

нер должен с уважением относиться к интересам младшего. Нарушение Вашингтоном этого постулата (столь непрагматичного) и приводит к трениям и конфликтам, принимающим форму различных «автомобильных», «текстильных» и прочих «войн». Другими словами, различия в культурных традициях, специфика мышления японцев ведут к недопониманию, усугублению противоречий даже среди классовых союзников.

Тип мышления японцев и его использование правящими кругами. С точки зрения проблем принятия решений большое значение имеет тип мышления японцев, который также весьма своеобразен и существенно отличается от западных и китайских вариантов. Для последних характерны строгие религиозно-идеологические принципы на основе христианства или конфуцианства, категорически отвергающих любые побочные примеси других религий и идеологий. Конфликты с внешним врагом объективно требовали объединения и формирования государств, а для китайцев-ханьцев, помимо этого, необходимо было сохранить свою национальную идентичность в условиях господства маньчжуров. Внешние обстоятельства порождали или сохраняли (для Китая) универсальные идеологии, провозглашавшие моральное превосходство над внешним миром и над врагами. Это, в свою очередь, служило базой для формирования рационального мышления.

Исторический опыт Японии был иной. Своеобразное сочетание географического фактора (расположенность на периферии мировых цивилизаций), специфика исторического развития (самоизоляция на протяжении почти 200 лет) и благоприятные внешние условия (отсутствие внешнего врага) — все это не стимулировало создание какой-либо целостной религиозно-философской основы. Как пишет профессор политехнического института в Токио Е. Нагаи, Японии не было необходимости «создать государственную идеологию для противодействия Европе, Индии, Китаю и другим великим империям»¹³³. Результатом явился религиозный синкретизм, позволивший безболезненно адаптировать буддизм и конфуцианство, сохранив собственные синтоистские представления о мире. А с конца XIX в. они заодно успешно усвоили и западные духовные ценности как буржуазного, так и пролетарского направления.

Необходимо подчеркнуть, что внутренняя структура японского общества исключала насильственное навязывание идеологий в виде некоей «ортодоксальной теории», как это практиковалось, например, в том же Китае. Хотя правительство Бакуфу (в период эпохи Токугава) имело свои официальные школы, в Японии существовало множество частных школ, пропагандировавших различные идеи. Причем все эти идеи и идеологические течения не перемальвались в одну господствующую идеологию. В феодальный период она оставалась полифоничной. Лейтмотив появился позже: по мере вхождения Японии в капитализм. При этом в качестве идеологического лейтмотива на первый

план выдвинулся синтоизм, исконно японское вероучение, оказавшееся наиболее удобной формой политико-идеологического «обеспечения» империалистических устремлений страны во внешней политике.

Однако над обыденным сознанием японцев вплоть до наших дней продолжает довлеть полифоническая структура мышления, композиционно сформированная таким образом, что каждая ее часть вступает в свои «права» в надлежащее время и в соответствии с определенными обстоятельствами: рождение ребенка и бракосочетание — по синтоистским канонам, взаимоотношения между людьми — по конфуцианским, обряды погребения и поминания усопших в соответствии с буддийскими церемониями.

Такой тип мышления крайне своеобразен и с философской точки зрения. Профессор университета Дзёти в Токио К. Цуруми, разбирая формы разрешения социальной напряженности, считает, что в отличие от Запада и Китая, где признаются противоречия (в философском смысле), японец «не признает ни противоположности интересов, ни противоположности ценностей и идеологий, ни наличия самого противоречия»¹³⁴. Это означает почти полный отказ от законов даже формальной логики. Такая позиция объединяет в себе невнимание к противоречию и возможность удачного выбора различных функциональных элементов противостоящих сторон. Японское религиозное мышление отрицает «универсальные истины», или, другими словами, оно находит в каждом явлении «универсальные ценности». Такой подход ограничивает философское исследование явлений.

В свое время известный прогрессивный философ Н. Тёмин (1847—1901) выразил следующую мысль, получившую широкое распространение: «В нашей Японии издревле и донныне философии не существовало». Основным принципом отношения к природе в Японии выступал «здравый смысл» и «чистый опыт». На основе этих категорий создавал свою философию реакционный идеолог К. Нисида (1870—1945), адаптировавший многие концептуальные положения американца В. Джемса и австрийца Э. Маха. По мысли К. Нисиды, «чистый опыт», присущий японскому мышлению, представляет собой «абсолютно конкретное целостное бытие, включающее в себя не только нерасчлененность субъекта и объекта, но и нерасчлененность сознания, ощущения и воли». А потому, считал К. Нисида, «отрицается как идеализм, так и материализм, основывающиеся на утверждении первоначальной реальности либо духа, либо материи»¹³⁵.

На самом деле это, безусловно, не так. Идеологическая и политическая борьба, пронизывающая японское общество и по вертикали и по горизонтали, опровергает рассуждения консервативных философов. Однако уровень обыденного сознания тех слоев японского общества, которые по тем или иным причинам не вовлечены в классовую и политическую борьбу (это относится прежде всего к деревне — оплоту консервативной партии), позволяет манипулировать специфическими сторонами японского

мышления, которому действительно в определенных рамках при-
суще невыделение противоречий или неспособность увидеть про-
тиворечия, например в официальной пропаганде. Сама пропа-
ганда, в свою очередь, эксплуатирует этот феномен и четко раз-
деляет сферы своего обращения — внутреннюю и внешнюю. По-
литические лидеры, сами прекрасно сознавая эти противоре-
чия¹³⁶, намеренно варьируют формы обращения, информиро-
вания и выработки политического курса в зависимости от
адресата. Массы же зачастую не обращают внимания на проти-
воречивую информацию, воспринимают и усваивают противоре-
чивые принципы, убеждения, чувства, мнения. Так, К. Цуруми
в качестве примера приводит двойственность оформления курса
на «войну за Великую Восточную Азию», провозглашенного в
1938 г. принцем Ф. Коноэ. С одной стороны, Япония выступала
как империалистическая держава, добивавшаяся от западных
соперников признания ее руководящей роли в Азии, с другой —
она объявляла народам Азии (и своему народу), что война яв-
ляется антиимпериалистической и ведется ради их освобожде-
ния. Подобное разделение на внешнюю и внутреннюю комму-
никацию используется и в настоящее время. В японском тексте
Японо-американского соглашения об о-вах Окинава, подписан-
ного 17 июня 1971 г., говорилось об их «возвращении», а в ан-
глийском тексте — о «возвращении административных прав», что
позволяло обойти вопрос о сохранении американских баз на
о-ве Окинава.

Намеренный «курьез» произошел и со словом «союз» (до-
мэй), вставленным в американо-японское коммюнике от мая
1981 г. «Джапан таймс», комментируя «это неприятное собы-
тие», писала, что произошла всего лишь «лингвистическая ошиб-
ка», поскольку премьер-министр Д. Судзуки «резко опроверг
наличие каких бы то ни было отношений такого типа между
странами». И если, мол, американцы поняли это слово как обя-
зательство Японии защищать морские пути на расстоянии 1000
миль от побережья Японии, то это «лишний раз отражает куль-
турно-психологические различия между двумя странами»¹³⁷.
Далее мы еще вернемся к этому вопросу, но здесь необходимо
подчеркнуть, что подобная словесная эквилибристика необхо-
дима была средствам массовой информации для того, чтобы,
сославшись на различное толкование термина «союз», сбить
волну протеста общественности против углубления военных свя-
зей с США. Таким путем происходит подготовка общественного
мнения к реальным намерениям правительства, несмотря на
«официальное» опровержение подобных намерений.

Все подобного рода приемы рассчитаны на так называемую
«трехполюсную логику» японцев, отрицающую конфликтность,
противоречивость и не признающую их разрешения за счет ут-
верждения одной из сторон.

Это позволяет лидерам от политики и бизнеса добиваться
любых противоречивых решений. В то же время, чтобы эти ре-

ально существующие противоречия не вызвали конфликтных ситуаций между разнородными группами и слоями общества, в Японии развито такое явление, как посредничество. Все перечисленные ранее экономические организации и политические консультативные советы при кабинете и министерствах — это своего рода «институты посредничества», главная задача которых заключается в недопущении прямого столкновения заинтересованных групп. Конфликт не должен выходить на поверхность, он должен заранее разрешаться на основе компромиссов.

Механизм внешнеполитического процесса в Японии отличается от западных стандартов уже на стадии его формирования. Удобной иллюстрацией для понимания различий этого механизма может послужить анализ способа перестройки правящими кругами Японии политической атмосферы в стране, благоприятной для развития более жесткого курса во внешней и военной политике Токио. Как известно, на рубеже 70—80-х годов милитаристские и агрессивные начала усилились во внешнеполитическом курсе практически всех крупнейших империалистических держав. Но в США и в Западной Европе планы государств по ужесточению внешней политики разрабатываются и осуществляются господствующими классами, и в первую очередь правящей элитой, в меньшей степени учитывающей мнения и настроения масс.

В Японии же настроение общественности, ее позиция относительно крупных переломов во внешней политике, и особенно по военным вопросам, отнюдь не безразличны для тех, кто принимает решения. Это, конечно, не означает, что правящий класс страны радеет об интересах народа. В стремлении ужесточить свой внешнеполитический курс он ничуть не уступает своим классовым союзникам, например за океаном. Взяв подобный курс, политические круги Японии просто стремятся избежать тех социальных конфликтов, которые имеют место в настоящее время на американском и европейском континентах. В расчет принимается и ряд особенностей, присущих Японии, таких, как атомная аллергия японского населения, достаточно сильные позиции оппозиционных партий, и не менее важный момент — традиционное ожидание японцами объяснений со стороны правительства тех или иных (особенно резких) поворотов во внешней политике. А следовательно, консенсус — как форма достижения согласия — необходима для правящих кругов не только в собственной среде, не только в сфере производственных отношений, но и по линии народ — государство (или народ — правительство).

Анализ военных программ Японии свидетельствует о том, что правящие круги Японии подступали к ним постепенно. В первой половине предыдущего десятилетия высказывания о необходимости перевооружения поступали от немногочисленных лиц, так называемых «ястребов» УНО и ЛДП. В середине 70-х годов дискуссии на эту тему были перенесены в парламент, причем в эти

дискуссии были вовлечены более широкие слои социально-активного населения. В конце декады уже правительственные деятели, включая премьер-министров Т. Фукуда, М. Охира, Д. Судзуки, откровенно стали ратовать за новую военную политику, обсуждая уже не столько саму идею, сколько детали перевооружения страны. К пропаганде курса на милитаризацию активно подключилась буржуазная пресса. В результате процент опрошенных, поддержавших новое направление японской внешней политики и новую роль Японии в будущем как великой военной державы в мире, увеличился. В начале 80-х годов были приняты дополнительные и крайне своеобразные усилия в деле обработки населения в духе милитаризма с использованием такого идеологического инструмента, как синтоизм.

15 августа 1980 г., в день 35-летия поражения Японии, впервые после второй мировой войны премьер-министр и некоторые члены кабинета в качестве «частных лиц» посетили синтоистский храм Ясукуни, в котором захоронены останки военных преступников времен второй мировой войны. Это событие глубоко взволновало японскую общественность и вызвало широкий протест прогрессивных слоев японского общества. Столь бурная реакция была вызвана не только тем, что правительственные круги как бы реабилитировали тех, кто вверг страну в войну. Эта акция имела более важное значение, за которым стоит поворот официальных кругов в сторону милитаризации государства, поскольку «храм Ясукуни функционировал в качестве средства установления духа милитаризма в японском обществе»¹³⁸.

Подобные оценки, связанные с храмом Ясукуни, требуют дополнительных разъяснений. Дело в том, что при всем внешнем равноправии религий в Японии синтоизм после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи и вплоть до поражения страны в 1945 г. имел преимущества перед остальными религиями, поскольку он был официальной государственной религией. Именно синтоизм формировал отношения японцев к государству, возглавляемому божественным императором. Так как синтоизм, в отличие от буддизма, конфуцианства и христианства, чисто национальное явление, то именно с помощью этой религии господствующие классы обосновывали идею исключительности японской нации. Согласно синтоизму, человеческая жизнь и смерть имеют значение и ценность только во имя служения императору как высшему существу божественного происхождения. Любая же другая религия, допускающая иное толкование смысла жизни и смерти вне поклонения императору, не имеет права на существование. Или в крайнем случае она возможна, но при условии признания приоритета синтоизма. Поэтому верующие других религий клеймились как «не японцы». В результате «терпимые боги» Японии были крайне нетерпимы к другим богам. В период захвата Кореи, Китая, Маньчжурии и других стран оккупационные власти заставляли молиться их население в синтоистских храмах (особенно христиан), уклонявшихся от этого

умерщвляли. Как пишет ученый из университета Тохоку М. Мията, «агрессивная экспансия Японии сопровождалась и экспансией синтоизма на территориях, которые она завоевывала»¹³⁹.

Но не только агрессия экспортировала синтоизм, сам по себе синтоизм таил в себе агрессивное начало японской политики. Еще до «реставрации Мэйдзи», провозглашая исключительность японской нации, он не мог снять социальную напряженность в стране, которая, помимо всего прочего, определялась фактом закрытого японского общества. Частично эта напряженность разрешалась путем организации правящим классом «охоты за ведьмами», объектом которой было еретическое меньшинство — японские христиане.

Однако после «открытия» Японии и быстрой вестернизации был открыт другой канал разрядки социальной и классовой напряженности, направленный вовне, в форме агрессии и колониалистских войн. И это была отнюдь не «показуха» (мисэкакэ), не отклонение от токугавских ценностей, как утверждает упоминавшийся Ё. Нагаи, а продолжение и развитие идеи исключительности японской нации, призванной господствовать в мире. Таким образом, синтоизм перестал быть просто религией, он превратился в политическую идеологию, знамена которой украшают самурайский меч и хризантема. Другими словами, синтоизм — это идеология войны и милитаризма.

После второй мировой войны он был отделен от государства. Однако в мышлении японцев синтоизм сохранился и проявлял себя в виде культовых обрядов. Попытка правящих кругов Японии возродить как «национальную святыню» храм Ясукуни означает намерение вновь слить государство и религию, а значит, вновь возродить культ императора со всеми вытекающими отсюда последствиями. Японские прогрессивные деятели считают, что политизация синтоизма — и первый шаг к этому — действия в отношении храма Ясукуни — прямо связана с усилением военного строительства в Японии.

Надо признать, что правительственные круги, ЛДП сумели за последние два-три года увлечь часть населения, особенно в провинциях, идеями необходимости огосударствления синтоизма. На серьезность этой проблемы указывают прогрессивные силы, считающие, что если не изменить синтоистские представления этой части японцев, то борьба против милитаризации страны обречена на провал. В их программах говорится: «Борьба против национализации храма Ясукуни — это борьба за радикальное психологическое изменение склада мышления японцев. Из нашего постыдного опыта неудачного предотвращения милитаризации в довоенное время мы должны вынести одно: борьба против храма Ясукуни связана с нашей ответственностью перед историей»¹⁴⁰.

В начале 80-х годов пропаганда «исключительности» японской нации, ее особого «исторического пути» приобрела характер государственной политики. Об этом свидетельствует, помимо

«синтоизации» общественной жизни, запланированная школьная реформа, предусматривающая возрождение среди молодых японцев духа Ямато.

В данном случае правящие круги Японии стремятся использовать такую характерную для японцев национальную черту, как безоговорочная вера в печатное слово, сформированная вековыми традициями в сфере образования. Нынешние столкновения между общественностью и правительством в этой сфере (в частности, в вопросе об учебниках и вокруг проблем образования в целом) имеют непосредственное отношение к курсу на милитаризацию страны. Японские учителя, участвующие в движении за мир, следующим образом характеризуют цели правящей элиты в сфере образования: «Правительство, большой бизнес и министерство образования подвергают пересмотру учебники, чтобы создать среди нового поколения японской молодежи консенсус, способствующий превращению Японии в военную и великую экономическую державу»¹⁴¹. Изучивший эту проблему ученый из университета в г. Окаяма Г. Хук отмечает, что министерство образования требует от составителей учебников: подчеркивать законность сил самообороны и необходимость обладания ядерной мощью; исключать любые упоминания о Японии как стране с сильной «оборонной мощью» в Азии; отказаться от освещения истории движения за мир с периода эпохи Мэйдзи; исключать материалы, описывающие реальность войны и упоминающие о конкретных действиях Японии в Южных морях; не допускать каких-либо намеков, позволяющих детям думать о существовании военно-промышленного комплекса и военной промышленности¹⁴².

Правящие круги Японии с целью расчищения «завалов» на пути милитаризации страны не оставляют без внимания ни одной из черт национального характера японцев.

О возврате к «былому величию Японии» постоянно говорит в своих речах премьер-министр Я. Накасонэ (бывший ученик таких учителей, как известный в стране националист и антикоммунист профессор Токийского университета С. Ябу и лидер правых Е. Кодاما). На 98-й сессии парламента (24 января 1983 г.) Я. Накасонэ завершил свою речь следующими словами: «Японская традиция — незримая сила, определяющая наши мысли, наш образ жизни». Он подчеркнул, что необходимо прилагать самые разнообразные усилия, чтобы использовать личную инициативу на национальном уровне и на уровне общин. Он предложил делать упор на местную общину и добиваться создания по всей стране местных общин. Упоминание общин очень симптоматично. Ведь именно общины являлись и являются в Японии питательной средой для национал-шовинистических настроений.

Безусловно, правящие круги не отказываются и от таких «классических» буржуазных средств, как муссирование различного рода мифов, вроде мифа о «советской угрозе», о необходимости защиты ценностей «свободного предпринимательства».

и т. д. Но ни в одной капиталистической стране не используются столь активно и сознательно особенности национального мышления, специфика национального характера. Стремление предотвратить или хотя бы приглушить общественные конфликты, по возможности разрешить их с помощью компромисса одновременно является отличительной особенностью поведения и самого правящего класса Японии. Причем эта «компромиссная» особенность деятельности власти имущих проявляется не только в ходе формирования внешней политики, но, пожалуй, в еще большей степени в процессе выработки, принятия решений.

Использование традиций в процессе принятия решений. Сразу же следует отметить, что японское понимание смысла термина «принять решение» отличается от западного. Различие состоит в следующем: на Западе это означает «ответить на вопрос», решить проблему; в Японии же — «определить вопрос», выявить суть проблемы. Американский ученый П. Дракер, специально занимавшийся этой стороной японского менеджмента, пишет: «Японский процесс принятия решений сфокусирован на понимании проблемы. Желательным конечным результатом являются определенные действия и поведение людей»¹⁴³. Но и принятое в западном понимании «окончательное решение» еще не означает, что оно будет трансформировано в политику, поскольку это решение в любой момент может таким образом видоизмениться, что на «выходе» из внутренней среды оно будет нести совсем иное содержание, чем в момент его принятия. Другими словами, принять решение в Японии, определяющееся термином «действие» — «кодо» (по А. Ватанабэ), не означает, что политика (сэйсаку) будет строиться на ее основе. Она может быть совершенно противоположной. Так, например, в ответ на требования США и стран Западной Европы ограничить экспорт некоторых товаров и вообще сбалансировать торговлю японское правительство неоднократно принимало решение об удовлетворении своих партнеров-соперников. Однако и по настоящее время несбалансированность не только сохраняется, но и усиливается в пользу Японии. Осознав суть проблемы экономического и политического свойства, члены кабинета формально принимают решение, соответствующее требованиям из-за океана, но действуют вопреки своим же решениям. Следовательно, «принять решение» по-японски не означает обязательно следовать этому решению. Суть заключается в выявлении проблемы и последующего действия в интересах японских монополий.

Как пишет тот же А. Ватанабэ, «драма тихого, незаметного глазу прохождения решения большей частью и является процессом, который называется формированием внешней политики... Эта драма происходит при участии многих актеров, но это не есть карнавальное зрелище, на центральной сцене которой участвует толпа; работа осуществляется на ограниченных участках малой сцены без посторонних взглядов»¹⁴⁴.

В основе процедуры принятия решений лежит традиционная

система «ринги» (или «хинги» — дословно «получение согласия на принятие решений путем опроса без созыва совещаний»). Суть ее состоит в урегулировании различных мнений и избежании противоречивых мнений. На предварительной стадии — «нэмаваси» («увязка корней» или заблаговременная подготовка решений) идет фактическая подготовка условий для достижения согласия всех заинтересованных участников. В результате, как отмечает Т. Хосоя, «споры на официальном уровне становятся формальными, а дебаты, по существу, проходят на стадии „нэмаваси”»¹⁴⁵. Таким образом, достигается не только консенсус по возможности между большим количеством участников, но и происходит (что не менее важно) приобщение каждого члена (или институционального блока) к процессу формирования решения. Тем самым система «ринги» отражает природу признания и уважения социального статуса участников.

Примером многочисленных консультаций по системе «ринги» — «нэмаваси» могут послужить события, связанные с вспыхнувшими в 1982 г. разногласиями между Токио и Вашингтоном, по проблемам экспорта в Японию некоторых видов сельскохозяйственных продуктов США, подрывающего позиции японских фермеров.

Возникновение данной проблемы привело к образованию фермерского лобби, состоящего из крупных фермеров и их ассоциаций, членов ЛДП, ответственных за аграрную политику в партии во главе с Т. Это, и высших чиновников министерства земледелия, лесоводства и рыбной промышленности¹⁴⁶. На первой стадии «увязка корней», т. е. обмен мнениями до согласованной кондиции, осуществлялась между лоббистами и фермерами. На второй стадии представители лобби «вышли» на министерства, от которых требовалась поддержка их позиций. Т. Это неоднократно встречался с министром иностранных дел Ё. Сакураути в ресторане (что, кстати, является еще одной характерной чертой «делания» политики в Японии) с целью согласования позиции с министерством иностранных дел относительно требования американцев открыть сельскохозяйственный рынок страны, а И. Ямагути, представитель Центрального союза кооперации аграрников, «увязывал корни» с министром внешней торговли и промышленности С. Абэ, а также с начальником Научно-технического управления, ранее занимавшим пост министра земледелия, И. Накагава. Одновременно мини-«нэмаваси» было «прокручено» в самом министерстве земледелия, лесоводства и рыбной промышленности. Заручившись поддержкой названных ведомств и влиятельных лидеров, лоббисты уже в своем кругу, т. е. на третьей стадии, выработали окончательное решение, как вести себя на переговорах с американской стороной. На достижение консенсуса у них ушло полтора месяца. Необходимо обратить внимание на то, что все эти обсуждения ставили своей целью не разрешение проблемы, а выработку поведения в условиях существования данной проблемы.

Как считает советский исследователь А. Н. Курицын, «система „ринги” как групповой метод принятия решений основывается на достижении взаимного согласия всех членов групп, и именно в этом проявляется ее основная особенность»¹⁴⁷. То есть «ринги» выполняет функцию приобщения большого круга людей или звеньев бюрократического аппарата к политике, и тем самым создается имедж соблюдения буржуазной демократии по-японски.

Система «ринги» отражает специфическую сторону японского управления вообще. Она возникла еще в древности и связана с такой уже упоминавшейся национальной чертой японцев, как отсутствие самостоятельности в принятии решений. Американский разведчик Захариас, пожалуй, первый обратил внимание на эту черту. Он писал: «Ни один японец, независимо от ранга и положения, по складу своего характера не возьмет или не может взять на себя ответственность решать важные вопросы без длительных и неоднократных обсуждений. Вначале он должен убедиться, что не только он один несет ответственность за принятое решение»¹⁴⁸. Захариас выделил еще одну черту этой системы — распыление ответственности, или, по словам доцента Токийского института иностранных языков Х. Симидзу, «коллективной безответственности»¹⁴⁹, что также выгодно господствующему классу, поскольку позволяет ему скрыть «узлы власти».

На систему «ринги» — «нэмаваси» очень похожа система «харагэй» (дословно — «игра животом»), которую американцы переводят словом «bargaining» («торговая сделка», «торг»). Суть ее сводится также к обсуждению проблемы до тех пор, пока каждый участник не сможет предложить свой путь приспособления к ней или пока стороны не придут к согласию. Из прочитанной литературы на эту тему нельзя получить ясного представления о разнице между этими системами. По нашему мнению, она заключается в адресатах. «Нэмаваси» проявляет себя в общении внутри какой-либо сплоченной группы, «харагэй» — во взаимоотношениях с другими группами или с иностранцами в ходе ведения с ними переговоров.

Другими словами, «харагэй» — это японская техника ведения переговоров, которая не раз доводила до белого каления американских бизнесменов и политиков. Вот как описывает поведение японцев на переговорах американский советник, профессор Университета ООН в Токио Юджин Ли: «Мне было поручено одним американским концерном подготовить создание совместной фирмы с равной долей участия; американская фирма хотела объединиться с японской шелкоткацкой фабрикой... Шесть американских предпринимателей, прилетевших из США, сидят с проектом договора в руках за столом заседаний напротив японской делегации. Японский председательствующий встает, приветствует американцев вежливой, ничего не говорящей фразой и выражает надежду, что американские гости будут хорошо

себя чувствовать в Токио. На этом первый день переговоров закончился. На следующий день спектакль повторяется, американцы начинают нервничать и спрашивать, нельзя ли пока что обсудить хотя бы какой-нибудь пункт договора. Через неделю, когда японский председательствующий снова пожелал хорошего пребывания в Токио, один из американских бизнесменов не выдержал. „Время — деньги”, заявил он, и его делегация безуспешно возвращается в США»¹⁵⁰.

Сами же японцы высоко ценят именно такой тип ведения переговоров, считая, что он ведет к установлению «человеческих отношений». Так, профессор М. Кунихиро пишет: «В „харагэй” проявляется чувство эмоциональной общности, т. е. желание получить особое внимание (вновь связь с амаэ) со стороны партнера, который, в свою очередь, стремится получить ваше дружеское расположение, стать членом вашей группы»¹⁵¹. Особенно эффективно «харагэй» действует, конечно, среди членов групп, принадлежащих к одной культуре. Неприятие «харагэй» со стороны представителей «чужой» культуры ведет, по М. Кунихиро, к «неприятностям и недопониманию».

В качестве примера такого сверхнедопонимания авторы монографии «Формирование альянса» приводят войну между США и Японией, которая произошла, по их мнению, из-за того, что между президентом Рузвельтом и принцем Коноэ не получился «харагэй» (американский президент отказался от личной встречи с японским главой). Это, безусловно, пример гипертрофированного преувеличения воздействия японских традиций на политику.

В реальной действительности все намного сложнее: истоки войны между США и Японией или нынешних противоречий между союзниками коренятся в иных плоскостях; они определяются законами развития капиталистических государств, и прежде всего их борьбой за прибыли и сверхприбыли. В то же время незнание или игнорирование традиционных особенностей, в том числе в сфере ведения переговоров, может нести дополнительную негативную нагрузку на состояние межгосударственных отношений. Для правящих кругов Японии система «харагэй» действительно удобна. Она позволяет им довольно длительно вести переговоры, во время которых они полнее и лучше узнают намерения партнера. Одновременно это дает им возможность выявить степень ущерба или преимуществ с точки зрения собственных интересов посредством «нэмаваси» уже в своей среде. Короче говоря, за время переговоров предусматриваются все компоненты предстоящего соглашения или дипломатического документа. И когда наконец будет достигнуто окончательное решение, все работы по его реализации могут быть выполнены очень быстро. Намного быстрее, чем у тех же американцев, поскольку то, что у японцев было сделано на предварительной стадии в процессе ведения переговоров, у компаний США начинается только после их завершения.

Анализ рассмотренных выше проблем показывает, что механизм политической власти Японии, формулирование политики и принятие решений в общих чертах отражает единую картину для ведущих капиталистических государств. Вместе с тем действие этого механизма и разработка внешней политики в восточном центре империализма имеет ряд специфических черт, отличающихся от западных вариантов.

Если рассматривать распределение власти внутри страны, то она в значительно большей степени концентрируется в руках монополистической буржуазии, нежели государства¹⁵². Соответственно и ключевым звеном в принятии решений выступает не правительство, а большой бизнес Японии. В других капиталистических странах, особенно в тех, где высока степень развития государственно-монополистических форм (Франция, Швеция, Австрия и др.), и в тех, где основным компонентом политики является ставка на милитаризм (США, отчасти ФРГ), соотношение власти распределено более равномерно или даже с тяготением в пользу государственных органов.

В отличие от конгресса США японский парламент имеет значительно меньшее влияние. Можно даже сказать, что он фактически исключен из механизма выработки политики.

Разница между правящими партиями США и Японии заключается в том, что в первом случае основная задача партии состоит в приведении своего лидера к власти, ЛДП же не только «выводит» своих руководителей к власти, но и активнейшим образом участвует в разработке политики. Гораздо большее значение в политической жизни Японии, чем в других капиталистических государствах, имеет бюрократия.

Следует еще раз подчеркнуть, что влияние национальных особенностей на формирование и принятие внешнеполитических решений в Японии огромно. Представляется, что дальнейшее исследование культурно-цивилизационного своеобразия этой страны может оказаться важным дополняющим и уточняющим аспектом конкретно-исторического проявления общих закономерностей капитализма на японской почве. Практика показала, что система управления в Японии, сочетающая в себе традиционные формы, наряду с новейшими методами, отличается высокой эффективностью. Не было бы ошибкой утверждать, что, помимо обладания высококвалифицированным отрядом трудящихся и способностью быстро осваивать последние плоды научно-технической революции, одним из главных козырей господствующего класса Японии является система управления, к которой относятся и приемы формирования и выработки внешней политики, методы ведения переговоров.

Изложенный взгляд на формирование внешней политики и принятие решений вовсе не означает, что на практике его действие проявляется в линейной причинно-следственной последовательности. В жизни, во взаимодействии, по словам К. Маркса, причина и следствие теряют свои отличительные признаки. И ес-

ли за каждой конкретной внешнеполитической акцией еще можно выявить конкретную инициативную силу или группу сил, то этого практически невозможно сделать, когда речь идет об общем внешнеполитическом курсе.

Это вполне понятно, поскольку он является отражением совокупной зависимости взаимодействия всех участников внешнеполитического процесса, причем не только внутренних, но и внешних. Единственное, что обнаруживается вполне определенно на данном участке анализа, — это классовая направленность внешней политики. Следующим этапом является выявление «разрешательной» способности страны добиваться тех или иных внешнеполитических целей, которая зависит от ее экономического потенциала, ее сравнительной мощи в ряду других государств на международной арене.

Глава вторая

МОЩЬ ЯПОНИИ И ЕЕ МЕСТО В МИРЕ

Выдвигая те или иные внешнеполитические цели, руководители государственной политики учитывают возможности своей страны в их достижении. В свою очередь, возможности зависят от мощи или военно-экономического потенциала государства и его места в мире. Взаимосвязь между целями и возможностями их достижения очевидна. Но это не простая взаимосвязь, а диалектическая — ей присущ антагонизм: достижение цели означает ее уничтожение (исчезновение) и одновременно увеличение возможностей; цели же, сформулированные без учета реальных возможностей как своей страны, так и других стран, потенциальных противников, в процессе реализации ведут к напрасной расстрате ресурсов, принимающей формы или уменьшения возможностей, или, как крайний вариант, полного их уничтожения. История человечества дает немало примеров как первого, так и второго случаев. Причем чаще всего просчеты вызываются в определении не столько количественных военно-экономических параметров, сколько качественных. Так, для правящих кругов капиталистического мира недооценка классовых соотношений внутри страны и на международной арене фактически стала почти нормой.

Кроме того, при выработке внешнеполитических целей у политических лидеров империализма возникает немало трудностей в понимании явлений, которые обозначаются терминами «мощь», «сила», «возможности», «место», «роль». В значительной степени это связано с тем, что буржуазные теоретики-политологи, запутавшись в терминологической символике, не могут точно определить ключевые понятия теории международных отношений¹. А без правильного научного представления об этих понятиях и категориях невозможно реально оценивать собственный потенциал и соотношение сил в мире. Нам еще придется вернуться к терминологическим проблемам, однако предварительно целесообразно разобраться в различной интерпретации правительственными кругами Японии ее мощи и места в мире. При этом на данной стадии анализа не имеет значения, в истинном или искаженном свете воспринимают они свои возможности и ситуацию на мировой арене². Важно то, что именно их понимание, их трактовка миропорядка, которые могут быть и неадек-

ватными реальности, оказывают влияние на выработку внешнеполитических целей (отрыв от реальностей, искажение стереотипов сказывается позднее, на стадии осуществления политики).

Место Японии в мире в свете теорий «многополярности»

Мышлению политических деятелей капиталистических стран и в целом буржуазной политологии свойственна идентификация понятий мощи и возможностей, места и роли в качестве производных сил государства. В свое время эту идею теоретически обосновал патриарх американской школы «политического реализма» Г. Моргентау³. Его последователи не мыслят себе нахождение «истины» в политике без предварительного понимания «истинной» сути категории силы.

Именно постулаты теории «силы» в американском варианте получили впоследствии широкое распространение сначала в Западной Европе, а затем и в Японии. Они же легли в основу ставшей в начале 70-х годов популярной и даже доминирующей концепции «многополярности», или «многополюсности», призванной объяснить структуру международной системы. Основополагающим тезисом представителей этой концепции выступает утверждение о том, что «биполярная структура» мировых отношений в 50—60-е годы превратилась в 70-е годы во «многополярную». В советской литературе дан довольно подробный анализ «многополярных» теорий американцев и западноевропейцев. Советский ученый Г. Х. Шахназаров выделяет стержневую основу этой «державной» теории, заключающейся в попытке деидеологизировать международные отношения⁴. В меньшей степени советские ученые исследовали японские взгляды на «многополярность». И хотя по своей классовой сути последние мало чем отличаются от взглядов их коллег на Западе, тем не менее некоторые нюансы и дополнения в данную концепцию они внесли.

Впервые о «многополярности» официальные лица в Японии заговорили в 1972 г. На 68-й сессии парламента (январь 1972 г.) министр иностранных дел Т. Фукуда, характеризуя международную обстановку, сложившуюся в 1971 г., указывал: «Послевоенный мировой порядок переживает ныне одно из крупнейших изменений. Оно заключается в переходе от противоречий между Востоком и Западом к современной многополярности»⁵. Министрство иностранных дел Японии, обычно излагающее свою позицию в «Голубых книгах», в том же году так конкретизировало эти «полюса»: «Произошел переход от эпохи взаимоотношений на основе соперничества и сосуществования между великими державами США—СССР к эпохе противоречий и диалогов между США—СССР—КНР»⁶. Примечательно, что в тот момент политические деятели страны не выделяли еще Японию в самостоятельный полюс на глобальном уровне⁷. Не спешили они

этого сделать и после нормализации японо-китайских отношений в 1972 г.— акт, расцененный политологами и международниками как проявление самостоятельности Токио в отношении Вашингтона. Так, близкий к правительственным кругам внешнеполитический обозреватель Т. Сигэмори писал: «В результате нормализации японо-китайских отношений Япония, хочет она того или нет, оказалась глубоко втянутой в игру „трех полюсов“ — США, СССР, КНР»⁸. Выделение Японии в «полюс» или «центр» глобального масштаба происходит в конце 1973 г. Причину такой «запоздалости» коренится в том, что Япония, по мнению участников симпозиума (1973 г.) в Хаконэ, посвященного проблемам мира и безопасности в Азии, свои «полюсные» качества проявила в связи с арабо-израильской войной 1973 г., впервые заняв позиции, идущие вразрез с политикой США на Ближнем Востоке⁹.

Изменение международной обстановки в направлении «многополярности» объяснялось академическими и политическими кругами различными причинами: одни ученые исходили из деформации политических отношений в рамках США — СССР — КНР, другие корень этих сдвигов усматривали в относительном ослаблении экономических позиций США — СССР при одновременно «экономическом возрождении» Европейского сообщества и Японии, третьи, не упуская из виду названные факторы, учитывали также кризисные явления во внутривосточной и экономической ситуации в капиталистических странах. Профессор Е. Нагаи, например, увязывает причину изменения обстановки к началу 70-х годов с событиями 1968—1969 гг., обозначенными им как «переломный момент». Как известно, эти годы характеризовались антивоенным движением в США в связи с агрессией во Вьетнаме, кризисом доллара и разрушением валютно-финансовой системы в зоне «свободного мира», небывалым размахом социальных выступлений во Франции.

Не все японские аналитики соглашались с подобной «горизонтальной» структурой международных отношений. Некоторых из них смущал факт военного превосходства США и СССР над другими «полюсами». Это заставляло вносить дополнение в «многополюсную» теорию. Профессор Х. Ханан, один из крупнейших теоретиков в области международных отношений в Японии, пытался избежать противоречия путем дробления полюсной структуры по «вертикали». Он исходил из того, что «многополюсность» характерна для экономических и политических отношений, в военной же сфере сохраняется «биполярность»¹⁰.

Однако более «теоретизированный» и, пожалуй, более интересный вариант толкования международной структуры на начало 70-х годов дает японский ученый-системник, профессор университета «Тюо». С. Такаянаги. Его подход весьма близок к идеям американских ученых С. Хофмана и Т. Ногри, работы которых разобраны в советской критической литературе. Но японский ученый вносит в эти идеи свои дополнения. Во-первых. Та-

каянаги в отличие от большинства западных международников четко различает понятия «международная система» («кокусай систэму») и «мировая система» («сэкай систэму»). Для первого из них, по его мнению, характерно взаимодействие национальных государств в качестве основных субъектов политики, второе понятие более широкое, оно охватывает отношения не только между государствами, но и между международными организациями (профсоюзы, транснациональные компании и т. д.). Вторых, японский ученый исходит из того, что термин «международная обстановка» («кокусай канкё») обладает не только пространственно-географическими признаками, отражающими структуру системы, но и вбирает в себя качество структуры, ее социальное содержание. Противостояние Востока и Запада, по его мнению, фактически означает противостояние между «революцией и контрреволюцией»¹¹. На этом участке анализа С. Такаянаги вплотную подошел к пониманию основного противоречия современности, а следовательно, и к осознанию движущей пружины развития международных отношений: борьбы между социализмом и капитализмом. Однако эта идея ускользает, как только он переходит к исследованию теории «многополярности». Опираясь на принцип взаимосвязи и взаимозависимости «международной и мировой системы», он полагает, что даже более гибкая концепция «военной биполярности», «политической трехполюсности» и «экономической пентаполярности» не может объяснить сложности международных отношений, так как эта теория фиксирует наше внимание на «полюсе», в то время как «в системе *международной политики*» имеется, по существу, множество измерений. Игнорирование этих измерений, по мнению С. Такаянаги, означает «превращать реальные политические явления в упрощенную абстракцию и привносить искажения в анализ сложной действительности». Сам же он полагает, что «биполярность» сохранила себя и в 70-е годы, только она приняла скрытые черты, выступая в виде «молчаливой биполярности». Ход его рассуждений следующий. Установление взаимного ядерного паритета между США и СССР сдерживает противоборство этих двух держав, так как разрешение противоречий между ними с использованием ядерного оружия привело бы к самоубийству. «Даже применение обычной военной силы не дает выгоды для сторон», — отмечает ученый. Но поскольку ядерное равновесие не привело к сотрудничеству между «сверхдержавами» на основе партнерства, то «молчаливая биполярность» сохраняет свою силу и особенно проявляется в критических ситуациях. Вместе с тем соперничество между США и СССР, которые не могут использовать военную силу, в том числе и ядерную, дает возможность другим государствам более активно участвовать в международной политике. Это обстоятельство дополняет горизонтальную «скрытую биполярность» вертикальным «полицентризмом». «То, что называют *явлением многополярности*, — это не что иное, как теория, указывающая на

иерархичность политики полицентрического характера», подтверждающаяся, по мнению автора, такими факторами, как сильный антиамериканизм Франции, трения в американо-японских отношениях, антагонизм между СССР и КНР и т. д.¹²

Здесь взгляды японского ученого почти ничем не отличаются от подхода американских политологов С. Хофмана и Т. Ногри. Но он идет дальше их. С. Такаянаги полагает, что на мировую систему помимо государств влияют и другие факторы, в результате чего океан мировой политики бороздят, по его мнению, три крупных лайнера: на одном из них расположились государства, на другом — международные организации, на третьем — транснациональные компании. Признавая в качестве центрального звена отношения между государствами, он убежден, что картина международной жизни, заключающаяся в «перераспределении ценностей», складывается из взаимодействия всех ее участников, включая и негосударственные субъекты политики.

Безусловно, данная версия обладает большими достоинствами, нежели предыдущие варианты, однако и ей присущ один существенный недостаток. Как и всем направлениям теоретических изысканий западной политологии, в ней не хватает понимания истоков этого «перераспределения ценностей», истоков борьбы за эти ценности и классовой природы этой борьбы. Формально адепты теории «многополярности» вроде бы правы. Действительно, после второй мировой войны и до конца 50-х годов система социализма противостояла более или менее единому фронту империализма, что определило существование биполярной системы международных отношений. Отход тогдашних руководителей КНР от единой линии социалистических стран, ослабление роли США в международных делах, обострение межимпериалистических противоречий в связи с усилением таких центров капитализма, как Япония и Западная Европа, привели к системе многополярной дипломатии, что придавало более сложный характер противоборству двух систем на мировой арене, хотя вовсе не изменило его изначальной классовой сути, а также того факта, что главная линия мировых противоречий проходит между социализмом и капитализмом и что в конечном счете видимая политическая «многополярность» по-прежнему сводится к социальной «биполярности» мира. В самом деле, при всех противоречиях между США, Японией и Западной Европой у них существует достаточно определенное единство в вопросе борьбы с мировым социализмом.

Политические и академические круги Японии высоко оценили образование «многополярной» системы к началу 70-х годов. По словам Т. Фукуда, она позволяла «средним странам» в большей степени «обеспечивать собственные государственные интересы»¹³. Аргументированно эту идею изложил Х. Ханай. По его мнению, блоковая система служила целям лидеров каждого лагеря, т. е. США и СССР, в ущерб государственным интересам их союзников. Причем в основание этих целей были заложены глав-

ным образом идеологические мотивы, наносящие вред развитию экономических связей средних и малых стран, входящих в противостоящие блоки. Переход к «безблоковой системе» уменьшает зависимость членов блока от их лидеров и дает возможность им проводить более самостоятельный курс. В результате, пишет Х. Ханай, «собственные государственные интересы этих стран становятся более важными, нежели интересы блока». Примером подобного поведения он считает действия Китая и стран Западной Европы (но не Японии!), «которые, хотя и придерживались собственной идеологии, в то же время нацеливали свою внешнюю политику на обеспечение государственных интересов». Следовательно, делает вывод автор, «США и Советский Союз были не в состоянии определять действия акторов своего блока, исходя из идеологического противоборства и пользуясь экономическим и военным превосходством»¹⁴. Именно в данном утверждении, как верно подметил Г. Х. Шахназаров, коренится «сердцевина», главный обобщающий тезис державной теории, которая «возвещает утверждение единой системы международных отношений безотносительно к классовой природе участвующих в ней национальных государств и других политических образований»¹⁵.

Кроме того, нельзя согласиться с буржуазными моделями «биполярности» и «многополярности» также и потому, что они, предполагая участие в решении мировых проблем ограниченного числа государств, пусть даже таких крупных, как США, СССР, КНР, Япония, страны Западной Европы, тем самым снижают или вообще игнорируют роль других государств, в том числе и тех, которые освободились от колониальной зависимости.

Некоторые ученые и политические деятели учитывают данное обстоятельство, дополняя блоковую концепцию по схеме «Восток — Запад» вертикальной схемой «Север — Юг». Особенно большое внимание отношениям по линии «Север — Юг» уделял премьер-министр Японии Т. Мики в середине 70-х годов. Ученый-международник Ф. Камия делал даже выводы, что «если игнорировать развивающиеся государства в качестве акторов мировой политики, то концепция 3-х (США — Западная Европа — Япония) может привести к „краху“ реальной политики этих государств»¹⁶. Хотя это добавление также лишено классового содержания, тем не менее такие «вставки» означают признание места и роли развивающихся государств в системе международных отношений. Правда, только на словах.

Тезис о невозможности добиваться собственных государственных интересов в эпоху «биполярности» не согласуется с реальной политикой Японии в 50—60-е годы. Действительно, высокая степень зависимости Токио от Вашингтона ограничивала самостоятельность Японии на международной арене в угоду не столько «блоковой» политике, сколько интересам США на Дальнем Востоке и в ЮВА. Однако в случаях, когда политические лидеры Японии действительно преисполнялись решимостью отстаивать собственные государственные интересы, они отбрасы-

вали «блоковые» обязательства и действовали вопреки диктату своего заокеанского союзника. Красноречивым свидетельством этого служит нормализация японо-советских отношений в 1956 г. и развитие торговых связей с КНР в первые 20 лет после второй мировой войны.

Что же касается тезиса об исчезновении идеологии в эпоху «многополярности», то он опровергается самой практикой 70-х годов. Отрывать идеологию от государственных интересов это все равно что отрывать интересы от государства. Государственные интересы отражают и одновременно воплощают в себе идеологию господствующего класса и через внешнюю политику «выносятся» на международную арену. По сути дела, борьба двух систем — капитализма и социализма — это в конечном счете борьба двух типов производственных отношений, двух идеологий, буржуазной и коммунистической.

Появление теории «многополярности» в определенной степени было связано с превращением Японии в конце 60-х годов во вторую по экономической мощи державу капиталистического мира и упрочением такого статуса в 70-е годы. То, что Япония — крупная экономическая держава и образует «полюс», с этим согласны, пожалуй, все буржуазные ученые и политики. Страсти разгораются по другому поводу: обладает ли этот «полюс» чертами «великодержавности», т. е. является Япония региональной или глобальной державой. Критерием для определения выступает «сила» того или иного «полюса». Западные международники дают чрезвычайно широкий спектр оценок в ответе на этот вопрос. Крайние точки зрения высказали еще в начале 70-х годов Г. Кан и З. Бжезинский. Первый утверждал, что Япония неизбежно превратится в экономическую и политическую «сверхдержаву», второй отрицал мощь японского гиганта, определяя ее как «хрупкую и недолговечную»¹⁷. Между этими крайностями существует две группы мнений. Первую отстаивают такие ученые, как О. Веггел (ФРГ), А. Бьюкен (Англия), Г. Солсбери, Р. Скалапино (США). Они считают, что поскольку Япония обладает глобальными интересами, постольку она — держава глобальная, продолжая оставаться, правда, «карликом» в военно-политическом плане¹⁸. Другая группа, в частности Р. Клэф, утверждает, что Япония представляет из себя региональную державу в «восточно-азиатской системе США — СССР — КНР — Япония, хотя имеет интересы и за пределами данной системы». Американские ученые П. Мюллер и Д. Росс несколько расширяют зону действия Японии как региональной державы на весь азиатско-тихоокеанский бассейн. Дж. Маки из Массачусетского университета просто утверждает: «Япония — экономический гигант и военный пигмей»¹⁹.

Что же думают сами японцы на этот счет? У них также нет однозначного ответа. В качестве критерия образования «полюса» они, по примеру западных ученых, выделяют экономическую мощь, а пространственные рамки определяют через понятие «ин-

терес». Так, авторы монографии «Япония и Китай» пишут: раз «события, происходящие в США, на Ближнем Востоке и в Западной Европе, в большей степени затрагивают Японию, чем экономическое и политическое развитие в Восточной Азии», значит, Япония — глобальная держава²⁰. Е Нагаи также полагал, что японские экономические интересы носят глобальный, а не региональный характер. Правда, через четыре года он пересмотрел свою оценку, добавив, что, «несмотря на мировое влияние Японии как экономической державы, в качестве субъекта игры в дипломатической стратегии она не является даже региональной державой»²¹. Тем не менее все они так или иначе сходятся в одном: Япония все-таки «полюс», «центр», но весомость этого центра уступает американскому, советскому и даже китайскому. М. Охира в 1972 г. откровенно писал на этот счет: «Хотя и можно говорить о многополюсном мире, отношения между пятью полюсами носят неравноправный характер. Нет нужды говорить, что США, Советский Союз и Китай должны играть самые важные роли и нести большую ответственность в мире»²². В течение всех 70-х годов официальные лица в Токио определяли статус своего государства в категориях региональных, но отнюдь не глобальных. Выступая на заседании Трехсторонней комиссии в Лондоне в марте 1980 г., виднейший японский политический деятель, претендующий на пост премьер-министра, К. Миядзава заявил, что Япония до сих пор «не готова взять на себя глобальную ответственность»²³.

Необходимо обратить внимание на то, что японцы прямо сопрягают место Японии с «ответственностью», т. е. с ролью государства в мире. Ее несоответствие на первый взгляд кажется действительно разительным. А посему стремление привести политическое влияние Японии в мире в соответствие с ее экономическим статусом было главной задачей политических лидеров в 70-е годы.

Здесь, однако, уместно подчеркнуть, что в соответствии с теорией «многополярности» структурообразующими элементами системы международных отношений выступают государства, как бы лишенные классового содержания, причем только такие, которые обладают силовыми или «полюсными» качествами. В результате на одну доску ставятся совершенно различные в социально-экономическом плане страны — США, СССР, КНР, Япония. С точки зрения буржуазного мышления такое видение мира в некоторой степени закономерно, поскольку оно позволяет затушевывать классовые противоречия на мировой арене, и, кроме того, оно соответствует историческому опыту капитализма, в системе которого отношения строились и строятся по «силе», по «капиталу». Свой опыт лидеры империалистических стран переносят и на отношения с социалистическими государствами.

Вместе с тем данная теория в отличие от предыдущей («державной биполярности») имеет некоторые положительные черты. По крайней мере, ее сторонники вынуждены, хотя и в косвенной

форме, признать, что противостояние СССР — США есть концентрированное выражение противоречий двух мировых систем, что в военно-экономическом отношении силы этих двух социально-политических центров уравнивались, что неравномерность развития капитализма приводит к возникновению новых центров в капиталистической системе. А раз так, то единственной альтернативой сосуществования между системами является не военная конфронтация, а политический диалог и экономическое сотрудничество, т. е. то, что в мировой политике получило название принципов мирного сосуществования. Такой подход и был воплощен в реальной политике большинства капиталистических государств в 70-е годы, которые по праву вошли в историю международных отношений как период разрядки и ослабления международной напряженности.

Именно с таких позиций оценивали правительственные круги Японии международную обстановку в 70-е годы. На это указывают выступления последовательно занимавших пост премьер-министра страны К. Танака (1972—1974), Т. Мики, (1974—1976), Т. Фукуда (1976—1978) и М. Охира (1978—1980). Последний из них, М. Охира, на 91-й сессии парламента в январе 1980 г., в частности, говорил: «В связи с укреплением независимости всех стран в настоящее время существует тенденция к мультиполярности международного сообщества»²⁴.

Это, кстати, было последнее заявление высшего правительственного чиновника, трактовавшего международную ситуацию в контексте теории «многополярности».

Параметры мощи и определение силы

Очевидно, что нас не могут удовлетворить буржуазные критерии, с помощью которых они выявляют мировые «полюса» и «центры». Однако и отмахнуться от анализа их представлений на этот счет, сославшись на то, что «державная» теория не отражает объективных реалий, поскольку она построена на базе буржуазного мировоззрения, мы также не можем. Хотя бы потому, что центрсиловая теория отражает мышление тех, кто принимает внешнеполитические решения, которые трансформируются в политике. А политика, в свою очередь ставшая элементом международных отношений, превращается уже в объективную реальность. И как совершенно справедливо отмечает В. П. Лукин, «игнорирование этой реальности столь же мало оправдано, как и ее абсолютизация, как стремление построить только на ней, и только на ней, всю современную международно-политическую обстановку»²⁵. Не менее важно и то, что аналогичными терминами пользуется и марксистско-ленинская наука. Понятие «силы», как известно, является ключевым в категории «соотношении сил», а понятие «центры империализма» прочно утвердилось в советской науке о международных отношениях в 70-е годы.

Для того чтобы избежать недоразумений и быть правильно понятым, представляется целесообразным на время отвлечься от Японии и коротко остановиться на терминах «мощь» и «сила». Для начала рассмотрим, как их определяют западные и японские теоретики.

Фундаментальное положение господствующего течения в буржуазной политологии заключается в том, что причиной, детерминантой развития истории человечества является борьба за силу. Но превозносить силу еще не означает ответить на вопрос: что же это такое? Среди политологов, правда, есть некоторое единство в определении функциональной роли силы. По их мнению, она заключается «в способности государства... оказывать влияние на поведение других наций»²⁶. При этом, как пишет Х. Ханай, ссылаясь на Г. Моргентау, «государство не достигнет своих целей, если оно не будет пользоваться силой, хочет оно того или нет»²⁷. Такой подход исключает возможность взаимоотношений между государствами, построенных на иных, несловесных началах. Именно эту точку зрения отстаивает правое крыло американских политологов. Один из его представителей, К. Н. Уолтц, «теоретически» предвосхищая силовую тактику администрации Рейгана, утверждает: «Контроль, а не регуляция как таковая, предупредительная деятельность, а не координация ради позитивных свершений — такова ключевая тенденция. Запрещать использование силы с помощью угрозы ее применения, противопоставлять силу силе, воздействовать на политику государств, угрожая им применением силы, — такими были и остаются средства контроля в вопросах безопасности»²⁸.

Справедливости ради следует отметить, что не все буржуазные ученые разделяют подобную теорию международных отношений. Например, К. Дойч и тот же Х. Ханай указывают, что наряду с силовым взаимодействием существуют и другие формы взаимоотношений, а именно сотрудничество и кооперация. В качестве примера они приводят отношения между США и Канадой, а также взаимосвязи внутри Общего рынка. Можно, конечно, поставить под сомнение доказательность этих примеров, но для нас важно другое: не все буржуазные ученые признают за силой безоговорочный атрибут политики.

Но еще большая путаница возникает у буржуазных теоретиков при попытках определить «элементы» силы и их сущностные характеристики. Одни, например Дж. Скотт, «включают» в понятие «сила государства» 12 элементов, в том числе его географическое положение и площадь, природные ресурсы, население (его политическая структура, образование и т. д.), готовность наступательной военной силы и степень активности или пассивности оборонной военной силы, способность государства к оказанию помощи и к отражению необъявленного нападения²⁹. Другие, а их большинство, ограничиваются меньшим количеством компонентов силы (мощи). Так, японский международник С. Сато на-

зывает три: военную мощь, экономическую мощь и гибкую политическую силу³⁰.

Сразу же обращает на себя внимание, что названные элементы отличаются друг от друга по своей сущности и по характеру проявления. Вопрос остается открытым, что они в своей совокупности означают: силу? мощь? или что-то еще? И что такое «гибкая политическая сила»? Более логичен на первый взгляд Х. Ханай. Он выделяет материальные ресурсы страны, добавляет к ним военный потенциал и, используя коэффициент сопоставимости (который сам по себе сомнителен), распределяет государства по их «силе», которой они обладали в 1967—1968 гг.: США, СССР, Китай, Индия, Япония, Англия, ФРГ, Франция, Канада, Бразилия³¹. Один из влиятельных и авторитетных сотрудников Джорджтаунского университета, П. С. Клайн, вводит еще два индикатора — «национальная стратегия» и «национальная воля» — и путем еще более усложненных расчетов дает следующую картину «распределения сил» на середину 70-х годов: СССР — 523 единицы, США — 421, ФРГ — 168, Япония — 144, Иран — 128 единиц³².

Приведенные примеры заставляют усомниться в методике подсчетов «силы» или «мощи», предложенной буржуазными политологами. Сознывая уязвимость подобного подхода, французский социолог Р. Арон пытается выйти из положения с помощью «коэффициента мобильности», который зависит «от многих факторов, но одним из главных, безусловно, является природа внутреннего строя»³³. Действительно, Р. Арон «нащупал» очень важный элемент силы, но как сопоставить силы государств с однородной социально-политической структурой?

Столкнувшись с «неуловимым определением силы», некоторые из теоретиков вообще предлагают отказаться от этого термина. Например, американские ученые Гарольд и Маргарет Спрут считают, что «если бы термин „сила“ был вычеркнут из словаря мировой политики, это могло бы способствовать более ясному пониманию отношений между государствами»³⁴. Именно так и поступает Х. Ханай: он «изгоняет» понятие силы и заменяет его понятиями «мощь» и «влияние». Но вся проблема в том, что это ничего не меняет, поскольку в эти понятия «закладываются» те же элементы, что и в термин «сила».

Конечно, можно было бы обойтись и без употребления слова «сила». Но привычка к нему столь велика, оно так прочно вошло в язык, что вытолкнуть этот термин из научного оборота абсолютно невозможно. Главное все-таки не в слове. Какими бы языковыми символами ни обозначались явления, называемые силой и мощью, важно понять, что скрывается за ними, какую смысловую нагрузку они несут, т. е. необходимо дать им определения. Буржуазная политология, по-видимому, не в состоянии это сделать.

Между тем ответы на эти вопросы были даны около ста лет назад К. Марксом и Ф. Энгельсом. В концентрированной форме

они были изложены Ф. Энгельсом в его работе «Анти-Дюринг» в главе «О насилии». Ссылаясь на К. Маркса и добавляя собственные аргументы, Ф. Энгельс показал, что «различные социальные и политические формы должны быть объясняемы не насилием, которое ведь всегда остается одним и тем же, а тем, к чему насилие применяется, тем, что является объектом грабежа, — продуктами и производительными силами каждой данной эпохи и вытекающим из них самих их распределением»³⁵. Насилие, говорил Ф. Энгельс, только меняет владельца имущества, но само ничего не создает. В то же время, хотя насилие и не является источником материальных достижений, оно выступает в качестве средства их сохранения и увеличения путем изъятия у других владельцев. «А чем же поддерживается насилие, армия? — спрашивает Ф. Энгельс. И отвечает: — *Деньгами*. Итак, опять-таки оказывается, что оно зависит от производства». И наконец, что «оказывается „первичным“ в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами крупной промышленности»³⁶.

Из этих определений вытекает следующее: связь насилия с мощью, зависимость насилия от мощи, мощь — категория экономическая (производство, экономика). Эта категория «очищена» от надстроечных элементов (морали, политики, дипломатии и т. д.). Если поступать иначе, как западные политологи, т. е. в мощь или силу «вводить» и экономику, и политику, то невозможно понять, о чем идет речь: о силе или о мощи, или это одно и то же. На самом деле категории мощи и силы хотя и взаимосвязаны, но имеют разные качественные сущности. Мощь — категория экономическая, базисная, сила — политическая, надстроечная. Одно из проявлений силы — насилие, которое «в его организованной форме называется *государством*»³⁷.

При этом необходимо иметь в виду, что экономическая мощь не равна экономической силе. Факт, постоянно наблюдаемый на практике. Например, экономические потенциалы Японии и ФРГ примерно равны. В процессе же внешнеэкономического взаимодействия Япония оставляет ФРГ далеко позади. Более того, экономическая мощь Японии почти в два раза уступает экономической мощи США, а в конкурентной борьбе японский капитал побивает и американские монополии. Такой результат достигается уже не столько за счет экономической мощи (хотя связь, повторяем, безусловно, существует), сколько за счет экономической политики, которую японские монополии ведут более искусно, более изощренно, чем их соперники. Отсюда вывод, что экономическая мощь приобретает силовые черты при «соприкосновении» с политикой, эффективность которой, в свою очередь, зависит от множества надстроечных факторов (от тактики и стратегии экономической борьбы, от степени согласованности между государством и монополиями, от уровня стабильности внутри государства и т. д.).

Так же обстоит дело и с военной силой, которая состоит из военного потенциала (армия плюс техника) и политики. И здесь равные военные потенциалы еще не означают наличия равной военной силы. Победа будет за тем государством, которое сумеет более рационально, искусно распорядиться военной мощью, т. е. опять же сила зависит от политики, в данном случае военной. Мир неоднократно был свидетелем того, как государства, обладавшие меньшим военным потенциалом, побеждали тех, у кого военный и даже экономический потенциал был выше. Уместно напомнить слова В. И. Ленина, сказанные им в 1921 г.: «Материально в отношении экономическом и военном мы безмерно слабы, а морально, — не понимая, конечно, эту мысль с точки зрения отвлеченной морали, а понимая ее, как соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, — мы сильнее всех»³⁸. В этом высказывании прослеживается идея, что сила — категория политическая и что мощь и сила не прямо пропорциональны. Во взаимосвязанной цепочке: мощь — политика — сила наиважнейшей считается политика. В. И. Ленин ставил вопрос так: «Политика есть концентрированное выражение экономики. ... Политика не может не иметь первенства над экономикой»³⁹.

Дихотомность силы (мощь + политика) обнаруживается и в таких, казалось бы, «чисто» надстроечных явлениях, как идеологическая и политическая сила. Чтобы осуществить идеологическую работу, необходимы людские ресурсы (а значит, и средства на их содержание), а также органы пропагандистского воздействия. В совокупности они образуют потенциал пропагандистско-идеологического аппарата, который, в свою очередь, опять же зависит от экономической мощи. И в этом случае идеологическая сила не равна материальному потенциалу идеологического аппарата: она зависит от самой идеологии, от той идеи, какую она несет в массы: идею войны или мира? социального освобождения или закрепощения? Реакция же масс на эти идеи и будет определять силу той или иной идеологии. Аналогичные взаимосвязи существуют и с силой в политике.

Таким образом, под категорией мощи мы понимаем совокупный экономический потенциал (или ресурс) государства, уровень которого зависит как от естественных факторов (население, площадь, природно-географические условия), так и от социально-экономических отношений в стране. В укороченной формулировке мощь — это материально-техническая база государства.

Измерение мощи не вызывает особых проблем, если только не ставить себе задачу высчитывать «мощь вообще». Румынский ученый С. Брукэн совершенно справедливо замечает в этой связи: «Национальная мощь — это прежде всего сравнительное понятие, так что его параметры и объемы могут быть установлены только в отношениях с другими государствами»⁴⁰. Действительно, категория мощи приобретает значение при сопоставлении экономических потенциалов государств. Но, сравнивая мощь одной страны с мощью другой, мы как бы взвешиваем их по опре-

деленным экономическим параметрам, т. е. выявляем их относительные (но не абсолютные) веса. Следовательно, *вес* государства означает объективную констатацию его сравнительной мощи на международной арене.

Какое именно индикатор брать за основу анализа веса государств, зависит от той степени точности, с какой исследователь намерен изучить данный вопрос. Многие социологи, как пишут Ф. Бурлацкий и А. Галкин, «пытаются определить международный вес государства, взяв за количественные индикаторы совокупный национальный продукт или другие близкие к нему показатели»⁴¹. Наиболее оптимальный вариант распределения веса по уровню экономической мощи дан, на наш взгляд, в монографии «Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа)» (М., 1976). В качестве индикаторов выступают 31 показатель, и на основе метода главных компонентов выявляется распределение 85 несоциалистических стран относительно друг друга. Но этот путь весьма трудоемкий и требует усилий коллектива ученых, вооруженного знанием математических и кибернетических приемов. Видимо, наиболее целесообразным с точки зрения возможностей одного ученого является анализ тех экономических показателей, которые установились практикой в советской научной литературе при сравнении, в частности, мощи трех центров империализма. В качестве набора индикаторов обычно берутся ВВП (или ВНП), доля государства в мировом промышленном производстве, в сельском хозяйстве, годовая выработка продукции на одного занятого, расходы на НИОКР, вооружение и т. д. Такой набор показателей достаточен в тех случаях, когда сравниваются страны, похожие друг на друга по общему уровню развития, т. е. либо развитые, либо развивающиеся, но не первые со вторыми.

Но мощь, как уже говорилось, это еще не сила. Когда же она появляется? В «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал: «Сила измеряется ее проявлением»⁴². Но проявляет, возбуждает, вызывает силу «какая-нибудь деятельность», в нашем случае — политическая. Следовательно, мощь, будучи основанием силы или, еще лучше, ее вещественной субстанцией, сама по себе еще не сила, но таит в себе силу. (Здесь нет никакой мистики. Вспомним, например, данное в «Капитале» понятие прибавочной стоимости, которая, содержащаяся в новом товаре, сама по себе и капитал, и еще не капитал. А также: «Капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»⁴³). Последняя же свои сущностные качества раскрывает в обращении, в политическом пространстве. Что же ее раскрывает, или, по словам Гегеля, что ее «обуславливает»?

Обуславливают эту силу действия встречных, сопротивляющихся ей политических сил. Причем их «встреча» возможна только при наличии антагонистических противоречий между ними, разрешение которых происходит за счет борьбы. Поэтому их

взаимодействие отнюдь не означает простого сложения сил, изображенного, например, в виде «параллелограмма сил». Поскольку это взаимодействие происходит на основе борьбы, постольку входящие или первоначальные силы меняют свое состояние или, как крайний вариант, взаимоуничтожаются. В последнем случае, как писал Ф. Энгельс, «понятие „сила” оказывается здесь, таким образом, у границы своего употребления»⁴⁴. Завершив свое первоначальное движение, силы, а точнее, их взаимодействие порождает новое качественное состояние, которое определяется категорией соотношения сил. О первоначальной силе мы можем судить по результатам борьбы, в чью пользу изменилось соотношение сил, т. е. индикатором «победы» первоначальной или входящей силы является ее способность изменять структуру политических отношений внутри государства или на международной арене.

Что же является «объективным мерилom силы» (В. И. Ленин) в конкретно-исторических условиях?

Самым простым способом ее обнаружения являются результаты войны. В. И. Ленин в 1915 г. писал: «Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны»⁴⁵. Таким образом, она проверялась в течение тысячелетий. В нынешних исторических условиях война между двумя системами уже не может быть «мерилом» силы, поскольку разрушительные возможности сторон таковы, что в случае ее возникновения будет поставлено под угрозу само существование человеческой цивилизации.

Следовательно, единственным критерием в определении силы между социализмом и империализмом может служить тенденция *изменения* в их соотношениях на мировой арене. Само соотношение складывается из множества переменных факторов, многие из которых сегодня действуют в одном направлении, завтра — в другом. Но сколь ни велико количество факторов и сил в мире, все они в конечном счете поляризуются при столкновении с тремя основными противоречиями современности, которые сводятся к противоречиям между социализмом и империализмом, национально-освободительным движением и неоколониализмом, мировым рабочим и коммунистическим движением и империализмом. Таким образом, на одной стороне этого соотношения группируются силы социалистических стран, национально-освободительного и мирового рабочего и коммунистического движения, на другой — силы империализма и его союзников.

Вместе с тем борьба с мировым социализмом за историческое выживание одновременно сопровождается не менее острой борьбой между крупными капиталистическими державами за лидерство в самой системе империализма. Пружинной внутрисистемной борьбы выступает вскрытый В. И. Лениным и подтвержденный исторической практикой закон неравномерного развития капитализма, который к началу 70-х годов привел к образованию трех центров межимпериалистического соперничества.

И здесь мы вновь возвращаемся к Японии. Напомним, что западные политологи наделяют этот «центр» «силовыми» качествами, исходя из того, что экономическая мощь равна политической силе государства. Действительно, мы можем с той или иной долей уверенности предполагать, что государство, располагающее большей мощностью, будет обладать, по крайней мере потенциально, и большей силой. Но в соответствии с вышеизложенным сила обнаруживается в политическом взаимодействии. А раз так, то каким образом оценивать силу государства, оказавшегося в «самоизоляции»? Примером может служить Япония в эпоху Токугава (1603 — 1868), когда она практически не соприкасалась с внешней средой. Внешнеполитические действия той же Японии в сфере «чистой» политики после второй мировой войны, даже по признанию ее лидеров, носили вялый, пассивный характер и не соответствовали экономической мощи страны. Только в начале 80-х годов официальные лица в Токио возвестили о намерении добиться того, чтобы политическая и военная роль Японии в мире стала адекватной ее экономическому потенциалу. В этой связи, как представляется, следует осторожно относиться к выводам западных ученых о трех центрах «силы» в капиталистическом мире. Эта оценка может быть признана отчасти верной, если иметь в виду экономическую мощь центров, да и то с некоторыми оговорками. Экономические показатели, которые в этом случае приводятся, говорят только об экономических потенциалах США, Западной Европы и Японии; сила же проявляется в экономической политике. В этом смысле представляется правомерным и научно обоснованным говорить о трех центрах экономического соперничества, или о трех центрах межимпериалистической борьбы, — вывод, сделанный еще на XXIV съезде КПСС.

Но здесь речь шла о 70-х годах. В начале 80-х годов появились новые моменты во внешней политике Японии, о которых речь пойдет позже. Но перед этим необходимо выявить вес Японии в рамках трех центров империализма путем анализа экономической мощи, которой она обладала в 70-е годы.

Япония как один из трех центров экономического могущества империализма⁴⁶

Распад колониальных империй делает маловероятными военные конфликты за передел территорий между империалистическими центрами. Ныне захватнические войны с прямой аннексией были бы войнами, направленными своим острием не столько против капиталистических соперников, сколько против освободившихся стран. Таким образом, в условиях, когда уже нельзя решать межимпериалистические противоречия с помощью военной силы, на первый план выдвигаются невоенные средства борьбы за раздел «хозяйственной территории», т. е. за рынки сбыта товаров и капиталов, за источники сырья. Следовательно,

выявление экономических позиций Японии в рамках трех центров империализма позволит определить ее относительный потенциал, ее базовый ресурс, на который она опирается в межимпериалистической борьбе, в своей внешней политике.

Неравномерность хозяйственного развития центров империализма определяется прежде всего различными темпами их экономического роста, зависящими от условий воспроизводства капитала в отдельных странах, и долговременной конъюнктурой в мировом капиталистическом хозяйстве. Оставляя в стороне анализ причин изменения в соотношениях экономических потенциалов трех центров империализма, который достаточно подробно и тщательно проделан советскими экономистами, выделим некоторые основные показатели, определяющие позиции Японии в капиталистической системе (табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Среднегодовые темпы прироста ВВП
и промышленного производства,
%**

Годы	США	ЕЭС	ФРГ	Япония
ВВП*				
1961—1970	3,9	4,7	4,7	9,9
1971—1980	3,1	2,9	2,8	4,8
1981	3,0	-0,2	0,3	4,0
1982	-2,4	-0,1	1,9	3,3
Промышленное производство				
1961—1970	5,0	5,2	5,3	13,4
1971—1980	3,2	2,3	2,1	4,4
1981	2,7	-2,2	-1,3	1,0
1982	-8,2	-1,6	-2,5	0,4

* Для ЕЭС и ФРГ — ВВП.

Таблица 2

**Доля трех центров империализма в ВВП
и в промышленном производстве стран ОЭСР,
%**

	1970 г.		1980 г.	
	ВВП	Промышленное производство	ВВП	Промышленное производство
США	39	36	38	33
ЕЭС	35	38	33	36
ФРГ	11	15	10	14
Япония	11	13	14	16

Из табл. 1 и 2 видно, что, хотя приросты ВВП и промышленного производства Японии в 70-е годы стали значительно умереннее по сравнению с 60-ми годами, все же их темпы опережали аналогичные показатели США и ЕЭС.

По прогнозам, такая тенденция сохранится и в 80-е годы, хотя разрыв окажется уже менее значительным. Япония, таким образом, фактически вступила в стадию умеренного экономического роста, в результате чего ее относительная мощь в рамках трех центров не претерпит качественных изменений.

Несмотря на изменение в соотношениях конечной общественной продукции в пользу Японии на протяжении двух десятилетий, необходимо иметь в виду, что как по ВВП, так и в объеме промышленного производства дальневосточный центр империализма уступает США и ЕЭС в 2—3 раза. Приведенные макропоказатели экономического потенциала Японии фактически соизмеримы с одной страной Общего рынка — ФРГ. При этом картина существенно изменится не в пользу Японии, если сравнивать не абсолютные, а относительные величины. Достаточно сказать, что по национальному доходу на душу населения Япония к концу 70-х годов занимала 15-е место в капиталистическом мире. Впрочем, относительные показатели в большей степени имеют значение с точки зрения внутривнутриполитической ситуации в стране; в сфере внешней политики более важную роль играют абсолютные величины. Так, психологический эффект производит тот факт, что Япония по ряду отраслей производства занимает передовые позиции в капиталистическом мире, в том числе в судостроении, по выпуску видеоманитрофонов, станков с ЧПУ, бытового электрооборудования, конторской техники, стали и стальных труб, автомобилей. С начала 1980 г. Япония все более опережает США и страны ЕЭС, вместе взятые, по производству роботов.

Япония проявила высокую адаптивность к кризисным ситуациям в капиталистическом мире после первого «нефтяного шока» в 1973 г. Хотя темпы роста экономики резко затормозились у всех трех центров, Япония, как видно из приводимых данных, продолжала развиваться быстрее своих конкурентов (%):

Темпы роста ВВП	Япония	США	ЕЭС
1967—1973	9,5	3,5	5,0
1973—1980	3,8	2,1	2,2
Промышленного производства			
1967—1973	11,1	4,4	6,1
1973—1980	3,7	1,7	1,5

Такое положение вносило добавочную «стоимость» в оценку японской внешней политики.

Многие авторы склонны объяснять довольно высокие темпы роста японской экономики относительно своих конкурентов низкими оборонными расходами. Однако, как нам представляется, правы те авторы, которые исходят из того, что этот фактор мог

бы существенно повлиять на темпы экономического роста только при низкой норме накопления капитала. При высокой же норме накопления, составлявшей в годы быстрого экономического роста Японии примерно 30 % ВВП, влияние низких расходов на оборону было незначительным.

Истоки эффективности и гибкости японской экономики заложены в результативности общественного производства, которое в немалой степени определяется производительностью труда и фондоотдачей. Если взять за базу 1960 г., то в 1980 г. индекс общественной производительности труда (отношение ВВП в неизменных ценах к общему числу занятых) составил: в Японии — 394, ФРГ — 213, Англии — 154, США — 136. Однако после нефтяного кризиса 1973 г. в Японии произошло снижение среднегодовых темпов производительности труда даже в сравнении с ФРГ. В 1974 — 1979 гг. в экономике в целом они были равны соответственно 3,05 и 3,15 % (у США — 0,1 %). В промышленности они практически совпали и составили соответственно 3,25 и 3,3 % (США — 1,25 %), в то время как в 1961 — 1970 гг. Япония значительно опережала ФРГ и США: в экономике ежегодный прирост производительности труда был равен соответственно 9,2; 4,6; 2,3 %; в промышленности — 11,1; 2,8; 3,1 %. Как видно из приводимых ниже данных, к концу 1979 г. Япония так и не смогла достигнуть уровня производительности труда в важных отраслях экономики США, ФРГ и Франции, незначительно превысив уровень последних двух стран только в обрабатывающей промышленности:

	Япония	США	ФРГ	Франция
Экономика в целом	100	157	139	141
Обрабатывающая промышленность	100	107	99	98
Торговля и сфера услуг	100	154	124	136
Сельское, лесное хозяйство и рыболовство	100	412	163	222

Японские монополии, не удовлетворенные сложившейся во второй половине 70-х годов экономической ситуацией, подготовили комплекс мероприятий, воплотившийся в административно-финансовой реформе, призванной обеспечить если не былые, то по крайней мере опережающие другие капиталистические страны темпы развития японской экономики. В рамках намеченной в конце 70-х годов реиндустриализации особое место должно было занять наукоемкое производство, опирающееся на результаты новой фазы научно-технической революции.

Уровень научно-технического развития является в современном мире важнейшим агрегатным индексом, отражающим как общее состояние экономики, так и прежде всего перспективу ее развития. Известно, что в 50 — 60-е годы по этому показателю Япония значительно отставала от своих конкурентов. Так, если принять за основу индекс научно-технического прогресса, учитывающий число патентов и лицензий, зарегистрированных внут-

ри страны и за рубежом, объем торговли техническими знаниями, размер добавленной стоимости в экономике, величину экспорта наукоемкой продукции, то окажется, что, хотя Япония и увеличивала свой потенциал в этом направлении, она не сумела опередить ФРГ, не говоря уже о США. Об этом говорят следующие данные по уровню научно-технического прогресса (США-100):

	Вторая половина 60-х годов	Первая половина 70-х годов
ФРГ	40,4	49,4
Япония	22,2	41,0

В определенной степени такое отставание было вызвано низким уровнем затрат Японии на НИОКР. Если в 1961 г. США затратили на НИОКР 18,7 млрд. долл. (в ценах 1970 г.), то у Японии и ФРГ эти затраты составили соответственно 1,04 млрд. и 1,62 млрд. долл. Причем ФРГ по темпам и абсолютным затратам на НИОКР опережала Японию и в 60-е годы. В 1970 г. они составили в ФРГ 4,0 млрд. долл., а в Японии — 3,3 млрд. долл. (США — около 26 млрд. долл.). Подобная тенденция сохранялась до конца 70-х годов. Однако уже с 1981 г. Япония уверенно стала обходить ФРГ в расходах на НИОКР: в 1980 г. они составили для Японии — 20,7 млрд. долл., для ФРГ — 21,6 млрд., для США — 61,1 млрд. долл., в 1981 г. соответственно 24,3; 18,3; 69,1 млрд. долл. К началу 80-х годов Япония почти ликвидировала свое отставание от западных стран в доле расходов на НИОКР в национальном доходе, которая составила 2,4 % против 2,6 % в США, 2,6 в ФРГ, 2,5 в Англии, 2,0 % — во Франции. Сблизившись или даже догнав по техническому уровню и по возможностям технических разработок большинство империалистических государств, Япония существенно отстает по этим показателям лишь от США.

Крайне важной отличительной чертой Японии, позволившей ей добиться такого положения, является ее способность быстро внедрять в производство последние новинки в области науки и техники. Так, если для США и ФРГ продолжительность освоения результатов НИОКР в 1953—1973 гг. составляла соответственно 7,3 года и 5,6 года, то для Японии она была равна 3,5 года ⁴⁷.

Накопленный за короткий срок потенциал в области науки и техники позволил Японии начать широкомасштабный экспорт наукоемкой продукции. Доля последней в японском экспорте за 1970—1979 гг. выросла на 411 %, в американском же — лишь на 27,8 %, а в целом по странам ОЭСР — на 55,7 %. При этом около 40 % наукоемкой продукции Японии направляется в США, 15 % — в страны ЕЭС, тогда как на долю Японии приходится всего 1 % аналогичной продукции из стран Общего рынка ⁴⁸.

В начале 80-х годов Япония сделала значительный рывок в сфере производства роботов и создания нового поколения сверх-

сложных компьютеров. С 1971 по 1981 г. выпуск роботов увеличивался в среднем на 38 % в год. В результате из 20 268 роботов высшего класса, установленных в мире на конец 1980 г., на долю Японии приходилось 14 тыс. (69 %), США — 3255 (16,1 %), ФРГ — 850, Италии — 500, Франции — 200, Англии — 185⁴⁹. Но уже к концу 1982 г. в Японии использовалось 32—34 тыс. роботов, в американской промышленности — 6301⁵⁰. По прогнозам японских экономистов, в 1985 г. в Японии будет выпущено 50 тыс. роботов, а к 1990 г. — 90 тыс. в год. При этом они будут обслуживаться ЭВМ пятого поколения, в 100—10 000 раз превышающими объем памяти ныне существующих ЭВМ и работающими в 10—100 раз быстрее.

Практика показала, что темпы расширения парка ЭВМ превышают оценочные прогнозы. Если к началу 1980 г. общий парк ЭВМ (без микро-ЭВМ) распределялся в пропорциях: США — 280 тыс. шт., Япония — 45 тыс., ФРГ — 29 тыс., Франция — 24 тыс., Англия — 20 тыс., Италия — 12 тыс. шт., то на конец 1982 г. парк ЭВМ Японии достиг 110,4 тыс. шт., хотя, по прогнозам, он должен был составить 107 тыс. шт. только в 1985 г. и 120—125 тыс. в 1990 г.

Позиции Японии на мировом рынке ЭВМ еще значительно уступают даже одной американской компании «ИБМ», правда самой крупной в капиталистическом мире, доля которой в 1982 г. составляла 60 %. На долю же японских производителей ЭВМ приходилось 15,4 %. Однако еще со второй половины 70-х годов Япония по этому показателю опережала ФРГ и Англию, а по объему производства находилась на одном уровне с ЕЭС в целом⁵¹. Среди капиталистических стран (исключая США) только Япония является страной, которая обеспечивает более половины внутреннего спроса на ЭВМ за счет собственного производства.

Целенаправленные усилия правящих кругов Японии, имеющие целью превращение страны в «мозговой центр» империализма, несмотря на неблагоприятную экономическую конъюнктуру в капиталистическом мире, позволяли оставаться Японии наиболее конкурентоспособной страной среди своих партнеров-соперников. К такому выводу пришли авторы Доклада европейского форума по проблемам управления на основе анализа 240 критерияльных индикаторов (из них 180 — объективные показатели, 60 — субъективные, оценочные), с помощью которых определялась промышленная конкурентоспособность⁵². Эти данные распределялись по 10 основным блокам: 1 — динамизм экономики, 2 — промышленная эффективность и издержки производства, 3 — динамика рынка, 4 — финансовый динамизм, 5 — человеческие ресурсы, 6 — роль государства, 7 — инфраструктура, 8 — внешняя ориентация, 9 — передовая ориентация, 10 — социально-политическое согласие и стабильность. На основе таких данных и показателей авторы Доклада пришли к выводу, что Япония занимает 1-е место в блоках 1, 2, 9; 2е- место — в блоках 5, 8, 10;

Т а б л и ц а 3

Соотношение мощи трех центров империализма *

	1970 г.				1980 г.			
	США	ЕЭС	Япония		США	ЕЭС	Япония	
			в том числе	ФРГ			в том числе	ФРГ
Территория, млн. кв. км	9,4	1,5	0,25	0,4	9,4	1,5	0,25	0,4
Население, млн. человек	204,9	276,9	59,5	104,7	220,6	269,9	61,4	115,9
Доля в суммарном объеме промышленного производства в странах ОЭСР, %	35,8	38,0	15,1	13,0	33,0	35,6	13,7	16,0
Доля в суммарном ВВП, %	38,8	34,9	10,8	11,4	37,9	33,2	10,4	14,2
ВВП, млрд. долл. (текущие цены)	981,0	621,8	210,3	200,0	2626,1	2441,8	781,3	1255,6
Внешнеторговый оборот, млрд. долл.	82,4	230,1	64,0	38,2	472,4	1390,3	381,0	269,7
Экспорт, млрд. долл.	42,6	112,4	34,2	19,3	216,7	662,0	193,0	129,2
Доля в экспорте капиталистического мира, %	15,2	39,9	12,2	6,9	11,8	36,1	10,5	7,1
Затраты на НИОКР, млрд. долл.	26,0	11,4****	4,0	3,3	62,0	35,0	12,5	18,3
Прямые военные расходы, млрд. долл.	73,6	26,4	8,3	1,9	131,4	79,1	14,6	7,5
Общая сумма золотовалютных резервов, за исключением золота, млрд. долл.**	3,4	19,1	3,6	4,3	19,0	101,4****	43,8	28,2
В том числе золота, млн. унций***	291,6	859,8	116,5	19,4	264,4	621,2	95,2	24,2
Объем прямых иностранных инвестиций, млрд. долл.	78,0	62,4	7,0	4,0	192,6	160,0	36,4	39,7

* Расчеты ИМЭМО АН СССР по данным статистики ООН и национальных статистик отдельных государств.

** За 1970 и 1981 гг.

*** За 1971 и 1981 гг.

**** ФРГ, Франция, Англия, Италия.

США же продолжали лидировать по показателям, сгруппированным в блоках 5, 7, и 2-е место — в блоке 8.

Обобщающая картина трех центров экономической мощи видна из табл. 3, но она не дает представления о характере мощи каждого из центров, который определяется степенью интегрированности с международной средой и зависимостью от этой среды.

Япония в системе мирохозяйственных связей. Анализ внешнеэкономических связей Японии позволит, во-первых, выявить степень интегрированности японской экономики в мировые хозяйственные отношения, во-вторых, определить основные направления внешней политики, поскольку зоны повышенного экономического интереса государства являются, как правило, одновременно и зонами повышенной политической активности, в-третьих, сравнить удельные веса регионов во внешнеэкономической деятельности США, ЕЭС, ФРГ и Японии, а значит, и наиболее важные объекты соперничества между ними, с одной стороны, сферы господства или доминирующего влияния того или иного центра империализма — с другой (табл. 4).

Из таблицы видно, что ежегодный прирост экспорта Японии был и остается значительно выше, чем у США, ЕЭС и ФРГ, хо-

Таблица 4

Темпы прироста реального объема внешней торговли и доля в мировом капиталистическом экспорте и импорте, %

Годы	США	ЕЭС	ФРГ	Япония
<i>Темпы прироста</i>				
<i>Экспорт</i>				
1961—1970	6,4	8,8	9,8	16,0
1971—1980	6,9	6,0	5,3	9,5
1981	-3,1	2,2	5,4	10,5
1982	-10,5	1,0	2,0	-1,8
<i>Импорт</i>				
1961—1970	8,3	8,9	11,6	15,0
1971—1980	4,5	5,2	5,4	4,4
1981	2,5	-3,7	-3,6	-2,0
1982	-3,5	2,5	0,5	0,2
<i>Доля</i>				
<i>Экспорт</i>				
1960	18,1	37,1	10,1	3,6
1970	15,2	39,9	12,2	6,9
1980	11,9	36,4	10,6	7,1
1983	12,3	...	10,4	9,0
<i>Импорт</i>				
1970	14,5	...	10,2	6,5
1980	13,8	...	10,1	7,6
1983	15,8	...	8,9	7,4

тя темпы в 70-е годы по сравнению с 60-ми существенно понизились. Подобная ситуация скорее всего сохранится и в 80-е годы.

В 1981 г. Япония заняла первое место среди 24 стран ОЭСР по экспорту широкого ассортимента товаров: легковых и грузовых автомобилей, радио- и телеаппаратуры, телевизоров, конторского оборудования, телекоммуникационного оборудования, видеомагнитофонов, электронного и электротехнического оборудования, труб, стального проката, фотоаппаратов, музыкальных инструментов, тканей из искусственных волокон, мопедов и велосипедов, оптических инструментов, судов, часов и игрушек. По 14 позициям она занимала второе и третье место.

Несколько по-иному выглядит импортная динамика. Резко опережающий прирост японского импорта в 60-е годы сменился снижением темпов по сравнению с основными конкурентами в 70-е годы и приблизительно уравнился с ними в 80-е годы. Это было вызвано не только обострившейся политической ситуацией в главной импортно-сырьевой зоне Японии — на Ближнем Востоке, но и политикой правящих кругов, нацеленной на снижение импортной зависимости за счет экономии потребления энергии в промышленности и в быту, которая довольно успешно осуществляется в рамках реиндустриализации Японии.

К началу 80-х годов Япония сделала скачок в накоплении золотовалютных резервов, по запасам уступающих только США и ФРГ. Если в 1960 г. уровень резервов для ФРГ, Японии и США составлял 7,0 млрд., 1,9 млрд. и 19,4 млрд. долл., а в 1970 г. — соответственно 13,6 млрд., 4,8 млрд. и 14,5 млрд. долл., то уже к 1980 г. сумма резервов трех стран была равна 52,3 млрд., 25,2 млрд. и 26,8 млрд. долл., т. е. Япония существенно подтянулась до уровня США.

При общем отставании от многих европейских государств и США в наличии резервов золота Япония сумела увеличить его запасы с 19,4 млн. унций в 1971 г. до 24,2 млн. унций в 1983 г. У США и ФРГ за эти годы произошло уменьшение золотых запасов соответственно с 291,6 млн. до 263,4 млн. и с 116,5 млн. до 95,2 млн. унций.

Возросшее могущество японских деловых кругов оказало влияние на перераспределение позиций среди банковских монополий трех центров. По данным журнала «Форчун», если в 1970 г. из 100 крупных банков мира 25 были американские и 19 — японские, то в 1983 г. уже японских банков было 25, а американских — 19.

Резко увеличились активы японских банков, как об этом свидетельствуют приводимые ниже данные о росте активов 25 крупнейших банков трех центров империализма (млрд долл.)⁵³:

	1972 г.	1980 г.	1982 г.
США	301	761	892
Западная Европа	330	1504	1488
Япония	240	1020	1175

Среди японских банков за границей по сумме активов лидируют «Дайити кангё» (108 млрд. долл.), «Фудзи гинко» (100 млрд. долл.), «Сумитомо гинко» (96,6 млрд. долл.), «Мицубиси гинко» (96 млрд. долл.)⁵⁴.

С начала 70-х годов Япония приступила к широкомасштабному вывозу капитала, по темпам опережая все развитые страны капитализма. Бурная активность в этом направлении внешнеэкономической деятельности была вызвана рядом причин. Во-первых, противодействие монополий США и стран Общего рынка торговой экспансии Японии вынуждало последнюю инвестировать капитал на территории этих государств для создания собственных или смешанных предприятий, что позволяло ей в определенной степени обходить различные таможенные ограничения и требования о «добровольном самоограничении». В результате если до начала 70-х годов сальдо взаимной торговли Японии с США и ЕЭС обычно было в пользу двух последних центров, то в 70-е и особенно в 80-е годы ситуация резко изменилась. Превышение японского экспорта над импортом в торговле с партнерами стало исчисляться миллиардами долларов. И хотя общая доля японских прямых капиталовложений в развивающиеся страны в 1951/52 — 1982/83 фин. годах превышала долю капиталов, вложенных в развитые капиталистические страны (в соотношениях 53,4 и 46,6 %), то со второй половины 70-х годов большая доля ежегодных инвестиций Японии приходится на развитые страны. Так, в 1980 г. их доля в японских капиталовложениях составила 55,8 %, в 1982 г. — 54,6 %.

Таблица 5

Объем заграничных прямых инвестиций трех центров и их доля в общих инвестициях за рубежом

	1971 г.		1981 г.	
	объем, млрд. долл.	доля, %	объем, млрд. долл.	доля, %
США	86,0	52,0	226,4	46,9
Западная Европа	62,0	37,7	224,1	42,7
В том числе ФРГ	6,6	4,0	37,3	7,7
Япония	4,5	2,7	46,4	8,8

Во-вторых, к началу 70-х годов возросла мощь японских монополий, которые превратились в транснациональные. Среди 500 крупнейших промышленных монополий капиталистического мира японские ТНК уже к 1973 г. заняли прочно 2-е место (после американских), причем их число продолжает расти. По данным журнала «Форчун», в «промышленный клуб 500» входят 142 американские ТНК, 134 японские, 87 британских, 59 западногерманских и 41 французская⁵⁵.

Наиболее обширной сетью заграничных филиалов обладают автомобильные компании Японии. Так, предприятия «Тоёта» действуют в 38 странах, «Ниссан» — в 22, «Тоё кигё» — в 16 странах. В целом на начало 80-х годов за границей функционировало 5,5 тыс. предприятий с участием японского капитала, на которых было занято 1,3 млн. человек⁵⁶.

Из табл. 5 видно, что за десятилетие Япония совершила большой скачок в накоплении капитала за рубежом, фактически уступая в объеме только капиталам США и Великобритании. Такой потенциал позволил к концу 70-х годов произвести продукцию на зарубежных предприятиях стоимостью, превышающей экспорт из Японии.

Об этом свидетельствуют данные об отношении стоимости продукции заграничных филиалов ТНК к стоимости экспорта трех центров (%):

Год	США	Западная Европа	Япония
1960	256	72	12
1973	415	85	80
1980	500	125	144

Ныне японские транснациональные банки хотя и уступают по финансовой мощи банкам Западной Европы, но уже превосходят банки США. Так, по данным журнала «Бэнкер», из 500 крупнейших банков капитал трех центров представлен 318 банками (64 % всего числа банков), на долю которых приходится 5,2 трлн. долл. (75 %) из 6,9 трлн. долл. всех банковских активов. Из них банки США владеют 1,3 трлн. долл. (19%), Япония — 1,4 трлн. (20 %), Западной Европы — 2,5 трлн. долл. (36 %).

Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени интеграции японских монополий, об их реальной силе в борьбе между тремя центрами экономического могущества. Такой статус позволяет им при желании бесконтрольно проводить именно ту политику, которая отвечает их «транснациональным» интересам и которая не всегда совпадает с официальным курсом страны базирования.

О точках соприкосновения торгово-экономических интересов, а значит, и «узлах противоречий» трех центров империализма, а также зонах доминирования каждого из них дает представление географическое распределение их прямых частных капиталовложений и структура внешней торговли (табл. 6 и 7). При этом необходимо учитывать данные табл. 5, из которой вытекает, что американский процент (т. е. доля в общих инвестициях за рубежом) «тяжелее» японского почти в пять раз, западногерманского — в шесть раз и приблизительно соответствует западноевропейскому.

Из табл. 6 видно, что зоной преобладающих интересов в сфере капиталовложений для США и стран Западной Европы, включая ФРГ, являются развитые капиталистические страны, а для Японии — развивающиеся. Правда, по объему инвестиций США

и Западная Европа преобладают над Японией и в «третьем мире», за исключением ЮВА, которая является сферой доминирования японских монополий даже с учетом «веса» процентов.

Таблица 6

Географическое распределение прямых частных капиталовложений трех центров империализма*, %

Регион и страна	США	Западная Европа	ФРГ	Япония
Развитые страны	75,1	74,0	78,6	44,6
Западная Европа	45,9	36,8	51,3	11,6
Северная Америка	20,6	26,3	23,5	27,1
Япония	3,2	1,8	1,2	—
Другие развитые страны	5,4	9,1	2,6	5,9
Развивающиеся страны	24,9	26,0	21,4	55,4
Латинская Америка	15,6	—	12,0	16,2
ЮВА	5,6	—	2,9	29,0
Океания	0,2	—	0,5	0,6
Африка	2,3	—	5,0	4,4
Ближний и Средний Восток	1,2	—	1,0	5,2

* Данные по США и Западной Европе — на конец 1982 г., по Японии — на конец марта 1982 г., по ФРГ — на конец 1979 г.

Таблица 7

Географическая структура внешней торговли трех центров империализма в 1981 г., %

	Развитые капиталистические страны.				Развивающиеся страны	Социалистические страны
	Всего	США	ЕЭС	Япония		
<i>Экспорт</i>						
США	57,1	—	21,5	9,4	39,4	3,5
ЕЭС	76,9	7,2	51,6	1,2	19,6	3,5
Япония	48,8	25,7	12,4	—	44,9	6,3
<i>Импорт</i>						
США	54,7	—	16,6	15,0	43,9	1,4
ЕЭС	74,1	7,8	49,8	3,0	21,1	4,7
Япония	33,9	17,0	5,7	—	60,8	5,3

Вместе с тем соотношение сил по капиталу приблизительно равно у США и европейских государств в Западной Европе, а у Японии и ФРГ — в Северной Америке (главным образом в США). Примерное равенство капиталов в этих регионах превращает их в зону острой конкурентной борьбы. Намечается также усиление такой борьбы между Японией и ФРГ в Африке, где постепенно происходит укрепление японских позиций в сфере ка-

питаловложений. Хотя в Латинской Америке преимущества США над Японией, несмотря на почти одинаковую процентную долю, очевидны, тем не менее и этот регион, занимающий третье место по значимости в сфере приложения японских капиталов, может в перспективе превратиться в арену соперничества между североамериканским и дальневосточным центрами империализма.

Распределение экспорта по блокам стран (см. табл. 7) показывает, что, хотя большая его часть приходится на развитые капиталистические страны, их доли существенно отличаются для каждого из центров: для ЕЭС она составляет более $\frac{3}{4}$ всего экспорта, для США — несколько более $\frac{1}{2}$, для Японии — немного меньше $\frac{1}{2}$. Такая структура означает, что развивающиеся страны для США и Японии с точки зрения рынков их экспорта имеют большее значение, чем для Сообщества. Следовательно, тесное соприкосновение интересов японских и американских монополий в «третьем мире» делает и более острым характер их взаимоотношений в этой зоне. В еще большей степени подобная взаимосвязь обнаруживается в импортной доле развивающихся стран для торговли соперников. И хотя здесь, как и в сфере капиталовложений, существуют регионы единого господства каждого из центров империализма (в Латинской Америке доминируют Соединенные Штаты, в Африке — страны ЕЭС, в ЮВА — Япония), неуклонное укрепление позиций Японии не в «своих» зонах встречает жесткое противодействие со стороны двух других центров.

Внедрение японских монополий в мировую экономику и создание глобальной сети экономической инфраструктуры было очевидно еще в начале 70-х годов. Однако ныне резко увеличилась «масса» экономического охвата Японией регионов и стран, которую можно определить как абсолютную величину стоимости инвестиций и товарооборота, в результате чего резко возросла прибыльность от внешнеэкономической деятельности. По капиталовложениям Япония ныне уступает только США и Великобритании, по товарообороту, продолжая уступать США, она вплотную подошла к объему торговли ФРГ (в 1984 г. общий объем японской торговли впервые превзошел отметку 300 млрд. долл.).

Между «массой» внешнеэкономической деятельности стран и характером противоречий между ними существует определенная закономерность: чем ближе «массы» каждого из трех центров к равенству, тем более остры противоречия между соперниками. Эта закономерность вытекает из логики отношений в капиталистической системе: капитал не терпит равенства, он стремится к господству, требует подчинения. Не случайно, где существует единоличное доминирование того или иного центра; менее остры и противоречия между ними. Наиболее же острые конфликты происходят в тех зонах или по тем направлениям, где существует примерное равенство сил, которое обнаруживается прежде всего в рамках общения внутри самого «стратегического треугольника». Дальнейшее выравнивание сил в экономике трех

центров неизбежно будет вести к ужесточению борьбы между ними. При этом паритет может быть только временным, неравенство — постоянным. Этот вывод соответствует закону неравномерного развития капитализма.

Пока что по абсолютной «массе» внешнеэкономической деятельности Японии безусловно уступает другим центрам империализма, но это не снижает остроту противоречий, если учесть, что она концентрирует свои усилия на немногих участках борьбы, что позволяет ей довольно успешно побивать на этих участках своих конкурентов.

Долю регионов и стран, а также динамику их значимости на шкале торговых приоритетов показывают табл. 8 и 9.

Таблица 8

Географическая структура торговых связей Японии, %

Регион и страна	1971 г.	Регион и страна	1983 г.
		Экспорт	
Северная Америка	34,8	Северная Америка	31,6
ЮВА	23,9	ЮВА	23,5
в том числе страны АСЕАН	9,5	в том числе страны АСЕАН	10,2
Западная Европа	14,0	Западная Европа	15,7
Африка	8,6	Западная Азия	10,8
Латинская Америка	6,6	Социалистические страны	6,0
Социалистические страны	4,8	Латинская Америка	4,3
Страны Тихого океана	4,0	Африка	4,0
Западная Азия	2,9	Страны Тихого океана	3,9
		Импорт	
Северная Америка	30,3	Западная Азия	26,5
ЮВА	17,3	Северная Америка	23,0
в том числе страны АСЕАН	10,0	ЮВА	22,1
Западная Азия	14,9	в том числе страны АСЕАН	13,7
Страны Тихого океана	10,4	Западная Европа	8,7
Западная Европа	10,3	Страны Тихого океана	6,4
Латинская Америка	6,8	Социалистические страны	5,5
Африка	5,0	Латинская Америка	5,1
Социалистические страны	4,8	Африка	2,6

Данные табл. 8 свидетельствуют об определенной эволюции значимости регионов во внешнеторговых операциях Японии. Хотя доля Северной Америки и ЮВА в общем объеме японского экспорта остается по-прежнему весьма высокой, тем не менее наблюдается относительное снижение удельного веса названных регионов за счет скачкообразного увеличения роли стран Ближнего Востока, перешедших с восьмого на четвертое место. Появившаяся в 70-е годы тенденция увеличения относительного ве-

са ЮВА и особенно Ближнего Востока в совокупном импорте Японии скорее всего сохранится и в 80-е годы, в то время как экспорт будет прежде всего ориентирован на промышленно развитые страны капитализма. Это вполне естественно, поскольку наукоемкие товары (вычислительная техника, компьютеры, станки с ЧПУ и т. д.) могут поглотить только рынки развитых государств.

Обращает на себя внимание увеличение доли социалистических стран в экспорте и импорте Японии. Подобный рост произошел главным образом за счет бурного развития японо-китайских экономических отношений.

Несмотря на некоторые изменения во внешнеторговых ориентирах Японии (это касается прежде всего второй части табл. 8), в целом сохраняется устойчивость в распределении регионов на шкале приоритетов.

Таблица 9

Торговые приоритеты Японии по странам, 1983 г., %

Страна, территория	Экспорт	Страна, территория	Импорт
США	29,1	США	19,5
Саудовская Аравия	4,6	Саудовская Аравия	12,3
Южная Корея	4,1	Индонезия	8,3
ФРГ	4,0	Арабские эмираты	6,2
Гонгонг	3,6	Австралия	5,3
Тайвань	3,5	КНР	4,0
Англия	3,4	Канада	3,5
КНР	3,3	Иран	3,3
Сингапур	3,0	Южная Корея	2,7
Австралия	2,9	Малайзия	2,5

Как видно из табл. 8, в начале 80-х годов, как и в начале 70-х годов, главными объектами торговой политики Японии остаются Северная Америка, ЮВА, Западная Европа и Ближний Восток. Если же говорить о странах, которым придает особое значение в политике, то ими являются те государства, на которые падает львиная доля японской торговли. На долю приведенных в таблице десяти стран приходится 61,5 % всего японского экспорта и 67,6 % японского импорта (табл. 9).

Внешнеэкономическая деятельность Японии, ее приоритеты указывают на основные направления внешней политики Токио. Однако «физический объем» отношений только фиксирует сферы экономических интересов на международной арене и зоны соперничества с другими центрами империализма. Характер же этих интересов, который имеет непосредственное отношение к экономическим потребностям самой Японии и определению направления ее внешней политики, будет рассмотрен в следующем разделе.

Экономические интересы во внешней политике Японии. Превращение Японии в крупнейшую экономическую державу, сопровождавшееся усилением ее позиций в экономике капиталистических стран, было связано с одним отрицательным фактором — резко возросшей зависимостью страны от внешней среды. Правда, некоторые ученые, как, например, высокопоставленный дипломат, специалист по экономическим проблемам Н. Акая, считают подобную зависимость естественным результатом интернационализации мирохозяйственных связей и предпочитают говорить о «взаимозависимости»⁵⁷. Конечно, в нынешнюю эпоху все или почти все страны так или иначе зависят друг от друга. Но весь вопрос в том, какова *степень* и *характер* этой зависимости. Совершенно очевидно, что зависимость некоторых стран социализма от поставок сырья из СССР носит качественно иной характер, чем зависимость, скажем, Канады от США. Кардинально по-иному ощущают зависимость по тем или иным позициям США, СССР, КНР, хозяйственные комплексы которых в принципе в состоянии функционировать без взаимодействия с внешней средой, что практически невозможно для Японии.

Другими словами, без анализа проблемы «зависимости» или «экономической безопасности», которая определяет внешнеэкономические интересы Японии, нельзя понять ни одного из направлений внешней политики этой страны. Способы и формы обеспечения «экономической безопасности» будут рассмотрены в следующей главе в разделе о «комплексном обеспечении национальной безопасности»; здесь же определим степень и характер зависимости и взаимозависимости Японии от внешнего мира, в сравнении с США и странами Общего рынка, прежде всего, с ФРГ.

Из четырех аспектов, из которых складывается внешнеэкономическая деятельность государства (политических, коммерческих, натуральных и стоимостных), к проблеме зависимости прямое отношение имеют прежде всего аспекты стоимостные и натуральные.

Степень стоимостной зависимости экономики от внешней торговли принято определять через соотношения объемов экспорта и импорта в ВВП страны.

Таблица 10

Степень зависимости экономики от внешней торговли, % к ВВП

Страна	1970 г.		1983 г.	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт
Япония	9,8	9,7	12,7	10,9
США	4,4	4,3	6,1	8,2
ФРГ	18,3	16,0	25,9	23,4

Из табл. 10 видно, что на внешних рынках Японии реализуется около $\frac{1}{13}$ части создаваемой ежегодно новой стоимости, что само по себе имеет громадное значение для японской экономики. Но еще большую роль для Японии играют натуральные аспекты внешнеэкономических связей. Как известно, стоимостный состав определяется по принципу средних величин, т. е. величин, усредненных на основе учета затрат труда. «Натуральный же состав определяется по принципу величин предельных, т. е. с учетом снижения или повышения полезности каждой следующей единицы, причем степень изменения полезности товаров различна», — пишет советский экономист Я. А. Певзнер⁵⁸.

Для Японии, фактически не обладающей собственными топливно-сырьевыми ресурсами, натуральный фактор зависимости имеет жизненно важное значение. Представление о степени зависимости и ее эволюции от внешней среды дает табл. 11⁵⁹. Из таблицы видно, что зависимость Японии от внешних энергоре-

Таблица 11

Зависимость Японии, США и ФРГ от внешних источников энергосырья и металлов, % к общему потреблению

	Япония		США		ФРГ	
	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.
Общая энергетическая зависимость	71,2	83,5	7,1	12,3	37,1	52,1
Уголь	27,4	82,9	10,3	+16,9*	9,7	+0,6*
Сырая нефть	99,1	99,8	11,9	32,9*	89,5	94,7*
Природный газ	0,0	91,4	2,7	4,1*	1,2	65,4*
Железная руда	91,9	99,7	31,5	23,8	83,5	96,7
Медь	80,9	95,9	51,8	31,4	99,8	99,8
Свинец	61,1	87,0	65,7	52,7	73,5	91,1
Цинк	43,1	61,2	51,0	58,8	49,8	71,3
Олово	94,3	98,4	100,0	100,0	100,0	100,0
Алюминий	100,0	100,0	53,0	96,9	99,4	100,0
Никель	100,0	100,0	90,5	96,9	100,0	100,0
Деловая древесина	32,1	64,3	5,7	1,2*	32,8	20,7*

* 1981 г.

сурсов превосходит аналогичную зависимость ФРГ и особенно США, хотя уровень импортной зависимости в минеральном сырье у Японии и ФРГ почти совпадает. Это означает, что современная Япония зависит от импорта не на $\frac{1}{11}$ часть, как следует из стоимостных данных, а полностью, поскольку прекращение импорта привело бы к параличу всего процесса воспроизводства. Следовательно, и роль экспорта сводится не только к реализации части стоимости, но выступает в качестве средства накопления валюты для международных расчетов.

В конце 70-х годов монополии и правительство Японии приступили к реализации разработанных после нефтяного кризиса 1973 г. широкомасштабных мероприятий по снижению доли нефти за счет альтернативных энергоисточников, а также за счет экономии доли нефти в энергобалансе страны, намереваясь довести ее к 1990 г. до 50 % против 73,3 % в 1977 г. В то же время намечено увеличить долю угля до 18 % (в 1977 г. — 15,7 %), природного газа до 10 % (3,5 %), гидро- и атомной энергии до 22 % (7,5 %). И тем не менее в соответствии с долгосрочным прогнозом Центра по развитию комплексных исследований (НИРА) доля нефти хотя и будет понижаться, что наблюдается уже сейчас, абсолютное потребление возрастет до 437,5 млн. т в 1985 г. и 555,8 млн. т в 2000 г. против 390 млн. т в 1980 г.⁶⁰ При этом снижение доли нефти не будет означать уменьшение зависимости от внешней среды, поскольку и альтернативные энергоресурсы (уголь, газ, уран и т. д.) также импортируются извне.

Другой особенностью японской экономики является то, что Япония среди развитых капиталистических государств находится на последнем месте по самообеспечению продовольствием. Это связано с рядом объективных причин, в частности с тем, что в стране всего лишь 14 % площади пригодно для земледелия и в то же время произошел резкий отток сельского населения в города после аграрной реформы 1960 г. Достаточно сказать, что та площадь, на которой в США выращиваются сельскохозяйственные культуры для поставки в Японию, превышает площадь пахотных земель самой Японии⁶¹. В результате она стала с 1975 г. самым крупным среди других капиталистических стран импортером сельскохозяйственной продукции, ежегодно закупаящей примерно 25 млн. т сельскохозяйственных товаров. В 1980 г., например, Япония импортировала продовольствия и кормов на 14,7 млрд. долл., а в 1983 г. — на 25,5 млрд. долл. По данным правительственного Агентства экономического планирования, в 1979 г. Япония обеспечивала себя зерновыми на 33 %, бобовыми — на 8 %, молоком и молочными продуктами — на 87 %, мясом — на 80 %, в целом продуктами питания — на 72 %⁶².

Низкий уровень обеспеченности сырьевыми, минеральными и продовольственными ресурсами превратил Японию в крупнейшего импортера капиталистического мира. Так, в 1981 г. Япония занимала первое место в импорте пшеницы (10,8 % от мирового капиталистического импорта), кукурузы (25,1), балансов и щепы (44,5), деловой древесины (56,3), хлопка (26,0), шерсти (18,3), железной руды и концентратов (40,1), угля (34,1), природного газа (24,7), алюминия (15,7). По семи товарным позициям она занимала второе и третье место.

Из приведенных в табл. 12 данных видно, что США зависят от внешней среды значительно меньше, чем Япония и ФРГ. Зависимость же последней по стоимостным величинам даже выше,

Таблица 12

Зависимость Японии, ФРГ и США от внешних источников сельскохозяйственного сырья и продовольствия

	Япония		ФРГ		США	
	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.	1967 г.	1982 г.
Шерсть	99,8	100,0	94,4	90,1	35,2	27,7
Хлопок	100,0	100,0	100,0	100,0	+113,8	+104,0
Соевые бобы	91,9	95,1	100,0	100,0	+37,0	+70,0
Кукуруза	98,5	100,0	92,5	61,3	+12,0	+29,8
Пшеница	80,6	88,0	22,7	+0,3	+72,9	+119,2
Говядина	11,0	28,0*	9,2		3,8	

* 1983 г.

чем у Японии. Тем не менее для последней характер зависимости значительно острее, чем для европейских государств, включая ФРГ. Страны Западной Европы разрешают проблемы, связанные с высокой степенью зависимости их хозяйств от внешней торговли, в основном непосредственно в прилегающих регионах или на близлежащих рынках сырья и сбыта. Достаточно сказать, что основными торговыми партнерами для ФРГ являются другие страны Западной Европы, на которые приходилось в 1982 г. 65 % западногерманского экспорта и 68,7 % импорта.

Для Японии же фактором экономической уязвимости является географическая разбросанность и удаленность от регионов, откуда она черпает необходимое сырье и куда сбывает свою экспортную продукцию. Это ставит ее в невыгодное положение по сравнению с европейскими государствами. В 1970 г. объем морских перевозок Японии равнялся 478 млн. т, в 1981 г. объем только импортируемой продукции достигал 613 млн. т, а экспортируемой — 84 млн. т, что составляло около 20 % совокупного мирового объема морских перевозок. Поэтому значение морских коммуникаций для страны приобретает, как считают в Токио, «стратегический характер».

Уязвимость Японии усугубляется проблемой технологической зависимости от других развитых капиталистических стран. Безусловно, степень такой зависимости в связи с увеличением расходов на НИОКР значительно уменьшилась. Так, если доля продукции и обрабатывающей промышленности, выпускаемой с помощью импортной технологии, в 60-е годы достигала 10 %, то к концу 70-х годов она составила 6—7 %⁶³. При этом следует учесть, что хотя сумма экспорта японской технологии и увеличилась с 1970 по 1981 г. почти в пять раз, а импорт в четыре раза, тем не менее кумулятивное соотношение доходов и расходов от торговли технологией у Японии остаются наихудшими не только в сравнении с США, но и с другими странами Западной Европы. В то же время необходимо иметь в виду, что баланс доходов и

расходов платежей Японии по новым технологическим сделкам с 1972 г. сводится с положительным сальдо.

В целом же ликвидация технологической зависимости от внешней среды увязывается правящими кругами с обеспечением «государственной безопасности и ее военным потенциалом».

Все изложенное выше позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Рост японской экономики в 70-е годы по абсолютным и относительным показателям происходил значительно меньшими темпами, чем в 60-е годы, но все же более быстрыми, нежели рост экономики двух других центров империализма.

В связи с заметным торможением процесса наращивания экономической мощи страны удельный вес ВВП и уровень промышленного производства Японии к концу 70-х годов остались относительно аналогичных параметров США и ЕЭС без существенных изменений по сравнению с началом 70-х годов.

Общий экономический потенциал Японии продолжает значительно уступать потенциалам США и стран Общего рынка. Он с небольшим опережением равен потенциалу ФРГ. Отсюда следует, что назвать Японию одним из «центров империализма» можно только условно, причем в категориях только экономических, а не политических, т. е. «мощи», но не «силы». Иначе с таким же основанием мы вправе были бы в качестве такого «центра» обозначить и ФРГ. В связи с этим вызывает сомнение научная правомочность сравнения потенциала Японии со всей Западной Европой (почему тогда не со всем миром?), что имеет место на страницах работ многих авторов как у нас, так и за рубежом.

Японская экономика в 70-х годах, особенно в конце этого десятилетия, в значительно большей степени, чем в 60-е годы, развивалась за счет внешнеэкономической деятельности. Это привело к тому, что монополии в своем стремлении к прибыли создали такую систему экономических связей, вне которых, как представляется, хозяйственный механизм Японии функционировать не в состоянии. Причем к зависимости от рынков развивающихся стран, откуда Япония в основном черпает энергоресурсы и минеральное сырье, добавилась резко возросшая зависимость от рынков самих развитых капиталистических государств. Значимость последних будет еще выше, если принять во внимание ускоренный процесс развития наукоемких отраслей, продукцию которых могут абсорбировать в ближайшей перспективе только высокоразвитые промышленные страны. Таким образом, стратегическая экономическая уязвимость от рынков сырья и минеральных ресурсов периода 70-х годов дополнится в 80-е годы аналогичной уязвимостью от рынков сбыта наукоемкой продукции. В результате внешнеэкономические интересы Японии приобретают качественно новые измерения в деятельности страны на международной арене.

В целом можно сказать, что по экономическому потенциалу — мощи — Япония сохраняет статус второй экономической державы в системе империализма, и скорее всего этот статус будет сохранен и в нынешнем десятилетии. Вместе с тем чрезвычайная зависимость от внешней среды, степень которой явно будет возрастать, ставит ее в положение самой уязвимой страны капиталистического мира. Следовательно, темпы и масштабы развития японской экономики находятся в прямой зависимости от общей международной обстановки. Этот фактор, казалось бы, должен определять жизненную заинтересованность Японии в сохранении и поддержании мира и стабильности в мире. На деле, однако, в правящем лагере к концу 70-х годов воцарились иные настроения, рассмотрению которых посвящается следующая глава.

Глава третья

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ДОКТРИНЫ ЯПОНИИ

Важнейшим звеном в цепи процесса формирования внешней политики является разработка теоретических основ и установочных принципов деятельности государства на международной арене. Внешнеполитическая теория, как и всякая теория, вбирает в себя как объективные, так и субъективные начала. Первое выражает объективные внешнеполитические потребности общества, принимающие форму интереса и цели, второе проявляет себя в толковании этих понятий, которые зависят от мировоззренческой позиции теоретиков и политиков. Последнее положение обычно отрицается западной политологией. Действительно, за общедемократическими и надклассовыми лозунгами мира, стабильности, безопасности, процветания, которыми обрамляются все внешнеполитические доктрины капиталистических государств, не всегда можно усмотреть идеологическую, классовую направленность подлинных целей правящих кругов. Но они сразу же проявляют себя в практической деятельности, которая неоднократно доказывала, насколько велика дистанция между словами и делами в политике капиталистических государств.

Тем не менее анализ теоретических разработок также может представить определенную ценность с точки зрения выявления реальных намерений государства на международной арене. Во-первых, потому что поскольку доктрины рассчитаны на общественность внутри и вне страны, постольку они выступают в качестве идеологического средства воздействия обеспечения внешнеполитических интересов. Во-вторых, соотношение объективного и субъективного в них не всегда оказывается в пользу второго. Объективная сторона так или иначе проявляет себя в субъективном и потому дает возможность проанализировать истоки выдвижения доктрин и концепций. В-третьих, не менее важно выявить различные типы и варианты доктрин, которые отличаются по своим функциональным назначениям: одни устанавливают принципы поведения государства на мировой арене («доктрина Фукуда», политика «равных расстояний», «дипломатия по всем направлениям»), другие — обеспечивают идейно-теоретическую платформу внешнеполитической деятельности (доктрина «национальных интересов»), третьи — определяют

главным образом средства и методы обеспечения внешнеполитических целей («доктрина Охира», доктрина «национальной безопасности»). В-четвертых, выдвижение доктрины, ее пропаганда — уже часть политики, часть политического процесса, и тем самым анализ теоретических установок означает исследование политики в ее надстроечном звене. Наконец, без такого анализа невозможно выявить истинную цену тому, что провозглашается и что делается.

Концептуальными основами, определяющими универсальные и руководящие принципы внешней политики капиталистических государств, обычно служат доктрины «национальных интересов» и «национальной безопасности». В зависимости от оценки международной и внутривнутриполитической ситуации концепции этих доктрин могут принимать различный вид. (Понятие «концепция» в науке о международных отношениях, на наш взгляд, может означать то или иное понимание и толкование теоретических основ и практических действий государства на мировой арене.)

Что касается первой из них, то все определения «национальных интересов», сформулированные буржуазными учеными, носят внеклассовый характер, поскольку в них игнорируется решающее значение социально-экономической сущности явлений, отраженных в названной категории. Даже такой теоретик, как Х. Ханай, пытающийся выйти за стереотипы буржуазного мышления, считает, что национальные интересы Японии после второй мировой войны формировались под влиянием равнозначного взаимодействия интересов народа, государства, различных партий и групп давления, бюрократических организаций и правительства. Следовательно, делает вывод ученый, «национальные интересы — это общая сумма ценностей, вытекающая из различных требований внутри общества»¹.

В начале 80-х годов японские ученые сконцентрировали внимание на понятийной стороне термина «национальная безопасность». Интерес к теме был вызван необходимостью обосновать официальный курс Токио, который стал осуществляться на базе доктрины «национальной безопасности». Впервые в японской политологической литературе было дано определение термина «безопасность». Его сформулировал ассистент-профессор Института восточной литературы при Токийском университете Т. Иногути. Взяв за основу рассуждения финского политолога Аймо Пайюнена, Т. Иногути следующим образом расшифровывает это понятие: «Под безопасностью государства понимаются наличие возможностей для свободы действий в достижении целей, которые, на мой взгляд, государству категорически необходимо защищать в случае существования скрытой или реальной главным образом внешней и во вторую очередь внутренней угрозы»².

Ключевыми в этом определении выступают термины «цель», «государство», «угроза». Разъясняя их суть, Т. Иногути пишет, что если у государства нет «целей» или «государственных инте-

ресов», то бессмысленно говорить и о «политической безопасности». Содержание же «государственных интересов», подчеркивает японский ученый, сводится, «как и прежде, к достижению доминирующей роли государства в международных отношениях». Но поскольку, по его мнению, чуть ли не все государства преследуют аналогичные цели, они «подвергаются скрытой или реальной угрозе, так как на земном шаре нет такой суверенной силы (например, в виде мировой империи или своего рода мировой федерации), способной упорядочить мир». «Правда,— делает существенную оговорку Т. Иногути,— надо сказать, что признание опасности и оправдание политики на этой основе — весьма субъективная вещь».

Говоря о внешней стороне обеспечения безопасности, Т. Иногути различает два вида политики: один связан с «активной политикой», нацеленной на «покорение» или «гегемонию», второй обозначается термином «пассивная политика» и проявляется в форме «управления» или «лавирования»³.

Насколько субъективна категория «безопасности» в подобной интерпретации, свидетельствует уже тот факт, что политика на ее основе непременно предполагает «угрозу». А если ее нет, тогда такую «угрозу» необходимо придумать, чем и занимается буржуазная пропаганда. Обращает на себя внимание и то, что понятие «безопасность» в толковании Т. Иногути никак не связано с обеспечением суверенитета и территориальной целостности. Это и естественно, поскольку с этой точки зрения Японии никто не угрожает. А раз так, тогда, спрашивается, зачем нужна политика «безопасности». А она необходима, чтобы защитить «государственные интересы», нацеленные на достижение доминирующей роли в мире.

Сложно, конечно, обвинять самого Т. Иногути в таком подходе к концепции «безопасности»: он просто обобщил в теории реальную политику самой Японии, которая в 70-е годы проводила «пассивную» политику в форме «лавирования», а ныне переходит к «активным» действиям, направленным если не на «господство», то на «гегемонию». На это указывает видный деятель Социалистической партии Японии М. Исибаси в своей книге «Теория невооруженного нейтралитета» (1980 г.), в которой подчеркивается, что в стране «имеет место подъем гегемонистского мышления»⁴.

В советской политической науке дан исчерпывающий критический анализ подобным буржуазным воззрениям⁵. Поэтому, не вдаваясь в детальную полемику с представлениями Т. Иногути и Х. Ханай, перейдем к рассмотрению доктрин и концепций, выдвинутых японскими политическими деятелями и представителями бизнеса, теоретиками и политологами, которые в концентрированном и синтезированном виде отражали преобладающие настроения правящих кругов страны относительно средств, форм и целей внешней политики Токио в 70-е годы и в начале 80-х годов.

**Доктрина «национальных интересов» —
идейно-теоретическая основа
внешней политики Японии в 70-е годы**

Вплоть до конца 60-х годов в правящих кругах Японии доминировал подход, в соответствии с которым «национальные интересы» страны определялись через категорию «национальной безопасности». В свою очередь, обеспечение этой безопасности рассматривалось только через призму военной политики, т. е. в «классическом» для буржуазной политологии виде. Подобный «узкий» вариант трактовки национальной безопасности соответствовал политическому мышлению руководителей Японии того периода, озабоченных идеей «выживания» в условиях «нарастающей угрозы» со стороны СССР и КНР, активизации национально-освободительного движения в ЮВА, обострения ситуации на Корейском полуострове. В результате «национальная безопасность» в теории означала не что иное, как военную доктрину, берущую свои истоки из пресловутых пентагоновских доктрин «сдерживания» и «гибкого реагирования». Этот вариант «безопасности» на практике был воплощен в политике содействия американскому курсу в Азии и на Дальнем Востоке, материальной и политической поддержке США в их авантюрах в Корее, во Вьетнаме, в подготовке к боевым действиям, известным под названием «Трех стрел», «Летающего дракона» и «Бега буйвола»⁶.

Этот первый военизированный вариант доктрины действовал в 50—60-е годы. Последний раз о ней в таком качестве упоминал Э. Сато на 68-й сессии парламента в январе 1972 г.⁷.

По мере наращивания экономической мощи государства взгляды политиков на «национальную безопасность» начали меняться. Дело в том, что доктрина 50—60-х годов исходила, как об этом писал один из крупнейших политических деятелей страны, М. Охира, из того, что «существование и процветание Японии, ее безопасность и ее честь зависят от безопасности морей», которые окружают Японские острова⁸. Однако с конца 60-х годов, когда Япония вышла на второе место в капиталистическом мире по экономическому потенциалу, «окружающие моря» перестали удовлетворять аппетиты монополистического капитала страны — ему были необходимы уже глобальные просторы.

В это же время в правящих кругах Японии происходит определенная переоценка своих отношений с Соединенными Штатами. В 1971 г. Вашингтон ввел 10 %-ный налог на японский импорт и без консультаций со своим дальневосточным союзником объявил о визите Р. Никсона в Китай, что было расценено в японской столице как «два шока Никсона». Эти действия США посеяли сомнения в Японии относительно искренности своего союзника, как оказалось, способного игнорировать интересы младшего партнера.

Кроме того, руководители Японии не могли не реагировать на усиление антиамериканских настроений среди широкой японской общественности, вызванных агрессией США в Индокитае. Отрезвляющее воздействие на Токио оказали и результаты «вьетнамской» политики Вашингтона: политические лидеры стали осознавать, что военные средства политики отнюдь не ведут ни к победе, ни к приобретению политического влияния. Не случайно тот же М. Охира писал: «Мы сомневаемся в том, насколько целесообразно полагаться, как это было в прошлом, на военную силу и эффективность военных средств в деле установления и поддержания мира во всем мире»⁹.

На мышление японских лидеров оказывали серьезное воздействие военно-стратегический паритет между США и СССР и набирающая темпы разрядка международного напряжения, включавшая в себя иные, невоенные компоненты политики, а именно дипломатию и экономическое сотрудничество. В Токио считали, что эпоха «многополярности», возрастание экономической мощи Японии не только создают предпосылки для освобождения от чрезмерной зависимости от Вашингтона, но и позволяют стране укрепить свои политические позиции в мире.

Под влиянием вышеназванных факторов понятие «национальная безопасность» приобрело более широкое значение, включавшее в себя помимо военного компонента политические, экономические и социальные аспекты. Но поскольку термин «национальная безопасность» обычно ассоциируется с сугубо военным смыслом, то политические деятели страны и ученые-международники предпочли обозначить расширительный вариант этого понятия термином «национальные интересы» — доктрина, концептуальное содержание которой и воплотило в себе идейно-теоретическую платформу внешней политики Токио в 70-е годы. В соответствии с ней правящие круги Японии выдвигали следующие три главные задачи: соблюдение «общественного спокойствия, законности и порядка» — другими словами, сохранение капиталистических устоев общества (социально-экономический аспект); обеспечение «национальной безопасности» страны (военный аспект); содействие «миру и стабильности во всем мире» (внешнеполитический аспект).

Было бы наивным ожидать от представителей правящего лагеря иного толкования первого внутривнутриполитического компонента «национальных интересов» — классовый характер здесь выражен в обнаженном виде. Однако его трудно обнаружить во внешнеполитической (второй и третий компонент) части доктрины, поскольку она сформулирована в терминах, которые на первый взгляд не дают основания для возражений. Так, обеспечение безопасности страны в рамках ее исторически и географически сложившихся границ — естественная функция любого государства. Какой же подлинный смысл вкладывали в понятие «безопасность» политические деятели страны восходящего солнца?

Известно, что в основе «безопасности» Японии лежит военно-политический союз с США. Фундамент для таких отношений был заложен еще в начале 50-х годов. На Сан-Францисской конференции в 1951 г. помимо мирного договора был заключен так называемый «договор безопасности», один из пунктов которого предоставлял Вашингтону право размещать на территории Японии американские вооруженные силы. Они могли быть использованы и для подавления «внутренних бунтов и беспорядков». В следующем году было подписано Административное соглашение, предусматривавшее порядок размещения американских войск и баз в Японии. А в 1954 г. было официально объявлено о формировании «сил самообороны», создание которых находилось в противоречии с конституцией, запрещающей Японии иметь регулярную армию. Таким образом, три компонента «национальной безопасности» — японо-американский «договор безопасности», американские войска и базы на территории Японии и «силы самообороны» — призваны были обеспечить безопасность страны в рамках политики «национальных интересов». В отличие от 50—60-х годов, когда «национальные интересы» сопрягались с «национальной безопасностью» с упором в основном на военные средства их обеспечения, в 70-е годы этот вид воздействия, хотя и не потерял своего значения, был уже одним из трех (причем не самым главным) компонентов внешнеполитической теории и практики Японии. Именно такую интерпретацию этих категорий популяризировало правительство Т. Мики в 1975—1976 гг.

Конечно, укрепление военных связей с США и наращивание собственных вооруженных сил продолжалось и в эти годы, но все-таки темпы и масштабы их развития замедлились. Показателем этого служит военный бюджет по отношению к ВВП: в 1954—1967 гг. он был равен 2 %, в 1967—1970 гг. — 1, в 1971—1978 гг. — 0,8, в 1979—1980 г. — 0,9 %. В эти же годы правительство актуализировало свои обязательства придерживаться трех «неядерных принципов» (не ввозить, не производить, не обладать ядерным оружием), приняло решение придерживаться уровня военных расходов не более 1 % ВВП, утвердило ряд запретительных мер на экспорт оружия, наконец, зона действия «сил самообороны» ограничивалась пределами Дальнего Востока. В то время считалось, что наилучшим средством обеспечения «национальной обороны» является «коллективная безопасность, основанная на международном сотрудничестве». Все эти элементы военной политики давали повод Токио постоянно подчеркивать «уникальность» Японии, которая «отказалась от превращения в военную державу — факт, не имеющий прецедента в мировой истории»¹⁰. Данный вывод, конечно, не отражал реальности, поскольку военное строительство никогда не прекращалось в Японии, хотя его темпы в 70-е годы по сравнению с предыдущими двумя десятилетиями относительно понизились.

В этот период наибольшее развитие получил другой аспект «национальных интересов», выраженный термином «мир и стабильность во всем мире». В качестве основной внешнеполитической цели эта идея излагалась почти во всех официальных речах политических лидеров Японии, посвященных международной тематике, и фиксировалась в совместных американо-японских заявлениях, начиная с коммюнике Сато — Никсон (январь 1972 г.).

Детальное освещение и обоснование достижения «мира и стабильности в мире» было дано группой японских ученых, черпавших свои концептуальные положения из работ американских представителей школы «политического реализма». Постоянно выдвигаемое ими требование реально оценивать международную обстановку, соотношение сил в мире, возможности Японии влиять на это соотношение снискало им репутацию политологов-реалистов. С этих позиций выступали такие крупные международники и политологи, как профессора Киотоского университета М. Косака и К. Вакайдзуми, заведующий кафедрой Военной академии Х. Ивасима, профессора университета «Кэйо» Ф. Камия и Т. Исикава, руководитель центра по изучению азиатских проблем при Киотоском университете С. Итимура, профессор Токийского политехнического института Ё. Нагаи, профессора Токийского института иностранных языков М. Накадзима и К. Сакамото, преподаватель университета «Токай» Н. Нагано, профессора Токийского университета Ё. Сакамото и С. Это и другие ученые. Путем личных контактов, а также через различные полуправительственные ассоциации и советы «реалисты», составлявшие внушительную часть политико-академического комплекса, оказывали определенное влияние на формирование внешней политики в соответствии с теми задачами, которые стояли перед правящим классом в 70-е годы. Они же придали политике «национальных интересов» доктринальную форму.

На официальном уровне развернутое толкование внешнеполитической части доктрины дал тогдашний министр иностранных дел К. Миядзава. Ее суть, по его мнению, заключалась в следующем: «Для Японии так называемая мирная дипломатия — это не риторика, а реальная необходимость. Мощь и уязвимость нашей экономики тесно связывает наши интересы с ситуацией на международной арене. Любые изменения и конфликты в самых дальних концах мира могут сразу же серьезно отразиться на нас. Поэтому установление мира и стабильности в мире является необходимым условием для нашего существования»¹¹.

Достижение «мира и стабильности в мире» в понимании правящих кругов Японии означало реализацию трех целей: 1) достижение стабильности системы мирового капиталистического хозяйства; 2) сохранение военно-политического равновесия между социализмом и капитализмом; 3) развитие стабильных экономических и политических связей между «Севером и Югом».

Приоритет отдавался достижению первой цели, поскольку, как говорил премьер-министр Т. Фукуда, «состояние мировой экономики в настоящий момент бросает нам самый грозный вызов... Нет особых оснований для оптимизма как у развитых, так и развивающихся стран. Я очень серьезно опасаюсь, что, если мы не найдем выхода, может возникнуть ситуация, в которой стабильность и мир во всем мире будут поставлены под угрозу»¹².

Вместе с тем правительственные круги Японии считали, что без реализации двух последних задач не будет выполнена и первая, основная задача. Недвусмысленно на это указывал тот же Т. Фукуда на открытии 80-й сессии парламента (31 января 1977 г.). «Само собой разумеется,— говорил он,— что в результате взаимозависимости сегодняшнего мира невозможно процветание развитых промышленных стран без гармоничного развития между Севером и Югом, без политической стабильности в мире». Последнее, в свою очередь, зависит от «развития дипломатических отношений со странами, чья система правления отличается от японской системы»¹³.

За формулой «мира и стабильности» явственно просматривались реальные интересы японского капитализма, рассчитывавшего в этих условиях упрочить свои позиции в мировой политике, в том числе и среди своих классовых партнеров. Вместе с тем данная концепция объективно включала в себя положительные элементы, в частности в ней исключалась абсолютная значимость военного фактора как средства внутренней и внешней политики.

Насколько серьезно рассчитывало японское правительство добиваться приведенных выше целей, мы рассмотрим в разделе, посвященном политике Токио. Однако действительные намерения официальной Японии можно выявить и другим путем, а именно используя один из вариантов системного анализа — метод структуризации, или контент-анализ официальных документов¹⁴.

Для исследования целевых установок Японии и их эволюции были использованы шесть американо-японских совместных коммюнике: Сато — Никсон (январь 1972 г.), Танака — Никсон (сентябрь 1972 г.), Танака — Никсон (август 1973 г.), Танака — Форд (ноябрь 1974 г.), Мики — Форд (август 1975 г.) и Фукуда — Картер (март 1977 г.)¹⁵.

В данном случае нас интересует проблема военно-политической стабильности между социализмом и капитализмом, которая, как явствует из концепции «мира и стабильности», является одним из важнейших направлений японской внешней политики. Совершенно естественно, что такая стабильность могла осуществляться на путях разрядки и снижения порога военного противостояния между двумя системами.

До определенной поры этого очевидного вывода придерживались в Вашингтоне, а следовательно, и в Токио. В первых четырех совместных заявлениях стороны не только изъявили го-

товность поощрять «разрядку международной напряженности в глобальном и региональном масштабах», но и выдвигали целый комплекс конструктивных мероприятий, которые призваны были углубить тенденцию к разрядке. Например, в коммюнике предусматривалось содействие ограничению и сокращению обычных и ядерных вооружений и в этой связи приветствовались советско-американские переговоры и их завершение по контролю над ядерным оружием, соглашение об ограничении систем противоракетной обороны, соглашение об ограничении стратегических ракет (ОСВ), американско-советское соглашение о предотвращении ядерной войны, указывалось на важность мер по защите государств, не обладающих ядерным оружием. Стороны, кроме того, приветствовали переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, выразили удовлетворение подписанием Парижских соглашений об Индокитае. Другими словами, судя по содержанию совместных заявлений в период 1972—1974 гг., позиции сторон по важным вопросам современности носили достаточно конструктивный характер, отвечающий требованиям времени.

Однако уже в коммюнике 1975 г., подписанном Т. Мики и Дж. Фордом, тематика разрядки представлена значительно скромнее, чем в предыдущих заявлениях. Дело даже не в том, что из политического лексикона руководителей обеих стран выпал термин «разрядка международной напряженности» (он был заменен словом «ослабление напряженности»). Важно то, что исчезло желание ослабить напряженность в Азии, на Тихом океане и во всем мире, как это обычно указывалось в предыдущих заявлениях. Единственным регионом, по мнению сторон, где это необходимо делать, оставался Корейский полуостров.

В дальнейшем взгляды сторон на глобальные проблемы в еще большей степени эволюционировали в сторону от путей разрядки. В коммюнике 1977 г. вообще отсутствуют оценки и позиции по разрядке (или по смягчению) напряженности, по вопросам обычного и ядерного разоружения, по советско-американским переговорам (ОСВ-2). Опущено и упоминание о Советском Союзе как об одном из главных участников решения животрепещущих вопросов современности.

Вполне понятно, что взгляды Токио на такие важные вопросы, как разрядка и прекращение гонки вооружения, являлись отражением смены настроения в Белом доме. Но именно этот факт и порождает сомнения в способности японского правительства воплощать свои слова в дела, реализовывать цели, вытекающие из концепции «мира и стабильности», в реальной политике.

Что же планировал Токио на других участках доктрины «национальных интересов»?

Самый важный среди них увязывался прежде всего с политикой в азиатско-тихоокеанском регионе. Все официальные политические деятели страны неоднократно отмечали, что «Азия —

наиболее важный район, в котором Япония несет ответственность за поддержание мира и процветание», а «сохранение мира и стабильности в Азии, неотделимые от мира и стабильности во всем мире, представляет собой важное условие для нашего благополучия»¹⁶.

Азия в общем-то всегда представлялась сферой приложения «национальных интересов» Японии. Однако после второй мировой войны присутствие Японии в этом регионе было ограничено слабостью монополистического капитала, высоким уровнем антияпонских настроений, наконец, возможностями США и без «помощников» осуществлять военно-политический контроль над этим обширным районом мира. Все эти причины стали терять свое значение в 60-е и особенно в 70-е годы, предопределив новый взрыв активности Японии в направлении Южных морей¹⁷.

Указанные обстоятельства дополняются и рядом новых факторов. Важнейшие из них — поражение США в Индокитае, последовавший за ним распад антикоммунистического блока СЕАТО, неустойчивое положение другого антикоммунистического союза — АЗПАК, возникновение единого социалистического Вьетнама. Все это привело к новому соотношению сил в регионе в ущерб позициям империализма. Ослабление своих позиций в районе ЮВА Вашингтон в тот момент стремился компенсировать усилением военных мощностей на базах, расположенных в западной части Тихого океана, или, как было записано в коммюнике Фукуда — Картер (март 1977 г.), «гибким военным присутствием США в западной части Тихого океана».

В отличие от своего заокеанского «старшего брата» правящий класс Японии менее болезненно воспринял результаты поражения США, поскольку усмотрел в новой ситуации большие возможности для себя в приобретении дополнительных «обязанностей» по сохранению «мира и стабильности в Азии». Этими «обязанностями» Токио намеревался распорядиться в целях, во-первых, ускоренного экономического проникновения в страны региона, во-вторых, повышения политического веса путем выдвижения себя на роль посредника в улаживании региональных конфликтов, в-третьих, усиления своих позиций в рамках двусторонних американо-японских отношений.

Претензия на посредническую роль получала как бы объективное обоснование в том факте, что в решение азиатских проблем, и прежде всего в зоне ЮВА, вовлечены крупнейшие державы мира: США, СССР и КНР, отношения между которыми по всем сторонам «треугольника» носят характер открытой или скрытой конфронтации. Япония же, как это понимали в Токио, в меньшей степени втянута в это противоборство и поэтому могла бы взять на себя функции регулятора как непосредственно во взаимоотношениях между тремя государствами, так и в разрешении тех проблем, которые являются источниками трений между ними.

Все это нашло свое теоретическое воплощение в концепции «мира и стабильности в Азии», являющейся «региональным» ответвлением доктрины «национальных интересов».

На академическом уровне она была сформулирована группой уже упомянутых международников на 5-м симпозиуме на тему «Азиатские проблемы после окончания войны во Вьетнаме», состоявшемся в сентябре 1973 г. в небольшом японском городке Хаконэ.

Идеи, выдвинутые на симпозиуме, пропагандировались авторами концепции и в последующих работах, причем они находили свое отражение и в официальных речах политиков и в правительственных документах страны.

Какую же «стабильность» планировали ученые и политики?

С самого начала авторы концепции оговорили социальный аспект понятия «стабильность». Т. Исикава подчеркивал: «Термин „стабильность“ часто истолковывают в смысле поддержания существующего положения вещей. Я думаю иначе. Изменения, реформы могут происходить в регионе. Но элементами стабильности они могут стать только тогда, когда они будут осуществляться в рамках *порядка* (курсив мой.— Р. А.)»¹⁸. Естественно, такого порядка, каким его представляет монополистический капитал Японии и США.

Политическая же стабильность зависит от «баланса», или равновесия, основных сил региона. Правда, в эти «основные силы» почему-то не включались ни страны АСЕАН, ни индокитайские государства. Они всегда рассматривались и в Токио, и в Вашингтоне объектами, но ни в коем случае не субъектами политики. Как писал Х. Ивасима, токийская дипломатия, нацеленная на стабильность в Азии, «должна основываться на равновесии между США, СССР, КНР и Японией»¹⁹. Следовательно, равновесие — это ключевой фактор стабильности в Азии.

Японские ученые и официальный Токио утверждают, что такое равновесие может быть обеспечено следующим набором взаимосвязанных элементов.

Первое место отводится отношениям между США и Японией и их совместной деятельности в Азии. Об этом так часто говорили, что нет смысла их повторять.

Другим важным составляющим этого равновесия является сохранение советско-китайских разногласий, правда в пределах, исключающих военную конфронтацию между СССР и КНР. Такое состояние советско-китайских отношений, считают некоторые из авторов концепции, «стимулирует Советский Союз и Китай к сближению с США и Японией»²⁰. Япония же должна проводить политику «равных расстояний» от КНР и СССР, не вмешиваясь в их двусторонние отношения. Предполагались и другие варианты поведения. Известный политический деятель Т. Мики, считал, например: «Япония могла бы сыграть роль посредника в урегулировании отношений между этими странами», что в большей степени отвечало бы духу мира и стабильности

в Азии²¹. Н. Нагано, специалист в области дипломатии, исходил из соображений, в соответствии с которыми нестабильность на Дальнем Востоке порождена военно-экономическим превосходством Советского Союза над Китаем, и чтобы восстановить «стабильность» в регионе, надо оказать КНР соответствующую помощь²².

Следующими элементами «равновесия» являются «стабильность» на Корейском полуострове, укрепление АСЕАН, установление мирного сосуществования между членами Ассоциации и странами Индокитая.

Некоторые ученые и политики не исключали возможности добиться атмосферы мирного сосуществования между КНДР и Южной Кореей. По крайней мере, считали они, к этому надо стремиться. Такую возможность усматривал, например, крупный дипломат, бывший посол Японии в Югославии М. Курода, который считал, что этому содействует «дух разрядки во взаимоотношениях между США и Китаем, США и Советским Союзом»²³.

Однако японское правительство склонно было избрать другие пути достижения «стабильности» на Корейском полуострове. Вначале в Токио, как это излагалось в совместных американо-японских коммюнике, считали, что к этой цели может привести объединение двух государств на базе сохранения «структур», т. е. воссоединение Северной и Южной Кореи в форме конфедерации при международных гарантиях. Почва для такого объединения должна быть подготовлена разрядкой напряженности на полуострове. Именно так эта идея была изложена в коммюнике 1975 г. Но уже через год позиции сторон изменились. Вопрос о «мирном воссоединении» был снят, но введен пункт о намерении США вывести свои сухопутные войска из Южной Кореи. Как известно, Токио резко воспротивился такому решению правительства Картера, что было с «пониманием» воспринято в Белом доме (не говоря уже о Сеуле). В результате идея о выводе войск была отброшена. В конечном счете Япония и США пришли к «компромиссному» решению: мир и стабильность на полуострове зависит от сохранения политического и военного статус-кво и «безопасности Корейской республики» (т. е. сеульского режима), на основе сохранения американских войск в Южной Корее и оказания ей экономической помощи со стороны Японии.

АСЕАН как региональная организация впервые была упомянута в коммюнике 1977 г. Вплоть до этого момента Токио, придавая важное значение развитию отношений с каждой страной в этой Ассоциации, мало уделял внимания ей как институциональному блоку, считая, что он малоэффективен и нежизнеспособен. Однако роспуск СЕАТО и фактический развал АЗПАК заставил Токио и, конечно, Вашингтон по-другому взглянуть на АСЕАН, т. е. как на объединение государств, способных выполнить функции развивающихся блоков. Достижение «мира и ста-

41

бильности» в зоне АСЕАН японское правительство видело в укреплении «жизнеспособности Ассоциации», которая возможна на базе «укрепления и сплочения» стран «пятерки», «опоры на собственные силы» и «сотрудничества с США и Японией». В тезисе «опора на собственные силы» проглядывало стремление Токио изолировать эти страны от сотрудничества с государствами «иных политических систем» — другими словами, с Советским Союзом и государствами Индокитая. Правда, японское правительство не исключало развития своих отношений со странами субконтинента, которые должны были быть также «мирными и стабильными». Более того, выдвигалось даже обязательство оказать «помощь в деле восстановления» Индокитая.

Совершенно очевидно, что концепция «мира и стабильности в Азии» базировалась на идеях теории «многополярности», которая явилась модернизированным вариантом теории «баланса сил» применительно к 70-м годам. Она, так же как и предыдущие концепции, предусматривала соподчиненность японской политики стратегии Вашингтона. Не случайно основные положения Тихоокеанской доктрины Д. Форда, изложенные им в речи в Гонолулу 7 декабря 1975 г., чуть ли не полностью совпадают с положениями японской концепции. Более того, первый пункт Тихоокеанской доктрины призывает к той же самой «стабильности», к которой призывал и Токио. Не случайна также и деформация содержания концепции, породившая противоречие между целевыми установками, выдвинутыми в начале 70-х годов и во второй половине этого десятилетия, что было вызвано изменениями в настроениях, царящих в Белом доме.

Конечно, все эти разговоры о мире, стабильности, призваны были скрыть подлинные цели Японии и США, суть которых сводилась к более эффективному приспособлению к атмосфере разрядки в мире. На самом же деле под маркой «стабильности» Япония и США стремились содействовать развитию такой обстановки в Азии, при которой бы были сохранены антикоммунистические режимы, а также доминирующие позиции США и Японии при возрастающей роли последней и, самое главное, — предотвращена социально-политическая «дестабилизация» под воздействием социалистических и прогрессивных сил региона, как это, например, произошло в Индокитае.

Однако следует признать и некоторые позитивные элементы в концепции «стабильности». Если старый вариант доктрины «баланса сил» предусматривал равновесие на базе военной конфронтации и использования военной силы в борьбе против социалистических стран, то новый вариант доктрины означал равновесие, достижимое на путях политического диалога и экономического сотрудничества, не исключавших, впрочем, в случае необходимости, привлечения и военных средств. В любом случае доктрина «национальных интересов» и ее азиатское ответвление были хотя и небольшим, но все-таки шагом вперед по сравнению с внешнеполитическими теориями 50—60-х годов.

Средства и формы осуществления на практике доктрины «национальных интересов». Доктрина «национальных интересов» не относилась к той категории теоретических разработок, которые специально оговаривали средства и формы внешней политики: они как бы подразумевались сами по себе характером задач и целей. Однако цели, средства и формы политики настолько взаимосвязаны, что отсутствие стыкованности или логической взаимообусловленности между ними с самого начала может подорвать теоретическую обоснованность доктрины, а если такая «теория» к тому же служит в качестве руководящего принципа внешнеполитической деятельности, то она явно обрекает политику на запланированный провал.

Поэтому есть смысл обратиться к разбору структуры аппарата внешней политики (АВП)²⁴, который как раз и является механизмом реализации целей посредством того или иного внешнеполитического воздействия. Анализ АВП дает возможность достаточно определенно выяснить, к какому типу взаимоотношений на деле, на практике стремится государство, какой международный климат соответствует его подлинным, а не декларированным целям.

В идеале, если бы все страны стремились к равноправному экономическому обмену, довольствуясь выгодами международного разделения труда, АВП обладал бы только одной функцией — функцией воздействия на развитие внешнеэкономических связей.

На практике же вследствие неравномерного развития обществ с антагонистическими классами государства более сильные в экономическом (а значит, и в военном) отношении тяготели к неэквивалентному обмену (эпоха неокolonизма) и, как крайний вариант, к неприкрытому грабежу слабых стран (эпоха колониализма). Поэтому в АВП вводились и другие виды или средства воздействия. Среди них наиболее важными являются военные, дипломатические, пропагандистские средства, органы спецслужб, контроля людских потоков через границу и т. д. Причем все подразделения АВП подчинены созданию благоприятных условий, во-первых, для получения ресурсов, которые могут принимать разнообразную форму: товара, капитала, информации от одной национальной системы для введения их в свою национальную систему; во-вторых — для реализации излишков собственных ресурсов в другие национальные системы, т. е. обмена и перераспределения резервов²⁵.

Правда, в современную эпоху происходит настолько плотное переплетение всех средств воздействия на международной арене, что подчас создается иллюзия, превратившаяся в западной политологии в теоретический постулат, что политические и военные цели носят первичный характер и призваны обеспечить политическое и военное влияние.

Действительно, одновременное функционирование АВП включает детерминированную последовательность развертывания

средств воздействия: сначала экономические, затем дипломатические и т. д. На практике использование политических или военных средств зачастую предшествует экономическим инструментам политики. Несомненно по-иному, но, по сути дела, ту же мысль проводит советский ученый Г. А. Трофименко, который пишет: «Энергия внешнеполитического воздействия одного вида может, как и физическая энергия, переходить в другой и третий вид: чисто психологическое воздействие может трансформироваться в конечном итоге в экономическое и политическое и наоборот»²⁶.

Однако главное заключается в том, что все виды и средства воздействия служат одной цели — достижению экономической выгоды: для социалистических государств — взаимной, для капиталистических — односторонней.

Как известно, в период «холодной войны» в основе политики империалистических государств в отношении социалистических стран лежал так называемый силовой подход. В результате в АВП были задействованы в основном военные, пропагандистско-психологические и в меньшей степени дипломатические средства воздействия. Практически не функционировал канал внешнеэкономических связей. По мере перехода к разрядке международной напряженности и принципам мирного сосуществования в качестве основы для взаимодействия между двумя противоположными системами на первый план выходят дипломатические и экономические органы, оттесняя на второй план военные средства воздействия. Пропагандистско-идеологические каналы также остаются на первом плане. Именно в этом заключается смысл политической разрядки. Военной же разрядке соответствовало бы, как минимум, сокращение, а как максимум, полное изъятие из АВП военных средств воздействия.

В Японии, в соответствии с основными целями доктрины «национальных интересов», в качестве инструментов политики на передний план выдвигались внешнеэкономические и дипломатические средства. Военные средства должны были обеспечить второй компонент «национальных интересов» — безопасность страны, но в 70-е годы, как уже говорилось, они были задействованы в меньшей степени. Следовательно, МВТП и МИД должны были находиться, так сказать, на острие реализации целей, предусмотренных доктриной.

Авторы этой доктрины как раз и исходили из того, что внешнеполитическое ведомство, т. е. дипломатические средства, будут основным компонентом внешней политики, не только соответствующим духу разрядки, но и вносящим позитивный вклад в ее развитие. Как полагал один из редакторов газеты «Асахи», Ё. Сайто, «не может быть иной основы для японской дипломатии, кроме как проведения политики мирного сосуществования и строгого нейтралитета»²⁷. К этому же призывал профессор политологии из Осацкого университета Н. Канэдзин, считавший, что «Япония должна активно стремиться к политике мир-

ного сосуществования и разрядке напряженности, придерживаясь баланса между США, КНР и Советским Союзом в Азии»²⁸.

Тем не менее японский МИД, как оказалось, ни психологически, ни материально не был подготовлен к выполнению задач, соответствующих внешнеполитическим интересам страны и международному климату. Это были вынуждены признать и сами сотрудники МИД. Один из высокопоставленных кадровых дипломатов, Т. Ямадзак, прямо говорит: «Несмотря на то что мощь Японии увеличилась и международное положение страны скачкообразно возросло, основы дипломатии, принципы дипломатии не соответствуют такому положению вещей»²⁹.

В результате определенный позитивный заряд, заложенный в доктрину «национальных интересов», оказался не реализованным в практической деятельности Японии на международной арене. Правящие круги страны (и в особенности аппарат МИД), ориентировавшиеся на США, не смогли, а подчас и не особенно старались претворять теоретические постулаты в жизнь. В первую очередь это относится к глобальным вопросам современности, активное участие в которых могло бы содействовать достижению генеральной цели внешнеполитической части доктрины, а именно мира и стабильности в мире.

Формально Токио положительно оценивал разрядку напряженности (в соответствии с пониманием этого явления в Белом доме), но специфичность позиции японского правительства заключалась в том, что на разрядку оно смотрело как на процесс, имеющий отношение только к СССР, США и Западной Европе. Довольно успешно пользуясь плодами смягчения напряженности по линии Восток — Запад, Токио избегал прямого участия в данном процессе, уготовив себе положение стороннего наблюдателя. Доцент Токийского университета С. Такахаси совершенно справедливо отмечал: «Японское правительство, следуя американскому внешнеполитическому курсу после второй мировой войны, никогда не выступало с собственной инициативой в деле ослабления международной напряженности»³⁰. Не выдвигая собственных идей на этот счет, Япония отвергала инициативы и других стран, направленные на смягчение международного климата. В частности, когда Советский Союз предложил использовать опыт разрядки, накопленный в Европе, на Азиатском континенте, Токио занял откровенно негативную позицию, сославшись на сложную ситуацию на Дальнем Востоке и в Азии.

Аналогичную поддержку на словах и пассивность на деле продемонстрировало японское правительство и по вопросам разоружения. Это дало право ученым и политологам, например профессору М. Нисихара, сделать вывод, что «японцы относятся к прогрессу на переговорах по ОСВ, которые в их глазах являются делом в первую очередь Кремля и Белого дома, на удивление безразлично, хотя национальная безопасность в конечном счете зависит от результатов переговоров по стратегическому вооружению»³¹.

Если по глобальным вопросам дипломатические средства вообще не были использованы, то на региональном уровне, и в частности по вопросам «Север — Юг», их применение носило скорее деструктивный, нежели конструктивный, характер. Так, японский МИД занял практически враждебную Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) позицию во время военных действий КНР на территории Вьетнама в феврале — марте 1979 г., а его представители активно выступили в ООН против законного правительства Народной Республики Кампучии (НРК). Тем самым дипломатические средства, которые по своему характеру должны были служить делу мира, оказались на службе тех сил, которые стремились создать и сохранить напряженность в Индокитае.

Совсем по-другому были использованы экономические средства. Форму их применения в зоне развивающихся стран Х. Ханан обозначает как «неоколониалистскую и неоимпериалистическую». Но японский монополистический капитал оказался способным утвердиться не только в Азии, Латинской Америке, Африке. Широкая экономическая экспансия Японии на рынках США и стран Западной Европы, которую буржуазная печать назвала «торгово-экономическим пиратством», вместо содействия стабилизации мирового капиталистического хозяйствования вызвала резкое противодействие со стороны классовых партнеров. На всем протяжении 70-х годов отношения между тремя центрами империализма строились под знаком растущих торгово-экономических противоречий. Таким образом, в противоречие с концепцией «стабильности» вступали не только средства, но и формы их использования. Там, где необходимы были активные формы (например, по вопросам разрядки), они носили черты пассивности, а где требовалась умеренность, сдержанность (например, чтобы предотвратить накал антияпонских настроений в Западной Европе), там они проявляли себя как агрессивные.

Вопрос о формах внешней политики во второй половине 70-х годов принял характер чуть ли не гамлетовского трагизма в дискуссиях среди ученых-международников и политологов. Представители «политического реализма», называвшие себя «активистами», неудачи в достижении «мира и стабильности» видели не столько в средствах, сколько в формах внешней политики, которые формулируются ими категориями «пассивность» или «активность»³².

Дело в том, что японские ученые-международники считают, что послевоенная внешняя политика страны характеризовалась пассивностью. Адепты такой политики полагают, что именно такая форма отвечает возможностям государства и соответствует его внешнеполитическим интересам. Профессор Ф. Камия указывает, что поскольку Япония в силу специфических позиций в мире (имеется в виду ее экономическая зависимость от внешней среды) не может проявлять инициатив, она должна руко-

водствоваться не «принципами страны-руководителя, а принципами страны-регулятора, следуя и приспособляясь к международной обстановке». Аналогичной точки зрения придерживается и Т. Исикава. Исходя из тех же соображений, он выдвинул принцип «регулирования и приспособления». Кроме того, Исикава приводит и такие аргументы: «Можно привести немало примеров неудач Японии, когда она придерживалась дипломатических форм, нацеленных на изменение мира. Сильная же сторона японской внешней политики — это дипломатия регулирования. К тому же было бы нереально полагать, что Япония способна в будущем осуществлять самостоятельную внешнюю политику»³³. Профессор университета «Сэйкэй» С. Уно настаивал на том, что именно такой вариант как раз и дает возможность «Японии выявлять относительную самостоятельность». А по мнению профессора Н. Гэмба, признаками независимой дипломатии Япония будет обладать только в том случае, «если она будет проводить политику государства-посредника (тюкан-коку сэйсаку) по типу Канады, Австралии и Бразилии»³⁴.

Позиция этих ученых о формах японской внешней политики непосредственно сопрягается с выдвинутой ими же концепцией «мира и стабильности», реализация которой была запрограммирована в рамках «баланса сил» великих держав на основе принципов приспособления к международной обстановке.

Основные аргументы в пользу такой политики сводились к следующему:

— Поскольку Япония слишком уязвима в военном отношении и чрезвычайно зависима от внешней среды в обеспечении энергоресурсами и продовольствием, то ей ничего не остается, как следовать принципу «мудрости слабого», приспособляясь ко всем перипетиям международной жизни.

— Японии не хватает умения разобраться в международных проблемах, и она до сих пор еще плохо знакома со сложностями проведения «силовой политики». Поэтому ей необходимо набраться опыта, прежде чем по-серьезному браться за реализацию идей и целей, обрамленных такими «красивыми фразами», как «вклад в международное сообщество» и «достижение политической роли в мире».

— Если Япония встанет на позиции «активной дипломатии», то ее действия могут напомнить поведение страны с периода эпохи Мэйдзи до Тихоокеанской войны и вызвать ответные действия со стороны других государств против «желтой опасности».

— У Японии существует масса других внутренних проблем (окружающая среда, перенаселенность городов, нехватка населения в аграрных районах, социальные проблемы и т. д.), и решению именно этих проблем и должен быть отдан приоритет вместо того, чтобы ресурсы страны растрачивать на сомнительные внешнеполитические мероприятия.

— Структура принятия решений в Японии, требующая длительной предварительной подготовки для достижения консенсу-

са, не подходит для проведения «активной политики», предполагающей быструю реакцию на события.

— Следовательно, Япония не только не подготовлена играть активную международную роль, но такая роль могла бы даже повредить национальным интересам страны. И поэтому самая подходящая форма, которой должна придерживаться японская дипломатия,— это следовать курсу на основе «ничего нового» и по принципу «плыть по течению на волне событий»³⁵.

Итак, с самого начала в доктрину «национальных интересов» было заложено несоответствие между целями и средствами, которым, в свою очередь, противоречили и формы их осуществления.

«Активисты», так же как и сторонники «приспособления», исходили из того, что основным средством внешней политики Японии должна быть дипломатия, но дипломатия активная, напористая. Они полагали, что в эпоху «глобальной взаимозависимости» невозможно отрывать национальные интересы от международных проблем, разрешение которых подчас затрагивает Японию даже в большей степени, чем другие государства. Поэтому политика «пассивного приспособления к обстановке», по их мнению, означает не что иное, как «оставлять корабль дрейфовать по зыбким водам».

«Активисты» согласны с тем, что механизм принятия решений в Японии действительно страдает отсутствием оперативности, однако, считают они, это не может служить причиной отказа от активной дипломатии, поскольку дело не в том, каким образом и как долго принимаются решения, а в том, «какую политику предлагают политические лидеры Японии». К. Вакайдзуми пишет: «Если они выдвинут позитивную программу, нацеленную на достижение мира, стабильности и процветания в мире, тогда интересы Японии смогут исправить возможные дисбалансы в мировой политике». Причем новый миропорядок на такой основе может быть построен только путем достижения «дружбы и добрососедства со всеми нациями»³⁶.

Критика «пассивной дипломатии» постепенно выкристаллизовывала идею необходимости диверсификации и многосторонности внешней политики, которая впервые была упомянута в «Голубой книге» МИД за 1972 г. В ней писалось: «Диверсифицируя отношения, мы сможем расширить дипломатическую активность и, следовательно, приобретем широкий выбор в поведении»³⁷. Затем эта идея была упомянута в одной из речей премьер-министра Т. Мики в 1975 г., но как официальный курс была принята на вооружение правительством Т. Фукуда и получила название «многополюсная дипломатия» или «дипломатия по всем направлениям» (дзэмпои гайко). Говорилось, что такая политика должна осуществляться не военными средствами, а только экономическими и дипломатическими, которые обеспечат Японии «автономную политику», независимую в выборе партнеров и направлений. Подразумевалась «независимость» от США.

Однако этот едва пробившийся «антиамериканизм» тут же был урезан отказом от «механического нейтралитета» на основе «равных расстояний» от великих держав. Наоборот, оговаривалось, что «дипломатия по всем направлениям» означает четкую выработку иерархии приоритетов, которая даст возможность Японии придерживаться устойчивого стереотипа в глазах мирового сообщества. А это, в свою очередь, позволит Токио преодолеть «дефекты баланса сил державной политики».

«Дипломатия по всем направлениям» предполагала также учет соразмерности и сбалансированности в рамках выбранных приоритетов. Так, авторы предложенного курса считали, что договор о мире и дружбе с КНР нарушил соотношение в «треугольниках» Япония — СССР — КНР и Япония — страны АСЕАН — КНР. Чтобы привести все стороны «треугольника» в состояние равновесия, они предлагали срочно активизировать дипломатию в отношении Советского Союза и членов Ассоциации.

На практике политика кабинета Фукуда не имела ничего общего с провозглашенным курсом. Разрыв между словами и делами обнаружился очень быстро. Прежде всего это касается так называемых «невоенных средств» политики. В 1978 г. при поддержке правительства и его активном участии обсуждалась проблема разработки законодательства на случай «чрезвычайных обстоятельств», предусматривающего бесконтрольное функционирование японских «сил самообороны». Парадокс заключался в том, что именно в правление Т. Фукуда, который чаще всех предыдущих премьер-министров говорил о «беспрецедентном случае в мировой истории отказа Японии от превращения в военную державу», начался новый этап строительства вооруженных сил и укрепления военных связей с США.

Крен в сторону Пекина после заключения договора в 1978 г. так и не был сбалансирован улучшением советско-японских отношений, хотя Советский Союз неоднократно проявлял инициативу в этом направлении. Даже буржуазная печать вынуждена была признать, что «премьер-министр фактически вновь подтвердил отсутствие у Японии намерения вступать в переговоры о заключении японо-советского договора о добрососедстве и сотрудничестве»³⁸.

Расчеты на самостоятельность и независимость, достижение которых связывалось с «многополюсной дипломатией», также не оправдались. Япония, как и прежде, оставалась в плену стратегических установок США.

В целом же внешняя политика Японии в 1972—1978 гг. осуществлялась под влиянием идей концепции «мира и стабильности в мире», которую можно обозначить как второй вариант доктрины «национальных интересов», или «национальной безопасности», с ее четко выраженной «политизированной» сущностью. На практике это проявилось в активизации дипломатических усилий прежде всего в отношении тех стран и регионов, которым ранее не придавалось должного внимания. В зону по-

вышенной дипломатической активности Токио в этот период попали Латинская Америка, Африка, страны АСЕАН, социалистические государства, в первую очередь КНР.

М. Охира, ставший главой кабинета в конце 1978 г., выдвинул третий вариант доктрины «национальной безопасности», который сам он называл «комплексным и всеобъемлющим». В развернутом виде ее содержание было изложено на 91-й сессии парламента 25 января 1980 г.³⁹. «Комплексность» заключалась в том, что она охватывала все стороны внешней политики и привлечение всех средств воздействия, но приоритет на этот раз отдавался экономическим инструментам. Именно поэтому японские ученые-международники называли этот вариант «экономическая безопасность», которая, по мнению Ё. Нагаи, означает позитивный возврат к «основным ценностям» японского народа, сложившимся еще в эпоху Токугава (1603—1868). Преимущество японских культурных ценностей, считают ученые, заключается в том, что они «освобождены от идеологических наслоений», в которых Япония, в отличие от европейских государств, Китая и Индии, никогда не нуждалась. Кроме того, эти ценности исключают достижение целей с использованием военных средств и, наконец, всегда ориентированы на «обеспечение стабильного уровня жизни народа и экономического процветания»⁴⁰.

Выдвигая свою концепцию «экономической безопасности», М. Охира вряд ли думал о ценностях эпохи Токугава и тем более о «стабильном уровне жизни народа». Его действия были мотивированы весьма современными причинами, не имеющими никакого отношения к культурным ценностям японского народа. Усиленное внимание к экономическим аспектам объяснялось событиями конца 70-х годов на Ближнем Востоке (Иранская революция, ирано-иракский конфликт), которые были оценены в Токио как угрожающие для японской экономики. В ответ на это М. Охира предложил использовать альтернативные регионы, откуда страна могла бы черпать энергоресурсы. Таким регионом должен был стать азиатско-тихоокеанский бассейн. Идея «Тихоокеанского сообщества», выдвинутая М. Охира и министром иностранных дел его правительства С. Окита, как раз и явилась практическим воплощением его концепции.

Впервые после второй мировой войны подобного рода идея была высказана еще в 1959 г. председателем нижней палаты парламента И. Коно, предложившим создать «Тихоокеанское объединение». «Для того чтобы приблизить японо-американские отношения к состоянию равенства и обеспечить экономическое развитие отсталых районов Азии,— заявил он,— было бы желательно непосредственно связать экономический блок Азии с экономическим сообществом США и Канады»⁴¹.

Затем в 1967 г. тогдашний министр иностранных дел Т. Мики вновь вернулся к идее организации «азиатско-тихоокеанской сферы сотрудничества». В то время его инициативу не поддержали. В 1975 г., будучи премьер-министром, он поручил инсти-

туту Номура подготовить на эту тему доклад, который был представлен правительству в мае 1978 г. (после ухода Т. Мики в отставку). Доклад призывал заинтересованные стороны сосредоточить экономическое сотрудничество между тихоокеанскими странами на вопросах энергетики и металлургии. В качестве возможных участников этой организации назывались США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны АСЕАН. Высказывалась мысль, что впоследствии к ним могли бы подключиться Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Китай, Советский Союз, Вьетнам, Лаос, Кампучия. В докладе рекомендовалось на первой фазе сосредоточить внимание на создании запасов нефти, урана и других энергоресурсов и поставки дешевой стали. Тогдашнее правительство Т. Фукуда, судя по всему, отвергло эти предложения.

Идея вновь актуализируется при кабинете М. Охира. В начале 1979 г. при канцелярии премьер-министра была создана специальная группа для разработки вопросов «Тихоокеанского сообщества» во главе с крупным экономистом С. Окита, ставшим вскоре министром иностранных дел. К концу того же года группа представила доклад с предложением учредить «Сообщество тихоокеанского кольца» — «экономическую и культурную ассоциацию стран, берега которых омываются крупнейшим в мире океаном».

«Деликатный вопрос», как выразился С. Окита об участниках «сообщества», первоначально решался таким образом: «пятерка» развитых капиталистических государств и «пятерка» АСЕАН, не исключалось участие также Советского Союза и КНР.

На семинаре в Канберре (сентябрь 1980 г.), где был учрежден «Комитет тихоокеанского сотрудничества», говорилось уже о двух «пятерках», трех странах Южной части Тихого океана (Западное Самоа, Тонга, Фиджи) и о Южной Корее, поскольку последняя, как подчеркивал в своем докладе С. Окита, «проявляет повышенный интерес к данной проблеме»⁴². За рамками сообщества оказывались Тайвань, Гонконг, страны Латинской Америки.

Идея «Тихоокеанского сообщества»⁴³ была положена в основу переговоров, которые М. Охира вел в январе 1980 г. в Австралии и Новой Зеландии и в мае того же года в Канаде. В столицах этих государств предложения японского премьер-министра были встречены благожелательно. Так, в японо-канадском коммюнике говорилось, что премьер-министр Э. Трюдо «выразил заинтересованность канадского правительства в широком участии совместно с другими тихоокеанскими державами в претворении в жизнь этой концепции».

Тем не менее после смерти М. Охира обсуждение концепции «Тихоокеанского сообщества» вновь на время прекратилось. Это было вызвано, по крайней мере, тремя причинами. Во-первых, в самой Японии на смену сторонникам концепции «экономиче-

ской безопасности» в правительство пришли люди, сконцентрировавшие внимание на другом варианте доктрины «национальной безопасности». Во-вторых, против концепции активно выступили руководители АСЕАН. В-третьих, и возможно самое главное, концепция неоднозначно была воспринята в Вашингтоне. Среди правящей элиты США обнаружилось два подхода. Одни (в том числе заместитель Государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Р. Холбрук и председатель подкомиссии конгресса по делам Азии и Тихого океана Л. Вулл) высказались в пользу «Тихоокеанского сообщества». Другие (в частности, глава подкомиссии по делам Азии и Тихого океана при сенатском комитете по иностранным делам Д. Гленн и группа военных) считали необходимым уделять внимание прежде всего проблемам безопасности в районе Тихого океана, т. е. наращиванию военной мощи США в этом районе. Судя по тому что идея «Тихоокеанского сообщества» не была упомянута в совместном американо-японском коммюнике от мая 1981 г., можно сделать вывод о преобладании на тот момент влияния позиций противников этой идеи.

И тем не менее идея не была похоронена. Выждав определенное время, премьер-министр Д. Судзуки запустил «пробный шар» на этот счет во время своей поездки по странам АСЕАН в январе 1981 г. В своей программной речи в Бангкоке он хотя и не решился открыто призвать страны — члены АСЕАН к сотрудничеству в деле создания «Тихоокеанского сообщества», но приглашал их принять участие в «планировании нового порядка в мировом сообществе», в котором страны АСЕАН (и конечно, Япония) будут играть глобальную экономическую роль, в результате чего XXI век можно будет назвать «эпохой Тихого океана»⁴⁴.

После предварительного обсуждения планов создания «сообщества» на встрече «большой семерки» в Версале, в ходе которой американская сторона поддержала эту идею, Д. Судзуки в речи в Гонолулу (июнь 1982 г.) посвятил ей значительную часть своего выступления. Причем сразу же почувствовалась «корректировка» Вашингтона. В отличие от первых вариантов, где упор делался на «культурное и экономическое сотрудничество», на этот раз говорилось о необходимости сконцентрироваться на «политических аспектах и вопросах безопасности».

Если отбросить пропагандистские штампы, то окажется, что навязываемое странам Азии и Тихого океана «сотрудничество» на деле призвано усилить экономическое проникновение японских монополий в азиатско-тихоокеанский регион, создать здесь некую «систему», находящуюся под их полным контролем. На это совершенно определено, без всяких дипломатических оговорок еще в 1970 г. указывал известный реакционный идеолог и историк М. Кадзима, который писал: «Основной задачей японской дипломатии я считаю создание пан-Азии и выступаю с этой идеей уже много лет». И в качестве первого шага в этом

направлении в условиях 70-х годов должно было стать, по его мнению, создание «Азиатско-тихоокеанского сообщества»⁴⁵.

Вполне естественно, что эта идея была воспринята в Азии как очередная попытка воссоздать «сферу соприцветания Великой Восточной Азии». Министр иностранных дел Филиппин К. Ромуло характеризует ее следующим образом: «Попытки установить в азиатско-тихоокеанском регионе „новый порядок“ по японскому образцу не являются чем-то новым. В странах Юго-Восточной Азии не забыли последствий хозяйничанья японской военщины. Очень опасно, если Токио вновь свяжет нас по рукам и ногам. Я испытываю серьезную тревогу в отношении новой „сферы соприцветания“ — „Тихоокеанского сообщества“»⁴⁶.

Подобные настроения руководителей АСЕАН, а также отсутствие внимания к идее «сообщества» со стороны правительства лейбористов в Австралии были учтены новым кабинетом Японии во главе с Я. Накасонэ. Во время своего визита по ряду стран ЮВА (май 1983 г.) он ни разу не упомянул о необходимости создания такой организации. Это отнюдь не означает, что Я. Накасонэ чужда мысль о формировании блока из азиатских государств под эгидой Японии. Еще в своей книге «Логика нового консерватизма» (1978 г.) он сам выдвигал концепцию «Тихоокеанского экономического и культурного анклава» (ТЭКА). Но в ней же он указывал, что инициатива по учреждению такого анклава должна исходить не от правительственных органов, а от «общественного движения», руководимого учеными, политиками, бизнесменами⁴⁷.

Вероятнее всего, идея создания «Тихоокеанского сообщества» вряд ли будет реализована в 80-е годы, по крайней мере в том виде, в каком ее мыслили в Токио. Во-первых, потому что в «сообщество» предполагается включить две группы государств (одна группа — США, Япония, Австралия, Канада, Новая Зеландия, вторая — страны АСЕАН, Южная Корея, может быть, Тайвань и даже Китай), резко отличающиеся друг от друга уровнем экономического развития и неодинаковыми политическими интересами в регионе. Государства второй группы понимают, что вхождение в «сообщество» поставит их в неравноправное положение и нанесет ущерб их экономическим позициям. Они понимают также, что США и Япония предпримут попытки превратить «сообщество» в политическую и даже военно-политическую организацию, тем самым заставляя их затрачивать ресурсы на цели, которые они не ставят в своей внешней политике. Во-вторых, членов АСЕАН волнует тот факт, что в случае вхождения в такое «сообщество» под угрозой будет поставлено существование их собственной Ассоциации, которое рассматривается ими в качестве эффективного объединения в деле решений не только внутренних проблем, но и отношений с «великими державами». В-третьих, крайне непроста и для самих инициаторов задача выбора участников «сообщества». Как, например,

объединить в одной организации КНР, Тайвань и Южную Корею — вопрос, который до сих пор остался без ответа. В-четвертых, еще большие осложнения могут возникнуть в связи с тем, что отсутствует разработанный механизм, способный управлять чуть ли не полмиром, включающим совершенно различные государства. Даже механизм Общего рынка, охватывающий страны с более или менее единообразной структурой и уровнем социально-политического и экономического развития, не может удовлетворительно справиться с проблемами, которые возникают в процессе взаимодействия между ними. В-пятых, ни в США, ни в Японии нет единого мнения относительно целесообразности создания «сообщества». Это и понятно. В нынешней международной обстановке доминирующая тенденция в мышлении руководителей Вашингтона и Токио заключается в том, что расходы эффективнее направлять на модернизацию и усиление существующих военизированных механизмов («договор безопасности», «силы самообороны» Японии, АНЗЮС) в целях обеспечения империалистических интересов, чем расплывать их на образование аморфного блока с неясными перспективами.

Поэтому идею «Тихоокеанского сообщества» скорее всего можно рассматривать как своего рода пробный шар, с помощью которого Токио пытался, причем безуспешно, завоевать политический авторитет в мире. Современная же стратегия Вашингтона и Токио, нацеленная на обострение конфронтации с мировым социализмом, предусматривает выдвижение на первый план военно-силовых средств. Теоретическим обоснованием подобной политики у Японии выступает доктрина «комплексного обеспечения национальной безопасности», о которой пойдет речь ниже.

Доктрина «комплексного обеспечения национальной безопасности» — внешнеполитическая программа Японии на 80-е годы

В 70-х годах правящие круги Японии, формулируя внешнеполитические концепции и доктрины, исходили не столько из интересов мирового капитализма, сколько из интересов «своего» национального монополистического капитала. Проблемы взаимоотношений между социализмом и империализмом, различные международные конфликты волновали их, как правило, в той степени, в какой они могли отразиться на прибылях японских монополий. Общий фон разрядки в международных отношениях 70-х годов был расценен официальным Токио как создающий благоприятные условия для ослабления «блоковых» обязательств перед Вашингтоном, которые были использованы в деле развития торгово-экономического сотрудничества со многими социалистическими странами, в том числе и с Советским Союзом. Впрочем, аналогичные настроения были характерны и для руководителей других крупных капиталистических государств. В буржуазной политологии такой подход называли «прагматическим».

К началу 80-х годов ситуация изменилась. Американская администрация, как известно, затеяла «крестовый поход» против коммунизма, рассматривая Японию как одну из основных участниц этого «похода». Подобные расчёты совпали с новыми настроениями японских правящих кругов, в соответствии с которыми взаимоотношения между системами стали рассматриваться через призму необходимости собственного активного участия в борьбе против сил социализма и их влияния на мировую политику. Такой подход, названный «идеологизированным», привел к кардинальной ломке представлений (по крайней мере, у тех, кто отвечает за выработку и реализацию внешней политики) относительно оценок международной обстановки, к отказу от теории «многополярности» и переходу к теории «баланса сил между Востоком и Западом»⁴⁸, предусматривающей необходимость сплочения всего «западного мира» в целях борьбы с миром социализма. Логическим следствием этого изменения явилось и переосмысление места и роли Японии в рамках борьбы двух систем, ее действий, форм и средств внешней политики.

В официальных документах канцелярии премьер-министра, МИД, УНО сформулированы следующие положения, которые можно рассматривать как факторы, оказавшие глубинное воздействие на политическое мышление японских руководителей: усиление протекционизма в зоне «свободного мира»; потеря стратегического приоритета США и ослабление их позиций и в целом Запада в «третьем мире», и прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке; усиление нестабильности в Индокитае, рост военного потенциала Советского Союза на Дальнем Востоке. Кроме того, СССР и его союзникам приписывается в этих документах активное использование военных средств якобы в целях «политического проникновения» в развивающиеся страны. По словам министра иностранных дел М. Ито, все это привело к тому, что «разрядка между Востоком и Западом пошла вспять»⁴⁹.

Если отбросить буржуазные терминологические клише, а также заведомо фальсифицированные тезисы о политике социалистических стран, официальную оценку ситуации в мире можно признать справедливой. Как было указано на XXVI съезде КПСС, «в 70-е годы фактически завершилась ликвидация колониальных империй. Сузилась сфера империалистического господства в мире, обострились внутренние противоречия в странах капитала и соперничество между ними»⁵⁰. В результате соотношение сил на международной арене менялось в ущерб империализму, и такой процесс не устраивает Запад, в том числе и Японию.

Кадровые дипломаты и официальные теоретики внешней политики Токио возлагают ответственность за поражение 70-х годов не только на Советский Союз, но и на США. Последние, по их мнению, не учли, что политика СССР, постоянно нацеленная на поддержку национально-освободительных движений,— это

воплощение на практике идейно-теоретических основ политики социалистических государств. Вина США, считают в Токио, заключается в том, что в 70-е годы, особенно после 1976 г., они упустили из виду этот аспект советской внешней политики, «усыпив себя разрядкой» и «допустив» выпадение из зоны капитализма таких стран, как Ангола, Эфиопия, Южный Йемен, Афганистан и даже Иран⁵¹.

Правда, в этом, по мнению правительственных идеологов, повинен в немалой степени весь Запад, включая и Японию, так как его лидеры полностью положились на США, которые были уже не в состоянии самостоятельно отстаивать интересы «свободы и демократии» как по линии противодействия странам социализма, так и по линии «Север — Юг». А все из-за того, что США потеряли «стратегическое превосходство» над Советским Союзом.

В чем же заключается «вина» самой Японии и ее просчеты в 70-е годы? Ответ на этот вопрос дал в своем выступлении на сессии Трехсторонней комиссии в Лондоне (март 1980 г.) К. Миядзава. По его мнению, ошибки предыдущих доктрин и политики (в том числе и той, которую проводил он сам) заключались в том, что Япония не проявила готовности взять на себя глобальную ответственность, соответствующую статусу второй экономической державы капиталистического мира. Спрятавшись за американский «ядерный зонтик», она-де привыкла пользоваться плодами своих отношений с Вашингтоном. И все это из-за того, что «только небольшая часть общественности осознает необходимость участия Японии в концентрированных усилиях Америки и ее союзников в деле установления глобального военного баланса с целью защитить общие интересы свободы и демократии»⁵².

Однако за этой «самокритикой» скрываются более существенные «интересы», чем «интересы свободы и демократии». Речь идет об экономических интересах японских монополий, которые, по словам экономиста Т. Хамано, являются более важным основанием для «проведения оригинальной, творческой и эффективной внешней политики, чем пассивное следование политике США»⁵³.

Громадная зависимость японской экономики от внешней среды существовала и в 60—70-е годы. Но тогда правящие круги спокойнее относились к такой зависимости, поскольку, как считали они, контроль над энергетическими и сырьевыми источниками был в руках США. В 80-е годы уверенность в надежности такого контроля пропала. Рычаги влияния Вашингтона на энергосырьевые регионы ослабли. Как выразился в мае 1980 г. М. Охира, «США больше не занимают позиции сверхдержавы: они не более чем одна из держав»⁵⁴.

Вместе с тем происходит возрастание роли СССР, который, по мнению официальных лиц в Токио, стал проводить «экспансионистскую» политику, угрожающую экономическим интересам

Японии в мире. И как бы далека ни была эта оценка от реальности, именно она положена в основу внешнеполитической деятельности дальневосточного центра империализма.

Побудительным толчком для пересмотра внешней политики послужила еще одна сторона японской экономики, но несколько в ином плане. Несмотря на снижение темпов роста в 70-е годы по сравнению с предыдущим десятилетием, Япония все же опережала по обобщающим экономическим показателям своих конкурентов (по ВВП, по темпам роста промышленности, производительности труда). Продолжающийся рост экономики при неблагоприятных хозяйственных условиях для всего западного мира, с одной стороны, способствовал сохранению относительной устойчивости социальной структуры японского общества, укреплению позиций правящей партии, а с другой — вызвал новый взрыв националистических настроений среди некоторой части населения, дал почву для возрождения старой концепции «японизма» (нихонсюги) под лозунгами: «Япония — стань нацией!», «Япония — будь государством!».

К перестройке внешнеполитической деятельности Японии толкала и логика ее отношений с США, политика которых со второй половины 70-х годов претерпевала известную эволюцию от разрядки к нагнетанию международной напряженности. С точки зрения вашингтонских стратегов, теория и практика внешней политики Японии в 70-е годы игнорировала, помимо всего прочего, и интересы своих политических союзников. В доктрине «национальных интересов» их прежде всего не устраивало снижение внимания Токио (конечно, относительное) к своим военным «обязанностям», что, считали в Белом доме, позволяло Японии концентрироваться на развитии экономики, которая оказалась способной влиять на мирохозяйственные связи капиталистической системы в целом. Это, в свою очередь, увеличивало вес и роль Японии в империалистическом лагере вообще и в американо-японских отношениях в частности. В этом смысле политика «национальных интересов» создавала «зону соперничества» между капиталистическими партнерами, в которой более динамичная Япония нередко одерживала верх.

Не устраивал Вашингтон и другой компонент теории и практики внешнеполитического курса Токио. Политика «национальных интересов» увеличивала значение социалистических стран для Японии, давала возможность наращивать экономическое сотрудничество с ними и закладывать основы для политического диалога. Но такая политика со второй половины 70-х годов перестала отвечать замыслам Белого дома хотя бы уже потому, что развитие связей с социалистическими государствами увеличивало набор в политике Токио самостоятельных элементов в его отношениях с США. А это в корне противоречило представлениям американских руководящих деятелей о месте и роли своего дальневосточного союзника. Поэтому, стремясь обострить отношения Японии и своих союзников по НАТО с Советским

Союзом, Белый дом рассчитывал, помимо всего прочего, восстановить рычаги давления на них, несколько утраченные в период 70-х годов. И если западноевропейские страны сумели в определенной степени сохранить самостоятельные представления о формах и методах взаимоотношений с СССР и другими социалистическими странами, то этого нельзя сказать о Японии. Правительство в Токио не устояло под напором Вашингтона и предприняло серию враждебных акций против Советского Союза и его союзников в Азии. Это отвечало желаниям США, предпочитавших, чтобы Япония действовала не на основе концепции «национальных интересов», а на основе доктрины «комплексного обеспечения национальной безопасности», которая, в представлениях Белого дома, создает «зону согласия» со своим союзником. Это и естественно, так как национальная безопасность с самого начала строилась на базе военно-политического «договора безопасности», в котором Япония в силу своих возможностей не может играть иной роли, как роли подчиненного партнера.

Таким образом, сокращение разрыва между экономическим потенциалом США и Японии, сопровождающееся ростом национализма, усилившееся воздействие внешнеэкономических факторов на состояние экономики, сомнения в возможностях США гарантировать приемлемое для Запада соотношение сил в мире, восприятие СССР в качестве «экспансионистского» государства — вот далеко не полный перечень факторов, вызвавших поворот во внешней политике Японии в начале 80-х годов.

Оформлению относительно устойчивого консенсуса по проблемам национальной безопасности на 80-е годы предшествовала острая борьба среди различных группировок правящего лагеря, нашедшая свое отражение в образовании нескольких политико-теоретических школ или политологических направлений. Поскольку они существуют до сих пор, целесообразно охарактеризовать основные из них.

Первое буржуазно-либеральное направление, которое в Японии получило название «прогрессивно-идеалистическое» или «пацифистско-утопическое», связано со следующими именами: Ё. Сакамото, М. Митио, С. Такахаси, С. Цуру (член редколлегии газеты «Асахи»), К. Мусякодзи (проректор университета ООН в Токио), Д. Кисида (главный редактор «Асахи»), Х. Маэда (бывший начальник исследовательского отдела военной академии УНО), Х. Исида (член ЛДП), М. Акаги (член ЛДП), К. Нагасу (губернатор преф. Канагава).

На состоявшемся в ноябре 1979 г. симпозиуме в Токио, посвященном международным проблемам и роли Японии в мире, некоторые из названных лиц подвергли острой критике политику правительства в 70-е годы, и особенно внешнеполитический курс последних двух кабинетов (Т. Фукуда и М. Охира), руководители которых, по словам К. Нагасу, «не смогли выйти за рамки мышления „холодной войны“». Выступая против «мнимых реа-

листов», эта группа ученых считала, что «подлинный реализм» означает трезвый учет возможностей Японии, объективную оценку мировых событий, признание собственных ошибок и умение их быстро исправить. В основу подобного подхода был положен один из афоризмов известного американского философа-экзистенциалиста Р. Нибура, который говорил: «О боже! Дай нам ясность понять те явления, которые мы не можем изменить, и мужество изменить то, что мы можем, и мудрость для осознания того, что мы можем и не можем»⁵⁵. Мысль, заложенная в этих словах, стала лейтмотивом выступлений участников делегации от японской стороны.

Отталкиваясь от нее, К. Нагасу, например, считал, что стремление Японии превратиться в политический «полюс» не по силам стране, да и ни к чему ей. Усматривая в «полюсной» структуре международных отношений источник конфронтации между различными «полюсами», он выдвигал вариант политики, основанный на принципах мирного сосуществования. К. Нагасу призвал руководящих деятелей своей страны к активнейшему участию в «построении мира», чему соответствовал бы, по его мнению, роспуск «сил самообороны»⁵⁶.

Особенно сильной критике участников симпозиума подверглась военная политика Японии. Е. Сакамото говорил: «Правительство утверждает, что Япония показывает исторический пример, когда экономическая держава отказывается стать военной державой. Однако в действительности тенденция к милитаризации стала ярко выраженной». Существование, по словам Сакамото, «эрзац-милитаризма» пронизывает внутреннюю и внешнюю политику Японии и свидетельствует об отсутствии реалистического подхода правительства к объективным тенденциям мировой политики. Подлинной же национальной безопасностью страны, считает ученый, отвечала бы демилитаризация Японии и следование принципам мирного сосуществования, независимости от «сверхдержав» и содействие созданию «безъядерных зон» на Корейском полуострове и в ЮВА⁵⁷.

К решительному отказу от курса на милитаризацию призвал и другой участник симпозиума, Д. Кисида, который подчеркивал, что не военная сила, а «методы переговоров» могут обеспечить безопасность Японии.

В заключительном коммюнике симпозиума был сформулирован ряд рекомендаций правительству, включавший следующие положения.

В своей политике Токио должен опираться на «мирную конституцию» и «технологический и экономический потенциал». Поскольку Япония была жертвой атомного оружия, она всегда должна придерживаться трех «неядерных принципов» и стремиться к установлению безъядерных зон не только в районах, прилегающих непосредственно к Японским островам, но и в глобальном масштабе.

«Национальная безопасность» должна строиться не по принципу «против кого», а по принципу «ради чего». А поэтому «национальной безопасности» необходимо добиваться путем развития добрососедских отношений с развитыми и развивающимися странами во имя мира. На службу этих целей должны быть поставлены политические, экономические и культурные средства политики⁵⁸.

Среди некоторых советников правительства, разделяющих в определенной степени взгляды «прогрессивно-идеалистического» направления, давно высказывалась мысль о необходимости критически пересмотреть военные аспекты отношений с США. Так, К. Мусякодзи особую опасность связей с Вашингтоном видит, как он пишет, в ее «блоковости», в принципе «альянсов и коалиций» по типу США — Западная Европа — Япония или США — КНР — Япония. Такая основа для политики ведет к враждебности к государствам, не попавшим в эти блоки. Роль же Японии, считает К. Мусякодзи, может повыситься, если она будет стремиться искоренять причины конфликтов, «вызванных стремлением Севера дестабилизировать баланс сил на Юге», и вместо того, чтобы принимать чью-либо сторону, Запада или Востока, лучше сосредоточить свои усилия на создании нового миропорядка с обязательным привлечением развивающихся государств. Предостерегая от втягивания Японии в «старую игру биполярной конфронтации», К. Мусякодзи усматривает главную задачу политики Токио в «предотвращении новой холодной войны»⁵⁹.

В целом эта группа ученых и политиков предлагает делать упор на развитие культурного обмена и оказание помощи развивающимся странам, на укрепление многосторонних взаимоотношений со всеми государствами, в том числе с СССР и с другими социалистическими странами.

Позиция последователей указанной школы в области безопасности состоит в том, что Япония в принципе не в состоянии ее обеспечить военными средствами в силу множества причин, в том числе и этических. Отсюда их концепция «безопасность без оружия» («гумби-о мотанай андзэн хосэ»). Экономических интересов и подлинной безопасности, по мнению, например, Х. Исиды, можно достичь только путем «развертывания самостоятельной и конструктивной дипломатии, направленной на разрядку напряженности и разоружение во всем мире»⁶⁰.

В требованиях же Вашингтона и Токио наращивать вооруженные силы они резонно усматривают стремление правящих кругов США ослабить экономику Японии, поскольку «крупные военные расходы и развитие экономики несовместимы».

Во втором, меркантилистском направлении представлены взгляды, в соответствии с которыми безопасность увязана с «экономической безопасностью». Концентрируя внимание на специфике геополитического положения Японии, отсутствии сырья и зависимости экономики от внешней среды, сторонники

этой школы считают, что Япония может существовать и развиваться только как «торговая нация». А потому и роль страны в мире должна быть «меркантилистской». Нетрудно заметить, что именно на основе этих идей и строилась политика Японии в период премьерства М. Охира.

Ведущим идеологом данного направления является профессор Ё. Нагаи, который для обоснования идеи данной группы выдвинул концепцию «мораториального мира» и роли Японии как «мораториального государства».

Суть этой концепции заключается в том, что современная мировая политика переживает стадию перехода от Версальской системы, в рамках которой статус государства определялся военной мощью, к системе кантонианской⁶¹. Последняя проявляется в обеспечении безопасности государств на основе коллективного международного порядка. Причем ее структурным каркасом, по его мнению, служит ядерное противостояние двух «сверхдержав» на паритетных началах. А это ведет к силовому мораторию в мире. Внутри этой системы существуют подсистемы, в которых статус государства определяется уже не столько военной силой, сколько экономическим и технологическим потенциалом. В результате, считает Ё. Нагаи, не существует противоречия в том, что Япония, обладая сильной экономикой, не имеет адекватной военной мощи.

Такое явление отражает, по его мнению, новый этап развития международных отношений, в которых воспроизведены отношения внутри Японии эпохи Токугава. В тот период, утверждает японский ученый, власть (политическая) принадлежала самураям, однако реальная сила находилась в руках торговцев⁶².

Любопытно отметить, что ностальгию по токугавским временам испытывает аппарат МВТП, который с нескрываемым неудовольствием относится к лозунгу: «От торговой державы к державе самурайской!». Разбирая проблемы соотношения военных и экономических средств во внешней политике, бывший заместитель министра внешней торговли и промышленности Н. Амая не без ехидства приводит слова философа токугавского периода Хонда Тосиаки (1744—1812): «Внешне все в Японии принадлежит самураям, на самом деле все — собственность торговцев»⁶³.

Короче говоря, сторонники подобных взглядов выдвигают тезис о необходимости «глобализации токугавской системы», предусматривающей для Японии: а) сохранение нынешней конституции; б) статус неядерной экономической державы; в) наличие умеренного военного потенциала с оборонными целевыми задачами; г) сохранение «договора безопасности»; д) экономическое сотрудничество со всеми странами, включая Советский Союз, поскольку у Японии «нет причин быть враждебной по отношению к СССР». Особенно активно взгляды этой группы отстаивают чиновники аппарата МВТП и часть крупного бизнеса.

Третье направление аккумулирует идеи правых националистов. В политологии оно получило обозначение как концепция «новых националистов» или теория «неонационализма».

Теоретиком данного направления считается ставший широко известным в последнее время профессор университета «Гакусюин» (Токио) И. Симидзу. Именно он выдвинул лозунг: «Япония — стань государством!» («Ниппон ё, кокка тарэ!»). Этот призыв отражает взгляды крайне реакционной, шовинистически и националистически настроенной прослойки правящего лагеря. «Философия» Симидзу опирается на прусскую доктрину «Macht-politik», в соответствии с которой «общество» только тогда превращается в «государство», когда оно обладает «разрушительной физической силой». Поскольку у Японии такой «силы» нет, постольку она является лишь «обществом». Он считает, что цель внешней политики — это борьба за власть, а международное сообщество — мир без законов и морали, напоминающее эпоху «воюющих княжеств» (сэнгоку) — период междоусобиц в средневековой Японии⁶⁴.

Особый пиетет И. Симидзу испытывает к ядерному оружию. Он пишет, что ядерные державы, «даже не используя свое оружие, способны внушить страх тем державам, которые его не имеют. Страна же, подобная Японии, т. е. не обладающая ядерным оружием, может быть только объектом игры для ядерных держав». Другими словами, Япония должна сделать «ядерный выбор» и только после этого она наконец станет «сверхдержавой» (додотару дайкоку).

И еще одна важная мысль в «философии» И. Симидзу: как бы ни развивались дружеские отношения со странами, будь то США или СССР, Япония — одна, и «мы в конечном счете должны полагаться только на самих себя»⁶⁵.

Опасность взглядов И. Симидзу заключается в том, что он не одинок. Аналогичных мыслей придерживается и часть японского высшего военного командования, в частности бывший председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Х. Курису, выдвинувший еще в 1978 г. теорию «чрезвычайной оборонной силы». В ней он подверг критике, по его мнению, слишком умеренный правительственный «Генеральный план программы обороны» (1976 г.), как недостаточный в деле отражения агрессии. Кроме того, он предлагал предоставить «силам самообороны» в случае «чрезвычайных обстоятельств» свободу действий, т. е. фактически полнейшую автономию⁶⁶.

Националистическая группа в перспективе не исключает в духе идей И. Симидзу если не разрыва, то ослабления военных связей с США с целью превращения японской военной машины в самостоятельную и независимую единицу глобального масштаба. Военная зависимость от США давно уже угнетает милитаристски настроенную часть правящего лагеря, в том числе и некоторых представителей делового мира. Президент Никкэйрэн, одной из четырех крупнейших экономических организа-

ций, Т. Сакурада, который также ратует за ядерное вооружение Японии, заявил: «К моему сожалению, нашей стране еще предстоит избавиться от безответственной зависимости в деле национальной безопасности от иностранного государства, продолжающейся свыше 30 лет после войны, несмотря на то что Япония стала одной из крупнейших экономических держав мира»⁶⁷.

Чуть забегаая вперед, следует сказать, что этот призыв встретил сочувственное отношение и среди политических деятелей Японии, включая и нынешнего премьер-министра Я. Накасонэ. В марте 1982 г. по инициативе бывшего заместителя министра иностранных дел С. Хогэна и бывшего посла Японии в ООН Т. Касэ был организован Комитет по установлению справедливого альянса между Японией и США, куда вошли 180 человек, среди них видные деятели ЛДП, в том числе ряд бывших министров, дипломатов, бизнесмены и представители академических кругов. В ближайшей перспективе руководство Комитета намерено довести количество своих членов до 1000. В декларации, зачитанной по случаю организации Комитета, указывалось на то, что настало время положить конец такому состоянию, когда Япония фактически находится под «протекторатом США», в то время как она обладает достаточной силой и мощью, чтобы самостоятельно защитить «свой суверенитет и безопасность». Эта группа ставит перед собой следующие цели: 1) ускорить наращивание вооруженных сил страны; 2) добиться равноправного военного партнерства с США; 3) изменить конституцию, особенно ее 9-ю статью; 4) легализовать посещение храма Ясукуни членами правительства; 5) увеличить военный бюджет в два-три раза; 6) расширить зону действия вооруженных сил Японии за пределы Дальнего Востока; 7) упрочить военные связи с Тайванем и Южной Кореей⁶⁸.

Таким образом, «новые националисты», оставаясь приверженцами сохранения военно-политических связей с США, рассчитывают путем ускоренного развития собственных вооруженных сил добиться на первом этапе равноправного статуса в отношениях со своим заокеанским союзником, на втором — не исключают возможности утвердиться в качестве самостоятельной военной силы, способной и без опоры на США осуществлять «миссию» контроля в азиатско-тихоокеанском регионе.

Следовательно, этот вариант «национальной безопасности» полностью исключает невоенные факторы в ее достижении и практически предусматривает превращение Японии в военную «сверхдержаву».

Четвертое направление в подходе к вопросам безопасности отстаивает группа самых влиятельных ученых. Они входят в различные правительственные и полуправительственные учреждения, являются советниками МИД и кабинета. Их воздействие на выработку политики столь велико, что именно эту группировку правомерно обозначить как политико-академический комплекс. У его истоков после второй мировой войны стоял

М. Кадзима, ныне, как представляется, его возглавляет директор Института мира и безопасности, бывший ректор Военной академии М. Иноки. Авторитетными представителями этого комплекса являются также М. Косака, С. Сато (Токийский университет), Ц. Иида (Нагойский университет), Х. Ота (МИД), М. Сасэ (Военная академия), К. Ито (генеральный секретарь Совета национальной обороны), К. Цукамото (генерал-лейтенант, УНО), Н. Сакондзэ (вице-адмирал, УНО), М. Момои (НИИ обороны).

Эта группа ученых и политических деятелей на Западе (в США) получила обозначение как школа «либерал-реализма». Думается, что представителей этого течения правомернее называть «консервативными реалистами»⁶⁹. Они выступают против теоретических воззрений всех трех приведенных выше направлений. В отличие от «прогрессивно-идеалистического» они утверждают, что институт государства не исчезает, а, наоборот, усиливается, отказ же от вооруженных сил не что иное, как утопический пацифизм.

Идеализмом они называют и подход «меркантилистов» к возможности обеспечения внешнеполитических целей только экономическими средствами. Как пишет М. Момои, «экономические меры не являются всемогущим средством или панацеей от всех бед»: они могут быть лишь «болеутоляющим лекарством», не исключающим необходимости во «враче (дипломатических мерах) и хирургической операции (военных мерах)»⁷⁰.

Значимость экономических средств не отрицается в принципе, но при двух условиях: а) всеобщего мира, б) обладания США подавляющим превосходством. Ныне, считают представители этой фактически официальной школы, ни одного из названных условий не существует. Как зафиксировано в их коллективном докладе, «мир в настоящее время не является мирным и нет никакой возможности, что он станет таким в обозримом будущем»⁷¹.

Они резко выступают и против концепции «новых националистов». Об этом свидетельствует уже само название статьи, написанной М. Иноки: «От утопического пацифизма к утопическому милитаризму»⁷².

Таким образом, наиболее привлекательными для правящих кругов Японии оказались идеи и взгляды представителей буржуазно-консервативного направления, которые, так сказать, «научно» обосновали желаемую для них внешнеполитическую практику Токио на 80-е годы.

Обобщение и концептуальное оформление нового курса страны на международной арене было поручено целому ряду правительственных учреждений и созданных специально для этого различных групп, комитетов и советов. Среди них наиболее влиятельным были Комитет МИД по вопросам мира и безопасности (глава — тогдашний заместитель министра иностранных дел М. Такасима), Исследовательская группа по изучению на-

циональной безопасности (глава — М. Иноки), Совет национальной обороны (генеральный секретарь — К. Ито), Японский центр стратегических исследований (глава — бывший начальник УНО С. Канэмари). Функции «регулирующего» позиций были поручены Координационному совету по проблемам комплексного обеспечения национальной безопасности при кабинете министров (председатель — Т. Кусуми).

В результате деятельности этих учреждений и их рекомендаций (в виде докладов) к концу 1980 г. на свет появился новый, четвертый вариант доктрины под названием «комплексное обеспечение национальной безопасности» («сого андзэн хосэ сэйкаку») (далее КОНБ).

Предыдущие концепции доктрины «национальной безопасности» обычно описывались в терминах, лишенных классового содержания. Цели и задачи страны сводились к естественным функциям любого государства: сохранению суверенитета и экономическому процветанию народа. Выдвигались надклассовые демократические требования — мир и стабильность в мире. Тем самым как бы снималась политико-идеологическая подоплека внешнеполитической деятельности. Нынешняя же доктрина сформулирована в четких классовых выражениях: был назван «враг» — мировой социализм и сформулированы способы борьбы с ним. Этому есть свое объяснение. Изменение соотношения сил в мире в пользу социализма, прогресса и демократии — неумолимая историческая тенденция, но эта тенденция означает и углубление кризиса капитализма во всех сферах: в экономике, политике и идеологии.

Эти кризисные явления, охватывающие всю систему империализма, все более углубляются, включая регионы, где, казалось, его интересы защищены военным присутствием США или марионеточными режимами, поддержанными штыками США или их союзников. Обостренная реакция на иранские события вызвана не только чисто экономическими потерями; они ударили по имперскому сознанию, потому что Иран был наиболее надежным союзником Вашингтона. И если уж такие «надежные» союзники преподносят сюрпризы, что же ожидать от государств, которые в меньшей степени опутаны опекой империалистических стран?

Эти явления были болезненно восприняты правящими кругами Японии, поскольку промышленно-торговые круги стали усматривать в них угрозу своим нынешним и в особенности будущим экономическим интересам. Одно дело, когда ущерб от кризисных явлений в мире испытывает Западная Европа или США — это даже неплохо. Но совсем другое, когда они начали отражаться на самой Японии. Как отмечал в своем выступлении на «трехсторонней» комиссии К. Миядзава, «геополитический подтекст кризисных явлений в регионах, далеко отстоящих от Японии и Европы, таков, что ни одна страна свободного мира не может не реагировать на них». А поскольку США бессильны

противостоять этой тенденции, то другим двум центрам необходимо «пересмотреть собственные национальные интересы в терминах глобальной ответственности»⁷³, поступаясь, если необходимо, своими государственными интересами как вторичными.

Следовательно, нынешняя доктрина «увязывает» собственные интересы страны с «глобальной», как выразился впоследствии Я. Накасонэ, «неделимой» безопасностью всей системы империализма. «Безопасностью» от национально-освободительного движения, антиимпериалистической политики развивающихся государств и в первую очередь от мирового социализма.

Поэтому на первом плане в КОНБ оказалась «политическая безопасность», а ее достижение, в понимании авторов доктрины, означает изменение нынешнего соотношения сил в мире в пользу «Запада». Формой реализации этой цели должен служить переход от двусторонних военно-политических связей между США и Западной Европой и США и Японией к военно-политической интеграции трех центров империализма и созданию «стратегического треугольника». Поскольку линия Япония — НАТО считается слабой стороной этого «треугольника», предлагается усилить ее путем углубления политических связей на основе единой антисоветской платформы, а в перспективе — объединения военных мощностей европейских стран НАТО с японскими «силами самообороны». Но так как США являются центральным звеном этого предполагаемого военно-политического альянса, то координация японо-западноевропейского взаимодействия должна осуществляться в соответствии со стратегическими задачами Вашингтона⁷⁴.

В то же время, учитывая расхождения между США и Западной Европой именно по вопросам, касающимся их отношений с СССР и другими социалистическими странами, Япония, считают авторы доктрины, должна взять на себя миссию посредника в деле улаживания политических противоречий между партнерами.

В скоординированный западный альянс предполагается включить и другие силы, в первую очередь КНР. Аргументов у официальных теоретиков в пользу привлечения Китая в подобный блок более чем достаточно, среди них и развитие «рыночной экономики», и модернизация вооруженных сил, «вынуждающая Пекин сблизиться с Западом», и в целом та политика, которая, по словам Н. Усиба, «крайне выгодна Западу»⁷⁵. Причем в своих отношениях с КНР, рекомендует группа М. Иноки, Западу надо подходить опять же в контексте отношений между США и Китаем⁷⁶.

Другими словами, Япония, как и прежде, должна играть роль подчиненного союзника США. Подобная субординация зафиксирована четко и недвусмысленно. Иначе говоря, США уже не просто «краеугольный камень» внешней политики Токио, т. е. основной союзник Японии, но такой союзник, который вправе определять поведение страны на международной арене. По край-

ней мере, именно такие выводы напрашиваются из содержания докладов о КОНБ.

В деле достижения «политической безопасности» глобально-го масштаба предполагается использование всех средств внешне-политического воздействия аппарата внешней политики. В частности, предусматриваются: военно-политическая и экономическая поддержка намерений США и других стран НАТО нарушить военно-стратегическое равновесие в мире, осуществление экономических санкций и в целом использование механизма торгово-экономического сотрудничества в качестве рычага давления на СССР и другие социалистические страны; оказание помощи проимпериалистическим режимам и активное подключение к политике других капиталистических держав в деле подавления антиимпериалистических движений в развивающихся государствах; усиление антисоциалистической и антисоветской внешней пропаганды, в том числе в зоне стран «третьего мира».

На региональном уровне, в первую очередь в самом важном для Японии районе — на Дальнем Востоке и в ЮВА, требованиям «политической безопасности», в соответствии с доктриной, отвечает ситуация, которая бы определялась сохранением недружественной политики КНР в отношении СССР и его союзников в Индокитае, закреплением враждебного противостояния между Южной Кореей и КНДР, существованием Тайваня как независимого от Китая государства, господством антикоммунистических режимов в странах АСЕАН, состоянием напряженности между членами Ассоциации и государствами Индокитая, сужением сфер деятельности Советского Союза в азиатско-тихоокеанском бассейне, усилением военно-политической роли Японии в регионе. На реализацию этих условий и должна быть нацелена азиатская политика Токио.

Другая часть КОНБ — «экономическая безопасность». Этот аспект более осязаем с точки зрения национальных, в данном случае экономических, интересов страны и рассматривается авторами доктрины в контексте теории «Запад—Запад», «Север—Юг». Японию не устраивает механизм регулирования взаимоотношений между тремя центрами империализма. Такая неудовлетворенность вызвана прежде всего тем, что США и Западная Европа именно в активности японских монополий на мировой арене видят чуть ли не главного виновника дестабильности капиталистического хозяйства. Пытаясь сдержать экспансию японского капитала, монополии США и Общего рынка нередко прибегают к помощи национально-государственных органов власти и международных экономических организаций.

Рецепты Токио в деле стабилизации империалистической экономики по линии «Запад—Запад» выглядят следующим образом: Соединенным Штатам Америки предлагается уладить экономические «войны» на основе «духа свободного предпринимательства», т. е. без вмешательства государства, полагаясь на «мудрую» рыночную стихию «свободного мира», а руководите-

лей ЕЭС призывают к тому, чтобы вообще оставить в стороне разрешение экономических противоречий, концентрируя внимание на военно-политическом сотрудничестве. В русле именно таких мероприятий видят авторы доктрины пути обеспечения «экономической безопасности» всего Запада.

Другой вариант предусматривается для взаимоотношений по линии «Север — Юг». Это очень важный участок политики, если учесть, что на «Юг», т. е. на страны Азии, Африки и Латинской Америки, приходится почти половина товарооборота и капиталовложений Японии. Раньше достижение «экономической безопасности» в «южном направлении» увязывалось с чисто экономическими средствами, например путем увеличения «помощи» развивающимся странам. Теперь же не исключаются и военные средства, поскольку-де «вооруженные силы выступают в качестве фактора, сдерживающего конфликты»⁷⁷. Как указывалось в докладе группы М. Иноки, такой вывод был сделан на основе анализа событий в Иране, которые продемонстрировали неэффективность экономических и даже политических средств воздействия. Идея о необходимости обеспечения экономических интересов Японии с использованием вооруженных сил собственно Японии или ее союзников вскоре была зафиксирована в американо-японском коммюнике (май 1981 г.), в котором говорилось: «Решительные усилия Соединенных Штатов в условиях непрочной безопасности (на Ближнем Востоке) содействуют восстановлению стабильности, принося пользу многим странам, в том числе и Японии».

В докладе МИД, озаглавленном «Политическая программа обеспечения безопасности на 80-е годы»⁷⁸ (в нем изложены в концентрированном виде основные положения доктрины КОНБ), первостепенное значение придается военным аспектам безопасности. Из четырех разделов доклада три посвящены: а) современным задачам вооруженных сил, б) усовершенствованию системы американо-японского «договора безопасности», в) модернизации «сил самообороны». Только в последнем разделе говорится об «активизации дипломатических усилий», хотя тут же оговаривается, что «безопасность страны не может быть обеспечена только на основе экономической политики и дипломатических усилий без обеспечения военной безопасности». Последняя рассматривается в двух планах: в «чисто» военном и геополитическом. Первый из них сконцентрирован в доктрине «национальной обороны», цель которой состоит в том, чтобы быть в состоянии «защитить нацию, территорию и государственную систему». Все эти «ценности» подвергаются угрозе в связи с обострением международной обстановки, вызванной, по мнению авторов доктрины, внешнеполитической деятельностью Советского Союза. Поэтому главной оборонной задачей является «предотвращение косвенной или прямой агрессии, а также исключение возможности ее осуществления»⁷⁹.

Предыдущие доктрины исходили из того, что зона военной безопасности ограничивается Дальним Востоком, нынешняя «расширяет» эту зону до 1000 миль от японского побережья. «Силам самообороны» вменяется в обязанность оказывать помощь США в поддержании военного контроля над этим обширным регионом, принимать участие в многосторонних маневрах с блоком АНЗЮС. Особое значение придается «военной кооперации с Южной Кореей», безопасность которой рассматривается через призму безопасности собственно Японии. Для начала предполагалось оказание экономической помощи режиму Чон Ду Хвана для укрепления военного потенциала Сеула, в перспективе планируется создание военно-политического альянса в рамках США — Япония — Южная Корея.

Безусловно, все аспекты доктрины КОНБ взаимосвязаны и взаимозависимы: на практике вообще трудно определить, где кончаются, например, границы политической безопасности и начинаются границы экономической. Выделение тех или иных блоков доктрины носит условный характер и возможно только в теории, на стадии постулирования и анализа. Разбор этой доктрины, как представляется, подводит к следующим выводам.

Основные задачи КОНБ заключаются в упрочении мировой системы империализма в целях глобального противодействия изменению соотношения сил в пользу социализма, национально-освободительного и мирового коммунистического движения.

В достижении этих задач предполагается использовать все виды внешнеполитического воздействия с упором на военно-политические средства.

Форма проведения политики для Японии — отказ от предыдущей позиции «выжидания и созерцания» и переход к активной поддержке США на базе сплочения трех центров империализма с подключением к этой борьбе других антисоциалистических сил.

Сопутствующий, но крайне важный для собственной страны результат участия в глобальной борьбе авторы доктрины видят в резком усилении военно-политической роли Японии в мире с перспективой ее превращения из центра экономического могущества в центр военно-политической силы глобального масштаба.

Изложенная доктрина «безопасности», на основе которой Токио планирует практическую деятельность на международной арене в 80-е годы, — это классический образец социальной психологии, присущей наиболее реакционной части правящих кругов империалистических государств. В их мышлении и словопотреблении сама идея национальной безопасности полностью сведена к замыслу подчинения своим устремлениям других народов. С давних пор для них понятие «своей» национальной безопасности часто отрывалось и даже изолировалось от потребностей безопасности международной. До определенного исторического периода такой подход теоретиков и практиков империа-

лизма сходил им с рук. Однако следование ему в ядерную эпоху чревато катастрофическими последствиями, которых не может избежать ни одно государство. Вполне очевидно, что единственный путь укрепления национальной безопасности — это путь предотвращения мировой войны, который возможен лишь на основе международной и даже глобальной безопасности. Только таким образом может ставиться вопрос о соотношении «своей» и международной безопасности в ядерный век. Именно такую постановку вопроса пытается игнорировать политическая логика наиболее реакционных кругов американского империализма и его «помощника» на Дальнем Востоке — японского монополистического капитала.

Но, как писал В. И. Ленин еще в начале века, «политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий»⁸⁰. Рассмотрению этой объективной логики и соотнесению ее с теоретическими постулатами официального Токио посвящена вторая часть данного исследования.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯПОНИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

В соответствии с устоявшейся традицией определим некоторые термины, которые применяются для анализа внешней политики на стадии ее осуществления. Как известно, все происходящие процессы и явления в мировой политике детерминированы внешней деятельностью классов и отражаются в понятиях, которые субординированы по отношению к фундаментальной категории. Ею может выступать само понятие «внешняя политика», определяемое как сознательная деятельность класса, его политического аппарата, а также его политических представителей, направленная на достижение поставленных им целей в области международных отношений, т. е. на изменение объективной системы международных отношений в соответствии с его классовыми интересами.

Вполне понятно, что внешнеполитическая деятельность — это процесс, протекающий во времени и пространстве. Его обычно описывают такими традиционными для ученых-международников и политиков терминами, как «действие», «влияние», «взаимодействие», «объем отношений», «активность».

Поставив перед собой какую-либо определенную цель, государство или иной субъект внешней политики начинает проводить всевозможные мероприятия для ее достижения. Например, в период, предшествующий американо-испанскому конфликту за обладание Кубой, т. е. с лета 1897 г. по апрель 1898 г., американское правительство осуществило ряд акций, которые отражают понятие «действие». В их число входило: усиление военноморского флота США, подготовка общественного мнения к намечающемуся конфликту в собственной стране и за рубежом, интенсивная дипломатическая деятельность, направленная на убеждение правительств других стран в правоте Вашингтона, и т. д. Другими словами, «действие» — это сумма подготовительных мероприятий государства для достижения целей по отношению к внешней для данного государства среде, т. е. на данном этапе внешнеполитической деятельности цель еще не достигается, а идет подготовка к ее достижению.

Действие, а точнее, его завершение трансформируется во влияние на внешнюю среду. В самом деле, чтобы один субъект

международной политики пошел на взаимодействие с другим субъектом, последний должен оказать на первый влияние, т. е. как бы сделать заявку или проявить намерение к взаимодействию. С этой целью капиталистические страны обычно используют три вида воздействия: военные, дипломатические и пропагандистско-идеологические средства. Если обратиться к истории взаимоотношений Японии с Голландией и Испанией в XVI—XVII вв., то обнаружится, что последние использовали идеологические (христианскую религию) и дипломатические средства для достижения влияния в этой стране. Как в борьбе за Кубу с Испанией, так и в отношении Японии США применяли военный метод воздействия: пушки коммодора Перри, направленные на Японские острова в 1854 г., красноречиво свидетельствовали о намерениях американских «мореплавателей». Но влияние — это еще не средство достижения целей, как считают сторонники концепции «баланса сил», а реакция на демонстрацию силы через те или иные каналы воздействия. Как справедливо отмечает американский политолог Д. Альбрайт, «имеет или не имеет держава определенное влияние, объективно зависит от того, как на это смотрят другие страны и как они реагируют на это»¹. Так, реакция японских властей на попытки Голландии и Испании с помощью христианства оказать влияние на страну вылилось в уничтожение японских христиан и изгнание голландцев и испанцев из страны. Иной реакции достигли пушки Перри: их влияние, как известно, сделало свое дело — японский рынок был насильственно открыт для американского торгово-промышленного капитала. Отсюда, по нашему мнению, *влияние* — это реакция внешней среды на силу действия того или иного субъекта внешней политики. И если эта сила оказывается достаточной для оказания такого влияния, которое ведет к взаимодействию (не имеет значения: вынужденному или добровольному), тогда начинается происходить накопление или изменение объема отношений между субъектами. Следовательно, *взаимодействие* международной системы или подсистемы означает начало накопления или изменение объема отношений. Но если сила не смогла обеспечить необходимое ей влияние или встретила противостоящую ей силу, вместо взаимодействия происходит *противодействие*, принимающее разнообразные формы противоречий и даже конфликтов, вплоть до военных (граничный случай конфликта, противоположный военному, состоит в том, что рассматриваемые международные подсистемы становятся замкнутыми по отношению друг к другу). Поскольку действие силы через влияние фактически вызывает зависимость, постольку конфликт является действием против зависимости, т. е. он означает один из путей уменьшения зависимости или изменение его направления. Чехословацкие социологи Ф. Харват и Я. Кучера в этой связи пишут: «Результатом влияния... в случае отрицательных внешних воздействий является деятельность или изменение ее хода, которое препятствует этим воздействиям, а в

случае положительных воздействий — деятельность или изменение ее хода, при котором используются эти воздействия с целью усиления действий, приводящих к удовлетворению интересов»². При этом необходимо иметь в виду, что если взаимодействие привело к конфликту, то дальнейшее развитие отношений между государствами начинает функционировать на основе закономерностей, описываемых другими категориями и понятиями, которые достаточно подробно разработаны теоретиками конфликтных ситуаций.

Наконец, участок деятельности, где фиксируется достижение цели, называется *объемом отношений*, который означает интегрированную сумму действий, т. е. всех мероприятий и акций государства или других субъектов внешней политики.

Таким образом, если причинно-следственные связи, отражающие внешнеполитическую деятельность на стадии формирования, можно выразить в цепочке понятий: потребности — интересы — цель, то реализация последнего звена — цели — обнаруживает себя в другой цепочке понятий: действие — влияние — взаимодействие — объем отношений.

Несколько особняком стоит понятие активности, что вполне естественно, поскольку активность — это временная характеристика политики. Проиллюстрируем этот тезис на примере отношений между США, Японией и КНР. Сближение Вашингтона и Токио с Пекином произошло почти одновременно — в 1972 г. Однако достигнутый к 1980 г. объем отношений между Японией и КНР превосходил объем отношений между США и КНР. Это случилось или за счет более активной политики Китая в отношении Японии, чем в отношении США, или в результате более активной политики Токио, чем Вашингтона, в отношении Пекина, если активность последнего относительно двух стран была одинаковой. Другими словами, активность ускоряет накопление отношений или замедляет его, принимая форму пассивной политики. Короче, активность, а еще лучше, *интенсивность* политики может быть определена через коэффициент изменения объема отношений между международными субъектами или систем за единицу времени.

Настаивая на терминологической четкости, автор рискует вызвать упрек читателей в том, что он сам не всегда придерживается определений, которые давались им тем или иным терминам. Не вдаваясь в пространные объяснения, напомним, что по этому поводу говорил К. Маркс. А он писал: «Все *твердые* предпосылки сами становятся текучими в ходе дальнейшего анализа. Но лишь благодаря тому, что они твердо устанавливаются в самом начале, возможен дальнейший анализ без перепутывания всего»³. Именно с целью избежать «перепутывания всего» и предпринимались попытки дать определения некоторым терминам.

Возвращаясь к Японии, напомним, что во второй главе первой части монографии был проведен определенный анализ объе-

ма внешнеэкономической деятельности этой страны, который в принципе мог бы позволить выявить иерархию и внешнеполитических ориентиров Токио. Но практика показывает, что не всегда объемы экономических отношений совпадают с объемами политических отношений. Последние формируются под воздействием более сложной «игры сил», менее однозначны для фиксации их конечных результатов. Коротко говоря, определение политического объема отношений упирается в анализ соотношения экономических и политических интересов страны, выявления центробежных и центростремительных тенденций в процессе взаимодействия между государствами, способов разрешения противоречий в ходе осуществления внешней политики. Разбору этих вопросов и посвящена вторая часть нашего исследования.

Глава первая

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ И ТЕНДЕНЦИЯ К МИЛИТАРИЗАЦИИ В ЯПОНИИ

Япония в военно-стратегических планах США

Характерной чертой военной политики Японии является то, что она тесно увязана с глобальной стратегией США. Начало развитию военного альянса между странами положил заключенный в 1951 г. «договор безопасности», который после пересмотра и ратификации в 1960 г. получил название «Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности». С 1970 г. он ежегодно автоматически продлевается. Американско-японский военно-политический союз сложился на базе общности классовых интересов в борьбе против демократических сил в самой Японии, национально-освободительного движения в Азии и социалистических государств на Дальнем Востоке и в ЮВА.

Специфику этому союзу придавал тот факт, что в период его возникновения Япония представляла собой слабую в экономическом и бесправную в политическом отношении страну, что на долгие годы предопределило иерархию взаимоотношений между партнерами, в которых Токио отводилась вспомогательная роль. В обязанности США входило обеспечение «безопасности» своего дальневосточного союзника, от Японии же требовалось безоговорочное следование курсу Вашингтона и поддержка его политики в Азии. С самого начала плодами от такого «партнерства» пользовались Соединенные Штаты, поскольку возможность продемонстрировать свои функции по «обороне» Японии они были не в состоянии по той простой причине, что на «безопасность» японских территорий никто не посягал. Токио же действительно оказал материальную и политическую помощь своему союзнику в его агрессии на Корейском полуострове, а затем и во Вьетнаме. В те годы, правда, иных требований к японскому правительству Вашингтон и не предъявлял.

Ситуация изменилась после поражения США в Индокитае. США вдруг осознали неприятный для себя факт: они не в состоянии самостоятельно контролировать военно-политическую обстановку в ЮВА. Белый дом в этих условиях вспомнил о своем союзнике на Дальнем Востоке, значение которого несколько понизилось вследствие эйфории в американско-китайских отноше-

ниях в 70-е годы. Зб. Бжезинский, исполнявший в те годы обязанности помощника президента по проблемам национальной безопасности, первый высказал критическое замечание в адрес Токио, обвинив его в игнорировании безопасности не только собственной страны, но и всей Азии, которым, дескать, угрожает СССР и его союзники. Аналогичные обвинения последовали затем со стороны других высокопоставленных чиновников американской администрации. Подобная критика сопровождалась предложениями о необходимости увеличения роли Японии в американо-японском союзе.

Некоторые деятели из правящих кругов Японии с восторгом встретили идею приобретения большего веса в партнерстве с США. Однако во второй половине 70-х годов в японском правительстве доминировала позиция, в соответствии с которой «разделение ответственности» с США в Азии понималось в экономических категориях, т. е. Токио соглашался брать на себя роль экономического гаранта сохранения политического статуса-кво в ЮВА при условии сохранения за Вашингтоном роли военного гаранта. Такое распределение ролей, в частности, было отражено в совместном коммюнике Картер — Фукуда (1977 г.): «США сохраняет гибкое военное присутствие в западной части Тихого океана», Япония же берет на себя обязательство по «укреплению устойчивости в районе прежде всего в области экономики». Однако через некоторое время этот вариант перестал удовлетворять США.

Активизация в начале 80-х годов военно-силового давления США на мир социализма привела к пересмотру политики Вашингтона в азиатско-тихоокеанском регионе и всей сети взаимоотношений со своими дальневосточными союзниками и партнерами. В отличие от предыдущих лет, когда американский империализм в борьбе с мировым социализмом пытался самостоятельно отстоять «безопасность свободного мира», ныне эта борьба мыслится на основе объединенных военных усилий всех крупных империалистических государств, естественно под эгидой США. Японии в планах обеспечения «коллективной безопасности Запада» отводится особая роль, поскольку она является не только опорой американской стратегии в районе Азии и Тихого океана, но и, как подчеркивают в Белом доме, «наиглавнейшим элементом глобальной политики США». Расшифровка этих формулировок означает не что иное, как необходимость для Токио «адаптироваться к новым оборонным рубежам в сотрудничестве с Соединенными Штатами»¹. Под это требование правительственные круги и их советники подводят «моральные» основания. Их несколько. Японцев пытаются уверить в том, что их экономические достижения оказались возможными благодаря американцам, которые сумели защитить безопасность своего союзника от «угрозы» со стороны Советского Союза. Причем к обычным в таких случаях измышлениям бывший заместитель министра обороны США Вильям С. Томпсон добавляет новый

«аргумент». СССР якобы «окружает» Японию не только на Дальнем, но и на Ближнем Востоке, «пытаясь взять в свои руки нефть и тем самым нейтрализовать Японию». В ответ на это США, проявляя «заботу» о своем дальневосточном союзнике, «перебросили свои авианосцы к новому театру (т.е. на Ближний Восток) с целью защитить японские нефтяные поставки»².

Для чего же американцам надо было прибегать к таким домыслам и пугать Японию мнимой угрозой? Дело в том, что Вашингтон не устраивают нынешние темпы милитаризации своего союзника. Они, как утверждает тот же Томпсон, «несоизмеримы с угрозой, которая существует в регионе». Как выразился по этому поводу конгрессмен Джеймс Р. Джоунс, Япония хотя «что-то делает», но делает «слишком мало и слишком поздно»³.

Такой подход породил концепцию «свободного наездника», суть которой сводится к тому, что Токио «бесплатно» использует свои военные связи с США в деле обеспечения безопасности своей страны, а также благоприятной ситуации для японских монополий в ЮВА. Об этом непрестанно напоминают японским официальным лицам американские руководители. Ряд конгрессменов и сенаторов (Дон Пис, К. Заблоцки, Д. Хангер, С. Нил, Дж. Хелмс) потребовали в этой связи от Токио так называемой «таксы за безопасность», т.е. увеличение военных расходов до 2—3 % ВВП. Только такой «вклад» в «безопасность Запада», по мнению бывшего директора Института китайско-советских отношений (Вашингтон) Гастона Дж. Сигура, означал бы эволюцию японо-американских военных отношений от «застоя» к состоянию «динамичности»⁴.

Повышенное внимание США к Японии на рубеже 70—80-х годов на самом деле мотивируется иными причинами, нежели те, которые заложены в «аргументы» Вашингтона, предназначенные для Токио.

Одно из важнейших среди них является несоответствие между глобальными амбициями Вашингтона и относительным падением удельного веса США в рамках трех центров империалистического могущества. Это явление, как полагают американские аналитики, было вызвано помимо экономических причин и тем, что США тратили значительно большую часть своих ресурсов, чем Япония, на борьбу с мировым социализмом. Поэтому за требованиями активнее включаться в межсистемную конфронтацию прослеживается намерение усилить зависимость Японии от военно-стратегических проблем в мире, на разрешение которых в пользу Запада она будет вынуждена урезать часть ресурсов от своего экономического потенциала. В Вашингтоне рассчитывают на очень существенный «побочный» эффект: вследствие увеличения военных расходов произойдет снижение конкурентоспособности японских товаров на американском рынке. Совершенно определенно на это указывал министр торговли США Р. Б. Финн. Хотя он и называет Японию «козлом отпущения» за экономические неурядицы в США и в Западной

Европе, тем не менее, как и многие другие, приветствует тот факт, что раньше «торгово-экономические и оборонные проблемы были разделены, однако ныне американцы требуют объединить эти проблемы в надежде на то, что увеличение оборонных расходов замедлит обороты японской экономической машины»^{4а}.

Другой причиной усиления внимания к Японии являются неоправдавшиеся расчеты на Китай как активно действующий противовес Советскому Союзу на Дальнем Востоке в рамках так называемого регионального «стратегического треугольника» (США — КНР — Япония). Любопытно, что еще в 1980 г. многие американские политики, в том числе тогдашний государственный секретарь А. Хейг, полагали, что «политическое и стратегическое сотрудничество (между США и КНР.— Р. А.), будет частью политики в будущем»⁵. Действительно, все сменявшие друг друга администрации Белого дома в 70-е годы прилагали немало сил для претворения этой идеи в жизнь. Однако ожидания не оправдались. Уже через три года, признавая неудачи в попытках приспособить Китай к потребностям империалистической политики, государственный секретарь Дж. Шульц в докладе «США и Восточная Азия: партнерство на будущее», прочитанном 5 марта 1983 г., вынужден был констатировать: «Разочарования и проблемы в наших отношениях с КНР неизбежны», причем не только из-за тайваньской проблемы, но и вследствие «различий между нашими социальными системами»⁶. Осознание «системных различий», говорилось в докладе, требует от США более тесных взаимоотношений с классовыми союзниками в Восточной Азии, т. е. с Тайванем, Южной Кореей и прежде всего с Японией. По отношению к последней, как выразился один из официальных деятелей, необходимо культивировать «основы самосознания суверенного государства». Примечательно, что помощниками трех главных руководителей американского правительства (Р. Рейгана, государственного секретаря Дж. Шульца и военного министра К. Уайнбергера) являются ученые, не связанные с политикой «стратегического треугольника», которую отстаивали Г. Киссинджер, Зб. Бжезинский, А. Хейг. Так, в Белом доме за Восточную Азию «отвечает» упоминавшийся японовед Г. Дж. Сигур, в Пентагоне — специалист по ЮВА — Р. Эрмитидж, а в государственном департаменте — П. Вульфовец, который также не связан с традициями предыдущих президентов.

Сказанное выше отнюдь не означает, что Белый дом вообще отказался от попыток привлечь Китай к своим планам, как это было, например, в конце 40-х годов.

Речь идет только о смещении акцентов в дальневосточной политике США с упором на Японию. Причем, как откровенно раскрывает ее суть Р. Нейшнз, она состоит «главным образом в том, чтобы культивировать представление о советской угрозе и соответствующую заботу о безопасности среди японцев»⁷.

Каковы же причины военно-стратегического характера, которые придают Японии новые измерения в глобальной полити-

ке США? В одном из номеров журнала «Нэшнл дифенс» за 1983 г. была опубликована статья «Альтернативы и стратегия на 80-е годы», привлекающая внимание военных и политиков в Западной Европе и Японии⁸. Это не ординарная статья, поскольку ее авторы — В. Кеннеди и С. М. Гьюрки — по сути дела, излагали новые настроения верхнего эшелона власти в США по поводу американской военной политики. Хотя авторы приписывают «новый подход» так называемым «военным реформаторам», в том числе одному из претендентов от демократической партии на пост президента на выборах 1984 г., Г. Харту, на самом деле он присущ и нынешним руководителям. Как признают В. Кеннеди и С. М. Гьюрки, администрация Рейгана уже одобрила некоторые основные положения новой стратегии, родившейся в недрах демократической партии под названием «Двухпартийное обращение в связи с допустимой системой обороны».

После тщательного изучения различных вариантов гипотетического военного конфликта с СССР американские эксперты пришли к выводу о том, что ни в Западной Европе, ни в зоне Персидского залива США не обладают эффективной способностью отражения «неожиданного нападения», поскольку их стратегия базируется на слишком большом числе благоприятных допущений. Подробно проанализировав военно-технические и экономические возможности США, они приходят к выводу, разделяемому высшими чинами Пентагона, что выходом из «тупика» может стать пересмотр всей стратегии США с упором на перекладывание большей части «бремени» по противодействию Советскому Союзу на плечи своих союзников. В Европе такое «противодействие» возможно даже при условии сокращения военного присутствия США, но при одновременном наращивании обычных средств вооружения европейских членов НАТО, опирающихся на ядерный потенциал Вашингтона.

Поскольку Япония и Западная Европа являются основными потребителями нефти Персидского залива, именно на них и должны быть возложены функции «сдерживания» в этом районе.

Соединенные Штаты в этом случае могут сконцентрировать усилия в северотихоокеанском регионе, относительно сократив военное присутствие в Атлантике, Средиземноморье и в Индийском океане. Выгоды от такого пересмотра эксперты видят в том, что, во-первых, военная стратегия и структура вооруженных сил США будут соответствовать имеющимся экономическим ресурсам страны, во-вторых, такой вариант политики создаст «серьезную неядерную угрозу жизненным интересам Советского Союза на Дальнем Востоке»⁹.

В то же время увеличение японского и южнокорейского потенциалов позволит перевести войска США, дислоцированные в тех районах, в разряд Национальной гвардии и резерва. Главный упор при этом делается на японскую армию, которая, по их мнению, является «наиболее высококачественной армией в мире».

В сочетании с мобильными и четко организованными вооруженными силами США это создает «великолепный» потенциал сдерживания «любой советской угрозы». Этот потенциал предназначен и против «китайского доминирования»¹⁰.

Эта агрессивная военная политика фактически перекликается, а точнее, вытекает из политической программы, изложенной в упомянутой речи Дж. Шульца, который в заключении говорил о необходимости пересмотра стратегии Вашингтона в пользу активного вовлечения в нее Японии и других стран Восточной Азии, что «не означает отступления США, а, напротив, предполагает резкое увеличение американского присутствия в Тихом океане».

Следовательно, реализация подобных планов предполагает вовлечение Японии в эпицентр военно-стратегической и геополитической политики США в 80-е годы. Если суммировать цели, выдвинутые в рамках политики «разделения ответственности» между США и Японией, то для первых они означают наращивание ядерного потенциала и обычных вооруженных сил в районе Азии и Тихого океана, для второй — усиление военной активности в зоне Дальнего Востока и ЮВА. Средствами их достижения должны служить: а) усовершенствование механизма японо-американского «договора безопасности»; б) усиление военотехнического потенциала Японии; в) увеличение расходов Токио на содержание американских войск на японской территории и частично в ЮВА (например, обслуживание американских баз на Филиппинах); г) защита «силами самообороны» морских и воздушных зон в северо-западной части Тихого океана (для начала на расстоянии 1000 миль от японских берегов); д) формирование военно-политических коалиционных связей внутри треугольников США — Западная Европа — Япония и США — Южная Корея — Япония. Таким образом, поставленные американцами цели и средства их достижения в значительной степени совпадают с задачами, определенными японской доктриной КОНБ.

Правда, идентификация целей и установок как в отношении СССР, так и в целом на характер военной политики все же не привела автоматически к полному совпадению путей и средств их достижения. Существующие расхождения на темпы и масштабы милитаризации всего комплекса американско-японских отношений вызывают до сих пор взаимные обвинения и критику (о чем будет сказано ниже). Однако верх берет иная тенденция, для которой более характерно именно определенное совпадение взглядов на характер военного сотрудничества.

Развитие американско-японских военных отношений

На 98-й сессии японского парламента (24 января 1983 г.) премьер-министр Я. Накасонэ прямо охарактеризовал международную обстановку как «равновесие страха», поддержав стра-

тегию Вашингтона в отношении СССР. Он заявил: «Содействие в максимальной степени наступательным возможностям США отвечает интересам обороны японских территорий, и Япония будет сотрудничать с ними в этом направлении»¹¹. При этом, говорил Я. Накасонэ несколько позже в Вильямсберге во время визита в США, если США в западном альянсе играют роль «наступательного копья», то Япония должна выполнять роль «оборонительного щита» Запада на Дальнем Востоке¹². Как же на практике осуществляется теория «копья и щита»?

Еще на переговорах в мае 1981 г. предыдущий премьер-министр Д. Судзуки дал твердое обещание Рейгану активизировать участие своей страны в обороне 1000-мильной зоны морских коммуникаций вокруг Японских островов. Впоследствии Я. Накасонэ подчеркнул, что защита морских путей японскими вооруженными силами — это не «обещание», а задача и цель страны в области обороны¹³.

Как видно, идея «коллективной обороны» не осталась досужим размышлением авторов доктрины «национальной безопасности»: она весьма быстро начинает претворяться в жизнь. Свидетельством этого служат проведенные в начале 1980 и 1982 гг. военно-морские маневры «Римпак-80» и «Римпак-82» («Тихоокеанское кольцо») в районе Гавайских островов, в которых наряду с США и представителями военного блока АНЗЮС принимает участие и Япония. Очередные учения подобного типа состоялись в 1984 г., в которых «силы самообороны» были представлены восемью кораблями, а также новейшими американскими патрульными самолетами Р-3С «Орион». Подключение к «кольцу» нового звена в лице Японии вполне отвечает замыслам Пентагона по опоясыванию всего земного шара цепью агрессивных блоков и группировок. Вместе с тем и для Токио участие в многонациональных маневрах «Римпак» служит в известном смысле подготовкой для самостоятельных военных учений на просторах Азии и Тихого океана.

Американские стратеги пытаются возложить на японские вооруженные силы и часть «бремени» по безопасности Персидского залива. Эта идея приняла форму конкретных обсуждений на совещании военных специалистов из Токио и Вашингтона в декабре 1980 г. Речь шла о необходимости формирования «надлежащих сил сдерживания» с участием Японии для совместных действий на Ближнем Востоке. В опубликованном в феврале 1982 г. докладе комитета начальников штабов США был вновь поднят вопрос о необходимости принятия Японией соответствующей доли ответственности по обороне Ближнего Востока и других районов, представляющих «жизненно важные интересы для Запада». Правда, официальные лица Японии пока избегают брать на себя конкретные обязательства на этот счет, но в Пентагоне полагают, что в конце концов они вынуждены будут согласиться с американскими предложениями. Но если «коллективная безопасность» в американском варианте на Ближнем

Востоке — это дело будущего, то контуры другого направления японо-американского военного взаимодействия, ориентированного на координацию и разработку совместной военной политики с европейскими членами НАТО, вырисовываются более четко.

В Токио, Вашингтоне, Бонне и Париже давно высказывалась мысль, что в «стратегическом треугольнике» самой слабой стороной в сфере обеспечения «безопасности» является линия Япония — Западная Европа. Со второй половины 70-х годов на эту «сторону» стали обращать особое внимание. Толчком, положившим начало активизации военных связей Токио с Североатлантическим блоком, явились переговоры в Бонне начальников УНО С. Канэмару (июнь 1978 г.) и Г. Ямасита (июль 1979 г.). Ответный визит в Токио в марте 1980 г. министра обороны ФРГ Г. Апеля закрепил эти связи. Западногерманский министр, дав высокую оценку состоянию «сил самообороны», призвал японских коллег выработать долговременные концепции и перспективный план в военной области. Г. Апель предложил также «учиться друг у друга» и расширять связи между военными ведомствами обеих стран. В июле 1981 г. начальник УНО Д. Омуро, возвращаясь из США, посетил Францию, ФРГ и Бельгию. Особое значение имели его беседы с генеральным секретарем НАТО Й. Лунсом, на которых уточнялись конкретные формы сотрудничества между Японией и Североатлантическим блоком.

Руководители НАТО высоко оценили выступление Я. Накасо на Вильямсбергской встрече в верхах, в которой японский премьер-министр, в частности, заявил, что «безопасность НАТО имеет прямое отношение к безопасности Японии». Он поддержал также известное решение Североатлантического блока от 1979 г., размещение американских ракет в Западной Европе и так называемый «нулевой вариант» Рейгана; активно выступил против включения ядерных сил Франции и Англии в повестку дня Женевских переговоров о сокращении ядерных вооружений среднего радиуса действия (СРД). Наконец, он потребовал от лидеров западноевропейских государств проявлять «жесткость» в отношениях с СССР¹⁴.

Эта позиция японского правительства была поддержана во время визита в Японию канцлера ФРГ Г. Коля (октябрь — ноябрь 1983 г.) в так называемом «Токийском заявлении», о котором весьма похвально отозвался Р. Рейган.

Особую роль в укреплении отношений Японии с НАТО стал играть созданный в мае 1982 г. Парламентский совет за комплексное обеспечение безопасности Японии, США и Западной Европы, который возглавляет бывший начальник УНО А. Михара. Члены Совета стали принимать участие в работах сессии Совета НАТО и проводить регулярные переговоры по военно-политической координации с Североатлантической ассамблеей (орган НАТО).

Обсуждение проблем «безопасности Запада» в рамках «стратегического треугольника» происходит и вне парламентных свя-

зей. Так, в Токио, в апреле 1983 г. были проведены консультации по проблемам возможного сокращения числа ракет СРД между представителями японского МИД, госдепартамента США и министерства иностранных дел Англии.

Обращает на себя внимание то, что аналогичные переговоры ведутся и с официальными представителями Франции. В этом есть определенный резон. В начале 1983 г. в японскую печать просочились сведения о том, что кабинет Накасонэ предпринял ряд дипломатических усилий с тем, чтобы добиться от НАТО принятия Японии в свои ряды в качестве «ассоциированного члена». Тогда этот шаг Токио натолкнулся на «вето» Франции, возражавшей против любого расширения Организации Североатлантического договора¹⁵. Последовавшая серия японо-французских консультаций имела целью найти взаимоприемлемые варианты военно-политического сотрудничества. На переговорах ответственных чиновников МИД Японии в феврале 1983 г. с директором департамента политического планирования министерства внешних сношений Франции Ж.-Л. Жергореном, а затем в апреле того же года с генеральным секретарем этого министерства Ф. Гутманом стороны пришли к единому мнению по проблемам военной безопасности в Европе, по сути ничем не отличающемуся от подхода Вашингтона. Япония и Франция приступили к практическому военному сотрудничеству. В феврале 1983 г. японские порты посетили вертолетоносец французских ВМС «Жанна д'Арк» и фрегат «Додар да ла Грий», которые совместно с несколькими японскими кораблями провели миничения.

Активизация отношений между Японией и НАТО на данном этапе связана с созданием механизма координации деятельности Североатлантического блока и системы американо-японского «договора безопасности» с перспективой формирования в будущем из трех центров империализма единой военизированной организации.

США действуют и в другом направлении. Во второй половине 70-х годов Вашингтон предпринял попытки создания своего рода дальневосточного «стратегического треугольника» США — КНР — Япония. Определенное развитие получила японо-китайская сторона этого «треугольника». Еще в 1976 г. Токио и Пекин наладили обмен военными делегациями. После подписания в августе 1978 г. Договора о мире и дружбе подобные контакты активизировались. За короткое время в КНР побывали японские генералы и адмиралы в отставке (Х. Миёси, О. Коихара, К. Мицуока, С. Кадоваки и др.). По сообщениям японской печати, в ходе их переговоров с представителями генерального штаба НОАК обсуждался широкий круг вопросов, начиная от поставок оружия и кончая возможностями совместных действий вооруженных сил двух стран. Аналогичные темы находились в центре внимания во время визитов китайских военачальников в Токио, в частности заместителя министра обороны Су Юя, за-

местителя начальника генерального штаба НОАК Чжан Цай-цян.

В январе 1982 г. в КНР впервые побывал высокопоставленный представитель японского военного ведомства С. Нисихиро. Он посетил ряд военных объектов и учебных центров в Пекине, Шанхае, Нанкине. Японский эмиссар ознакомился с подготовкой личного состава НОАК, обсуждал военно-политическую ситуацию в Азии с тогдашним заместителем начальника генерального штаба НОАК У Сюцюанем, впоследствии ставшим министром иностранных дел КНР.

Развитие японо-китайских военных контактов стимулирует созданное в 1982 г. в Японии Общество для содействия укреплению сотрудничества армий двух государств, членами которого являются генералы и адмиралы в отставке, поддерживающие тесные связи с УНО и правительственными кругами.

Однако в результате изменений в подходе США к азиатско-тихоокеанскому региону и появления после XII съезда КПК новых акцентов в политике КНР произошло снижение активности всех трех сторон намечавшегося «треугольника». Белый дом ныне отдает предпочтение формированию более реального «треугольника» Вашингтон — Сеул — Токио.

Непосредственная близость Корейского полуострова к границам СССР, КНР и Японии определяет важную роль Южной Кореи в политической стратегии Вашингтона. На ее территории, помимо 40 баз и 39 тыс. военнослужащих, США хранят ядерное оружие и планируют размещение нейтронных бомб, ракет «Першинг-2» и крылатых ракет.

В начале 80-х годов в свете тихоокеанской программы была поставлена задача замкнуть японо-южнокорейские отношения в трехстороннюю оборонную систему и тем самым создать дальневосточный вариант НАТО. Этот план предусматривает принятие Японией на себя бремени союзнических обязательств, какое несут западноевропейские члены НАТО, а также активизацию прямых военных контактов между Токио и Сеулом.

Руководители Японии хотя и считали, что ситуация на Корейском полуострове непосредственно связана с безопасностью страны, тем не менее не торопились улучшать взаимоотношения со своим соседом, в отношениях с которым существует ряд серьезных противоречий. Однако напряженность между двумя ключевыми союзниками США на Дальнем Востоке перестала удовлетворять американских политиков. Поездка в США главы севульского режима в феврале 1981 г. и визит туда же в мае этого года японского премьер-министра были использованы Вашингтоном для оказания давления на своих партнеров с тем, чтобы они нашли компромиссные пути для улаживания взаимных споров. От Токио, кроме того, потребовали обязательств в оказании помощи Южной Корее. Результаты не заставили себя долго ждать. После возвращения из США Д. Судзуки заявил, что «первоочередной внешнеполитической задачей Японии является

укрепление связей с Южной Кореей», поскольку это, дескать, упрочит безопасность на Корейском полуострове.

Конкретным воплощением данного заявления в жизнь послужил обмен визитами в 1981 и 1982 гг. представителей внешнеполитических ведомств обеих стран, в ходе которых Токио обещал Сеулу крупномасштабную экономическую помощь в качестве компенсации за усилия диктатуры Чон Ду Хвана по «защите Японии и всего свободного мира». Шире стали обсуждаться и проблемы военного взаимодействия. В августе 1981 г. в Сеуле проходили переговоры между министром обороны Южной Кореи Чу Юн Боком и японской делегацией во главе с заместителем генерального секретаря кабинета министров Ц. Кавари. По сообщению японской печати, на них рассматривался вопрос о заходе кораблей южнокорейских ВМС в японские порты.

С целью координации взаимосвязей между сторонами упомянутого «треугольника» Вашингтон направил в Токио и Сеул заместителя министра обороны США Ф. Карлуччи (октябрь 1981 г.), а затем начальника штаба армии Э. Майера (ноябрь 1981 г.). В соответствии с пожеланиями Пентагона Сеул посетил начальник штаба ВВС УНО генерал Н. Наматамэ для переговоров о расширении сотрудничества между японскими и южнокорейскими вооруженными силами. Наконец, в марте 1982 г. столицы обеих стран посетил сам глава Пентагона К. Уайнбергер, который в Сеуле подтвердил обязательства США сохранять в Южной Корее 39-тысячную американскую армию, продолжать поставки оружия южнокорейскому режиму, а в Токио еще раз напомнил японским лидерам о необходимости «взять на себя оборону западной части Тихого океана». Кроме того, американское военное руководство призвало своих союзников подготовить условия для совместных учений. Визит Я. Накасонэ в Сеул в январе 1983 г., во время которого было решено предоставить Южной Корее 4 млрд. долл., а затем посещение государственным секретарем Дж. Шульцем и Р. Рейганом Токио и Сеула способствовали дальнейшему упрочению японо-южнокорейских коалиционных связей, которые, по оценкам японской печати, могут трансформироваться в военный блок Вашингтон — Токио — Сеул.

Втягивая Японию во всевозможные «треугольники», «оси» и иные военно-политические комбинации, США не упускали из виду развитие центральных звеньев американо-японского союза: модернизацию и улучшение технической оснащенности собственных баз на территории Японии, совершенствование механизма «договора безопасности», подталкивание своего главного союзника на Дальнем Востоке к наращиванию военного потенциала.

Вашингтон всегда придавал исключительное значение базам на Японских островах, рассматривая их как «тыловые опорные точки» в деле осуществления своих агрессивных замыслов в Азии. К 80-м годам эти базы стали обеспечивать военную активность США в Индийском океане и на Ближнем Востоке. Так,

дивизия морской пехоты, дислоцированная на о-ве Окинава, включена Пентагоном в состав «корпуса быстрого развертывания», предназначенного преимущественно для действий на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, из японских портов регулярно отправляются американские корабли для обслуживания находящейся в районе Персидского залива армады США. О значении этих портов говорит тот факт, что только за шесть месяцев 1981 г. в них совершено 500 заходов американских военных судов. В ответ на требования Вашингтона облегчить финансовое бремя, связанное с присутствием вооруженных сил США в Японии, правительство страны увеличило расходы по содержанию баз Пентагона на ее территории (эти расходы превысили 1 млрд. долл.).

Вашингтон намерен также добиваться права на размещение на Японских островах ядерных сил возможного театра военных действий. Речь идет об авиабазе Кадэна на о-ве Окинава, которая должна будет обслуживать самолеты стратегической авиации, оснащенные ракетами дальнего действия: бомбардировщики «В-52J», а также транспортные самолеты «С-141», предназначенные для доставки контейнеров с ядерными боеголовками, самолеты-заправщики «КС-135». Во время переговоров К. Уайнбергера и начальника УНО К. Таникава в августе — сентябре 1983 г. была достигнута договоренность о готовности Японии оплатить расходы на размещение на авиабазе в Мисава (северная часть о-ва Хонсю) истребителей-бомбардировщиков «F-16», способных нести крылатые ракеты «Томагавк» с ядерным зарядом. После 1984 г. эти ракеты с ядерными боеголовками намечено разместить также на подводных лодках, регулярно посещающих базы США в Японии. Печать указывает также на планы размещения в дальневосточном регионе американского нейтронного оружия. Таким образом, Япония попадает в зону возможного театра «ограниченной» ядерной войны со всеми вытекающими отсюда последствиями¹⁶.

Со второй половины 70-х годов американских стратегов перестал удовлетворять механизм «договора безопасности» вследствие того, что договор построен по принципу «координации» между вооруженными силами двух стран. В нынешних же условиях, по мнению Вашингтона, требуется «интеграция». В интерпретации профессора Вашингтонского университета Т. Цурутани, степень интеграции должна достигнуть уровня тактической обороны «на первой линии боевых операций на море и в воздухе»¹⁷. Такая линия, по его мнению, создаст «контекст безопасности, в котором США автоматически будут втянуты в оборону Японии с первых минут любой враждебной атаки». Преимущества такого подхода «очевидны», считает профессор, так как «японо-американская интеграция на уровне первой линии тактической обороны могла бы устранить даже самую „ограниченную“ атаку Японии в значительно большей степени, чем предусматривают существующие положения договора. Враг сразу же бу-

дет втянут в военную конфронтацию с США. ...Такая система... не только обеспечит наибольшую безопасность Японии, но и для США уменьшит риск пролить кровь американских солдат ради обороны Японии»¹⁸. Не менее важно следующее заключение Т. Цурутани: «Все расходы такой интеграции — а это потребует дополнительных самолетов, морских судов, персонала, оборудования и снаряжения — должны быть включены в статью японского ежегодного бюджета по поддержанию американских вооруженных сил в Японии или в бюджет сил самообороны»¹⁹.

И хотя сам Т. Цурутани называет свои рекомендации «диковинными», именно они положены в основу реальной военной политики США и Японии.

Еще в ноябре 1978 г. Токио одобрил документ «Основные направления японо-американского сотрудничества в области обороны», предложенный Японо-американским консультативным комитетом по обеспечению безопасности. В нем детально определены порядок функционирования «сил самообороны» и американских вооруженных сил в различных ситуациях, предусматривается также подгонка японской военной техники под стандарты США. Предлагалось создание линии связи «сил самообороны» с Пентагоном, а также со штабом американских вооруженных сил на Тихом океане, расположенным на Гавайских островах, что в последующем и было сделано. Согласно названному документу, Япония обязалась активно участвовать в следующих мероприятиях: разработка совместных боевых операций по «обороне» страны, создание координационных органов на случай обострения обстановки, сбор и обмен разведывательной информацией, налаживание единой системы материально-технического обеспечения²⁰. В ходе реализации «Основных направлений» создана разветвленная сеть различных комитетов и подкомитетов, которые на соответствующих уровнях регулярно обсуждают конкретные вопросы совместной военной деятельности.

Новым этапом в американо-японском военном сотрудничестве стали состоявшиеся 7—8 мая 1981 г. в Вашингтоне переговоры между премьер-министром Д. Судзуки и президентом Р. Рейганом. Характерно, что впервые в истории послевоенных отношений обеих стран они определены в японском тексте заключительного коммюнике как «союзнические» (домэй). Любопытно, что из-за этого слова (домэй) тогдашний министр иностранных дел М. Ито вынужден был уйти в отставку. Тем не менее через год министерство иностранных дел в своей очередной «Голубой книге» за 1982 г. отметило: «Непоколебимое доверие в американо-японских отношениях было подчеркнуто словом „союз“, записанным в совместном коммюнике по итогам визита Судзуки в Вашингтон». По существу, это означает принятие на себя Японией новых военных обязательств на уровне НАТО. Так, в рамках «надлежащего разделения ролей» она согласилась осуществлять патрулирование морского и воздушного пространства и охрану морских коммуникаций; наращивать «обо-

ронный» потенциал на своей территории и прилегающих морских районах и в воздухе; сохранять ежегодный прирост военного бюджета не ниже 7%; увеличивать свою долю расходов по содержанию американских войск и баз на японской территории.

Важный шаг по пути реализации достигнутых в Вашингтоне в рамках «союза» договоренностей был сделан на заседании японо-американской консультативной комиссии в январе 1982 г. Стороны официально заявили о намерении приступить к конкретизации планов совместных действий «на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств на Дальнем Востоке». По словам начальника УНО С. Ито, это должно повлечь за собой пересмотр существующих в Японии законов о «силах самообороны».

Серия последующих встреч на уровне руководителей УНО и Пентагона была посвящена в основном детальному обсуждению возможностей Японии по обороне 1000-мильной зоны. В ходе консультаций возникли расхождения «количественного» характера. Японская сторона выразила готовность предоставить для этой цели 138 истребителей «F-15», 60 кораблей, 15 подлодок и 72 противолодочных самолета Р-3С «Орион», в то время как американская сторона требовала повысить «оборонный потолок» до 350 истребителей (в основном «F-15»), 70 эсминцев и фрегатов, 25 подлодок и 125 самолетов Р-3С «Орион». И хотя окончательного решения принято не было, осенью 1983 г. военно-морские силы США и Японии впервые провели совместные маневры в целях проверки готовности по перекрытию проливов Цугару и Цусима, на которых японские вооруженные силы приобретали опыт для его использования в районе 1000 миль.

Совершенствование механизма связей между американскими и японскими вооруженными силами в рамках «договора безопасности», осуществленное в первой половине 80-х годов, позволяет прийти к выводу о том, что нынешние американско-японские военные отношения поднялись на качественно новый рубеж, означающий переход Японии от *опоры* на США к *взаимодействию* с США.

Практическое преломление подобного типа взаимоотношений находит свое выражение прежде всего в совместных военных маневрах. По свидетельству японской печати, за период действия «договора безопасности» военно-морские силы двух стран 96 раз проводили совместные учения, а военно-воздушные силы только в 1978—1983 гг.—53 раза. В 80-х годах началась отработка взаимодействий сухопутных войск двух стран. Причем если раньше в военных маневрах со стороны Японии участвовал какой-либо один род войск, то теперь в них нередко включаются все рода войск одновременно.

Военная политика Японии

Государственные деятели Японии любят часто повторять, что их страна, «опираясь на мирную конституцию, никогда не станет военной державой». Действительно, в 9-й статье японской конституции записано: «Японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров... никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается». В преамбуле конституции сказано, что безопасность страны и ее существование японский народ намерен обеспечить, «полагаясь на справедливость и честь миролюбивых народов мира».

И тем не менее, вопреки духу и букве конституции, в 1954 г. в Японии были созданы так называемые «силы самообороны». Правительство же продолжает утверждать, что их существование отнюдь не противоречит основному закону. Но если бы это было действительно так, то чем можно объяснить атаки на конституцию милитаристских и националистических кругов страны? В роли критиков конституции нередко выступают и члены правительства. Так, министр юстиции С. Окуно, начальник научно-технического управления И. Накагава (в первом кабинете Д. Судзуки) полагали, что «широкие разногласия в толковании 9-й статьи конституции могут подорвать боевой дух самообороны» и что вообще требуется «заново переписать конституцию». Такого подхода придерживается и Я. Накасонэ. В своей книге «Моя жизнь в политике» он писал: «Я давно утверждаю, что конституция, оставляющая возможность для сомнения в том, надо ли иметь собственный потенциал для обороны, должна быть пересмотрена»²¹. Но поскольку общественное мнение страны против кардинального пересмотра основного закона, военные круги пытаются доказать, что существование «войск самообороны» якобы не противоречит нынешней конституции. Так, генеральный секретарь Совета национальной обороны К. Ито считает, что конституция запрещает только направлять вооруженные силы в другие страны, иметь боевую технику наступательного характера (например, межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), стратегические бомбардировщики и ядерное оружие), но якобы не препятствует обладанию «ядерным оружием небольшой мощности исключительно для обороны»²². Он, правда, не указывает, как и все сторонники подобных взглядов, в какой же статье конституции зафиксированы такие положения.

Однако в нынешних условиях стремление превратить конституцию в «резиновый» документ перестало удовлетворять милитаристские круги страны. На съезде ЛДП в январе 1982 г. был провозглашен курс на достижение «всенародного консенсуса»

по вопросу о пересмотре конституции. Вслед за этим активизировалась существующая вот уже четверть века Лига депутатов парламента от ЛДП за независимую конституцию, в которую в 1982 г. входило около 300 (из 423) парламентариев от правящей партии, в том числе большинство членов правительства. Возглавляет Лигу известный своими реакционными взглядами бывший премьер-министр Японии Н. Киси. В сентябре 1980 г. в рамках ЛДП была создана с аналогичными целями комиссия во главе с бывшим министром юстиции М. Сэтояма, который, кстати сказать, за свои крайне правые позиции потерпел поражение на парламентских выборах 1983 г. В парламенте начала работать 4-я подкомиссия Совета по изучению проблем конституции во главе с К. Мори. Задача всех этих организаций — подготовить проект пересмотра нынешней конституции, аннулировать ее 9-ю статью.

Однако, пока в парламенте и на страницах печати разгораются дебаты вокруг конституции и законности существования «сил самообороны», военная машина набирает обороты. Японские военные принимают на себя обязательства, далеко выходящие за «расширительные» толкования положений «договора безопасности».

Правящие круги стремятся закрепить подобную практику в законодательном порядке. В апреле 1981 г. кабинет министров одобрил документ, санкционирующий использование японских войск в целях «обороны» за пределами территориальных вод и воздушного пространства страны. Однако руководство УНО, не дожидаясь официальных одобрений, само определяет географические зоны действий «сил самообороны» и, более того, намечает «опорные точки» в этих зонах для превращения их в военные базы. В настоящее время основное внимание уделяется о-ву Иводзима, расположенному в Тихом океане на расстоянии 1000 миль от берегов Японии. На этом острове планируется усовершенствовать аэродром, построить новые складские сооружения для обеспечения деятельности авиации на морских путях южной части Тихого океана. Одной из основных задач авиации на Иводзима является обеспечение деятельности надводных кораблей, в том числе и американских авианосцев в этом районе.

Многие в Японии предполагают, что в ближайшей перспективе правительство утвердит закон на случай «чрезвычайных обстоятельств». К этому его обязывает «Директива в области обороны США на 1984—1988 гг.», которая предусматривает включение Японии в «активное оборонное партнерство». Если это случится, то такой закон значительно укрепит позиции военных в правящей верхушке Японии.

Другая сторона военных приготовлений — качественная модернизация «сил самообороны». В результате выполнения четырех военных программ (1958—1960, 1962—1966, 1967—1971, 1972—1976 гг.) вооруженные силы Японии приобрели внушительную мощь. По мнению специалистов, по огневому потен-

циалу они «значительно превосходили многомиллионную императорскую армию времен второй мировой войны и входят в первую десятку сильнейших армий капиталистического мира». Но и такое положение вещей не удовлетворяет ни японских военных, ни Пентагон.

В 1976 г. правительство одобрило «Общую программу национальной обороны», которую в начале 80-х годов заменил рабочий документ, известный под названием «Промежуточный план развития вооруженных сил в 1980—1984 гг.». Под давлением США Токио обязался реализовать его уже к 1983 г. В начале 1982 г. в Японии был обнародован очередной пятилетний план военного строительства на 1983—1987 гг. Составленный с учетом требований Вашингтона, он предусматривает оснащение всех видов «сил самообороны» новейшим оружием. Только на эти цели военное ведомство планирует потратить около 5 трлн. иен. Общая же стоимость всей программы, по предварительным данным, составит от 15,6 до 16,4 трлн. иен.

Вот далеко не полный перечень мероприятий, предусмотренных новым планом.

В сухопутных силах намечается реорганизовать 7-ю механизированную дивизию (преф. Хоккайдо) в бронетанковую; заменить многие танки «М-61» на «М-74» и «М-88»; увеличить количество 155-мм самоходных гаубиц и начать выпуск 203-мм гаубиц по американским лицензиям, способных вести огонь обычными и ядерными снарядами; дополнительно закупить 44 плавающих бронетранспортера типа «73» и 196 колесных бронетранспортеров типа «68». Сухопутные силы получают также новое поколение артиллерийских орудий. Им же будут переданы 178 самолетов и вертолетов, а также 47 ракетных установок.

Модернизация ВМС будет производиться с таким расчетом, чтобы они смогли действовать на морских коммуникациях в 1000 миль от японских берегов. Для ВМС будет построено 49 кораблей, в том числе 6 подводных лодок. Противолодочные корабли намечается оснастить ракетами класса «корабль — воздух» типа «Тартар» и «Си спарроу» и класса «корабль — корабль» типа «Гарпун». На вооружение морской авиации поступит 50 патрульных самолетов Р-3С «Орион», 63 противолодочных вертолета и 12 вертолетов для установки мин и разминирования²³.

ВВС должны будут за этот период получить 75 новых истребителей «F-15», несколько самолетов дальнего радиолокационного обнаружения типа «АВАКС Е-2С «Хоккай», 6 истребителей «F-1» и «Вулкан», 24 самолета нового типа, 10 транспортно-десантных вертолетов «СН-47» «Чинук»²⁴.

Наземные ракеты ПВО ВВС типа «Найк» предполагается заменить американскими ракетами типа «Пэтриот», а также закупить дополнительное количество установок ЗУР. Существует также договоренность между компанией «Хитати» и американской компанией «Систэм дивелопмент» о создании новой автоматической системы ПВО Японии «Бэйдж».

Намеченное перевооружение потребует увеличения средств на военные НИОКР до 5 % (в настоящее время 1 %), а на приобретение новой военной техники средства увеличатся до 30 % (сейчас около 20 %) суммы военного бюджета.

Необходимо иметь в виду еще одну «деталь». Хотя новая «пятилетка» не предусматривает увеличение личного состава вооруженных сил (в 1980 г. в ее рядах находилось 268 тыс. человек), однако ставится вопрос об увеличении резервистов с 40 тыс. до 180 тыс. человек. Причем, по словам одного генерала, «в Японии существует больше генералов и адмиралов, чем в любой другой современной армии». Кроме того, «силы самообороны» построены таким образом, что половина ее состава — это офицеры и унтер-офицеры. Такая структура, по мнению специалистов, позволяет в случае введения в стране воинской повинности в кратчайшее время развернуть армию численностью до полутора миллионов.

Все больше нападок со стороны правых кругов вызывает решение правительства о том, чтобы военные ассигнования не превышали 1 % ВВП. Они настаивают на удвоении, а то и утроении военного бюджета. В начале 80-х годов под давлением со стороны УНО и Пентагона правительство стало готовить почву для возможного выхода за пределы одного процента. Я. Накасонэ заявил в парламенте, что военные расходы в принципе могут его превысить уже в 1985 г. Правда, в настоящее время из-за сложностей в финансовой системе лимит в 1 % сохраняется. Например, в 1984/85 фин. году прирост военных расходов запланирован на 6,55 %, что составит 0,99 % ВВП. Но надо учесть, что и этот процент немал — около 12,5 млрд. долл., что по абсолютной сумме военных расходов позволяет Японии входить в десятку крупнейших капиталистических стран в мире, причем по темпам роста она значительно опережает другие развитые капиталистические страны (среднегодовой рост военных расходов в 1983—1987 гг. составит 7,754 %).

Согласно имеющимся проектам, военные расходы и их процент от ВВП на 1983/84—1987/88 фин. годы будут выглядеть следующим образом (трлн. иен)²⁵:

	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
Военные расходы	2,5861	2,7867	3,0027	3,2355	3,4864	3,7567
ВВП (при росте 5,1%)	277,2	291,3	306,2	321,8	338,2	355,5
Процент от ВВП	0,933	0,96	0,98	1,005	1,031	1,057
ВВП (при росте 4%)	277,2	288,2	299,8	311,8	324,2	337,3
Процент от ВВП	0,933	0,966	1,001	1,037	1,075	1,113

Атмосфера милитаристских настроений затронула и столь важный аспект политики Японии, как соблюдение трех неядерных принципов. Эти обязательства правительство приняло еще

во второй половине 60-х годов. В 1976 г. Токио после долгих проволочек ратифицировал договор о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, в стране действует закон, предусматривающий развитие атомной энергии только в мирных целях. Все эти ограничения и обязательства естественны для Японии — единственной страны, испытавшей на себе действие атомного оружия, последствия которого, кстати, до сих пор дают о себе знать. И тем не менее в стране находятся деятели, призывающие к ядерному вооружению. К их числу относятся и некоторые премьер-министры, например Н. Киси, Э. Сато, Т. Фукуда. Последний в марте 1978 г. утверждал: «Конституция не запрещает Японии иметь ядерное оружие для оборонных целей»²⁶.

Подобные высказывания вызвали негодование общественности, и на какое-то время разговоры на эту тему прекратились. Но в начале 80-х годов ядерный аспект военной политики Японии получил новые импульсы, которые исходили из Вашингтона. В частности, в одном из своих выступлений сенатор Гленн заявил: «Япония в финансовом и техническом отношении способна производить и обладать ядерным оружием»²⁷. Эта мысль уже на официальном уровне была высказана премьеру Я. Накасонэ Дж. Шульцем в ходе его визита в Токио. Государственный секретарь США призвал премьер-министра занять «более реалистическую позицию» по вопросу безопасности и подумать о том, что в будущем Японии «не обойтись» без собственного ядерного потенциала²⁸.

Конечно, идея ядерного вооружения продолжает встречать отпор со стороны японского народа. Опрос общественного мнения свидетельствует, что подавляющая часть населения выступает в поддержку трех неядерных принципов. По данным газеты «Асахи» (в номере от 14 июня 1981 г.), эти принципы отстаивает 76 % опрошенных, а среди депутатов парламента — 82,2 % (из 755 опрошенных).

Однако 24 % среди опрошенных и 17,8 % членов парламента считают необходимым отказаться от названных трех принципов. Причем стимулируют подобные настроения средства массовой информации. Подача материалов на эту тему строится таким образом, что идея приобретения ядерного оружия совпадает с идеей достижения «независимого» от США внешнеполитического курса. Ставка делается на естественное стремление японского народа освободиться от жесткой привязки к политике Вашингтона. В этом смысле весьма показательно следующее высказывание газеты «Асахи» о ядерных проблемах: «Послевоенные японские правительства, связанные американско-японским договором безопасности, постоянно следовали за внешней политикой США. Эта система могла существовать только без ядерного оружия. Иначе Японии пришлось бы самой обеспечивать свою безопасность и проводить независимую политику от США и СССР. Но минимальный ядерный арсенал потребовал бы чрезвычайно искусную дипломатию в спорах между сверх-

державами». Далее, сетуя на настороженное отношение японских граждан к ядерному оружию, газета подчеркивает: «С другой стороны, также известно, что развитие ядерного оружия, включающее наиболее изощренную технологию в мире, является привлекательным объектом для исследований»²⁹. Последний пассаж явно адресован японским промышленникам.

Судя по всему, неядерные принципы и ограничения давно нарушаются. По крайней мере, так считают 80 % опрошенных той же газетой «Асахи». Выступавший на одной из конференций по запрещению ядерного оружия видный японский физик, почетный профессор Токийского университета С. Оно говорил: «С технической точки зрения невозможно предотвратить использование ядерного топлива для АЭС в военных целях. Даже договором о нераспространении ядерного оружия не запрещаются исследования в области ядерного оружия. Возможно, что и японское правительство проводит такие исследования»³⁰.

Пока нет фактических данных, подтверждающих мнение С. Оно. Но что касается ввоза ядерного оружия, то здесь картина иная. Из опрошенных 702 депутатов парламента 62 % четко заявили, что американские корабли с ядерным оружием на борту регулярно заходят в японские порты и проходят через территориальные воды страны. Известно также заявление бывшего посла США в Японии Э. Рейшауэра, сделанное им в мае 1981 г., о том, что между Вашингтоном и Токио с 1960 г. существует «устная договоренность», разрешающая американским военным кораблям с ядерным оружием на борту заходить в японские порты³¹. Об этой «договоренности» как секретном соглашении писала «Нью-Йорк таймс» (в номере от 27 октября 1974 г.), уточняя, что его заключили в 1960 г. министр иностранных дел Японии А. Фудзияма и американский посол Д. Макартур-второй (племянник генерала Макартура). Контр-адмирал Дж. Ларок, служивший на кораблях 7-го флота США, позднее уточнил: «Свыше 70 % американских боевых судов, заходящих в порты Японии, имеют на борту ядерное оружие». Нынешний военный министр США К. Уайнбергер, в свою очередь, подтвердил данные сообщения, указав, что заходы авианосца «Мидуэй» с ядерным оружием на борту в японские порты являются составной частью «договора безопасности». Таким образом, сомнения японской общественности относительно соблюдения трех неядерных принципов не лишены оснований, а следовательно, и опасная тенденция к возможному созданию Японией ядерного оружия также не исключена. На это указывает и позиция японского правительства по ядерным проблемам.

Формально в речах официальных политиков и в государственных документах всегда находится место для призывов к ядерному разоружению. В выступлениях японских делегатов на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, в ходе работы Женевского комитета по разоружению можно услышать рассуждения о необходимости прекращения испыта-

ний ядерного оружия, о принятии мер по контролю над вооружением, о необходимости предотвращения распространения ядерного оружия³².

Однако что же конкретно сделала сама Япония по реализации своих предложений? Та же упомянутая выше газета «Асахи» на этот раз так отвечает на этот вопрос: «До сих пор страна фактически занимала позицию стороннего наблюдателя и сама не сделала ничего существенного, чтобы способствовать запрещению разработок и производства новых ядерных вооружений, ликвидации существующих видов оружия массового уничтожения. И это тем более непростительно для страны, пострадавшей от американских атомных бомбардировок»³³. Мало того что Япония самоустраивается от участия в разрешении проблем ядерного разоружения. Когда дело доходит до утверждения конкретных документов по данным проблемам, Япония недвусмысленно занимает негативную позицию. Так, японский представитель на сессии ООН в 1980 г. голосовал против резолюции, призывающей запретить использование ядерного оружия и предотвратить ядерную войну. Заместитель отдела МИД по делам ООН Х. Кая объяснил это тем, что Япония не может поддерживать резолюцию, осуждающую использование ядерного оружия, поскольку на основе «договора безопасности» его страна полагается на американские ядерные силы сдерживания.

Видимо, аналогичные мотивы лежали в основе отрицательного высказывания министра иностранных дел Ё. Сакураути в июле 1982 г. в отношении обязательства Советского Союза не применять первым ядерного оружия. По его мнению, такой шаг «не имеет особого смысла, если СССР не выразит также готовности воздержаться от применения своих обычных вооруженных сил»³⁴. Сакураути, видимо, «забыл», что еще в 1980 г. Советский Союз предложил западным державам договориться о неприменении первыми друг против друга как ядерного, так и обычного оружия. Однако надо думать, что занятая Токио позиция в отношении советского предложения явно не случайна. Ведь СССР четко заявил, что не применит ядерного оружия против тех стран, которые отказываются от производства и приобретения этого оружия и не имеют его на своей территории.

Если до формирования кабинета Накасонэ официальные лица в Токио как-то пытались замаскировать свою поддержку ядерной политики Вашингтона, то после Вильямбергской встречи это было уже невозможно сделать. Наоборот, были предприняты усилия «теоретически» подкрепить выступление Я. Накасонэ в пользу наращивания ядерного потенциала стран НАТО. В частности, получили известность высказывания влиятельного члена ЛДП, депутата нижней палаты парламента М. Арима, заявившего: «Ядерная мощь, по существу, выполняет роль силы сдерживания в деле обеспечения национальной безопасности. Если же международную безопасность не удастся поддержать, то разоружение не имеет смысла»³⁵. Такая логика как нельзя

кстати вписывается в военную политику Японии, которая играет неблагоприятную роль в гонке вооружения и подкрепляет ядерную стратегию США.

Японский монополистический капитал и тенденции к милитаризации страны

Судьба реализации доктрины КОНБ, и прежде всего ее военного компонента, в значительной степени зависит от позиции деловых кругов Японии, главным образом тех, кто возглавляет военный бизнес страны. В связи с этим встает вопрос: насколько велика роль той части предпринимателей, которые заинтересованы в милитаризации экономики, и какова в целом сила их воздействия на процесс формирования государственной внешней политики?

В советской японоведческой литературе уже давно высказывается мнение, что в Японии уже с конца 60-х годов сформировался военно-промышленный комплекс (ВПК)³⁶. Правда, среди советских японоведов существует и другая точка зрения: она сводится к тому, что в настоящее время можно говорить только о процессе формирования ВПК. Столь неоднозначная оценка этого явления, видимо, не случайна. Дело не только в сложности анализа самой японской действительности, но и в отсутствии единого толкования термина ВПК. И все же можно выделить некоторые общие признаки во многих определениях, дающие представление о понятии ВПК³⁷. Во-первых, его структура состоит из трех основных частей: руководство военно-промышленных корпораций, верхушка вооруженных сил и часть государственного аппарата. Во-вторых, этот неформальный взаимовыгодный союз агрессивных сил должен оказывать «решающее влияние» (по словам Д. Эйзенхауэра, «всеобъемлющее влияние») на принятие решений в военной, военно-политической и военно-экономической областях. В-третьих, это влияние чаще всего (но не всегда) осуществляется путем давления «оборонного» лобби на законодательные и исполнительные органы власти империалистических государств. В-четвертых, военно-промышленные корпорации, составляющие ядро ВПК, должны быть связаны «всецело или во многом» с военными заказами правительства.

Разбор всех этих признаков применительно к Японии сопряжен с большими трудностями, с одной стороны, из-за отсутствия необходимых, полных статистических данных, с другой — в связи с тем, что взаимоотношения между отдельными прослойками правящего класса Японии носят более скрытый характер, чем, скажем, в США (о чем говорилось в первой части работы). Но самое главное заключается в другом (этим, возможно, и объясняются указанные трудности): в Японии сам процесс милитаризации, как было сказано на XXVI съезде КПСС, развивается как «тенденция», наряду с другой, антимилитаристской тенден-

цией. В этих условиях первая тенденция не столь четко обозначена, как в США и некоторых других странах НАТО. Тем не менее она существует, и вопрос лишь в том, каковы темпы и масштабы ее развития.

Усилившуюся в начале 80-х годов милитаристскую тенденцию в Японии было бы упрощенным воспринимать только как факт давления Вашингтона. Весомый «вклад» в ее развитие вносит монополистический капитал страны. Красноречивым свидетельством позиции его представителей относительно проблем «обороны» служат результаты опроса, проведенного в апреле 1980 г. журналом «Дзайкай» среди руководителей 50 ведущих концернов: $\frac{2}{3}$ опрошенных высказались за необходимость наращивания военно-промышленного потенциала Японии. В еще большей степени подобные настроения царят среди руководителей компаний, действующих в районе Кансай. Как сообщало агентство Кёдо Цусин 9 марта 1980 г., по данным ассоциации молодых промышленников, объединяющей 52 тыс. предпринимателей и управляющих в возрасте до 45 лет, почти 54 % членов ассоциации поддерживают ядерное вооружение страны и 33 % — выступают за введение воинской повинности.

На семинарах деловых кругов, состоявшихся 7—8 февраля 1980 г. в Осака и 17—19 августа того же года в г. Каруидзава, большинство участников, в том числе такие влиятельные патриархи делового мира, как С. Нагано, Х. Хюга, Е. Инаяма, настаивали на необходимости наращивания японского военного потенциала и увеличения военных расходов до 1,9 % ВВП³⁸.

Усиление подобных настроений среди предпринимателей стимулировал сдвиг вправо, характерный для всего правящего лагеря страны в начале 80-х годов. Не случайно на семинаре в г. Каруидзава деловые круги объясняли свою позицию необходимостью соответствовать стратегической линии Вашингтона, нацеленной на противодействие «советской военной угрозе».

На формирование промилитаристских тенденций среди руководителей монополистических объединений влияют и кризисные явления, которые испытывают некоторые отрасли промышленности, в частности автомобильная, сталелитейная и судостроительная. Столкнувшись с жесткой конкуренцией на рынках США и Западной Европы, предприниматели в этих отраслях японской экономики вынуждены сворачивать производство. Убытки, которые они несут от недогруженности мощностей, руководители этих отраслей надеются компенсировать путем расширения «безубыточного» военного производства, гарантированного военными заказами правительства, поскольку расходы на оборону, по их мнению, не определяются «прихотями циклов деловой активности». В этой связи являются естественными (с точки зрения мышления капиталистов) высказывания руководителей автомобильных компаний о необходимости для промышленности «вносить вклад в оборону». О доле этого «вклада» свидетельствуют такие факты. Если раньше автомобильная компания

«Ниссан» вообще не фигурировала среди поставщиков оружия, то ныне она вошла в число двадцати крупнейших подрядчиков УНО. Доля «Нихон сэйко» среди десяти основных подрядчиков УНО выросла с 2,4 % в 1974 г. до 4,0 % в 1981 г.; у судостроительной компании «Хитати дзосэн» прирост за те же годы оказался еще больше: с 1,7 до 4,7 %³⁹.

Японские предприниматели и в прошлом неоднократно высказывались в пользу наращивания «оборонных» усилий страны, однако в начале 80-х годов выступления с подобными требованиями стали более настойчивыми, и, самое главное, они приобрели массовый характер.

Для претворения в жизнь военных программ помимо желаний и намерений, необходим политический механизм, который в рамках ВПК называется «оборонное» лобби. Структура военно-лоббистской в каждой конкретной империалистической стране может быть неодинаковой. В США, например, оно состоит из ассоциаций военных промышленников, профессиональных ассоциаций кадровых и бывших военнослужащих, «патриотических» и шовинистических организаций. При этом ареной лоббистской деятельности является конгресс.

Нечто подобное существует и в Японии, хотя и с некоторыми специфическими особенностями. Во-первых, парламент играет значительно меньшую роль в процессе выработки политики, чем американский конгресс. Во-вторых, существующие в стране ультранационалистические организации не связаны непосредственно с монополиями, выпускающими военную продукцию, т. е. их нельзя рассматривать в качестве лоббистов этих монополий. В-третьих, и «чисто» милитаристские группы, как, например, Комитет по установлению справедливого альянса между США и Японией, в своей деятельности ориентированы не на оказание давления на правительство с целью увеличения военных заказов, а на пропаганду идеи возрождения «великой Японии».

И все же в стране существует определенное структурное ядро «оборонного» лобби. Оно состоит из ряда комитетов и ассоциаций, играющих роль своего рода приводного ремня между ориентированными на военное производство компаниями и правительством. Кроме того, при кабинете министров действуют различные «оборонные» советы и комитеты. Наиболее влиятельными организациями, представляющими военный сектор японской промышленности, являются: Комитет по оборонной промышленности при Кэйданрэн, Ассоциация производителей оружия, Ассоциация компаний по производству артиллерийского оружия, Ассоциация авиационно-космической промышленности, Общество японских аэрокосмических компаний. Правительство представляют: Отдел технологических исследований УНО, Отдел авиации и артиллерии при МВТП, Бюро военной техники УНО, Отдел планирования военных НИОКР УНО, Научно-исследовательский институт УНО (Гихон).

В конце 70-х годов «оборонное» лобби стало складываться и в ЛДП. В него входят ряд бывших начальников УНО и партийные деятели, вовлеченные в составление военных программ.

В Японии продолжает сохраняться старая форма взаимодействия крупных предпринимателей и партийно-правительственных деятелей через различные общества, в которых решаются важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, в том числе и в военно-экономических областях. Для примера можно назвать Ассоциацию по изучению свободного общества (Дзию сякай кэнкюкай) и Доёкай. Первую возглавляет президент компании «Сони» А. Морита; в него входят такие крупные политические фигуры, как К. Миядзава, Г. Ямасита, М. Ватанабэ, С. Абэ, Р. Танака, Н. Такэсита и др. Руководителями второго Общества являются К. Одзими (президент «Арабия сэкию»), Д. Омура (бывший начальник УНО), Х. Окамура (член Верховного суда), М. Такахаси (бывший начальник Главного полицейского управления), С. Мукаи (бывший заместитель управляющего банка «Мицубиси гинко»). Активнейшим членом Доёкай являлся Я. Накасонэ.

Необходимо добавить к этому, что в стране давно укоренилась практика, получившая название «амакудари» («спутившиеся с небеса»), — система взаимодействия между бизнесом и УНО. Суть ее заключается в том, что УНО регулярно направляет в различные компании на службу офицеров, уходящих в отставку. Это имеет двойной эффект: во-первых, в благодарность за принятие на службу отставных офицеров УНО увеличивает закупки оружия у тех компаний, которые соглашаются «приютить» этих офицеров; во-вторых, отставники, имея разветвленные связи в военном ведомстве Японии и правительстве, начинают выступать в роли посредников, точнее, «толкачей», пробивающих перспективные заказы для своих фирм. Так, между 1960 и 1970 г. примерно 420 генералов и сотни офицеров более низкого ранга получили работу у производителей оружия. С 1975 по 1980 г. подрядчики УНО устроили «на работу» еще 340 офицеров высшего ранга⁴⁰.

Таким образом, политический механизм кооперации и сотрудничества между различными звеньями «оборонного» лоббизма существует и развивается. Весь вопрос только в том, насколько эффективен механизм и какова сила его реального воздействия на процесс формирования ВПК.

Важнейшим критерием для признания существования ВПК является степень милитаризации страны. В советской научной литературе, специально посвященной разбираемой теме, эта степень определяется через ряд индикаторов, среди которых в качестве основных берутся: прямые военные расходы и их динамика; доля военных расходов в общем бюджете правительства; соотношение прямых военных расходов и ВВП.

Поскольку динамика изменения роста военных расходов зависит от колебания курса доллара, для большей объективности

рассмотрим два варианта: в текущих ценах и в постоянных ценах 1975 г. в пересчете по курсу 1980 г. Для полноты анализа сравним военные расходы Японии с военными расходами ФРГ и США (табл. 13).

Таблица 13

Военные расходы Японии, ФРГ и США
(по обменному курсу 1980 г., млрд. долл.)*

	в текущих ценах			в постоянных ценах 1975 г.		
	1971 г.	1980 г.	1983 г.	1971 г.	1980 г.	1983 г.
Япония	3,0	9,8	12,5	4,5	7,9	9,5
ФРГ	17,0	26,7	31,6	17,9	22,0	23,1
США	74,9	146,0	220,4	98,8	102,8	126,5

* Мировая экономика и международные отношения. 1984, № 8, Приложение.

Из таблицы видно, что, какой бы вариант мы ни взяли, темпы роста военных расходов у Японии выше, чем у США и ФРГ. Причем если в 1971 г. военные расходы Японии (в текущих ценах) уступали США и ФРГ соответственно в 25 и 5,7 раза, то к 1983 г. разрыв сократился до 17,6 и 2,5 раза. (В постоянных ценах 1975 г. эти пропорции соответствуют 22 и 4 и 13,3 и 2,4.)

Тем не менее по абсолютным величинам отставание Японии продолжает сохраняться, а в сравнении с ФРГ, если учесть фактор населения, оно будет еще более значительным. В 1970 г. Япония по военным расходам занимала шестое место в капиталистическом и развивающемся мире, в 1981 г. она переместилась на седьмое место, так как по этому показателю ее обогнала Саудовская Аравия.

Контраст будет еще большим, если сравнить долю военных расходов в общем бюджете правительства (в скобках — доля на военные цели расходов в федеральном бюджете США, %): 1955 г.—14 (58,2), 1960 г.—10 (47), с 1977 г.—6—7 (около 25).

Соотношение военных расходов и ВВП в Японии и США видно из следующих данных (%): 1954 г.—1,75 (около 12), 1959 г.—1,14 (около 10), в 60-е годы—1 (7—9,4), в 70-е годы—0,8—0,9 (5—6)⁴¹.

Правда, если вести подсчет по системе НАТО (т. е. учитывать расходы на пенсии бывшим военнослужащим, стоимость финансирования японских служащих на американских военных базах), тогда «оборонные» расходы составят 1,2 % от ВВП. Но от этого картина существенно не меняется. И при таком варианте следует признать: хотя масштабы милитаризации японской экономики и расширяются, однако продолжают оставаться на очень низком уровне по сравнению с другими капиталистическими державами. Такой уровень был и остается одним из тех

факторов, который позволяет Японии опережать своих соперников по темпам развития экономики.

Безусловно, громадный экономический потенциал Японии мог бы абсорбировать значительно более высокий уровень военных расходов, чем тот, который распределяется через государственный бюджет. «Бюджетная» же политика в настоящее время хотя и нацеливает на увеличение военных расходов, в том числе и на закупку техники, но по своим масштабам она существенно не изменит тенденцию предыдущих лет.

Этот вывод может быть подтвержден анализом степени участия отраслей экономики в военном производстве и удельного веса военной продукции в общем объеме производства этих отраслей, т. е. их зависимостью от военных заказов.

Если основываться на данных, которые приведены в монографиях И. Сергиенко и С. Т. Мажорова, то в 1952—1963 гг. военные поставки в общем производстве авиационной промышленности составляли 84,9 %, автомобильной—26, судостроительной—10 %. К концу 1971 г. эти доли в указанных отраслях сократились соответственно до 73,4, 0,2 и 1,4 %⁴².

Падение удельного веса военной продукции в совокупном производстве наблюдается и у основных поставщиков оружия. Так, стоимостная доля военных заказов в общем объеме продаж упала у «Мицубиси дзюкогё» с 6,9 % в 1974 г. до 6,2 % в 1980 г., в «Исикавадзима-харима дзюкогё»—за те же годы — с 5,6 до 4,6; в «Кавасаки дзюкогё» — с 12,4 до 6 %⁴³.

По стоимостному объему военной продукции Япония значительно уступала основным странам НАТО. В 1978 г. он составлял 25,6 % военного производства Франции, 28,8—Англии, 41,8—ФРГ и около 4 % — США.

Наконец, доля всей военной продукции, создаваемой обрабатывающей промышленностью в целом, в 1971 и 1981 гг. не превышала 0,4 % (в США — 7 %).

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие громадных экономических возможностей в деле милитаризации экономики, японские монополии крайне сдержанно, особенно в 70-е годы, относились к их использованию. И «оборонное» лобби оказалось не в состоянии изменить эту ситуацию.

По мнению профессора политологии из Стэнфордского университета Д. И. Окимото, дело якобы в том, что «оборонные решения находятся в сфере бюджетной политики», на определение которой УНО оказывает значительно меньшее влияние, чем другие министерства⁴⁴. Это, конечно, не так. Неспособность реализовать свои желания и намерения в том объеме и в тех масштабах, к которым стремится часть деловых кругов Японии, определяется целым комплексом военно-политических и экономических факторов, как внутреннего, так и международного порядка.

Хотя в выпуске военной продукции участвуют 2270 (по другим данным, 2230) компаний и фирм, ведущая роль принадлежит 20 крупнейшим корпорациям, на долю которых приходится (на 1981/82 фин. год) 59,6 % всех военных заказов, из них на первые 10 — 48,8 %, на остальные — 10,8 % (в США ядро военно-промышленной базы составляет около 10 тыс. предприятий, а через субконтракторов в военный бизнес втянуто еще около 100 тыс. крупных и средних компаний. На 80 из 100 главных подрядчиков Пентагона падает 60 % стоимости всех военных контрактов).

Доля отдельных корпораций в выпуске военной продукции показана в табл. 14.

Таблица 14

Распределение военных заказов среди компаний — основных контракторов УНО*

Компания-контрактор	Доля от общей суммы заказов УНО, 1981/82 фин. год	Доля заказов УНО в стоимости всей продукции, 1980/81 фин. год	Распределение заказов УНО среди первых десяти компаний, %	
			1974/75 фин. год	1981/82 фин. год
„Мицубиси дзюкогё“	13,9	6,2	34,1	28,5
„Кавасаки дзюкогё“	7,9	7,9	29,3	16,3
„Мицубиси дэнки“	7,9	4,5	5,4	15,9
„Исикавадзима — харима дзюкогё“	4,7	4,6	16,0	9,7
„Тосиба“	4,2	1,8	2,3	8,7
„Хитати дзосэн“	2,3	3,6	—	4,2
„Ниппон дэнки“	2,2	1,6	3,7	4,4
„Мицуи дзосэн“	2,0	4,2	—	4,2
„Нихон сэйко“	1,9	10,7	2,4	4,0
„Комацу сэйсакусё“	1,8	2,4	2,1	3,7
„Ниппон сэйкию“	1,7	0,4		
Группа Сумитомо	1,3	0,1		
„Ито куко“	1,2	32,7		
„Фудзи дзюкогё“	1,1	1,6	2,1	—
„Марудзэн сэйкию“	1,0	0,4		
„Оки дэнки“	1,0	3,4		
„Ниссан дзидося“	1,0	0,2		
„Идэмицу кокан“	0,9	0,2		
„Кёдо сэйкию“	0,9	0,2		
„Дайкин когё“	0,9	5,0		

* Рассчитано по: Japan Economic Yearbook, с. 124; Japan Press weekly* 25.03.1983, с. 29.

Из таблицы видно, что хотя крупные поставщики оружия («Мицубиси дзюкогё», «Кавасаки дзюкогё» и «Исикавадзима-харима дзюкогё») сохраняют свое лидирующее место, однако их доля уменьшается в пользу менее крупных корпораций («Мицубиси дэнки», «Тосиба», «Ниппон дэнки», «Хитати дзосэн»). Эта тенденция, видимо, будет усиливаться, поскольку в 1982/83 и

1983/84 фин. годах доля этих компаний (а они производят электронное оборудование и оптику для военных целей) увеличилась еще больше. Кроме того, появились специализированные небольшие фирмы, доходы которых от военных заказов составляют 20 % и выше. Так, прибыли компании «Нихон куко дэнси когё» от поставок УНО составили в 1981/82 фин. году 50 % всех ее прибылей, «Сумитомо сэймицу кикай когё» — 40 %, «Ниттоку киндзоку когё» — 25 %⁴⁵.

В основе военного производства лежат два варианта: первый из них предполагает закупки соответствующих лицензий в США, затем освоение производства данного вида оружия на японских заводах. Так, «Мицубиси дзюкогё» выпускает по американским лицензиям управляемые ракеты «Сайдвиндер» «AIM-9L» класса «воздух — воздух» для оснащения ими тактических истребителей «F-4EJ» и «F-15J». Вторым вариантом предусматривает закупку небольшой партии военной техники из США с последующим производством уже в расширенном масштабе на японских предприятиях. Например, часть истребителей «F-15» и патрульных самолетов Р-3С «Орион» будет построена в США, а остальная часть на японских заводах по американским лицензиям. Таким же образом планируется выпуск транспортно-десантных вертолетов СН-47 «Чинук».

Однако лицензионная зависимость и реализация части заказов УНО в США начинает раздражать японских предпринимателей. Так, в 1980/81 фин. году японские компании получили военные заказы на сумму 470 млрд. иен. Кроме того, 87 млрд. приходилось на закупку (на 90 % в США) лицензий и оружия за рубежом. Производители военной продукции были крайне недовольны, когда УНО под давлением «иностранный торговой группы» решило заменить отечественный транспортный самолет «С-1» на «С130Н», выпускаемый фирмой «Локхид». И хотя производство собственных систем, по мнению специалистов, обходится Японии в два-три раза дороже, чем создание аналогичных конструкций по лицензиям, японские промышленники готовы бороться с импортом и с лицензионной зависимостью до тех пор, пока собственная военная промышленность не встанет на ноги. Их побуждает к этому опыт автомобильной промышленности и производства ЭВМ. Как заявил генеральный управляющий Отдела авионавтики и космических исследований компании «Ниссан» К. Сибата, «в области национальной обороны Япония с большим энтузиазмом относится к внутреннему развитию и менее позитивно к производству на основе лицензий»⁴⁶. Это мнение разделяется представителями и других компаний.

Однако существующий военный бюджет страны, несмотря на ежегодное его увеличение, не может удовлетворить аппетиты военного бизнеса. Возможности расширения производства в этой области предприниматели усматривают в экспорте оружия. Как известно, еще в 1967 г. Э. Сато провозгласил в парламенте три принципа отказа от экспорта оружия. В соответствии с ними

Япония отказывалась «от вывоза оружия в социалистические страны, в государства, куда экспорт оружия запрещен резолюциями ООН, в страны, которые вовлечены или могут быть вовлечены в международные конфликты». Правительство Т. Мики в 1976 г. в дополнение к предыдущим условиям обязалось ограничить экспорт оружия и государствам, не упомянутым в трех принципах Э. Сато, и изъявило намерение соблюдать осторожность в деле экспорта оборудования и технологии, имеющих отношение к производству оружия.

Японская общественность давно уже подвергает сомнению, и не без основания, выполнение этих обязательств правительством. По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПРИ), в первой половине 70-х годов Япония по экспорту оружия занимала 18-е место в мире. В последующие годы произошло скачкообразное увеличение такого экспорта. Если в 1974 и 1976 гг. (т. е. до «ужесточенных» условий Т. Мики) стоимость военного экспорта была равна 3 млн. долл., то в 1978 г.—14 млн., в 1979 г.—21 млн. долл. (в ценах 1975 г.). По официальным японским данным, продажа военного оборудования с 1976 по 1979 г. возросла в три раза⁴⁷.

Тем не менее ныне существующие масштабы экспорта, безусловно, являются мизерными для военной промышленности Японии. В начале 80-х годов предприниматели крупнейших компаний и руководители влиятельных экономических организаций стали более настойчиво, чем раньше, требовать от кабинета изменений в этой области. Так, генеральный секретарь Комитета оборонной промышленности при Кэйданрэн Х. Морикава, президент «Кавасаки дзюкогё» Д. Умэда, вице-президент «Тосиба» Т. Танацугу, президент авиационно-электронной компании С. Каваяи считают, что Япония «должна иметь свободу для технического обмена и кооперации в военной области со всеми странами, чтобы по-настоящему развивать оборону». Некоторые из них в качестве аргументов в пользу увеличения экспорта военной техники выдвигают, так сказать, «чисто» экономические мотивы. Председатель Комитета торговли и промышленности С. Кадзияма заявил в этой связи: «Четко определить виды продукции, которые подлежат запрету, весьма затруднительно. В первую голову это относится к электронной и металлургической промышленности. Продукция этих отраслей может быть использована и в военных целях. Но если на этой основе запрещать их экспорт, то японской экономике будет нанесен значительный ущерб»⁴⁸. Другая часть бизнесменов в основу своих требований ставит политические интересы «свободного мира». Такие аргументы выдвигают, в частности, кансайские промышленники, в том числе их глава Х. Хюга, который считает, что, «поскольку страны Запада совершенствуют свою оборону, Япония как член западного союза обязана помогать своим союзникам и дружеским государствам путем поставки оружия». А вице-председатель Отдела технологических исследований УНО А. Бандзё

предлагает конкретные сферы приложения усилий. Отмечая, что «Япония превосходит или потенциально превосходит другие страны в технологии танков, радаров и электроники», он указал, что две страны (США и Япония) «уже давно осуществляют де-факто технический обмен в этих областях»⁴⁹. Последнее нашло свое официальное подтверждение в намерении правительства (август 1981 г.) не применять к США запрет на экспорт оружия и разрешать поставку в эту страну новейшей технологии для осуществления разработок в военных целях. А в конце июля 1982 г., как сообщила газета «Нихон кэйдзай» в номере от 30 июля 1982 г., МВТП впервые официально разрешило экспортировать по заявке Пентагона непроницаемую ферритовую краску для бомбардировщика «Стелз».

Чтобы положить конец разговорам о запрете на экспорт оружия и военной технологии, правительство, а точнее, МИД, УНО и МВТП выработали, по словам журнала «Джапан экономик джорнел», «новую базовую концепцию». Ее суть сводится к тому, что, во-первых, безопасность страны и японо-американский «договор безопасности» обладают приоритетами над «тремя принципами», запрещающими экспорт оружия, а, во-вторых, вывоз оружия и военной технологии предусматривается ст. 3 «договора безопасности», в которой говорится о сотрудничестве и взаимодействии⁵⁰.

Изменение позиции Японии по данному вопросу приобрело договорные формы. В январе 1983 г. Я. Накасонэ на переговорах с Р. Рейганом дал согласие на передачу военной технологии США, а в ноябре того же года была достигнута договоренность по этому поводу. В ней, правда, есть существенная оговорка, внесенная по инициативе деловых кругов Японии: согласие японского правительства на передачу технологии будет даваться в каждом конкретном случае отдельно. Эта оговорка — важный резерв для японского бизнеса при тех обстоятельствах, когда он сочтет необходимым «затормозить» передачу технологии по тем или иным причинам. Пока что трудно предсказать, какими выгодами или потерями обернется данное соглашение для японской промышленности. Однако уже сейчас можно утверждать с той или иной долей вероятности, что внедрение научно-технических достижений Японии в военную промышленность США ограничит использование этих достижений в гражданских отраслях, так как они попадают под действие закона о соблюдении военных секретов, предусмотренных «договором безопасности».

Вместе с тем, видимо, нельзя исключать того, что прецедент с США позволит японским компаниям, так сказать, на официальных началах осуществлять продажу военной технологии и в другие страны НАТО.

Однако монополистический капитал страны осознает тот факт, что ему вряд ли удастся расширить военное производство за счет экспорта технологии и оружия в удовлетворительных

для себя масштабах. Внутриполитическая же ситуация в Японии такова, что даже наиболее консервативная часть правящих кругов, каким бы влиянием она ни обладала в правительстве, не может полностью игнорировать негативное отношение японской общественности к курсу на милитаризацию и соответственно на увеличение военного производства. Представители монополий и влиятельные партийные деятели считают, что дальнейшее усиление вооруженных сил зависит от того, как они сумеют «убедить народ в необходимости этого».

А поскольку народ, судя по всему, убедить не удалось, то правящим кругам Японии приходится довольствоваться поисками «лазеек» в рамках тех ограничений, которые по сей день имеют силу. Так, чтобы сохранить обязательство о непревышении военного бюджета выше 1 % от ВВП, правительство немалую часть ассигнований на военные системы скрывает в невоенных статьях государственного бюджета. В качестве примера можно привести исследования в области ракетных ускорителей Института космоса и аэронавтики при Токийском университете, бюджет которого находится на балансе министерства просвещения. Одной из недавних разработок института является ракета «МЗС» диаметром 1,4 м, длиной 24 м, способная вывести на орбиту 250 км спутник весом 300 кг. Как утверждает газета «Асахи ивнинг ньюс» в номере от 14 августа 1980 г., данная ракета по своим возможностям идентична «Полярису-А3» или половине мощности «Минитмена II» и «Минитмена III».

Деловые круги Японии усматривают и другие возможности в рамках существующих ограничений, в частности в выборочном производстве военной техники и в создании новой технологии. По мнению предпринимателей, собственная военная техника уступает американской и западноевропейской прежде всего потому, что не уделялось достаточного внимания научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам (НИОКР) в военной сфере. На протяжении 70-х годов расходы на военные НИОКР Японии не превышали 1 % от общей суммы «оборонного» бюджета, в то время как в США они достигали 10,3 % общего военного бюджета, во Франции — 12,5, в Англии — 13,7 %⁵¹. Комитет по оборонной промышленности при Кэйдэнрэн в марте 1980 г. потребовал от правительства, как минимум, удвоить расходы на военные НИОКР. Не исключено, что они уже превысили этот процент, судя по активности, которую проявляет в данной сфере «мозговой» центр УНО — Гихон, о котором говорилось выше.

Этот научно-исследовательский институт (директор — Р. Цуцун), в котором трудится 1200 ученых и инженеров, занимается разработкой новейших видов оружия. Разработанные в институте новые образцы вооружения производятся только на японских предприятиях. В настоящее время Гихон разрабатывает 10 новых проектов, включая скорострельное зенитное орудие противотанковую ракету средней дальности, новый танк «Т-88»

с лазерным прицелом, скоростную самонаводящуюся торпеду. В стенах Гихон создается также ракета «земля — корабль» под названием «SSM-2» на базе ракет «ASM-1» (изготовитель — «Мицубиси дзюкогё»). На вооружение она должна поступить в 1988 г.

Но наибольшие средства вкладываются в проектирование новых самолетов. Уже сейчас в японской национальной аэрокосмической лаборатории проводятся эксперименты по созданию на базе военного грузового самолета «С-1» транспортного самолета с коротким разбегом, который должен превзойти по техническим данным аналог, создаваемый в США (изготовитель — «Кавасаки дзюкогё»). Конструируется также прототип учебного самолета «ХТ-4», который заменит устаревшие реактивные самолеты японского производства «Т-1» и «Т-33». «Мицубиси дзюкогё» планирует создание нового сверхзвукового истребителя «FSX» взамен «F-1».

Новые направления в НИОКР связаны с созданием электронных систем в военных целях, ракет с особо точной системой наведения, новейших лазерных локаторов, компьютеров. Эти разработки ведут компании «Исикавадзима-харима дзюкогё», «Ниппон дэнки», «Тосиба», «Ниссан». Последние две компании ведут исследования по созданию военных спутников и межконтинентальных ракет⁵².

Существенные сдвиги, помимо отмеченных, происходят в американо-японском военно-техническом сотрудничестве. Раньше Вашингтон запрещал продавать Японии лучшие образцы американской техники. В какой-то степени эта ситуация сохраняется. Так, в конце 1982 г. конгресс внес поправку в законопроект 1982 г. об ассигнованиях на «оборону», в соответствии с которой запрещалась передача Японии спецификаций для производства гаубиц. Однако, принимая в расчет преимущества Японии в производстве микросхем высокой плотности и с произвольной выборочной информацией («64-К»), а также в создании высокопрочных материалов и в ряде других областей, которые могут сделать более дешевыми и надежными значительную часть американской военной техники, Пентагон и правительство США начинают смягчать условия передачи новейших лицензий японским компаниям. «Мицубиси дзюкогё» (первая из иностранных компаний) получила разрешение на производство новой самонаводящейся торпеды компании «Ханиуэлл»; механизм управления должен быть обеспечен «Ниппон дэнки». Но секретное оборудование для наведения торпеды тем не менее, по распоряжению Пентагона, будет импортироваться в герметически запечатанном блоке из США.

Наблюдается также выход Японии на новые рубежи в деле военно-технического сотрудничества с американскими и западно-европейскими компаниями. Так, «Мицубиси дзюкогё», используя опыт сборки самолетов «F-15» (по американским лицензиям), сконструировала самостоятельно и начала выпускать девят-

тиместный реактивный самолет «Даямонд-1». Компания уже продала 60 таких самолетов на американском рынке, поставив, кстати сказать, в трудное положение местную фирму «Сессна сантэйшн», производящую аналогичную конструкцию. «Мицубиси дзюкогё» заключила также контракт с компанией «Боинг» на поставку ей пяти видов фюзеляжей для нового самолета «Боинг-767», причем доля японской компании составляет 15%. Уже первые шаги в освоении американского рынка позволяют предполагать, что Япония в недалеком будущем станет серьезным конкурентом американских авиационных компаний.

Как утверждается в одном из правительственных документов США, Япония может занять ведущее положение на мировом рынке гражданских самолетов (с оборотом 50 млрд. долл.) такой системы, которую сами американцы планируют выпускать только к 2000 году⁵³.

МВТП зарезервировало себе уже 30% в производстве нового поколения 150-местного самолета «УХ-Х». Предполагаемый партнер — тот же «Боинг». О совместной разработке реактивного двигателя для этого самолета МВТП ведет переговоры с компаниями «Роллс-Ройс» и «Пратт энд Уитни эйркрафт групп».

«Кавасаки дзюкогё» в сотрудничестве с западногерманской фирмой «Мессершмитт Бёлков Блом» разрабатывает многоцелевой вертолет «ВК-117», который предполагается продавать также в США. Некоторые компоненты этого вертолета были заимствованы с противолодочного вертолета «HSS-2», выпускавшегося в Японии с начала 60-х годов по американским лицензиям.

«Ниппон дэнки» при поддержке компании «Хьюз эйркрафт» производит новую национальную систему противоздушной обороны «Бэйдж-Х», а «Мицубиси дэнки» в настоящее время завершает испытания устройства, создающего помехи для радиолокаторов, для самолета «F-15», так как Вашингтон отказался продавать аналогичное устройство.

Однако межнациональное сотрудничество в военных областях может иметь для Японии и негативные стороны. Активность японских компаний в использовании американских лицензий и в создании собственного военно-технологического потенциала с перспективой «выброса» его на зарубежные рынки начинает серьезно тревожить некоторые военные корпорации США. Пока еще никто не подсчитывал результаты «эффекта бумеранга», но количество сделок (в 1981 г. — около 2000) и масштабы крупных совместных технических проектов (с 1976 по 1980 г. было заключено 102 контракта, а к 1983 г. их число увеличилось до 320)⁵⁴ свидетельствуют о том, что основания для беспокойства действительно существуют. Руководители американских «военизированных» компаний, в особенности авиационных, очень болезненно воспринимают развитие военно-технологического экспорта Японии, видя в нем потенциальную угрозу собственному военному производству. Подобные настроения подкрепляются исследованиями тех американских экспертов, которые специально

изучали эти проблемы. Так, профессор Массачусетского технологического института Р. Робинсон заявил: «Мы можем создать себе конкурентов, как мы это сделали в автомобильной и сталелитейной промышленности». Такой же точки зрения придерживается руководитель программы американо-японских отношений в Гарвардском университете М. Нахт. «Это все равно,— сказал он,— что толкнуть валун с крутого холма». Наконец, помощник министра обороны по вопросам политической и международной безопасности Р. Пёрл резюмирует: «Если мы не будем осторожны, мы проиграем»⁵⁵.

Таких высказываний можно привести великое множество, но все они означают одно — в США нет единого подхода в отношении форм, масштабов и темпов японо-американского военно-технологического сотрудничества.

И тем не менее, как представляется, есть основания предполагать, что дальнейший процесс развития военного производства в Японии хотя и будет определяться уровнем «оборонного» бюджета страны, но качественный скачок возможен лишь в случае активизации сотрудничества и интеграции с США и другими империалистическими державами. Программа военного строительства США на 80-е годы с ориентацией на выпуск новых сложных и дорогостоящих видов вооружения с использованием последних достижений в науке и технике объективно дает возможность японскому монополистическому капиталу принять активное участие в ее реализации. Субъективно к этому толкает его нынешняя администрация в Вашингтоне. Вероятнее всего, японские предприниматели не упустят этой возможности.

Таким образом, изменение внешнеполитического курса Токио в сторону ужесточения конфронтации с мировым социализмом создало благоприятные условия в деле развития военной промышленности Японии. Руководители многих компаний, в особенности средних, настойчивее стали выступать в пользу наращивания военного потенциала страны в расчете на увеличение заказов УНО. Появляются фирмы, специализирующиеся в основном на выпуске военной продукции. Усилились настроения в пользу отказа от запрета на экспорт оружия и военной технологии. Обозначилась и другая тенденция — к межнациональному сотрудничеству в деле производства военной техники между японскими и зарубежными предприятиями. Другими словами, идет процесс формирования ВПК.

И все же было бы неверно преувеличивать темпы и масштабы этого процесса. Существует ряд факторов, оказывающих тормозящее влияние на его развитие.

Во-первых, значительная часть делового мира Японии крайне осторожно относится к вопросу о милитаризации страны. Она исходит из того, что экономический рост в 60-е — 70-е годы был возможен в значительной степени благодаря тому, что Япония не несла крупных военных расходов. Такая политика позволяла ориентировать квалифицированную рабочую силу и весь

производственный аппарат экономики на гражданскую промышленность, а это, в свою очередь, давало преимущества японским монополиям перед своими партнерами-соперниками в других капиталистических государствах со сложившимися военно-промышленными комплексами. Среди руководителей монополий есть решительные противники экспорта оружия, например Т. Доко, который резонно указывал: «Трудно себе даже представить, какие обвинения посыплются на Японию, когда страна начнет экспортировать оружие, если учесть критику, которой мы подверглись за экспорт автомобилей». Осторожную позицию по данному вопросу не раз высказывал и Ё. Инайма.

Во-вторых, военный бизнес не может вырваться за рамки тенденции развития японской экономики в сторону новой фазы НТР с упором на наукоемкие отрасли, прежде всего в сфере информации и роботизации. А это значит, что крупным компаниям не понадобятся дополнительные капитальные вложения специально для военного производства, так как достижения в названных секторах вполне могут быть использованы в военных целях⁵⁶. Отчасти этим можно объяснить падение в 70-х годах доли выпуска военной продукции (кстати, металло- и энергоемкой) в совокупном производстве таких концернов, как «Мицубиси дзюкогё», «Кавасаки дзюкогё», «Исикавадзима-харима дзюкогё», которая скорее всего могла быть компенсирована продажей тому же УНО вычислительной техники, не проходящей по военным статьям этих компаний. С большой долей вероятности можно предсказать, что удельный вес «чисто» военных заказов к началу 1990 г. не превзойдет 0,4 % всей выпускаемой в Японии продукции. На этот прогноз «работают» и предполагаемые затраты УНО на покупку военной техники по плану 1983—1987 гг. (около 12—13 млрд. долл.).

В-третьих, хотя и обозначились контуры ВПК, однако надо иметь в виду, что японский вариант совсем не идентичен американскому ни по масштабам, ни по сути. ВПК в капиталистических странах — это своего рода институт «давления» наиболее милитаристски настроенной части правящего лагеря на государственные органы в интересах военно-экономических группировок. Без такой функциональной роли он теряет свой смысл существования. В Японии же «давить» на государственные органы, в том числе и на исполнительную власть, не надо, так как в рамках японского ГМК они в значительно большей степени подчинены монополиям, чем в США и в других капиталистических странах. Кроме того, в Японии, за редким исключением, нет четкого размежевания между военными и гражданскими секторами экономики. Поэтому применительно к ней обозначение «ВПК» может быть признано с большими оговорками, а «оборонное» лобби — как собирательное название активистов в ЛДП, УНО и в других правительственных и академических учреждениях, действующих в интересах компаний, производящих оружие.

В четвертых, хотя ныне в Вашингтоне преобладают настроения в пользу милитаризации Японии, такой подход вызывает серьезные возражения среди некоторой части делового мира США, в том числе и среди производителей оружия. Закон противоречия между капиталистическими странами остается в силе и поныне, и его действие постоянно, причем в резкой форме проявляется в американо-японских отношениях. Острые дискуссии в американском конгрессе говорят о том, что и в политических кругах нет однозначного ответа на вопрос о роли и месте Японии в американской стратегии.

Высказанные соображения не перечеркивают одного важного момента, если говорить о реалиях сегодняшнего и завтрашнего дня. Он заключается в том, что наиболее серьезная угроза безопасности и стабильности в мире, которая исходит от развития военного бизнеса в Японии, коренится в передаче военной технологии США. Известно, что Вашингтон планирует ее использовать на новом, «космическом» витке гонки вооружения. Хотя, безусловно, степень этой угрозы будет зависеть от масштабов и темпов реализации упомянутого выше соглашения между Японией и США в этой области.

Глава вторая

ЯПОНИЯ И ТРИ ЦЕНТРА МЕЖИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА (ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Появление в начале 70-х годов трех центров межимпериалистического соперничества — США, Западной Европы (прежде всего Общего рынка) и Японии — явилось качественно новым этапом во взаимоотношениях между капиталистическими государствами. Главной отличительной чертой этого этапа является то, что наиболее острые и существенные межимпериалистические противоречия переместились из сферы двусторонних и даже региональных взаимоотношений на глобальный уровень, охватывающий все стороны капиталистического треугольника. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии говорилось: «Обостряются межимпериалистические противоречия, усиливается борьба за рынки, за источники сырья и энергии. Японские и западноевропейские монополии все успешнее конкурируют с американским капиталом, в том числе на внутреннем рынке США»¹.

Вместе с тем практика империалистических отношений свидетельствует и о другом. В политике основных центров капитализма проявилось стремление найти «объединительные» мотивы для совместных действий в деле преодоления экономических, торговых, валютно-финансовых кризисов. В еще большей степени координационная деятельность, которую питает классовая солидарность мировой монополистической буржуазии, делающая, по словам В. И. Ленина, «неизбежным союз всех империалистов», обнаруживается в ее политике «коллективной безопасности» в рамках капиталистической системы, нацеленной на противодействие тенденциям изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, мира и прогресса.

Сочетание центробежных и центростремительных сил в капиталистическом мире, принимающее различные формы сотрудничества и соперничества, интеграции и разобщенности, диалога и конфликта, образует противоречивый характер взаимоотношений между империалистическими центрами. В результате каких факторов формируются и проявляются эти противоречия, можно проследить и на анализе отношений Японии с США и странами Общего рынка.

**Торгово-экономическое соперничество:
счет в пользу Японии**

На страницах американской и западноевропейской печати обычным стало обвинение Японии в торгово-экономическом «пиратстве» на рынках двух континентов. Действительно, несмотря на общее снижение удельного веса США и Западной Европы во внешнеэкономической деятельности японских монополий в 70-е годы, эти два центра продолжают оставаться основными объектами их экспансии (табл. 15). Товарооборот Японии с США с 1971 по 1981 г. вырос с 12,5 млрд. до 63,9 млрд. долл., а со странами Западной Европы соответственно с 5,4 млрд. до 35,1 млрд. долл., т. е. увеличился соответственно в 5,1 и 6,5 раза. Если говорить о Западной Европе, то львиная доля торговых связей падает на страны ЕЭС, и прежде всего на пять государств: ФРГ, Англию, Голландию, Францию и Италию.

Таблица 15

**Торговля Японии с США и странами Западной Европы
в 1981 г., млн. долл.***

	Экспорт	Импорт	Доля Японии в торговле с США и ЕЭС, %	
			Экспорт	Импорт
Всего	152 030 (100)	143 290 (100)		
В том числе:				
США	38 609 (25,4)	25 297 (17,7)	9,3	14,4
Западная Европа в целом	23 617 (15,5)	11 495 (8,0)	1,6	3,0
ЕЭС	18 894 (12,4)	8 552 (5,9)	1,4	3,0
ФРГ	5 968 (3,9)	2 429 (1,7)	1,2	2,1
Великобритания	4 789 (3,2)	2 695 (1,9)	1,2	3,3
Франция	2 222 (1,5)	1 171 (0,8)	1,0	2,3
Голландия	1 902 (1,3)	427 (0,3)	0,5	1,9
Бельгия/Люксембург	1 442 (0,9)	339 (0,2)	0,6	2,4
Италия	856 (0,6)	856 (0,6)	0,9	1,4
Дания	556 (0,4)	493 (0,3)	2,9	3,6
Греция	856 (0,6)	37 (0,02)	0,8	6,0
Ирландия	245 (0,2)	106 (0,07)		
Португалия	289 (0,2)	48 (0,03)		
ЕАСТ	3 570 (2,3)	2 330 (1,6)	1,7	2,3
Другие страны Европы	1 154 (0,8)	613 (0,4)		

* В скобках — процент.

В то же время обращает на себя внимание довольно низкая доля Японии в общей торговле США и европейским континентами.

Все это, казалось бы, не должно давать повод для резких выражений, которыми США и Общий рынок характеризуют состояние торгово-экономических связей с Японией. И все же ос-

нования для серьезного беспокойства у них действительно существуют.

Прежде всего оно вызывается хронической несбалансированностью взаимной торговли в пользу Японии. Если в 1970 г. она имела активное сальдо в размере 0,4 млрд. долл. с США и 0,9 млрд. долл. со странами Западной Европы, то в 1983 г. активное сальдо превысило соответственно 18 млрд. и 12 млрд. долл.

Другая причина для беспокойства — концентрация японского экспорта на относительно узкой группе товаров, включающих сталь, суда, подшипники, бытовую электронику, фотоаппараты, телевизоры, велосипеды, легковые автомобили, роботы. По данным западной печати, на автомобильном рынке ЕЭС доля Японии неуклонно возрастала: с 3,1% в 1973 г. до 8% в 1980 г., в том числе в ФРГ — с 1,6 до 15, во Франции — с 1 до 4,1, в Великобритании — с 4,8 до 19,7, в Голландии и Дании — с 11,4 до 31%.

На рынке США доля европейских производителей упала с 8,5% в 1973 г. до 5,8% в 1979 г., тогда как доля Японии выросла за те же годы с 5,5 до 16%, а в 1980 г. составила 23%².

Каждый второй калькулятор, проданный в ФРГ, сделан в Японии, а каждый 10-й портативный черно-белый телевизор, сбытый в странах ЕЭС, носит японский фирменный знак. Этот небольшой ассортимент товаров поставил в тяжелое положение соответствующие отрасли западноевропейской и американской промышленности, прежде всего судостроение (особенно во Франции), сталелитейную промышленность (ФРГ и Франция), автомобилестроение (США, ФРГ, Франция, Англия).

В последние годы японские монополии стали теснить американских конкурентов в сфере машиностроения. В 1980 г. на внутреннем рынке США 25% проданных станков различного назначения приходилось на долю иностранных фирм, причем свыше 1/3 производится японскими компаниями.

Однако особенно натянутые взаимоотношения сложились у Японии с европейскими государствами. Ущерб, наносимый японскими корпорациями конкурентам, оказался столь ощутим, что его негативное действие признается в самой Японии. По свидетельству газеты «Асахи», «концентрация некоторых товаров в отдельных районах (странах) в результате экономического импорта из Японии приводит к банкротству предприятий и безработице в данных районах»³.

Положение вещей усугубляется и различиями в товарной структуре внешней торговли обоих центров: для Японии характерны высокая доля сырья и энергоносителей в импорте (около 70%) и промышленных готовых товаров в экспорте (около 90%). Поскольку страны ЕЭС не являются поставщиками сырья и энергоносителей, они служат для японских монополий лишь экспортным рынком. Причем экспортная структура Японии и Западной Европы весьма похожи. Японский импорт из стран Общего рынка состоит в основном из машинного оборудо-

дования, транспортных средств, полуфабрикатов и товаров обрабатывающей промышленности, т. е. тех видов продукции, по которым сильна сама Япония. Способность местной промышленности успешно конкурировать по названным товарам серьезно затрудняет их ввоз на Японские острова. Об этом, в частности, откровенно говорил представитель Японии при ЕЭС Т. Кагава: «Проблема носит структурный характер. Европейцы мало что могут продать нам такого, что мы захотим купить»⁴.

Попытки активизировать импорт за счет продукции, по которой Япония менее конкурентоспособна, не приносят ощутимых результатов. Это связано с фактическим ограничением путем технических и административных мер ввоза таких товаров, как обувь, фармацевтические и парфюмерные изделия, продукция химии и сельского хозяйства, медицинские приборы и оборудование... Данные ограничения практически представляют собой форму нетарифных барьеров, распространяющихся и на ввоз автомобилей. Хотя японская сторона не возражает против импорта названных товаров, однако оговаривает столь жесткие условия стандартизации, что в процессе прохождения через все нетарифные препоны розничная цена западноевропейской продукции существенно увеличивается.

Затруднения вызывает также специфика японского внутреннего рынка. Он контролируется несколькими десятками «торговых домов», осуществляющих свои операции через десятки тысяч посреднических мелких и средних фирм, на которые не распространяются обязательства их торговых партнеров перед американскими и западноевропейскими корпорациями по снижению нетарифных ограничений.

Япония имеет также преимущества в торговле благодаря постоянному совершенствованию структуры экспорта. Если в 60-х годах основой его была продукция металлургии, в 70-х — бытовая электроника и автомобили, то в 80-х годах упор перемещается на наукоемкую продукцию (НП) — микро-ЭВМ и промышленные роботы. Ранее (в главе второй части первой) говорилось о громадном балансе в торговле НП между тремя центрами в пользу Японии. В 1979 г. активное сальдо этой страны в торговле НП с США составило 2,25 млрд., а с ЕЭС — 3,71 млрд. долл. Уже к концу 70-х годов Япония выдвинулась в число лидеров в области технологического обмена. По западным расчетам, его синтетический индекс (представляющий собой среднее арифметическое из индексов экспорта НП, прямых инвестиций, доходов от продажи технологии и технической помощи) в 1978 г. составил (1970 г. = 100): для Японии 467,3, в то время как для США — 105,8, Англии — 94,8, ФРГ — 254,6, Франции — 235,6⁵.

Причиной более благоприятных итогов торгово-экономического соперничества Японии с США и Западной Европой в пользу первой из них является общее изменение в соотношениях экономической мощи трех центров. О преимуществах Японии сви-

детельствует и ряд других социально-экономических показателей, в том числе, как видно из приводимых ниже данных, и более низкий уровень военных расходов (1981 г.)⁶:

	США	ЕЭС	Япония
Уровень безработных, млн. человек	8,3	8,9	1,3
Количество забастовочных человеко-дней, млн.	24,7	16,3 ⁷	0,06
Платежный дефицит по текущим операциям, млрд. долл.	7,0	23,0	+4,7
Военные расходы, млрд. долл.	153,7	95,0	8,0
Прирост ВВП, %	1,9	-0,4	3,8

Одним из важных факторов является более высокий темп прироста производительности труда в 70-е годы у Японии, чем у ее конкурентов, причем в некоторых отраслях производительность труда выше и по абсолютным показателям. Так, в 1980 г. один рабочий группы Мицубиси выпускал 64 автомобиля в год, в то время как западногерманский рабочий — 12,3, американский — 9,6⁸.

Япония превосходит своих соперников в производстве черных металлов, что связано с наличием более крупных металлургических комбинатов с большими размерами доменных печей, с более мощными кислородными конвертерами, а также с использованием метода непрерывной разливки стали: во второй половине 70-х годов этим методом выпускалось около 40% стали, в то время как в США — лишь 10,5%.

К технологическим и внутриэкономическим факторам необходимо добавить умелое хозяйствование, видение перспективы, специфическую, чисто японскую систему управления, что позволяет Японии набирать «очки» в конкурентной борьбе со своими экономическими противниками.

Государства Европы, особенно страны Общего рынка, на протяжении уже более десяти лет пытаются найти рычаги для ликвидации негативных последствий японского проникновения на континент. Начало организованному противодействию положило Парижское совещание лидеров ЕЭС в 1972 г., на котором был поставлен вопрос о выработке единой стратегии в отношении Японии. В 1973 г. Комиссия Сообщества (КЭС), ответственная за внешнеэкономические связи, приняла решение о необходимости регулярных встреч с представителями японского правительства. После 1975 г. контакты между ЕЭС и Японией участились. В августе 1977 г. Токио посетил председатель Сообщества Р. Дженкинс, в марте 1978 г. — директор главного управления по внешним связям Комиссии ЕЭС В. Хаферкамп, в июле того же года состоялся ответный визит в Брюссель премьер-министра Японии Т. Фукуда.

В 1979 и 1980 гг. Совет министров европейского сообщества утвердил ряд документов, призванных урегулировать взаимоотношения с Японией. В частности, в принятой 25 ноября 1980 г. декларации Общего рынка содержатся следующие требования к японской стороне: более широко открыть рынок, устранив все так называемые нетарифные барьеры; содействовать увеличению импорта товаров ЕЭС, в особенности продукции сельского хозяйства; временно сдержать свой экспорт в сектора, в наибольшей степени подверженные кризисным явлениям глобального масштаба (имелись в виду судостроение, сталелитейная промышленность и предприятия, производящие электронную аппаратуру)⁹.

С целью ослабления экономической активности Японии в Европе ей было предложено увеличить «помощь» развивающимся странам хотя бы до уровня «девятки» (в Японии в 1981 г. на данное направление экономической деятельности приходилось 1,09 % средств от общей суммы ВВП, во Франции — 2,01, в ФРГ — 1,18, в Англии — 2,01, в США — 0,9 %) ¹⁰.

В феврале 1981 г. парламентская делегация стран ЕЭС, возглавляемая Ф. Уорнером, в ультимативной форме потребовала от руководителей японских компаний «добровольно» ограничить экспорт автомобилей. В противном случае, заявили парламентарии, Общий рынок «вынужден будет прибегнуть к протекционизму».

Требование сбалансировать торговлю выдвигал и президент Франции Ф. Миттеран, посетивший Японию в апреле 1982 г., а премьер-министр Англии М. Тэтчер, также побывавшая в Токио (сентябрь 1982 г.), считала, что уравновесить торговлю можно путем закупок японской стороной гражданских самолетов и истребителей «Харриер».

В декабре 1982 г. на совещании руководителей ЕЭС в Копенгагене было принято решение начать широкую кампанию антияпонских действий в сфере торговли. Проявлением этой кампании явилось обращение в ГАТТ с жалобой на агрессивную политику Японии и сохраняемые ею высокие барьеры на пути западноевропейского экспорта. Одновременно по инициативе европейских производителей электронной техники было возбуждено дело по обвинению японских фабрикантов видеомагнитофонов в продаже их продукции по намеренно заниженным ценам.

Аналогичная ситуация, хотя и в несколько менее острой форме, наблюдается в отношениях между Японией и США. Бывший министр иностранных дел С. Окита писал: «В 70-е годы американо-японские отношения начались с трений по текстильным проблемам, затем они охватили проблемы экспорта стали, цветных телевизоров; в настоящее время — автомобили. Все это означает усиление конкурентоспособности Японии» ¹¹.

Эта «конкурентоспособность» вызывает в США столь же бурный эмоциональный накал, как и в Западной Европе. Даже

обычно сдержанные дипломаты теряют терпение. Так, посол в Японии М. Мэнсфилд вынужден признать: «Ящик Пандоры старых стереотипов открылся, дав свободу нестабильным и отрицательным элементам, которые трудно удержать под контролем»¹². Круг требований США к своему дальневосточному союзнику в общем совпадает с претензиями западноевропейских стран: сбалансировать торговлю; снизить требования к импортируемой продукции, таким, как фармацевтические изделия, продукты питания и автомобили; облегчить таможенные формальности; содействовать импорту говядины, апельсинов и риса и в целом упростить карантинные формальности для продукции сельского хозяйства; либерализовать импорт нефтехимических продуктов, медицинского оборудования; понизить тарифные ставки. В начале 80-х годов в центре американо-японских торговых противоречий оказались проблемы, связанные с экспортом японских автомобилей, электронного оборудования и импортом американской сельскохозяйственной продукции.

Министр торговли США М. Болдридж на одной из сессий Японо-американского исполнительного совета по вопросам двусторонней торговли (декабрь 1981 г.) пригрозил, что, если Япония не откроет свой рынок для американского экспорта, правительство США «не сможет более сдерживать свой протекционизм», причём Япония «понесет большие потери в торговой войне, чем США». Еще в середине 1980 г. Вашингтон поднял пошлины на японские мини-грузовики с 4 до 25 %. Аналогичные меры были приняты и Общим рынком. В начале 80-х годов в США была развернута широкая антияпонская кампания под лозунгом «покупай американские автомобили». В связи с отказом Токио выполнить требование Вашингтона об отмене японских импортных квот на 22 вида сельскохозяйственной и рыбной продукции на американском континенте возникло еще одно движение: «нет рынка в Японии, нет рынка и в Америке».

С особой nervозностью американцы отнеслись к наступлению японских монополий на рынке сложного электронного оборудования. С целью предотвратить подрыв американских позиций в данной области США прибегли к средствам, которые обычно используются в отношении самых опасных противников — шантажу, угрозам, подкупу, шпионажу. Так, группа Хитати и Мицубиси «погорели» на покупке технической документации у фиктивных фирм, причём эта «сделка» была подстроена сотрудниками ФБР по заданию электротехнических концернов США, в первую очередь «ИБМ». По их же «рекомендации» фирма «Белл» аннулировала оговоренный контракт с «Фудзицу» и заключила соглашение с американской фирмой «Уэстерн электрик», хотя цена, запрошенная последней, была выше японской на 33 %. Французская газета «Нувель обсерватер» писала, что это положило начало открытой торгово-экономической войне между «Джапан инкорпорейтед» и «Америка инкорпорейтед».

Средства и формы японской экспансии

Японский бизнес, безусловно, не может не считаться с позицией США и стран Общего рынка, которые нередко вынуждены прибегать к разнообразным формам протекционизма. Это заставляет японские корпорации время от времени идти на частичные уступки и «добровольные» самоограничения тех или иных экспортных товаров. Премьер-министр Японии, посетивший ряд стран Западной Европы в июне 1981 г., с целью пригласить противоречия обещал, что экспорт японских автомобилей в ФРГ не превысит 10 % от уровня 1980 г., а экспорт их в Бельгию будет даже сокращен на 7 %. На переговорах в Брюсселе с руководителями КЭС он заявил, что правительство «укажет своим частным предпринимателям на важность увеличения импорта из Западной Европы» и снизит таможенные барьеры на товары, представляющие особый интерес для Общего рынка¹³.

Еще в мае 1981 г. Япония под давлением США была вынуждена объявить о «добровольном» ограничении экспорта автомобилей на американский рынок.

В феврале 1983 г. между Японией и ЕЭС было подписано трехгодичное соглашение, предусматривающее ограничение экспорта японских видеомagneтофонов до 4,55 млн. штук и гарантированную продажу 1,2 млн. видеомagneтофонов западноевропейского производства. По утверждению японских официальных лиц, «добровольные» ограничения охватывают (на начало 1983 г.) в стоимостном выражении 36 % всего экспорта страны, включая автомобили, текстиль, сталь, телевизоры и видеомagneтофоны.

Под напором требований США и Общего рынка японское правительство в декабре 1981 г. приняло решение о снижении тарифов на 1653 наименования товаров. В мае 1982 г. были ликвидированы или понижены таможенные тарифы на 215 наименований. В результате беспоплиный импорт составил 50 % всех ввозимых товаров, в то время как в США под эту категорию попадает 27 %, а в ЕЭС — 33 %. Особенностью этих мер являлось то, что они носили односторонний характер и их выполнение не было обусловлено принятием аналогичных шагов в других странах.

Такое положение вызвало возмущение японского бизнеса. Он считает крайне несправедливой ситуацию, когда в Японии существуют ограничения лишь на 27 видов продукции, в то время как таким ограничениям при ввозе в страны ЕЭС подлежат около 40 видов продукции, причем номенклатура товаров, попадающих в этот разряд, продолжает расширяться. Так, в 1981—1982 гг. Франция ввела ограничения на импорт 27 японских товаров, Италия — на 38, страны Бенилюкс — на 9, ФРГ — на 3, Дания и Ирландия — на 2.

При этом из 27 нелиберализованных позиций 22 приходится на сельскохозяйственную продукцию, которая имеет отноше-

ние к экспорту США в Японию. Несмотря на многолетнее давление Вашингтона, Токио отказывается либерализовать эти товары, поскольку это ударило бы по интересам 650 тыс. японских хозяйств, занятых в животноводстве и в производстве цитрусовых. Упорство японского правительства имеет не столько экономический, сколько политический подтекст: фермеры являются главной опорой ЛДП на выборах в парламент.

Японские предприниматели решительно отвергают обвинения США и западноевропейских государств в «закрытости» Японии. Этот тезис, по их мнению, надуман и не отражает реальности. В стране действует около 1600 иностранных фирм, главным образом в отраслях пищевой, легкой, химической, нефтяной и машиностроительной промышленности. Американская доля на рынке прохладительных напитков составляет 65 %, сухих суповых концентратов — 84, продукции, использующей пенопласт — 30, пластификаторов — 100, нагревательных панелей — 50, бутилового каучука — 100, турбонагревателей — 64, фотоаппаратов с моментальной съемкой — 45 %¹⁴.

По японским данным, 80,8 % семей потребляют импортную пищу, 66,8 % — носят иностранную одежду, 53,4 % — используют заграничные товары в домашнем хозяйстве, 39,3 % — отдают предпочтение импортным спортивным товарам, 5,1 % — предпочитают зарубежные автомобили. Причем в реализации таких товаров, как одежда, портфели и сумки, изделия из кожи, детские игрушки, парфюмерия и косметика, спортивные товары и автомобили, участвуют не только Соединенные Штаты, но и все страны Общего рынка¹⁵.

Японские бизнесмены обращают внимание на то, что уровень доходов американских компаний в Японии выше, чем в Европе. Исследования, проведенные американской торговой палатой в Токио, подтверждают этот вывод. По ее данным, средние прибыли на инвестиции в размере 48 %, полученные американскими производственными филиалами в Японии с 1966 по 1977 г., вдвое больше прибылей, полученных филиалами в Англии и во Франции. Эти же исследования показали, что отношение текущих прибылей к общей задолженности и чистой стоимости, а также отношение чистой прибыли к продажам на 50—100 % выше, чем у японских корпораций¹⁶.

В ответ на критику структуры японской экспортной продукции, в которой велика доля промышленных товаров, предприниматели указывают, что им приходится в больших количествах, чем Западной Европе и США, оплачивать счета за нефть. Действительно, в 1981 г. половина общей стоимости импорта Японии (около 70 млрд. долл.) приходилась на нефть.

Попытки японского правительства идти на уступки США и Западной Европе ради стратегического и политического единства за счет ущемления интересов японских монополий нередко приводят к конфликтам. Так, решение кабинета, обязывающее сократить экспорт автомобилей в США, вызвало возмущение ру-

ководителей автомобильных концернов. По словам профессора экономики Токийского университета Р. Хирано, это решение может принести «пользу только горстке политических деятелей, кое-кому из нерадивых администраторов и некоторым безответственным торговым представителям»¹⁷.

Р. Хирано, конечно, преувеличивает эффект воздействия подобного рода «решений». Они носят лишь рекомендательный характер, и монополии могут просто игнорировать любые рекомендации правительства, не отвечающие их интересам. Так, кстати, и произошло с ограничениями на экспорт автомобилей. После небольшого затишья в 1982 г. уже в следующем, 1983 г. компании «Тоёта» и «Ниссан» вновь резко увеличили свой экспорт. И хотя время от времени японский ГМК лихорадит от конфликтов между государством и монополиями, заканчиваются они обычно в пользу вторых. Аналогичных результатов добиваются японские монополии и в борьбе со своими внешними соперниками.

Уступки и «добровольные» ограничения не изменили торгово-экономическую ситуацию между тремя центрами капитализма. Атаки американцев и западноевропейцев заставили японских предпринимателей обратиться к более гибким формам преодоления протекционистских барьеров, воздвигнутых США и Западной Европой. Чисто внешне поведение японского бизнеса напоминает борьбу каратэ или кунфу, в основе которых лежит принцип: враг наступает — отступай, враг отступает — наступай, причем там, где он не ждет. Не случайно «эластичное» отступление Японии по некоторым позициям отнюдь не успокоило США и Западную Европу. Западные партнеры вновь гадают, где Япония нанесет очередной удар. Однако японские бизнесмены не наносят открытого удара, он всегда скрыт и хорошо подготовлен. И форма его нанесения не сразу воспринимается как удар.

Одна из них — создание смешанных предприятий. Фирмы этого типа получают все большее распространение. В ФРГ японская «Джаномэ» совместно с западногерманской «Пфафверке» производит швейные машины, в Бельгии «Мацусита дэнки» вместе с «Филипс» изготавливают аккумуляторы, в Ирландии «Моринага милк» и одна из компаний группы Мицуи с местной «Донегал кооператив кример» выпускают пищевую продукцию, в Англии «Тэрасаки дэнки» и «Отомат инджиниринг» производят выключатели. В той же Англии «Хонда» и «Бритиш лейланд» (БЛ) договорились о создании смешанной компании «Трайамф Акклеим» по производству машин японской модели. В Исландии «Ниссан» приобрела 36 % акций компании «Мотор иберика», выпускающей грузовики и сельскохозяйственные машины. В 1980 г. три японские компании — «Исикавадзима-харима дзюкогё», одна компания группы Мицубиси и «Кавасаки дзидося» договорились с «Роллс Ройс» о создании смешанного предприятия по производству реактивных двигателей, а япон-

ская фирма «Дайнити кико» договорилась с английской «Сайкс групп» начать выпуск роботов. Мицубиси и американская компания «Крайслер» пришли к соглашению о создании совместного предприятия по сбыту японских машин. Аналогичный контракт существует и у «Тоёта» и «Дженерал моторс». Некоторое время Япония по ряду причин (политическая нестабильность, ненадежность трудовых соглашений и т. д.) избегала Италии. Но с 1982 г. и эта страна попала в орбиту предпринимательской деятельности японских компаний. Крупной сделкой считается контракт между «Ниссан» и итальянской «АРНА» о строительстве завода по выпуску 60 тыс. автомобилей в год. Та же «Ниссан» в 1982 г. заключила соглашение с американской компанией «Мартин Мариетта», специализирующейся на производстве космической техники и вооружения, о совместном производстве самолетов.

Между американскими и японскими компаниями наметилось и новое направление совместного сотрудничества — строительство предприятий в третьих странах. Так, «Тоё когё» и «Форд» подписали соглашение о строительстве завода в Мексике, «Исудзу дзидося» и «Дженерал моторс» намерены выпускать с 1985 г. 18 тыс. автомобилей в год в Египте. «Кавасаки дзюкогё» договорилась с американской торговой фирмой «Юнимэйшн» о продаже последней японских роботов «Пума» на рынках ЕЭС.

Еще одна форма проникновения японского бизнеса — строительство собственных предприятий на европейском и американском континентах. Компания «ИКК» по производству застежек «молния» имеет свои филиалы в 37 странах, в том числе в Англии, ФРГ, Франции, Италии, Испании, Португалии. Японская «Дайнэмикс бунгу», расположенная недалеко от Парижа, производит фломастеры для всей Западной Европы. В Бельгии функционирует завод синтетического каучука, построенный «Канэгафути кагаку» и группой Мицуи. В феврале 1984 г. «Ниссан» добился права на строительство в Англии первого в рамках Общего рынка автосборочного завода, полностью принадлежащего Японии, который начнет с 1986 г. выпускать 24 тыс. машин в год.

В результате столь бурной активности в начале 80-х годов в Великобритании функционировало 25 японских предприятий, в Ирландии — 14, в Бельгии — 125, во Франции — 60, в Голландии — 130, в ФРГ — 600. Только в Дюссельдорфе обосновалось 250 предприятий, из них 190 коммерческих и промышленных, 8 банков, 42 предприятия обслуживания. В итоге если в самой Японии действует около 350 предприятий стран ЕЭС, управляемых 2 тыс. европейских бизнесменов, то в Западной Европе — 1200 японских компаний (количество японских представителей — 71 тыс.)¹⁸. Эта форма проникновения начинает затрагивать и США. Так, на их территории «Хонда» приступила к строительству первого японского автомобильного завода мощностью 120 тыс. машин в год.

Банки Японии облегчают производственным компаниям освоение рынка соперников. Внешние активы только так называемых городских банков страны в 1983 г. составили около 260 млрд. долл. против 11 млрд. в 1970 г. Банки действуют преимущественно в трех областях: на базирующихся в Лондоне евродолларовых рынках, на токийской бирже займов и облигаций, деноминированных в иенах, и в инвестиционных зарубежных финансовых учреждениях, главным образом в США. В Лондоне пять финансовых учреждений — «Санва», «Мицуи», «Ниппон кангё», «Дайити» и «Номура сэкьюритиз» — создали еще в 1970 г. объединенный японский банк. В 1971 г. там же открыто бюро по международной торговле Японии, акционерами которого являются банки «Фудзи», «Сумитомо», «Тоаки» и «Дайва». За 10 лет японские займы на лондонской бирже увеличились в 15 раз, достигнув в 1982 г. 52 млрд. долл.¹⁹ В ФРГ также действуют многочисленные бюро и ассоциации, например: Европейское управление японскими компаниями, Японский торговый центр, торговая палата «ФРГ — Япония», которые облегчают «работу» своим производственным объединениям.

Не забывают японские монополии и США. По данным журнала «Экономист», только в Калифорнии 9 из 15 крупных банковских активов, составляющих 240 млрд. долл., контролируются иностранцами, в основном японцами. В 1983 г., например, банк «Фудзи» за 420 млн. долл. приобрел два финансовых отделения, принадлежащих чикагской компании финансовых услуг «Уолтер Хеллер интернэшнл», а банк «Мицубиси» приобрел часть активов «Бэнк оф Калифорния» за 282 млн. долл.²⁰

Одним из эффективных средств обеспечения японских интересов в США является механизм прояпонского лоббизма в этой стране. В советской литературе уже отмечалась деятельность американских лоббистов японского происхождения²¹. В печати США хотя и редко, но появляется информация о лоббистской активности «чистых» американцев. Общая сумма затрат на их деятельность растет год от года и в 1983 г., по предположению, составила 18 млн. долл. Только посольство Японии в Вашингтоне затратило в 1981 г. на лоббистские кампании 600 тыс. долл., а Японский торговый центр (контролируемая правительством организация по содействию развитию деловых связей с различными отделениями в американских городах) потратил более 7 млрд. долл. на «исследовательскую работу» и рекламу²².

Среди работающих в интересах Японии американских лоббистов можно назвать Р. Макклэйна, президента ассоциации «Америкэн интернэшнл отоматик дилерс», Т. Боггса, действующего от имени тех, кто занимается импортом продукции «Сони» и «Ниссан», С. Андерсена, бывшего сотрудника Белого дома, работающего от японских торговых групп и японской ассоциации электротехнической и станкостроительной промышленности. Японские интересы в той или иной степени отстаивали в свое время бывший директор ЦРУ У. Колби, бывший заместитель

специального представителя президента на переговорах А. Вульф, бывший помощник президента Р. Рейгана по национальной безопасности Р. Алэн и бывший председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ф. Черч.

В качестве одной из побед японских лоббистов было оценено отклонение Р. Рейганом в 1983 г. просьбы компании «Хурэйл индастри» отказать в предоставлении налоговых льгот на инвестиции американским клиентам, закупающим станки из Японии. В августе того же года Комиссия по международной торговле ослабила введенные 10 лет назад ограничения на импорт японских цветных телевизоров.

Многие прояпонские лоббисты сотрудничают с американскими организациями, выступающими за «свободу торговли». В частности, упоминавшийся Р. Макклэйн и Дж. Гилберт (представляющий интересы «Тоёта») создали группу, которую возглавили руководители американской торговой палаты. В 1982—1983 гг. 50 японских компаний и 15 торговых ассоциаций открыли свои отделения в Вашингтоне, главным образом для того, чтобы «наблюдать» за принятием законопроектов в конгрессе и за изменениями в политике Белого дома. Кстати, аналогичной деятельностью занимается в Лондоне японский институт политических исследований.

Столь повышенная экономическая активность Японии за рубежом в начале 80-х годов связана с рядом причин. Во-первых, общий спад темпов экономического роста в стране вызвал сужение емкости внутреннего рынка. Во-вторых, переориентация экономики на услуги и наукоемкое производство сопровождается падением удельного веса тяжелой промышленности, поглощавшей значительную долю капиталовложений. В-третьих, внутренний рынок стал тесен для реализации громадных наличных средств, накопленных благодаря высокому уровню личных сбережений. В-четвертых, банковская деятельность за границей оказалась значительно прибыльней (примерно в 4 раза), чем в самой Японии, что связано, в частности, с более высокими базисными процентными ставками за рубежом, особенно в США.

Эти факторы оказывают стимулирующее воздействие и на вывоз прямого капитала, в том числе в США и на европейский континент. Особенно необходимо отметить внушительный удельный вес США, Канады и государств Западной Европы во всех прямых капиталовложениях Японии за рубежом: в 1979 г. их доля составляла 38,7 %, в 1980 г.—46,3, в 1981 г.—37,0, в 1982 г.—49,1 %. Накопленные на 1982/83 фин. год прямые инвестиции по странам составляли (млн. долл., в скобках — %): в США — 13 970 (26,3), в Канаде — 1255 (2,4), в Англии — 2296 (4,3), в ФРГ — 808 (1,5), во Франции — 540 (1,1), в Голландии — 509 (1,0), в Бельгии — 462 (0,9), всего в Западной Европе 6146 (11,6)²³.

Конечно, страны ЕЭС и США также увеличили экспорт капитала за последние 10 лет. Но у них одновременно происходил

рост импорта долгосрочного капитала. Япония же в этом смысле продолжает оставаться замкнутой для своих конкурентов. Это подтверждают цифры. Общая сумма прямых инвестиций США в Японии составила на конец 1980 г. 1612 млн. долл., Канады — 76,1 млн., ФРГ — 136,5 млн., Франции — 68,8 млн., Голландии — 41,1 млн., Англии — 140,0 млн., Швейцарии — 237,8 млн. долл.²⁴. Эти суммы составляют менее 1 % общих капиталовложений США и Западной Европы за рубежом. Таким образом, соотношение инвестиционного обмена опять же оказывается в пользу Японии. По прогнозам Токийского центра по экономическим исследованиям, к 1990 г. заграничные капиталовложения страны достигнут 155 млрд. долл. Это означает, что заграничные филиалы будут производить продукцию на сумму около 500 млрд. долл.²⁵. Если учесть, что капиталовложения намечается производить в основном на рынках развитых капиталистических стран, значительная их доля (более 50 %) придется на США и Западную Европу. Цель активизации инвестиционной политики четко сформулировал представитель «Дайва сэкьюритиз» А. Коно: «Мы должны стать транснациональными, иначе мы не сможем выжить. В условиях растущих торговых барьеров мы должны вступать на рынок, чтобы производить»²⁶. Именно зарубежные инвестиции позволяют обходить тарифные и прочие барьеры. В целом только в Западной Европе на предприятиях, контролируемых японским капиталом, уже сейчас работает 26 тыс. человек, а всего за границей функционирует 5,5 тыс. предприятий, на которых занято 1,3 млн. человек.

Одним из средств проникновения Японии в Европу является использование противоречий членов Общего рынка, «монолит» которых мгновенно становится весьма хрупким при появлении надежды на получение сверхприбылей. В качестве примера можно привести переговоры между представителями «Фольксваген» и «Ниссан» о создании совместного автомобильного предприятия, которые велись за спиной остальных членов Сообщества. Хотя планируется продавать производимые им машины в Японии, западноевропейская пресса оценила эту сделку как «точно рассчитанный шахматный ход» японцев. Президент «Ниссан» Т. Исихара откровенно заявил, что соглашение в будущем даст возможность «двум производителям собирать автомобили „Ниссан” в Германии»²⁷. Это соглашение было воспринято в Западной Европе как «коварная акция» со стороны руководителей «Фольксваген», предавших интересы других автомобильных компаний континента.

Среди членов ЕЭС определилось два подхода в отношении с Японией: «стратегия экспансии» (его отстаивают ФРГ, Англия, Голландия, Бельгия) и «стратегия ограничений» (за него выступают Франция и Италия). Более сильные в экономическом отношении государства рассчитывают сбалансировать взаимную торговлю путем резкого увеличения экспорта в Японию. Что касается Бельгии, то ее приверженность к первому подходу объяс-

няется страхом перед протекционизмом, поскольку прирост ее собственного ВВП более чем на 50 % зависит от экспорта. Менее сильные страны исходят из того, что проблемы могут быть решены с помощью жесткого контроля над японским импортом.

JE
Противоречия между национальными правительствами разрушают попытки выработать единую политическую линию в рамках Комиссии ЕЭС по отношению к Японии. Другими словами, за внешней оболочкой «диалога» между Западной Европой и Японией стоит острая конкурентная борьба с использованием всех средств внешнеэкономического воздействия. Причем результаты этой борьбы до сих пор не в пользу Западной Европы. Так, после серии встреч с высокопоставленными членами японского правительства, включая премьер-министра, президент КЭС Г. Торн в мае 1983 г. признал, что, несмотря на ряд мер и обещаний с их стороны улучшить состояние двусторонней торговли, «проблемы так и не были решены»²⁸.

Большое значение с точки зрения улаживания своих экономических проблем с Японией представители Западной Европы придавали встречам на «высшем уровне» семи крупнейших держав капиталистического мира. Расчет строился на координации их позиций с США, которые страдают от японской активности в не меньшей степени, чем Европа. Торговый советник посольства ФРГ в Токио В. Хандке говорил по этому поводу: «Как Европа для Японии, так и Япония для Европы интересны, собственно, только в треугольнике с США, и, вероятно, главным образом благодаря этому политическому треугольнику японо-европейское противоборство прекратится, превратившись в конечном счете в „диалог“»²⁹.

Но с самого начала капиталистический «дирижизм» натолкнулся на ряд препятствий, вызванных расхождениями во мнениях на причины кризисных явлений и на способы их преодоления. В особенности это относится к Японии и Западной Европе. Токийские руководители на этих встречах пытаются навязать обсуждение проблем, исходя из всей совокупности факторов, определяющих ход развития мировой капиталистической экономики и специфику развития каждой из стран. «Широкая» постановка вопроса сразу же «снимает» проблему несбалансированности торговли, поскольку в ответ тут же указывается на большой дефицит в торговле Японии со странами Ближнего Востока.

EL
Глобальный подход японцев явно не устраивает членов ЕЭС. Последние пытались и пытаются использовать встречи на высшем уровне для разрешения прежде всего своих трудностей в отношении непосредственно Японии. Поскольку аналогичные трудности испытывают и США, то руководители КЭС надеялись на координацию своих действий с действиями американцев. Но ожидаемой поддержки со стороны США для совместного давления на Токио они не получили. Во-первых, Соединенные Штаты сами заинтересованы в ориентированности японской экспансии на Европу, так как рассчитывают на ослабление позиций своих

соперников на собственном рынке. В отношении стран Общего рынка эти расчеты в какой-то степени оправдались: экспорт японских автомобилей в Западную Европу, поставивший в тяжелое положение эту отрасль на континенте, существенно понизил долю экспорта автомобилей европейских государств на американском рынке. Во-вторых, США и Западная Европа поразному определяют истоки преимущества Японии, первые полагают, что несбалансированность торговли — это результат заниженного курса иены и пониженных цен на японские товары, вторые свои неудачи на японском рынке объясняют его «закрытостью» и явными и косвенными протекционистскими барьерами. В-третьих, американская сторона, начиная со встречи «большой семерки» в Венеции (1980 г.), старается избежать обсуждения острых экономических проблем, концентрируя внимание на политических вопросах, касающихся отношений с СССР. И если европейские представители обычно пытались оказать противодействие «санкциям» против Советского Союза, навязываемым Вашингтоном, то японские участники этих встреч чаще всего склонялись к позиции США или в лучшем случае сохраняли «нейтралитет». Советский экономист А. И. Шапиро, говоря об Оттавской встрече (1981 г.), совершенно справедливо отмечал: «Относительный же „нейтралитет“ японского премьера... был куплен в основном ценой полного, но многозначительного молчания об экспортном нашествии его страны на рынки США и Западной Европы»³⁰. Такой вывод справедлив и для характеристики позиции Японии на встречах в Версале (1982 г.) и особенно в Вильямсберге (1983 г.). В результате Токио получает возможность использовать противоречия не только между государствами европейского континента, но между последними и США. Другими словами, надежды на «единый фронт» Западная Европа — США против Японии оказываются иллюзорными: собственные монополистические интересы трех центров империализма явно преобладают над задачами сотрудничества и координации.

Весьма симптоматичен в этой связи подход Японии, стран Общего рынка и США к принципу «свободной торговли». Присущий капитализму и формально декларируемый в эпоху империализма, этот принцип всегда давал преимущества сильным государствам (компаниям) в ущерб слабым. Япония, опираясь на свою более стабильную и слаженную экономику, является активным поборником «свободной торговли». Лидеры США и европейских государств, готовые защищать этот принцип в отношении своего экспорта, настаивают на его ограничении, как только речь заходит о японском импорте. От Токио они требуют «урегулированного» или «контролируемого» обмена. Японский бизнес в ответ не без возмущения указывает, что подобные требования в корне противоречат «рыночной экономике» и «свободному предпринимательству». Как писал С. Окита, один из крупнейших экономистов страны, «мы с Америкой и Европой по су-

ществу разделяем одни политические ценности, и поскольку ослабление так называемого свободного мира может оказать негативное воздействие на саму Японию, нам необходимо вместе на будущее выработать широкую позицию в экономических отношениях между Японией и США, Японией и Европой»³¹. Однако неоднократно предпринятые попытки выработать такую позицию в деле решения противоречий на двусторонней и многосторонней основе на бесконечных правительственных и межправительственных совещаниях так и не увенчались успехом. Закон рынка оказывался и оказывается сильнее всех рекомендаций правительств и экспертов, что подтверждает и ход конкурентной борьбы Западной Европы и США с Японией. Причем последняя не только сохраняет позиционный перевес над своими экономическими противниками, но и наращивает его.

Политический диалог: поле сотрудничества или конфликта?

Совершенно иная картина наблюдается в сфере политических связей, в особенности между Западной Европой и Японией. Именно в политике с особой силой проявляются специфические особенности каждого из трех центров межимпериалистического соперничества. Советские ученые-международники считают, что «усиление роли западноевропейского центра в мировых экономических отношениях... сопровождалось постепенным повышением его удельного веса в системе международных политических отношений современного капитализма»³².

Что касается Японии, то такой вывод был бы, как минимум, преждевременным. Экономическая мощь этой страны еще не приобрела характер политической силы. В настоящее время о самостоятельной роли Японии в этом отношении можно говорить только в определенных пределах, ограниченных в основном Дальним Востоком и ЮВА. Для превращения в «силовой центр» глобального значения ей недостает такого важного компонента, как самостоятельная политическая роль в мире (этот существенный момент неоднократно отмечали многие японские политические деятели). События начала 80-х годов наглядно свидетельствуют о том, что Япония продолжает ограничиваться в сфере глобальной стратегии империализма ролью «помощника» Вашингтона, хотя последний порой и афиширует преднамеренно «самостоятельность» Токио как «партнера», а ныне — и как «союзника». Скованность японского политического курса, связанность с США серьезно ослабляют страну в ее взаимоотношениях с Западной Европой, которая постепенно, но неуклонно укрепляет свои позиции в мировых делах. Оценивая степень политической самостоятельности Японии, французский журналист Ф. Понс писал: «Лавирование в иранском деле, где японцы оказались в тисках между Тегераном и Вашингтоном, поддержка в „экстремальных” условиях американской позиции, бесплодные

попытки Токио играть роль посредника между Ханоем и Пекином — все это говорит о том, что Япония действительно не в состоянии играть международную роль, соответствующую ее экономическому могуществу»³³. И в этом смысле японский центр отличается от западноевропейского, который в значительно более широких масштабах, нежели Япония, проводит самостоятельную политику. Критерием этой самостоятельности в нынешних конкретно-исторических условиях для стран Западной Европы и Японии служит такой индикатор, как отношение к политике Вашингтона, которая зачастую противоречит государственным интересам партнеров США по империалистическому блоку. Определяя меру самостоятельности для своей страны в контексте отношений с США, бывший президент Франции В. Жискар д'Эстен говорил: «Если бы Франция равнялась на политику той или иной страны, то ее политика стала бы весьма несложной, а сама она перестала бы существовать»³⁴. Нынешний президент этой страны Ф. Миттеран также заявлял: «Политика Франции определяется во Франции, и было бы недопустимым, чтобы глава государства позволил себе руководствоваться иными соображениями, чем теми, которые отвечают интересам Франции и французов»³⁵.

Характер экономического взаимодействия Японии с государствами Западной Европы действительно создает сложный узел противоречий и соперничества вследствие приблизительно равных промышленных мощностей. В политике же «силы» они не равны: Западная Европа обладает превосходством перед Японией. В чем причина? Для ответа на этот вопрос необходимо еще раз обратиться к анализу американо-японских отношений.

Существует немало причин, обусловивших зависимость Токио от стратегии США. Они вряд ли могут быть объяснены только тем, что Япония находилась на положении оккупированной страны в 1945—1951 гг., или военно-политическим и экономическим превосходством США над своим дальневосточным союзником. В некоторой степени это верно, но необходимо иметь в виду, что в аналогичной ситуации в то время находилась и часть Германии, которая впоследствии проявила и проявляет ныне большую самостоятельность во внешнеполитических делах, чем Япония. Если же говорить о Франции, обладающей еще меньшим экономическим потенциалом, то она демонстрирует независимую от США позицию по многим внешнеполитическим проблемам, например связанным с событиями в Центральной Америке и на Ближнем Востоке. Следовательно ни факт оккупации, ни превосходящий военно-экономический потенциал не могут удовлетворительно объяснить столь послушное равнение Токио на политику Вашингтона.

Отчасти свою роль играет тип политического мышления правящих кругов Японии, о котором говорилось в первой главе книги. Но анализ и этого фактора был бы недостаточен. Существуют, видимо, и более важные причины.

В условиях глобальной борьбы двух систем Японии, будучи страной монополистического капитала, естественно, выступает в качестве важнейшего отряда антисоциалистических сил в лагере империализма. Вместе с тем, находясь на периферии империалистических центров, причем в соседстве с такими государствами, как СССР и КНР, правящие круги Японии считают, что их страна находится в более уязвимом положении, чем государства западноевропейского блока, к тому же имеющие в своем распоряжении такой военный механизм, как НАТО. Официальный Токио, исходя из совершенно необоснованной посылки о возможности «агрессии» со стороны социалистических стран, полагает, что островное положение Японии в век ракетно-ядерной техники исключает возможность собственными усилиями обеспечить национальный суверенитет без поддержки мощного классового союзника, в данном случае США.

Сказывается и другой момент. Внешнеэкономические интересы Японии ориентированы на ЮВА, Ближний Восток, Латинскую Америку и Африку. Поскольку в этих регионах, по словам профессора Е. Нагаи, США занимают «гегемонистское» положение, постольку этот фактор служит дополнительным стимулом для укрепления связей с Вашингтоном.

И тем не менее среди многих причин, плотно привязавших японскую политику к стратегии США, существует одна, которая могла бы быть охарактеризована как базовая. Это масштабы экономической привязки Японии к американскому центру.

Обычно в анализе торговых взаимоотношений между США и Японией постоянно подчеркивается факт огромного превышения японского экспорта над американским импортом, характерный и для торговых связей со странами Западной Европы. Но это одна сторона. Другая же сторона может оказаться значительно более важной. Если взглянуть на соотношение долей взаимной торговли в общем товарообороте двух стран, то получится иная картина зависимости и взаимозависимости.

Так, в 1970 г. доля США в общей торговле Японии составила в экспорте 30,6 %, в импорте — 29,6 % (оборот — 30,1 %), а доля Японии в общей торговле США — соответственно 13,4 и 14,8 % (оборот — 13,6 %). В 1981 г. эти показатели составили в первом случае 25,4 и 17,7 % (оборот — 21,6 %), во втором случае — 9,3 и 14,4 % (оборот — 10,8 %).

Таким образом, несмотря на снижение удельного веса США в общей торговле Японии за десятилетие, тем не менее примерно $\frac{1}{5}$ ее приходится на американский рынок. Доля же Японии в товарообороте США почти в два раза меньше³⁶. В целом роль японских монополий в американской экономике существенно меньше, чем американского капитала в хозяйстве Японии. Условно-чистая продукция филиалов американских ТНК в Японии составляла в начале 80-х годов 0,7 % ВВП этой страны, в то время как соответствующий показатель для деятельности японских монополий в США не достигал и 0,3 % ВВП³⁷. Это

означает, что взаимозависимость неравномерно распределена между партнерами. Японский центр оказывается более уязвимым, чем американский. Если же рассмотреть позиции сторон с точки зрения обеспеченности продовольствием и энергоресурсами, то степень зависимости Японии от США окажется еще выше.

Ранее говорилось об общей зависимости Японии в сфере продовольствия. Теперь посмотрим, какое отношение к этой зависимости имеют США. За исключением риса, которым Япония обеспечивает себя полностью, из США в 1982 г. было импортировано 58 % пшеницы, 63 % кормового зерна, 80 % кукурузы, 30 % говядины и 96 % (!) соевых бобов³⁸. В свою очередь, значительна и доля Японии в сельскохозяйственном экспорте США: в 1980 г. она составляла 14,8 %, а по отдельным позициям показатели были следующие: лимоны — 59,4 %, говядина — 57,6, грейпфруты — 44,9, свинина — 32,9, битая птица — 14,6 %. Хотя эти цифры говорят о взаимозависимости двух стран, однако необходимо иметь в виду, что экспортер аграрной продукции оказывается в более выгодном положении, чем импортер. В отличие, скажем, от электронного оборудования, которое можно поставить на рынок ограниченного числа государств, продукция сельского хозяйства имеет значительно больше альтернативных рынков сбыта. Поэтому США находятся в более выгодном положении, чем Япония. Не случайно такая «взаимозависимость» столь болезненно воспринимается японцами. Как выразился президент Совета по сельскохозяйственной политике при канцелярии премьер-министра С. Кавано, «зависимость от продовольствия может использоваться в дипломатии как стратегическое оружие»³⁹. Тем более в той дипломатии, которую практикует Вашингтон.

Но это еще не все. Еще более серьезно обстоит дело с энергезависимостью. В 1978 г. энергобаланс Японии строился следующим образом: нефть — 73,9 %, уголь — 15,1, природный газ — 3,4, атомная энергетика — 2,2, гидроэлектростанции — 5,5 %. Примерно 99,8 % необходимой нефти Япония закупает в других странах, из них 78 % приходится на страны Ближнего Востока. Это дает повод говорить, что Япония чрезвычайно зависима от ближневосточного региона. Это одновременно верно и неверно: от ближневосточной нефти — да, от государств Ближнего Востока — лишь в небольшой степени. Так, в 1978 г. 65 % ближневосточной нефти Япония закупала через шесть англо-американских нефтяных корпораций («Бритиш петролиум», «Галф ойл», «Калтекс», «Эксон», «Мобил», «Шелл»). Учитывая этот факт, можно сказать, что и на этом очень важном участке Япония оказывается в непосредственной зависимости от США.

В отношении ядерного топлива Япония зависит от других стран на 100 %, причем 80 % закупок приходится на англо-саксонские страны (США, Канада, ЮАР, Австралия). Такое же положение и с углем: из 72 млн. т 52,9 млн. т, т. е. $\frac{3}{4}$, импорти-

руется из США, Австралии и Канады. Наконец, минеральные ресурсы и редкие металлы закупаются Японией в основном у 10 крупнейших корпораций капиталистического мира, причем шесть из них американские, а четыре — европейские⁴⁰.

Таким образом, Япония по важнейшим экономическим позициям зависит от США. Именно эта экономическая сторона японо-американских отношений и является фундаментом военно-политической зависимости Японии от США, которая, во-первых, делает хрупким и уязвимым так называемое экономическое могущество страны, а во-вторых, — столь же хрупкими и нерешительными попытки Токио время от времени освободиться от этой зависимости.

В предыдущей главе отмечалось, что «комплексное обеспечение национальной безопасности» предполагалось осуществлять путем укрепления союзнических отношений со странами Западной Европы в целях оказания помощи стратегии Соединенных Штатов. Было бы, конечно, неправильно считать, что до выдвижения этой доктрины в начале 80-х годов роль Японии сводилась только к экономическому воздействию на борьбу между системами. Политика Токио имела «выход» и на военно-политические стороны противоборства между социализмом и капитализмом, о котором, по словам крупного японского дипломата Н. Усиба, «мало знают европейцы». В качестве примера он приводит такие акции Японии: значительную финансовую помощь Турции и Пакистану, ассигнования (в размере 70 % всей стоимости работ) на углубление и расширение Суэцкого канала для облегчения прохождения американских авианосцев, обслуживание военных сил США, которые «контролируют Индийский океан». «Все это, — подчеркивает Н. Усиба, — является значительным вкладом для всех стран НАТО»⁴¹.

Вместе с тем отличие этих действий, список которых легко можно продолжить, от планов на 80-е годы заключается в том, что в 70-е годы на политические цели «работали» чисто экономические средства. Ныне же Токио, во-первых, склонен дополнить их дипломатическими и военными средствами, а во-вторых, намерен добиваться их практического осуществления на базе совместно выработанной тактики и стратегии всех центров империализма. С подобными призывами к странам Западной Европы лидеры Японии обращались давно, в том числе и на сессиях Трехсторонней комиссии, действующей с 1973 г. В 80-е годы Япония перешла от слов к делу. Тем самым страна, которая, по выражению Н. Усиба, «частично (экономически) входила в трехсторонний мир, а частично (политически) находилась вне его», имеет реальные шансы стать полноправным членом «стратегического треугольника» в системе империализма.

За попытками наладить координационные связи с Западной Европой и сыграть роль «ключевого звена» между США и европейскими членами НАТО помимо основной задачи — обеспечения «фундаментальной безопасности» Запада — скрываются и

собственные интересы правящих кругов Японии. Оставаясь на правах младшего военно-политического партнера США, Токио вынужден проводить линию Вашингтона в Европе, особенно по вопросам разрядки и политики в отношении социалистических государств. Но и из этой ситуации японские политические деятели намерены извлечь для себя выгоды. Проявляя, как однажды выразилась газета «Монд», «верноподданнические чувства к Вашингтону», Токио рассчитывает на повышение своего статуса в рамках союза с США, как наиболее верного и последовательного политического партнера.

В еще большей степени актуализация политических связей с европейскими государствами необходима Токио для снижения значимости торгово-экономических проблем. Наглядным подтверждением этого служит поведение японских представителей на встречах «большой семерки». Делегация Японии упорно уходит на них от обсуждения экономических вопросов, на решении которых в первую голову настаивают европейские представители, и пытается перевести ход переговоров на политические рельсы. Особенно наглядно это проявилось на Вильямсбергской встрече, на которой японский премьер-министр взял на себя роль «координатора» по сплочению политических усилий Запада против Советского Союза ⁴².

Безусловно, в контексте глобальной антикоммунистической стратегии империализма Западная Европа представляет один из мощных центров борьбы против социализма, коммунистического и национально-освободительного движения. В этом смысле капиталистические государства Европы озабочены негативными для них изменениями в мире ничуть не меньше, чем Япония. Они уже давно встали на путь интеграции и кооперации как между собой, так и с США через механизмы Общего рынка и НАТО. Разумеется, европейские государства объективно заинтересованы в развитии политических контактов с Японией, хотя бы ради того, чтобы, как выразился глава делегации ЕЭС на совещании в Японии (ноябрь 1980 г.), «экономические трудности не переросли в политический конфликт» ⁴³.

Однако классовое единство мировых центров буржуазии в подходе к основным противоречиям современности отнюдь не исключает серьезных разногласий не только в сфере экономики, но и политики. Как говорилось в Отчетном докладе на XXVI съезде КПСС, «трудности, которые испытывает капитализм, влияют и на его политику, в том числе на политику внешнюю. Обострилась борьба вокруг основных вопросов внешнеполитического курса капиталистических стран. В последнее время заметно активизировались противники разрядки, ограничения вооружений, улучшения отношений с Советским Союзом и другими странами социализма» ⁴⁴.

Известно, что наибольшее развитие политика разрядки получила в Европе. Насколько прочны оказались ее корни, свидетельствует тот факт, что, несмотря на усилия Вашингтона по-

дорвать этот позитивный процесс, в частности путем размещения ракет «першинг» и «томагавк» на европейском континенте, руководители ряда государств Западной Европы продолжают выступать за развитие разрядки. Даже руководители тех стран, на территории которых началось размещение американских ракет, пытаются нащупать варианты политического урегулирования проблем в отношениях между Востоком и Западом.

К диалогу с Советским Союзом призывают и некоторые политические деятели и академические круги Японии. Взаимным интересам капиталистических стран, в том числе государств Западной Европы и Японии, отвечал бы, по мнению профессора М. Нисихара, как минимум, отказ от «провоцирования СССР». «Было бы неумно,— пишет М. Нисихара,— демонстрировать Москве возможность сосуществования с некоммунистическими странами и в то же время ставить ее в положение окруженной враждебными промышленными державами». В этой связи М. Нисихара положительно оценивал «сдержанность ФРГ и Франции в вопросе экономических санкций против Москвы»⁴⁵.

Но правительство Японии предпочитает следовать за зигзагами курса США. Когда в 70-е годы Белый дом сам ратовал за политику разрядки международной напряженности, официальный Токио высоко оценивал действия своего союзника. Во время визита канцлера ФРГ Г. Шмидта в Японию в октябре 1978 г. высшие чиновники японского правительства подтвердили свою готовность «поддерживать американско-советскую разрядку». Правда, подобная позиция не сопровождалась практическими действиями Токио в пользу наращивания элементов разрядки, хотя бы в азиатском регионе.

Отказ США от политики разрядки напряженности на рубеже 70—80-х годов опять же встретил положительный отклик у правительства Японии. Более того, чтобы продемонстрировать союзнический «долг», Токио вызвался оказать в том же направлении давление на западноевропейские государства. Судя по прессе, именно такие задачи ставил перед собой министр иностранных дел Японии М. Ито во время своего вояжа в ноябре 1980 г. по ряду стран Западной Европы. Но попытки М. Ито склонить их к отказу от «диалога с Москвой» на тот момент оказались малоуспешными. Ему дали понять, что западноевропейские правительства, в отличие от Японии, не склонны безоговорочно следовать за политикой Вашингтона. Характерно признание самого М. Ито: «Я думал, что хорошо разбираюсь в проблемах разрядки и сокращения вооружений. Теперь вижу, что мои токийские знания оказались недостаточными»⁴⁶.

Перед поездкой Д. Судзуки в Западную Европу газета «Асахи» выражала надежду, что премьер-министр в большей степени посчитается с политикой западноевропейских стран, которые «не идут в ногу с администрацией Рейгана в вопросах отношений с СССР». Однако этого не произошло. Видимо, под впечатлением переговоров в Вашингтоне в мае 1981 г. Д. Судзуки при-

звал собеседников к сколачиванию своего рода «Священного союза» во главе с США. Еще дальше пошел Я. Накасонэ на Вильямсбергской встрече. Поддержав американскую политику с «позиции силы», он активнее всех участников ратовал за размещение новых американских ракет в Европе. Поведение Я. Накасонэ на этой встрече дало повод японской печати назвать его «ястребом международного масштаба»⁴⁷. Хотя лидеры основных крупных государств Западной Европы также поддались американскому давлению, все же они, в отличие от японских руководителей, продолжают проявлять заинтересованность в продолжении «диалога с Москвой».

В еще большей степени контраст между позициями Японии и европейских держав обнаруживается в их подходе к торговым отношениям с Советским Союзом. Как известно, в ответ на требования США предпринять экономические «санкции» против СССР Токио резко свернул деловые контакты с Советским Союзом. Тем самым, писалось в японской прессе, руководители страны еще раз продемонстрировали «угодливость» перед своим океанским союзником.

Иную позицию заняли капиталистические страны Европы. Отдавая себе отчет в том, что торгово-экономическое сотрудничество с социалистическими государствами не только отвечает обоюдным интересам, но и является собой важнейший компонент разрядки, они отклонили требования Вашингтона. Более того, западноевропейские предприниматели, воспользовавшись отказом Японии и США развивать экономическое сотрудничество с СССР, получили возможность подписать ряд дополнительных контрактов, реализация которых планировалась на основе взаимодействия с американскими и японскими фирмами. В результате Япония перешла со второго на пятое место в качестве торгово-экономического партнера СССР. Как писал орган деловых кругов Японии, «наши предприниматели и экспортеры были крайне раздражены европейскими компаниями, „укравшими“ их бизнес»⁴⁸.

Правительство Японии, вместо того чтобы учесть широту взглядов европейцев, сделало из этого выводы, явно не отвечающие интересам своей страны. Сначала оно обратилось к Вашингтону с просьбой потребовать от европейских союзников отказать от экономического сотрудничества с Советским Союзом. Когда американские усилия в этом направлении не привели к результатам, Токио сам пытался склонить правительства ряда стран поддержать антисоветские «санкции». Однако М. Ито, на которого была возложена эта задача, и в данном вопросе потерпел полное фиаско. Давая оценку действиям своего предшественника, министр иностранных дел С. Сонода заявил: «Смешон сам факт, что Япония возглавила движение санкций против Советского Союза»⁴⁹.

Подобные действия японского правительства вызвали недовольство среди торгово-промышленных кругов страны. В част-

ности, президент «Синниппон сэйтэцу», самой крупной сталелитейной компании в капиталистическом мире, Э. Сайто, обращаясь к правительственным чиновникам в Токио, рекомендовал им «внимательно следить за действиями западноевропейских стран, которые отнюдь не следуют односторонне за США в принятии мер против Советского Союза»⁵⁰.

Как известно, на версальской встрече «большой семерки» Р. Рейган вновь потребовал свернуть торгово-экономические связи с Советским Союзом. Реакция ФРГ, Франции и Канады на эти требования была резко отрицательная, а Япония «не проявила энтузиазма». И хотя на встрече было достигнуто формальное согласие на некоторое ужесточение в деле кредитования экспорта в социалистические страны, каждая из сторон зарезервировала за собой право самостоятельно интерпретировать заключительную декларацию. Несмотря на последующие настояния Вашингтона объявить торговую войну Советскому Союзу, руководители западноевропейских государств (ФРГ, Франции, Англии, Италии) заявили о твердом намерении сохранить взаимовыгодную торговлю с Востоком. Учитывая позицию Западной Европы, а также критику со стороны собственного бизнеса, на этот раз и японский кабинет отказался подчиниться Вашингтону. Токио направил Вашингтону ноту протеста, в которой говорилось, что «принятые США экономические санкции в отношении СССР являются мерой, вызывающей недоумение с точки зрения норм международного права». Кроме того, американские «санкции», считают в Токио, «окажут крайне негативное воздействие на экономику Японии, затормозят международное техническое сотрудничество»⁵¹. В результате ряд японских компаний возобновили поставки в СССР оборудования в соответствии с договоренностью, приостановленной в свое время «в силу международных обстоятельств».

Однако наряду со стремлением найти общую линию поведения на мировой арене расхождения в позициях Японии и Западной Европы по многим другим политическим вопросам продолжают сохраняться. Тонкая ткань согласия, вырабатываемая общими усилиями по тем или иным проблемам, постоянно рвется. Примером может служить вопрос о совместной политике Японии и Западной Европы по ближневосточным проблемам. Один из руководителей ЕЭС, голландец Л. Я. Бринкхорст, выдвинувший идею «широких перспектив» в развитии отношений между Японией и Общим рынком, поставил вопрос о сотрудничестве сторон на Ближнем Востоке, прежде всего в отношении государств ОПЕК. «Интересы Японии и ЕЭС,— подчеркивает Л. Я. Бринкхорст,— в данном случае более близки, чем аналогичные интересы между Японией и США или между последними и Общим рынком»⁵².

Действительно, громадная зависимость от поставок арабской нефти и той, и другой стороны определяет обоюдную заинтересованность в стабильной ситуации на Ближнем Востоке и тем

самым, казалось бы, создает объективную основу для общей линии поведения в отношении государств региона. Но это в теории. На практике, как уже говорилось, Япония получает большую часть импортируемой ею ближневосточной нефти через посредство американско-английских компаний. Именно этот факт и предопределяет поддержку японским кабинетом политики США на Ближнем Востоке. Так, в отличие от позиции ряда стран ЕЭС японское правительство безоговорочно одобрило сепаратное кэмп-дэвидское соглашение, затем высказалось в поддержку так называемого второго «кэмп-дэвидского соглашения», заключенного в 1982 г. между США, Израилем и Ливаном (аннулированного в 1983 г. ливанской стороной).

Почти десять лет назад итальянский публицист Дж. Лючани писал: «У США и Японии много общих интересов, в том числе и помимо торговли. Отношения же между Японией и ЕЭС, хотя они и принадлежат в теории к одному блоку, в действительности не характеризуются никакими общими интересами, помимо торговли»³³. Сказано сильно, но, пожалуй, неверно. Общие интересы у Западной Европы и Японии, в том числе и политические, безусловно, есть. Есть и общие цели. Единственное чего нет, так это единых рецептов для их достижения. Но таких рецептов не может и быть, потому что «планируемая» или «координированная» политика империалистических государств сопряжена с их взаимным соперничеством, порождаемым рыночной конкуренцией как между отдельными странами, так и между центрами империализма. Взаимоотношения между Японией, США и Западной Европой подтверждают этот тезис.

Глава третья

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

Азиатско-тихоокеанский регион рассматривается правящими кругами Японии как основной объект ее внешней политики. Удаленность региона от двух других центров империализма и подавляющее экономическое превосходство Японии над странами Дальнего Востока, ЮВА и Океании, вместе взятыми¹, являются, как считают в Токио, достаточным основанием если не для единоличного лидерства, то по крайней мере для преобладающего влияния в этом обширном районе земного шара. Вплоть до начала 80-х годов основным средством, обеспечившим Японии весомые позиции в регионе, служила внешнеэкономическая экспансия, поставившая большинство стран в непосредственную экономическую зависимость от монополистического капитала. Так, на долю дальневосточного центра империализма в 1981 г. приходилось: 27 % — экспорта и 24 % — импорта стран АСЕАН, 13,2 % — экспорта и 25,5 % — импорта Тайваня, 17,4 % — экспорта и 26,3 % — импорта Южной Кореи (на 1980 г.), 34 % — экспорта и 20 % — импорта Австралии.

Вместе с тем и японская экономика оказалась глубоко втянутой в хозяйственные связи региона. В 1982 г. 32,6 % японского экспорта и 34,0 % импорта приходилось на страны этого района (включая СССР и КНР). Среди 10 стран, занимающих ведущее место в японском экспорте, 7 — страны Азии и Тихого океана: они поглощали 24,4 % японского экспорта. В то же время 25,3 % импорта поступало из 6 стран данного региона, входящих в первую десятку стран — импортеров Японии.

Аналогичное положение и в распределении капиталовложений. На азиатско-тихоокеанскую зону приходится 33,7 % японских инвестиций (за 1951/52—1982/83 фин. годы), причем доля Дальнего Востока и ЮВА составляла 14,6 млрд. долл. (27,4 %), Океании — 3,4 млрд. долл. (6,3 %) ².

Япония чрезвычайно зависит от товарных поставок из этого региона, в первую очередь энергоресурсов и минерального сырья. Она вывозит отсюда 44,6 % потребляемой ею железной руды, 58,1 % — свинца, 97,5 % — никеля, 89,5 % — бокситов, 41 % — угля, 24,1 % — нефти, 54,5 % — природного газа, 25,9 % — марганцевой руды, 24,7 % — хрома, 37,9 % — вольфрама, 81,7 % —

титановой руды, 100 % — каучука, 50 % — хлопка-сырца, 46 % — древесины, 29,3 % — сахара, 24,2 % — медной руды, 65,5 % — растительного масла, 59 % — олова³.

В соответствии с планами диверсификации источников энергии удельный вес азиатско-тихоокеанского региона во внешней политике Японии должен возрасти еще больше. Такая перспектива, по мнению авторов японских прогнозов, будет вызвана несколькими причинами. Одна из них связана с предполагаемым понижением доли Ближнего Востока в импорте нефти и повышением доли в этом импорте КНР, Индонезии и других стран ЮВА, которая в 90-е годы должна составить $\frac{1}{3}$ всего объема импортируемой Японией нефти⁴. Другой фактор, способствующий повышению значимости региона, — это увеличение возможностей Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи, Гонконга, Тайваня, а также, вероятно, и Индонезии в деле поглощения японской экспортной продукции. На эту тенденцию рассчитана в определенной степени нынешняя реиндустриализация японской промышленности, предусматривающая перебазирование «грязных» отраслей производства (например, нефтехимии) в некоторые страны региона — на Филиппины, в Малайзию, Индонезию.

Однако как сохранение нынешних позиций Японии, так и в особенности их усиление в будущем зависит от социально-политической обстановки в каждой стране и в целом от расстановки сил в азиатско-тихоокеанском регионе, прежде всего в зоне ЮВА, которая не раз являлась ареной острого противоборства национально-освободительных движений с силами империализма и реакции.

Поражение США во Вьетнаме и последовавший затем относительный спад активности Вашингтона в регионе был воспринят в Токио как удобный шанс укрепить свое влияние. Хотя в японской пропаганде эта идея подавалась как решимость страны отстаивать интересы «всего Запада», на самом деле речь шла об обеспечении интересов собственного монополистического капитала, о готовности заблаговременно нейтрализовать негативные с его точки зрения процессы в регионе. Идеейно-теоретической основой внешнеполитического курса Токио в 70-е годы служила концепция «мира и стабильности в Азии», сформулированная под воздействием имевшей место в этом десятилетии тенденции к разрядке в мире. Эта концепция предусматривала интенсивное экономическое развитие со странами региона и политическое решение конфликтных ситуаций на Корейском полуострове и в ЮВА.

Но уже с конца 70-х годов в правящих кругах Японии зрели и иные варианты обеспечения «мира и стабильности в Азии». К началу 80-х годов они в большей степени стали соответствовать новому американскому курсу, чем выдвинутая в 1980 г. премьером М. Охира идея «Азиатско-тихоокеанского сообщества» с упором на экономические формы экспансии. В рамках

борьбы между двумя системами дальневосточному центру как главному форпосту империалистической стратегии в Азии и на Тихом океане придавалось исключительное значение. Среди той части правящих кругов Японии, которая стала определять внешнеполитический курс страны, поворот в политике США на международной арене был оценен как крайне благоприятный в деле осуществления планов, которые вынашивали многие японские политики и представители монополистического капитала еще со времен незавершенной буржуазной революции Мэйдзи. Влиятельные круги в Японии, используя новые средства и приемы, стремятся вернуть те позиции, которых японский милитаризм лишился в результате поражения во второй мировой войне.

Новые цели и задачи внешней политики Токио, как уже говорилось, были сформулированы в доктрине КОНБ. Здесь необходимо сделать лишь одно дополнение. Нынешняя доктрина расширяет границы японской «безопасности», по сути дела, на весь мир, поскольку, как часто говорят в Токио, Япония является членом Запада и одновременно остается азиатской страной. Это неслучайная формулировка. Ее первая часть должна означать, что Токио волнуют проблемы безопасности всего Запада, т. е., по существу, продемонстрировать верность Японии классовой солидарности с другими странами капиталистического мира. Когда же речь идет о Японии как азиатской стране и о «безопасности» в Азии, то в данном случае обнаруживаются собственные геополитические интересы правящей Японии. Из такой посылки вырисовывается два основных направления в деле обеспечения «безопасности»: «северное» и «южное». В отличие от довоенного периода реализация установок в «северном» направлении связывается с совместными усилиями в рамках западного альянса. Такой вариант внешнеполитического поведения предполагает всемерное содействие всеобщей ядерной стратегии нынешней американской администрации и союзников США⁵. Это, так сказать, на «глобальном» уровне. На региональном же уровне данное направление связано с попытками оказать противодействие политике СССР и его союзников в азиатско-тихоокеанском регионе и служить активным «помощником» США в первую очередь на Дальнем Востоке, т. е. в районе, в котором сконцентрированы военно-стратегические интересы США, СССР, КНР и Японии.

Особое значение при этом в Токио, помимо поддержки южнокорейского режима и консервации нынешнего статуса Тайваня, придается политике Китая, в основном через призму состояния американо-китайских отношений. Причем обстановка оценивается как благоприятная при условиях сохранения напряженности между Советским Союзом и КНР и развития в то же время дружеских взаимоотношений между Пекином и Токио, Пекином и Вашингтоном⁶.

Но, как уже говорилось, японская «безопасность» не ограничивается «северным» направлением. Правящие круги Японии

не забывают, и это в особенности оговаривается в доктрине КОНБ, наиболее притягательную для них, традиционную сферу «безопасности» — «южное направление», для обеспечения которой также может понадобиться сила. Видимо, не случайно в «Белой книге по обороне» за 1980 г. «безопасность» ЮВА была впервые увязана с «безопасностью» собственно Японии. Из доктрины КОНБ вытекают следующие задачи в отношении этого направления: теснее сплотить на антикоммунистической основе членов АСЕАН и побудить их отказаться от политики нейтралитета и неприсоединения, поддержать состояние напряженности и взаимного недоверия между членами этой группировки и тремя странами Индокитая. В свою очередь, сохранение конфронтации в ЮВА, по мнению японских стратегов, заставит государства Ассоциации искать поддержку у США и Японии и проявлять терпимость к экономической экспансии последней в регионе.

КНР во внешней политике Японии

В 70-е годы наибольшее развитие в политике Токио получило «китайское» направление. Высокая степень интенсивности японской дипломатии в этом направлении определялась и определяется суммой взаимосвязанных факторов как внутреннего, так и международного порядка.

Особое значение придавалось военно-политической силе и экономической мощи КНР, факторам, определяющим место той или иной страны в мировом сообществе. В духе популярной в начале 70-х годов теории «многополярности» Китай рассматривался в качестве одного из углов «трехполюсного мира»⁷. Официальные политики Японии неоднократно подчеркивали, что США, СССР и КНР несут наибольшую ответственность в международных делах.

Причиной для такого преувеличенного представления о месте Китая в мире в те годы скорее всего служили конъюнктурные соображения, связанные с особенностями в политике Пекина. В последующие же годы, приблизительно к концу 70-х годов, завышенные оценки силы и мощи КНР сменились взглядами, более скромно определяющими вес этого государства в мировом сообществе.

При этом правящие круги Японии, конечно, отдают себе отчет в том, что Китай не «второразрядная» держава. По экономической мощи (в абсолютных цифрах) он входит в десятку крупнейших стран мира (по ВВП — на шестом месте), по совокупному военному потенциалу уступает только США и СССР, а как политическая сила проявляет себя в различных регионах земного шара⁸. Все названные факторы приобретают для Токио тем большее значение, что КНР расположена в непосредственной близости от Японии.

Следовательно, и внешняя политика КНР, ее характер и направленность имеет прямое отношение к проблемам японской «безопасности». Главное внимание при этом уделялось и уделяется состоянию и перспективам советско-китайских отношений. Их осложнение воспринимается в Токио как благоприятный фактор для империализма в целом, для Японии в частности. Как писали авторы одной из фундаментальных монографий, «китайско-советское противостояние является наиболее важным историческим событием современного мира... Кроме того, оно оказало серьезное воздействие не только на дипломатию нашей страны, но и на внутривнутриполитическую ситуацию»⁹. Подобная убежденность, разделяемая политическими кругами Японии, уже сама по себе является существенным фактором для налаживания межгосударственных отношений с КНР.

С нескрываемым беспокойством следят в Токио за изменениями во внутривнутриполитической ситуации в КНР, создающими нестабильную обстановку в стране, что постоянно сказывалось на двусторонних японо-китайских отношениях. Красноречивым свидетельством этого служит снижение темпов торговли в разгар борьбы между «левыми» и прагматиками в 1976 г. Так, после нормализации отношений в 1972 г. объем торговли, если сравнивать ежегодный прирост, в 1973 г. увеличился в 1,8 раза, в 1974 г.— в 1,6, в 1975 г.— в 1,2, в 1976 г.— в 0,8 (т. е. снизился по сравнению с предыдущим годом), в 1977 г.— в 1,1, в 1978 г.— в 1,5 раза. Поэтому укрепление позиций нынешних руководителей в Китае было встречено с удовлетворением всеми звеньями правящих кругов Японии. Самым важным моментом во внутривнутриполитических мероприятиях китайского правительства они считают модернизацию экономики КНР, прежде всего на основе сотрудничества с Западом. В такой политике деловые круги Японии видят большие резервы для развития торгово-экономических связей, для освоения китайского рынка. По их мнению, нынешние руководители Пекина добились внутривнутриполитической стабильности, являющейся предпосылкой для осуществления прозападной политики на международной арене без тех колебаний, которые были характерны для Мао Цзэдуна и «левых» в предыдущие годы. С удовлетворением восприняло японское правительство высокую оценку значимости для КНР отношений с Японией, данную китайскими лидерами на XII съезде КПК. И хотя Токио в перспективе не исключает возврата Китая к противодействию США, прозападная политика КНР в некоторых регионах земного шара вселяет оптимизм в руководителей Японии.

Вместе с тем надо иметь в виду, что на характер и интенсивность японо-китайских отношений существенное влияние оказывает ориентация Токио на Вашингтон. Именно этим объясняется тот факт, что проявленная правительственными деятелями Японии заинтересованность в налаживании отношений с КНР в 50-е годы и особенно в первой половине 60-х годов не полу-

чила должного развития. Только поворот США в сторону сближения с КНР в начале 70-х годов позволил японскому правительству установить дипломатические отношения с Пекином. Похожая ситуация возникла и в ходе подготовки заключения договора о мире и дружбе. Во второй половине 70-х годов японский кабинет из-за неопределенности политики США по отношению к КНР в эти годы долго не мог выработать собственную позицию в этом вопросе. Как только позиция США прояснилась, сразу же переговоры между Японией и КНР активизировались, и договор был подписан 12 августа 1978 г.

Японские ученые, анализируя влияние Вашингтона на ход японо-китайских переговоров, отмечали, что в условиях «сбоя» разрядки международной напряженности США более откровенно пытались наладить сотрудничество на антисоветской основе в рамках треугольника США — Китай — Япония. Так, с одной стороны, они провоцировали Токио на обострение отношений с Советским Союзом, а с другой — требовали скорейшего подписания договора с Китаем, который, по мысли Вашингтона, мог заложить основы американо-японо-китайского альянса¹⁰. Подписание японо-китайского договора показало, сколь существенно воздействует американский фактор на политику Японии в отношении КНР.

Вместе с тем отдельные политические шаги Вашингтона, предпринятые в отношениях с Китаем без согласования или хотя бы предварительного извещения Токио о них, вызвали нескрываемое раздражение среди политических деятелей Японии. Вашингтон, учитывая эту реакцию и одновременно опыт своих отношений в рамках «треугольника», пришел к выводу о необходимости предварительного согласования с Токио таких шагов по отношению к Китаю. В результате на свет появилась идея о «скоординированной» политике союзников в отношении КНР. Впервые эта идея нашла свое отражение в совместном американо-японском коммюнике 1979 г.: «Как Соединенные Штаты, так и Япония стремятся к конструктивным отношениям с Китаем и будут проводить такой курс в согласии друг с другом». В коммюнике, подписанном Р. Рейганом и Д. Судзуки в 1981 г., по существу, та же мысль была выражена термином «сотрудничество».

Усиление элементов согласованности в политике США и Японии с приходом к власти президента Рейгана отражало новый этап в американо-японских отношениях и применительно к Китаю. Они стали откровенно квалифицироваться как «союзнические». Учитывался и еще один момент: новая американская администрация, в отличие от предшествующих, не ограничивалась оценкой китайского фактора как возможного, по их мнению, антисоветского центра, она принимала во внимание и другие аспекты пекинской политики, которые не исключают негативных моментов для американской стратегии. И в этом смысле излишняя активность Токио в отношении связей с Китаем (например,

намерение продать КНР сложную электронную аппаратуру) не устраивает Вашингтон, в связи с чем идея «согласованности» была перенесена с уровня «обмена мнениями» на уровень непосредственных действий. В то же время администрация Рейгана продолжает политику администрации Картера, имевшую целью развивать отношения между США, Японией и КНР таким образом, чтобы «совместить их долгосрочные усилия по сдерживанию угрозы наращивания вооруженной мощи Советского Союза»¹¹.

Однако вряд ли следует полагать, что политика Японии в отношении КНР осуществляется под знаком перманентного давления США на японскую дипломатию. Хотя вероятность нажима со стороны Вашингтона существует постоянно, реально он имеет место лишь тогда, когда Япония в своих отношениях с Пекином или слишком забегает вперед (так было в 50-е и 60-е годы), или отстает (как было в период переговоров о заключении договора с КНР), в том и другом случае отрываясь от своего влиятельного союзника. Претворение в жизнь идеи согласованной политики призвано предотвратить подобные отклонения.

Общность, параллелизм интересов США и Японии в сфере международных отношений азиатско-тихоокеанского региона проявляются достаточно ясно.

США заинтересованы в китайско-японском сближении, прежде всего на основе антисоветизма, поскольку такого рода сближение наносит ущерб развитию советско-японского сотрудничества, что полностью вписывается в нынешнюю политику Вашингтона. Япония, со своей стороны, не меньше, чем США, заинтересована в закреплении антисоветизма во внешней политике Китая (хотя и по другим причинам) и также стремится содействовать сохранению и углублению соответствующего курса пекинских руководителей.

Единого подхода Вашингтон и Токио придерживаются и по вопросу о необходимости и выгоды сохранения напряженности в советско-китайских отношениях, которая, по их мнению, представляет собой важнейший фактор поддержания выгодного, с точки зрения интересов американско-японского союза, баланса сил на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

Как в Вашингтоне, так и в Токио, по существу, солидаризировались с негативным отношением китайского руководства к идее коллективной безопасности в Азии, к выдвинутой на XXVI съезде ЦК КПСС инициативе о распространении на Дальнем Востоке мер взаимного доверия, к предложению МНР относительно заключения Конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. Позиция Пекина по данным вопросам служит одним из главных официальных предлогов для США и Японии для отказа от обсуждения идеи организации системы безопасности в Азии на коллективных началах и переговоров о мерах доверия на Дальнем Востоке.

В целом, несмотря на неодинаковую значимость китайского фактора для США и Японии, в начале 80-х годов общность интересов преобладала над различиями в политике этих стран по отношению к КНР.

При этом необходимо подчеркнуть, что формирование и осуществление «согласованной» политики происходит преимущественно под влиянием американских стратегов и отнюдь не во всех своих аспектах отвечает национальным интересам Японии. Это вынуждены признать и те японские ученые, которые вовлечены в процесс формирования внешней политики Токио. В частности, авторы полуофициального издания Института мира и безопасности, возглавляемого бывшим ректором Военной академии М. Иноки, подчеркивают, что «двусторонние отношения Японии и Китая являются отражением двусторонних отношений между США и КНР». Это происходит потому, что хотя «Япония в определенной степени и может быть независимой, тем не менее она не может отходить слишком далеко от широких стратегических установок американской внешней политики»¹².

Китайская часть японской концепции «мира и стабильности в мире» с самого начала увязывалась с политикой в отношении Советского Союза и была воплощена в принципе «равных расстояний» («токёри гайко») от СССР и КНР, прежде всего предусматривавшем невмешательство в советско-китайские взаимоотношения.

В 1972—1978 гг. политика Японии осуществлялась в основном в соответствии с провозглашенными установками. Продвижение в японо-китайских отношениях сопровождалось развитием связей с Советским Союзом. Это проявилось в готовности японского правительства вести политический диалог с советской стороной, в том числе и по вопросу заключения мирного договора, в стремлении активизировать экономическое сотрудничество и по ряду других направлений. Однако уже тогда в реальной политике Токио просматривалось желание использовать проблемы, имеющие место в советско-китайских отношениях, в своих целях. Возможные выгоды при этом связывались с ожиданиями, что эти проблемы «будут стимулировать Советский Союз и Китай на сближение с США и Японией»¹³. Соблазн получить «некие дивиденды» путем маневрирования между Москвой и Пекином, стремление подогреть интерес партнеров к соперничеству за «влияние на Японию», используя тактику сближения то с одной, то с другой стороной, постепенно стали приобретать реальные очертания в политике японского правительства. Такие «игры», как считала японская пресса, должны были «побудить Советский Союз более энергично подойти к вопросу о заключении японо-советского мирного договора с благоприятным решением территориальной проблемы в пользу Японии»¹⁴.

Подписание договора о мире и дружбе с КНР и в то же время нежелание обсуждать проект договора о добрососедстве и сотрудничестве, предложенный Советским Союзом, означали

отказ от принципа «равных расстояний» и переход к новым вариантам политики, чуть позже оформившейся в доктрине КОНБ.

Какие же конкретные задачи ставит Токио в отношении КНР в рамках этой доктрины?

Поскольку «национальная безопасность» тесно увязана с «экономической безопасностью», то основным направлением политики Японии в отношении Китая является развитие торгово-экономического сотрудничества. При этом старые формы взаимодействия (торговля, кредиты на компенсационной основе) предполагается дополнить новыми, в частности участием в создании смешанных предприятий в Китае. Авторы доктрины учли опыт экономического сотрудничества с КНР в 70-е годы, когда имелись случаи невыполнения Пекином принятых на себя обязательств. Японские эксперты не исключают аналогичных действий и в будущем, которые могут быть вызваны, во-первых, политической нестабильностью внутри страны, во-вторых, просчетами Пекина в экономических программах, в-третьих, увеличивающейся потребностью КНР в сырье для собственной экономики (сырье — основная экспортная статья Китая) и политической диверсификации экспортных рынков. Исходя из этого, эксперты в рекомендациях правительству и деловым кругам настаивали на взвешенном подходе, избавленном от «эмоциональной предубежденности». Такая позиция, по их мнению, отвечает духу «реалистической политики», которой необходимо следовать Токио в отношениях с Китаем в 80-е годы.

Но одного «реализма» мало. Необходима еще «уверенность» в надежности партнера, которая зависит от внутривнутриполитической стабильности. В доктрине указывается, что не менее важной задачей является содействие стабильности в Китае, которую в японских политических и деловых кругах связывают с упрочением позиций нынешних руководителей КНР. Но поскольку Япония ограничена в использовании военной силы, то «единственным средством, которое имеется в ее распоряжении, остается манипулирование экономическим сотрудничеством»¹⁵. Другими словами, взаимоотношения с Китаем призваны не только обеспечить экономические выгоды, но и отвечать политическим целям, о которых совершенно откровенно говорил премьер-министр Д. Судзуки в интервью журналу «Бизнес уик»: «Мы должны сделать максимум возможного, чтобы Китай оставался в одном ряду с западными странами, и избегать толкать его в объятия Советского Союза»¹⁶.

Следовательно, содействие «стабильности» в КНР выступает одной из важнейших задач японской дипломатии, призванной втянуть Китай в военно-стратегические планы Японии и США, подготовить почву для постепенной интеграции в экономическую структуру западного мира и создать препятствия на пути нормализации советско-китайских отношений.

Но если в данном вопросе в правящих кругах Японии есть группы, не разделяющие официальную линию Токио в отношении КНР, то по другим вопросам, связанным с китайским фактором, консенсус соблюден полностью. Речь идет о сбалансированном, точнее, о попытках сбалансированного подхода к странам АСЕАН, Южной Корее и Тайваню. Взаимодействие Японии с Китаем в 70-е годы вызвало озабоченность и опасения других азиатских партнеров Токио. Правительственные круги пришли к выводу о необходимости строить отношения с КНР в тех масштабах и пределах, которые не вызвали бы противодействия со стороны дружественных государств региона. Этот момент был специально оговорен еще М. Охира в беседах с официальными лицами в Пекине в декабре 1979 г. В рекомендациях правительству аналитики и эксперты настаивают на том, чтобы политика в отношении КНР сопровождалась не менее энергичной политикой в отношении Южной Кореи и стран ЮВА, а что касается Тайваня, то необходимо подтвердить «уважение законных прав тайваньского народа и настаивать на мирном решении тайваньской проблемы со стороны Китая»¹⁷.

Что касается военных вопросов в связи с Китаем, то Токио исключает развитие военного сотрудничества, исходя прежде всего из неясности будущей китайской стратегии. Оправдывая подобный подход перед своими союзниками, японские официальные лица объясняют его разницей в геостратегическом положении партнеров по западному блоку. Другими словами, существование «сильного Китая», отмечал, в частности, Н. Усиба, может быть и выгодно США и странам Западной Европы с точки зрения их конфронтации на западных рубежах с СССР, для Японии оно чревато непредсказуемыми последствиями¹⁸.

Таков в наиболее общих чертах комплекс задач, образующий сегмент внешней политики Токио в отношении КНР в соответствии с доктриной КОНБ. Как же эти задачи выполняются на практике?

Установление дипломатических отношений между Токио и Пекином было оценено в столицах обеих стран как эпохальное событие в истории японо-китайских отношений, способное оказать серьезное воздействие на международную обстановку в Азии и на Тихом океане. В тот момент многие ученые, в особенности западные, считали, что нормализация между двумя странами «символизировала начало новой эры в японской внешней политике»¹⁹. Имелось в виду, что эта акция подтолкнет Токио к самостоятельной и независимой от США позиции в международных делах. Аналогичным образом оценивались торговое соглашение и договор о мире и дружбе между Японией и КНР, заключенные в 1978 г. Политические круги двух стран рассматривали эти события как свидетельство скачкообразного развития двусторонних отношений и подчеркивали их кардинальное влияние на расстановку сил в азиатско-тихоокеанском регионе.

Чтобы выяснить истинное значение указанных оценок и степень реализации целей Токио в отношении КНР, обратимся к анализу конкретных результатов, достигнутых в ходе японо-китайского взаимодействия с 1972 г.

Индикатором поступательного развития связей между странами выступает объем отношений, и прежде всего его материальная часть, т. е. уровень и масштабы экономического сотрудничества, причем не в абсолютных, а относительных выражениях. На последнее особенно необходимо обратить внимание, так как зачастую преувеличенные оценки о месте сторон, например во взаимной торговле, вытекают из анализа темпов ее роста в абсолютных величинах. Так, японо-китайская торговля с 1970 по 1980 г. выросла более чем в 10 раз. Но и японская торговля в целом за эти же годы выросла многократно (приблизительно в пять раз). Поэтому реальную картину значимости партнеров скорее даст динамика увеличения удельных весов сторон в совокупной торговле.

Если взять за точки отсчета 1971, 1973, 1979, 1981 и 1982 гг. (т. е. годы до и после установления дипломатических отношений, год после заключения торгового соглашения и договора о мире и дружбе), то окажется, что доля КНР в экспорте Японии в эти годы соответствовала 2,4; 2,8; 3,6; 3,4 и 2,5 %; в импорте — 1,6; 2,5; 2,7; 3,7 и 4,1 %. Такая доля означала, что Китай в начале 70-х годов занимал 3-е место в экспорте и 5-е место в импорте Японии, а в 1982 г. — 8-е место в экспорте и 3-е — в импорте²⁰.

Эти показатели свидетельствуют о том, что китайскому направлению во внешнеэкономической деятельности Японии уделялось повышенное внимание на всем протяжении 70-х годов, в результате чего КНР входила и входит в 10 крупнейших торговых партнеров страны. В то же время интенсификация экономических и политических связей не сказалась на существенном изменении позиций Китая в совокупной торговле Японии, доля которого, хотя и повысилась (в экспорте крайне незначительно) в сравнении с 1971 г., продолжает оставаться скромной.

Правда, по прогнозам заместителя директора Института международных проблем КНР Ф. Монуна, при увеличении общего товарооборота Китая к 2000 году до 160 млрд. долл. объем японо-китайской торговли может возрасти до 40 млрд. долл.²¹ (в 1983 г. — чуть более 10 млрд. долл.). На наш взгляд, это может произойти лишь в том случае, если Китай сможет абсорбировать, а Япония захочет продавать наукоемкую продукцию, поскольку последняя станет к тому времени основным экспортным товаром Японии.

Японский бизнес, безусловно, заинтересован в дальнейшем развитии экономического сотрудничества с Китаем. Он живо отреагировал на нововведения в китайской экономике, предусматривающие, в частности, строительство смешанных предприятий с капиталистическими государствами. Большие надежды

деловой мир связывает со строительством крупных промышленных и сырьевых объектов в КНР, например Баошаньского металлургического комбината и нефтехимических предприятий в Дацине и Нанкине. В течение 1979 и 1980 гг. крупные японские монополии из групп Мицубиси, Мицуи, «Синнихон сэйтэцу» подписали с Китаем серию кредитных контрактов и соглашений на компенсационной основе на суммы в сотни миллиардов иен. В эти же годы Экспортно-импортный банк Японии предоставил КНР займы в размере 1,9 млрд. долл. Два займа (около 500 млн. долл.) Пекин получил от японского правительства.

Но на пути осуществления указанных проектов возникли серьезные препятствия. В Китае в очередной раз, без согласования с японской стороной, на рубеже 1980—1981 гг. объявили о замораживании строительства многих объектов, в которых большая доля участия принадлежала Японии. Было аннулировано 15 контрактов на сумму 1,4 млрд. долл.

Такое решение вначале вызвало резкое недовольство среди деловых кругов Японии. Это недовольство объяснялось не только неожиданным поведением Пекина, но и тем, что такой финал ставил под угрозу всю систему японо-китайских торгово-экономических связей, по крайней мере в тех масштабах, в каких она определялась торговым соглашением 1978 г. (в 1979 г. оно было продлено до 1990 г.). Ведь оно исходило из намерения осуществлять на компенсационной основе поставки нефти и угля из КНР, добыча которых была предусмотрена японо-китайскими контрактами, в том числе и аннулированными. Поэтому прекращение действия контрактов означало бы полный срыв торгового соглашения. Чтобы спасти соглашение и в целом перспективу развития торговли, Япония пошла навстречу Китаю в его просьбе предоставить дополнительный кредит в размере 1,4 млрд. долл. Вся сумма японских кредитов КНР на начало 1984 г. достигла 4 млрд. долл., и таким образом Япония стала основным кредитором Китая. Такая активность японских монополий стимулируется политикой «открытых дверей» и расширением территорий «особых экономических зон», создающих благоприятные возможности для прямых зарубежных инвестиций.

Повышенное внимание Токио к своим экономическим связям с КНР продолжает сохраняться. Несмотря на это, деловые операции с Китаем не изменили приоритеты экономических ориентиров Японии. Как и в начале 70-х годов, предпочтение в торговле отдается США, Западной Европе, Австралии, Индонезии, Южной Корее.

После заключения японо-китайского договора 1978 г. о мире и дружбе заметно укрепились политические контакты между двумя странами, расширилась тематика обсуждаемых проблем, повысился уровень встреч. В декабре 1979 г. Китай посетил премьер-министр М. Охира, а в мае 1980 г. состоялся ответный визит в Токио Председателя ЦК КПК Хуа Гофэна. На встречах в верхах были приняты решения о проведении консультаций на уров-

не министров Японии и членов Госсовета КНР поочередно в столицах обоих государств. В декабре 1980 г. в Пекине состоялось первое, в декабре 1981 г. в Токио — второе, а в сентябре 1983 г. в Пекине — третье заседание совещания министров. В 1982 г. в связи с десятилетием установления дипломатических отношений были организованы «юбилейные» визиты глав правительств: в конце мая — начале июня премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян посетил Японию, а в конце сентября премьер-министр Д. Судзуки нанес ответный визит в Пекин. В духе «взаимопонимания и доверия» велись переговоры Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана с японскими лидерами в Токио (ноябрь 1983 г.) и премьер-министра Я. Накасонэ с китайскими руководителями в Пекине (март 1984 г.).

В ходе переговоров на высшем уровне обсуждался широкий круг проблем, в том числе международного характера. Японские лидеры обычно дают положительную оценку политике КНР в отношении стран Индокитая, Афганистана, недружественным высказываниям китайских руководителей в адрес Советского Союза, в частности в связи с оборонными мероприятиями СССР на Дальнем Востоке. В свою очередь и китайские официальные лица выражают одобрение и «понимание» тех аспектов внешней политики Японии, которые отмечены антисоветской заостренностью.

Для Японии такого рода одобрение крайне важно, поскольку у Токио вызвал беспокойство наметившийся в 1983 г. некоторый позитивный сдвиг в советско-китайских межгосударственных отношениях. Правда, еще до визита Я. Накасонэ в Пекин китайские руководители в беседах с генеральным секретарем ЛДП С. Никайдо (в феврале 1983 г.) «успокоили» японскую сторону, а заодно и американскую, заявив, что «смягчение напряженности с Советским Союзом все равно не приведет к возврату периода 50-х годов»²².

Совпадение точек зрения Токио и Пекина по многим вопросам в сфере политики не исключают расхождений по ряду проблем, некоторые из которых создают трудноразрешимые противоречия между странами. В Японии, в частности, опасаются развития ВМС КНР, способных эффективно функционировать за пределами прибрежных зон. В этом случае давний спор из-за островов Сэнкаку, на которые претендуют обе страны, в любой момент может стать причиной возникновения конфликтной ситуации. Прецедент уже был: в апреле 1978 г. в прибрежных водах Сэнкаку (по-китайски эти острова называются Дяюйдао) появилась китайская рыболовная флотилия, вооруженная пулеметами, причем суда флотилии имели на борту лозунги: «Острова Дяюйдао — китайская территория!». Однако чуть позже Пекин, заинтересованный в скорейшем подписании договора о мире и дружбе, решил не обострять отношения с Токио и пообещал «не повторять инциденты с нарушением японских территориальных вод». Он предложил Японии отложить решение вопросов

о Сэнкаку на «десять и более лет». Вся проблема в том, что в будущем, по мнению японских аналитиков, «японские корабли могут в один прекрасный день оказаться лицом к лицу с мощным и, вероятно, не столь уже приятным флотом китайских военных кораблей в открытом море»²³.

В КНР также не исключают антикитайской направленности японских вооруженных сил. Косвенным намеком на это послужили попытки министра просвещения Японии заново переписать учебники с сознательным искажением исторических фактов периода агрессии японских милитаристов в Китае в 30—40-е годы. Министерство иностранных дел КНР вынуждено было направить демарш в связи с этим японскому правительству. Попытки ревизовать историю, писала «Жэньминь жибао», — «это попытки заставить японский народ, и особенно молодое поколение этой страны, забыть историю японской агрессии в Китае и в других районах Азии и Тихого океана и вновь направить их на путь милитаризма»²⁴. В китайской печати все чаще стали появляться статьи, в которых подвергается критическому анализу процесс возрождения самурайского духа и военные приготовления Японии. Отмечаются, в частности, попытки изменить конституцию и отменить ее 9-ю статью, обращается внимание на регулярное посещение членами кабинета храма Ясукуни, в котором похоронены военные преступники, на увеличение экспорта оружия (по китайским данным, в 1982 г. сумма такого экспорта достигала 1100 млрд. иен)²⁵.

В Китае с неодобрением относятся и к развитию японо-южнокорейских связей, в частности к предоставлению Южной Корее 4 млрд. долл. в виде помощи, предназначенной, как известно, для укрепления ее военного потенциала. В специально сделанном по этому поводу официальном заявлении указывалось, что такие шаги японского правительства «не ведут к установлению стабильности на Корейском полуострове»²⁶.

Не откликнулись руководители КНР и на призыв Японии принять участие в «Азиатско-тихоокеанском сообществе». Существует немало причин для прохладного отношения Пекина к данной идее. Среди них и нежелание оказаться в зависимости от Японии, которая, по планам, должна была бы занять ведущую роль в этом «сообществе».

Подводя некоторые итоги сказанному, следует признать, что объем японо-китайских отношений в абсолютных показателях действительно вырос внушительно: увеличилась торговля, активизировались политические контакты, возрос объем туристического обмена, расширилась тематика обсуждаемых проблем. Тем не менее удельный вес КНР во всем объеме внешнеполитических и внешнеэкономических связей Японии вырос не столь значительно. Воздействие китайского фактора не определило какие-либо серьезные изменения в иерархии приоритетов для Японии в азиатско-тихоокеанском регионе, не привело к качественным изменениям характера японской внешней политики. Правы оказа-

лись также и те японские ученые (М. Накадзима, С. Это, Ф. Камия, Т. Исикава и др.), которые еще в начале 70-х годов выступали против преувеличенного представления относительно самостоятельных дипломатических возможностей Токио в связи с развитием отношений с КНР. Например, Т. Исикава в свое время предсказывал, что нормализация связей с Пекином «затруднит дипломатическую маневренность Токио из-за чрезмерных обязательств перед Китаем»²⁷. Такого рода заключения вряд ли могут вызвать серьезные возражения. Как представляется, это вызывается тем, что объединительным тенденциям в политике обеих стран противостоят и очень серьезные узлы противоречий, объективно присущие государствам с различным социально-экономическим строем. Даже двусторонние японо-китайские отношения развиваются под знаком противоречий, которыми охвачена и наиболее процветающая сфера — торгово-экономические связи. Противоречивые, «автономные» интересы Японии и КНР в еще большей степени проявляются за рамками двусторонних отношений.

Особенно острым очагом разногласий между ними является тайваньская проблема. Эта тема намеренно не поднималась на переговорах по заключению договора о мире и дружбе, чтобы не осложнять их ход. Но подспудно проблема Тайваня вплетена не только в японо-китайский узел противоречий, она пронизывает весь комплекс трехсторонних японо-американо-китайских отношений.

Проблема Тайваня и отношения с Южной Кореей

За ту сложную обстановку на Дальнем Востоке, которая сложилась в связи с проблемой Тайваня, в немалой степени несет ответственность и Япония. Обратимся к изначальной позиции японского правительства в момент установления дипломатических отношений с КНР. В соответствии с «японской формулой» Токио объявлял о признании правительства Пекина в качестве единственного законного правительства Китая. В то же время было оговорено сохранение связей с Тайванем в области развития всесторонних экономических и иных связей. Таким образом, формальный «разрыв» отношений Токио с гоминьдановским режимом заключался лишь в переводе всего комплекса японо-тайваньских отношений в разряд «неофициальных контактов». По существу же, была продолжена политика «двух Китаев», которой Япония придерживалась в 50 — 60-е годы, только в новом варианте: официальные отношения с Пекином, неофициальные с Тайбэем. Причем интенсивность политики в отношении Тайваня отнюдь не ослабевает, несмотря на отсутствие дипломатических связей. После 1972 г. функции японского посольства в Тайбэе стала исполнять Ассоциация обмена, которая имеет свое представительство также в г. Гаосюне. В Японии в таком качестве дей-

ствуует тайваньская Ассоциация по связям с Восточной Азией с отделениями в Токио, Осака, Фукуока и Йокогама.

В тайваньский бизнес включены все крупные компании Японии, среди которых особую активность проявляют: автомобильные («Тоёта», «Ниссан», «Хонда»), электротехнические («Ниппон дэнки», «Мицубиси дэнки»), химические («Нихон госэй го-му», «Асахи гарасу», «Мицуй тоацу кагаку»), станкостроительная («Хитати сэйсакусё»), бытовой электроники («Сони», «Мацусита дэнки»), точного приборостроения («Санкёсэйки»), стерео- и радиоаппаратуры («Сиранума»), косметическая («Сисэйдо»), фотоаппаратуры («Асахи пентакс» и «Канон»). На начало 1982 г. в целом на Тайване действовало около 600 филиалов ведущих японских компаний.

Благодаря усилиям этих и других компаний общая сумма прямых капиталовложений на острове к 1982 г. достигла 479 млн. долл. (всего 1225 сделок), причем по количеству сделок со странами Дальнего Востока и ЮВА Тайвань уступает только Индонезии, Гонконгу и Сингапуру. Общая же сумма инвестированного капитала по государственной и частной линии, включая долгосрочные займы, составила к 1978 г. 678,8 млн. долл. Судя по всему, в последующие годы она существенно увеличилась, если иметь в виду, что японские фирмы вовлечены почти в 1000 технических соглашений по сотрудничеству (что составляет более 70 % всех аналогичных соглашений, заключенных Тайванем с другими странами)²⁸. Столь бурная активность японских монополий позволяла занять им второе место в качестве торгового партнера Тайбэя (после США), причем в тайваньском экспорте ее доля в 1981 г. была равна 13,2 %, а в импорте — 25,5 %.

Япония сумела свести на нет большинство негативных факторов в развитии торгово-экономических отношений с Тайбэем, которые возникали в связи с переговорами с КНР, в частности по вопросам судоходства и авиасообщения. Так, когда было подписано японо-китайское соглашение об установлении авиалинии Токио — Пекин, тайбэйское правительство в знак протеста прервало полеты в Японию. И только в 1977 г. эти полеты возобновились, причем инициатива по улаживанию этого вопроса исходила от японской стороны. Ныне интенсивность полетов по линии Токио — Тайбэй (38 рейсов в неделю и два рейса по линии Тайбэй — Окинава) значительно превосходит количество полетов по линии Токио — Пекин (шесть рейсов в неделю). Активнее осуществляется и туристический обмен Японии с Тайванем. Так, если в 1982 г. в КНР побывало около 150 тыс. японцев, то Тайвань в том же году посетило 520 тыс. японских туристов²⁹.

Прибыли Японии, извлекаемые в процессе взаимодействия с тайваньской экономикой, настолько внушительны, что неоднократно призывы и официальные представления Пекина в адрес Токио прекратить поддерживать гоминьдановский режим, встречают решительное противодействие. Например, когда китайский МИД в официальной ноте (июнь 1983 г.) потребовал свернуть

деятельность в Японии представительств тайваньских властей, оформляющих визы для поездки на Тайвань, МИД Японии в ответ заявил, что «намерен продолжать прежнюю практику»³⁰. В результате общий экономический объем отношений Японии с Тайванем, по крайней мере, не уступает масштабам и уровню аналогичного объема с КНР.

Значение связей с тайбэйским режимом для правящих кругов Японии не ограничивается экономическими интересами на самом острове. Для них еще более важными являются торговые морские коммуникации, пролегающие вдоль тайваньских берегов. Совсем не случайно национальная безопасность Японии увязывается с безопасностью Тайваня, что было зафиксировано еще в американо-японском «договоре безопасности» и в коммюнике Сато — Никсон 1969 г. В последнем указывалось, что «мир и безопасность в районе Тайваня имеет важное значение для безопасности Японии и безопасности на Дальнем Востоке в целом», и при этом оговаривался «статус Тайваня как части Дальнего Востока».

И все же, несмотря на неоднократные предостережения и просьбы со стороны гоминьдановского руководства не устанавливать дипломатические отношения с Пекином³¹, нормализация произошла при одновременном разрыве связей с Тайбэем. Расчет строился на том, что, пока США сохраняют свои военно-политические обязательства перед режимом, интересам Японии на острове и в целом на Дальнем Востоке опасность не угрожает. Подобные настроения вскоре сменились серьезным беспокойством, когда в 1976 г. появились слухи о возможном установлении дипломатических отношений между США и КНР. Официальный Токио в ответ отреагировал заявлением К. Миядзава, который в то время занимал пост министра иностранных дел. Он охарактеризовал такую перспективу как шаг, который «приведет к сохранению семян конфликта в этом районе»³².

Тем не менее нормализация отношений между Вашингтоном и Пекином произошла, и официально Япония одобрила ее. Такая реакция продиктована рядом причин, среди которых можно назвать следующие.

Хотя юридически положение Тайваня в рамках американо-японо-тайваньских отношений изменилось, фактически ситуация на Дальнем Востоке осталась прежней. И по настоящий момент США наращивают свои экономические и политические контакты с тайбэйским правительством и намерены сохранять «мощь» Тайваня путем дальнейших военных поставок³³. А утвержденный еще в апреле 1979 г. конгрессом «закон 2479» о взаимоотношениях США с Тайванем успокаивающе действует на официальные лица в Токио.

К тому же правительственным кругам Японии было бы трудно открыто критиковать своего союзника за нормализацию отношений с КНР хотя бы по той простой причине, что они сами показали пример «решения» тайваньской проблемы в рамках

японо-китайских отношений. А аргументы, приводимые тогда японскими парламентариями, относительно того, что «Япония пошла на разрыв дипломатических отношений с Тайванем, так как считала, что США не пойдут на это», выглядели бы запоздалыми и неуместными.

И все же за внешним одобрением американского курса в отношении Китая нельзя не заметить тревогу за будущее Японии. Близкий к правительственным кругам политический обозреватель М. Огава писал: «Некоторые деятели теряют доверие к США и подвергают сомнению надежность американо-японского договора безопасности»³⁴. Действительно, разрыв Вашингтоном дипломатических отношений с Тайбэем и ликвидация американо-тайваньского договора о «взаимной обороне» вызвали волну беспокойства в правящих кругах Японии. Неясными, по крайней мере юридически, стали выглядеть положения статей в американо-японском «договоре безопасности» и совместном коммюнике Сато — Никсон 1969 г., касающиеся Тайваня. В многочисленных заявлениях С. Сонода (тогда министра иностранных дел), последовавших после известия о намерении США установить дипломатические отношения с КНР, указывалось, что «вооруженный конфликт в районе Тайваня невозможен», и поэтому «Тайвань больше не относится к зоне действия японо-американского договора безопасности»³⁵. Однако премьер-министр Охира придерживался другой точки зрения. По его мнению, «нормализация отношений США и КНР не повлияет на американо-японский договор безопасности и Япония продолжит осуществлять свою основную политику, гарантирующую ее безопасность на базе договора безопасности с США»³⁶. Тем самым М. Охира давал понять, что Тайвань входит в американо-японскую систему безопасности на Дальнем Востоке и как ее составная часть все тайваньские положения в названных документах остаются в силе.

В любом случае, считалось тогда, правительство Японии так или иначе будет вынуждено пересматривать свою дипломатию в Азии не столько даже с точки зрения стабильности на Дальнем Востоке, сколько в контексте национальной безопасности самой Японии. Так, бывший начальник УНО С. Канэмару во время своего визита на Тайвань заявил: «Неожиданная нормализация американо-китайских отношений нанесла сильный удар по Японии, Южной Корее и Тайваню. То, что США оставили союзную страну, представляет проблему не только для Тайваня. Япония также не может не думать об этой проблеме»³⁷.

Тревогу Японии усугубила неожиданность для Токио нормализации американо-китайских отношений (как в свое время и визита Р. Никсона в Китай). Всего лишь за два часа до выступления президента Д. Картера по телевидению с сообщением о решении двух стран установить дипломатические отношения американский президент по телефону сообщил М. Охира о намечающемся событии. И хотя на этот раз официальные лица в Токио воздержались от публичных обвинений США в коварстве,

такое поведение Вашингтона вызвало плохо скрываемое раздражение среди некоторых видных деятелей в правящих кругах страны. Оно обнаружилось и в ряде мероприятий, организованных в первую очередь протайваньскими лидерами в ЛДП. Впервые, они осудили действия Д. Картера и направили в конгресс телеграмму с призывом обеспечить безопасность «Китайской Республики». Одновременно они послали телеграмму тайваньскому «президенту» Цзян Цзинго с «выражением поддержки Китайской Республики».

Затем протайваньские лоббисты, явно не без одобрения со стороны правительства, в январе 1979 г. организовали две поездки на Тайвань. Первую делегацию в составе 80 видных деятелей ЛДП возглавил С. Канэмару, вторую (из 34 человек) — руководитель Совета депутатов парламента по вопросам японо-тайваньских отношений Х. Надао. Обращал на себя внимание тот факт, что в составе этих делегаций находились деятели, ведавшие военными вопросами, например: тот же С. Канэмару, бывший начальник УНО С. Яманака, а также бывший премьер-министр Н. Киси. Визиты высокопоставленных деятелей не прекращались и в последующие годы. В июне 1982 г., в частности, Тайвань посетила делегация во главе с видным лидером ЛДП М. Эдзаки. В печати сообщалось, что на переговорах с тайваньской стороной прежде всего обсуждались военные проблемы, в том числе идея создания военно-политического треугольника Япония — Тайвань — Южная Корея.

Однако правительственный курс отличается от поведения лоббистов. В официальной политике правительство стремится избежать действий, вызывающих раздражение в Пекине. Тем более что существующий статус-кво вполне отвечает нынешним интересам Японии, поскольку условия позволяют проводить ей старую политику «двух Китаев». Поэтому отказ администрации Рейгана пойти на уступки КНР по вопросу продажи Тайваню оружия, оказавший негативное влияние на развитие американо-китайских отношений в начале 80-х годов, был воспринят в японской столице как фактор, подрывающий стабильность на Дальнем Востоке. По сообщению «Жэньминь жибао», министр иностранных дел М. Ито, находившийся в Китае в декабре 1980 г., «выразил желание, чтобы администрация Рейгана не пошла на беспринципное улучшение отношений с Тайванем»³⁸. Эта линия была унаследована и следующим министром иностранных дел Ё. Сакураути, который призвал США и КНР урегулировать имеющиеся между ними разногласия посредством «дружеских переговоров»³⁹. Подтвержденная XII съездом КПК политика китайского руководства на «воссоединение Китая» затрагивает весь комплекс связей между США, Японией и КНР. Будет ли этот гордиев узел разрубаться или распутываться, сейчас предсказать трудно. Однако многие в Японии сходятся в том, что Токио всеми силами будет стремиться сохранить независимый Тай-

вань и противодействовать решению этой проблемы в пользу КНР.

Как показывает ход событий, игнорирование интересов китайского народа, фактическое нарушение принципа национального суверенитета и пренебрежение к нормам международного права, преследование своекорыстных целей является общей линией империалистических держав. Япония не является исключением.

Отношения Японии с Южной Кореей после второй мировой войны носили крайне сложный и противоречивый характер. Японские монополии, воспользовавшись заключенным в 1965 г. японо-южнокорейским договором, который в то время рассматривался как шаг на пути объединения всех антикоммунистических сил против «угрозы» со стороны КНР (в связи с индонезийскими событиями), ринулись осваивать близлежащий рынок. В результате их деятельности объем торгово-экономических отношений между странами принял внушительные размеры. С 1970 по 1982 г. японский экспорт в Южную Корею вырос с 818 млн. до 4881 млн. долл., импорт — с 229 млн. до 3254 млн. долл. Южная Корея в 1982 г. заняла четвертое место в японском экспорте (3,5 %) и восьмое — в импорте (2,5 %). В то же время доля Японии в южнокорейском экспорте составляла 17,4 %, в импорте — 26,3 % (на 1980 г.). Хроническая несбалансированность взаимной торговли в пользу Японии, на которую постоянно жалуется Сеул (по его подсчетам, дефицит Южной Кореи с 1965 по 1980 г. равен 20 млрд. долл.), служит серьезным источником трений, разрешить которые стороны не могут до сих пор.

Южная Корея является также одним из ведущих рынков японских инвестиций. Общая сумма капиталовложений с 1951 по 1982 г. достигла 1,3 млрд долл., причем тенденция их накопления продолжает нарастать.

Однако торгово-экономические связи не заслоняют политических аспектов взаимодействия, которые активизировались после поражения США в Индокитае. Вашингтон, опасаясь, как бы индокитайский пример не оказался «заразительным», интенсифицировал свои отношения с сеульским режимом, побуждая к этому и Японию.

Партнеры обязались крепить «особые отношения» с Южной Кореей, чтобы, как говорил тогдашний министр иностранных дел К. Миядзава, «воспрепятствовать возникновению беспорядков на Корейском полуострове, которые могут оказать исключительно важное воздействие на безопасность самой Японии»⁴⁰. Не удивителен в этом контексте вывод совещания японских послов, аккредитованных в странах Азии и Тихого океана, о том, что «американское военное присутствие способствует сохранению мира и стабильности на полуострове Корея»⁴¹.

В целях закрепления отношений в сентябре 1975 г. Южную Корею посетила делегация членов правительства Японии (заместитель премьер-министра Т. Фукуда, министр иностранных дел К. Миядзава, министр внешней торговли и промышленности

Т. Комото и министр лесоводства и сельского хозяйства С. Абэ). Уже тогда их переговоры в Сеуле были оценены японской прогрессивной общественностью как «опасный сговор» сторонников политики «с позиций силы», противоречащий планам мирного объединения корейского народа, делу разрядки и мира на Дальнем Востоке. Этот визит положил конец «натянутости» в отношениях, которая возникла после похищения в 1973 г. сеульской охранкой находившегося в политической эмиграции в Японии видного политического деятеля Южной Кореи Ким Тэ Чжуна.

Как уже говорилось в главе о доктринах, политические деятели в Токио выдвинули обеспечение безопасности Корейского полуострова, а следовательно, и самой Японии в рамках разделения ответственности, в соответствии с которой США сохраняют военный контингент в Южной Корее (около 39 тыс. военного персонала), а Япония оказывает сеульскому режиму «экономическую помощь». Поэтому заявление Д. Картера в 1976 г. о возможном выводе американских войск из Южной Кореи вызвало серьезную тревогу в Токио, что, в свою очередь, дало повод Вашингтону в 1979 г. отменить это решение, которое, судя по всему, с самого начала было не столько реальным намерением, сколько пропагандистским трюком.

К концу 70-х годов Белый дом перестала удовлетворять пассивная, по его мнению, политика Токио в отношении Сеула. «Пассивность» усматривалась, во-первых, в недостаточной экономической помощи Южной Корее, во-вторых, в отсутствии налаженной и скоординированной военной политики двух «бастионов антикоммунизма» на Дальнем Востоке. В связи с этим американские стратеги вновь призвали Токио активизировать свои отношения с Южной Кореей с целью упрочения положения сеульского режима, который во время стихийных народных волнений в мае 1980 г. с трудом удержался у власти.

Стремление Вашингтона добиться большего сближения Японии с Южной Кореей имело и другую цель. Экономическая помощь в тех масштабах, к каким побуждает Токио Вашингтон и требует Сеул (сначала речь шла о 10 млрд. долл.), в какой-то степени могла бы ослабить экономическую экспансию Японии на рынках США и, кроме того, облегчила бы Южной Корее содержание американских войск на полуострове. Развитие же в дальнейшем военных связей между Японией и Южной Кореей, естественно, помимо всего прочего, давало бы возможность Пентагону в необходимых случаях более свободно распоряжаться своими силами в регионе.

Кроме того, в самой Японии существует группа влиятельных политических деятелей, проявляющих повышенный интерес к отношениям с Южной Кореей. Кроме различных экономических комитетов и советов, ставящих целью прежде всего развитие делового сотрудничества с Южной Кореей, в Японии активно функционирует так называемое южнокорейское лобби (примерно 170 человек), состоящее из членов ЛДП, объединен-

ных в Японо-южнокорейскую ассоциацию, созданную в свое время Э. Сиина, а ныне возглавляемую К. Ясуи. Специфика этой ассоциации заключается в том, что многие ее члены одновременно входят в тайваньское лобби. Вместе они представляют собой внушительную силу в правящих кругах Японии, причем их действия характеризуются откровенным антикоммунизмом.

Под воздействием этих сил и требований Вашингтона японо-южнокорейские отношения в конце 70-х годов стали претерпевать заметные изменения. В июле 1979 г. Сеул посетил начальник УНО Г. Ямасита, который вел переговоры с тогдашним министром обороны Южной Кореи Ро Чже Хеном. Это была первая официальная встреча на уровне военных министров между Токио и Сеулом после второй мировой войны. В последующем аналогичные встречи в японской и южнокорейской столицах стали правилом. Причем эти двусторонние переговоры постоянно находятся под контролем Вашингтона. На это указывает, в частности, тот факт, что японские и южнокорейские военные до или после двусторонних переговоров совершают вояж в США или наоборот, пентагоновские чины предварительно посещают своих младших союзников. Именно таким образом действовал заместитель министра обороны США Ф. Карлуччи, поначалу посетивший Японию, затем Сеул (в октябре 1981 г.). Судя по «рекомендациям» Ф. Карлуччи, цель Вашингтона состоит в том, чтобы юридически оформить тройственный военный альянс (США, Япония и Южная Корея), в котором Южная Корея должна стать «антикоммунистическим бастионом» на азиатском материке.

В 80-е годы получила развитие и такая форма сотрудничества, как проведение трехсторонних семинаров с участием видных ученых США, Японии и Южной Кореи, которые обычно имеют отношение к выработке внешнеполитических рекомендаций. Задача подобных семинаров состоит в том, чтобы «теоретически» обосновать наличие «угрозы» безопасности Северо-Восточной Азии и предложить средства ее предотвращения.

Так, по инициативе газеты «Санкэй» такой семинар состоялся в июле 1982 г. в Токио. Японскую сторону на нем представляли профессор Военной академии УНО М. Сасэ, профессор Токийского института иностранных языков М. Накадзима, политический обозреватель «Санкэй» С. Цукамото и член редколлегии этой газеты М. Сибата. Участники семинара пришли к «мнению», что наибольшая опасность для Южной Кореи и в целом для ситуации на Корейском полуострове таится якобы в «наращивании военной мощи» СССР на Дальнем Востоке и действиях КНДР. Иных «мнений» было бы трудно ожидать, учитывая к тому же, что американскую сторону представляли ученые Колумбийского университета Л. Харрис и Х. Пасси, которые пользуются большим доверием нынешнего президента США. Правда, ученые из Сеула, со своей стороны, сетовали на то, что у «Японии отсутствует твердая политика в отношении Южной Кореи и достаточное осознание угрозы со стороны Северной Кореи»⁴².

В какой-то степени это верно, поскольку Япония подходит не столь однозначно и к «проблемам угрозы», и к идее «тройственного альянса», как этого бы хотелось в Вашингтоне и Сеуле. Существует ряд объективных и субъективных моментов, препятствующих объединению военных сил трех стран в единое целое, среди которых не последнее место занимают имеющиеся противоречия между Японией и Южной Кореей.

Так, между этими странами до сих пор не разрешен ведущийся с 1952 г. спор о принадлежности находящегося в Японском море острова Такэсима. В настоящее время на этом острове находится южнокорейская охрана, и японское правительство каждый год выступает с заявлениями о своих территориальных правах на этот остров.

Кроме того, в правящем лагере Японии не все разделяют официальный курс Токио, Вашингтона и Сеула. Некоторые влиятельные деятели считают, что нормализация ситуации на Корейском полуострове может быть достигнута не на путях милитаризации Южной Кореи и создания тройственного военно-политического альянса. Они настаивают на мирных средствах разрешения проблем и создания такой политической атмосферы, которая могла бы содействовать претворению в жизнь инициатив, выдвинутых, в частности, президентом КНДР Ким Ир Сенем на VI съезде ТПК. В них речь шла об объединении Южной и Северной Кореи в единое государство на основе конфедерации. Эта группа деятелей ЛДП, объединенная в Ассоциацию Азии и Африки (ее возглавляет бывший министр иностранных дел Т. Кимура), несмотря на неблагоприятный климат в отношениях между Токио и Пхеньяном, все-таки сумела наладить контакты с КНДР и организовала несколько поездок в страну. Последний раз представители Ассоциации побывали в Пхеньяне в сентябре 1980 г. После возвращения глава японской делегации, бывший министр труда К. Фудзии, заявил, что задача Японии заключается в необходимости воздействовать на США таким образом, чтобы они предприняли шаги для ликвидации состояния размежевания на Корейском полуострове. Интересам безопасности на Дальнем Востоке, сказал в интервью корреспондентам К. Фудзии, отвечала бы «замена соглашения о перемирии между Северной и Южной Кореей мирным соглашением»⁴³. Среди японских промышленников также существует заинтересованность в торгово-экономическом сотрудничестве с КНДР. Хотя правительство негативно относится к таким настроениям, тем не менее взаимная торговля растет: с 1970 по 1982 г. японский экспорт в КНДР увеличился с 23,3 млн. долл. до 313 млн., а импорт с 34,4 млн. долл. до 152 млн. Было бы, конечно, неправильным преувеличивать влияние данной группы политиков и деловых кругов на официальный курс Японии, тем не менее их деятельность не проходит бесследно для тех, кто вовлечен в принятие решений. Так, К. Миядзава, вопреки мнению военных, утверж-

дал, что «правительство Японии не считает северокорейскую военную мощь потенциальной угрозой для Японии».

В конце 1981 г. и особенно в 1982 г. развернулись ожесточенные дебаты между Токио и Сеулом вокруг масштабов японской экономической помощи Южной Корее. Японское правительство шокировала «цена» за «безопасность на Корейском полуострове». Масштаб южнокорейских требований (около 6 млрд. долл.) показался для Японии крайне завышенным. Кроме того, и излишняя откровенность Сеула, не скрывающего милитаристский характер планируемой сделки, также не устраивала японское правительство. Учитывая антивоенное движение у себя в стране и отрицательное отношение японского общественного мнения к режиму Чон Ду Хвана, оно предпочитало бы придать ей вид «чисто экономической помощи», при этом, конечно, не в таких крупных размерах. Правда, министерство иностранных дел «соглашалось» предоставить Сеулу 4 млрд. долл., в то время как министерство финансов настаивало на меньшей сумме — 2 млрд. долл.

Подобная позиция вполне объяснима — в условиях промышленного спада, свертывания некоторых областей производства, огромного дефицита и роста собственных военных расходов новые отчисления Сеулу могли бы сказаться на экономическом положении самой Японии. Как справедливо отмечал министр финансов М. Ватанабэ, «на оказание помощи Южной Корее идут деньги японских налогоплательщиков». Многочисленные визиты в обе стороны министров иностранных дел и других членов правительства долгое время ни к чему не приводили. Это вызывало раздражение Вашингтона, и под его давлением Токио все-таки пошел на уступки — выделил Сеулу 4 млрд. долл.

Сеул, в свою очередь, также ищет точки соприкосновения с Японией. Видимо, с целью расположить к себе своего богатого соседа президент Чон Ду Хван выразил готовность выступить в роли посредника между развитыми капиталистическими странами и членами АСЕАН в деле создания «Тихоокеанского сообщества». Однако подобная инициатива явно не устраивает Токио, так как реклама идеи «сообщества» со стороны диктаторского режима может лишь дискредитировать ее в глазах тех, кого пытаются втянуть в такое объединение.

В целом можно сделать вывод, что соотношение противоречий и общих согласительных моментов в совокупном объеме отношений между Японией и Южной Кореей на данный момент не в пользу планируемого Белым домом тройственного альянса. Если же он все-таки будет оформлен, то это в еще большей степени осложнило бы обстановку на Корейском полуострове и в целом на Дальнем Востоке. Только мирное разрешение всех существующих там проблем, без всякого вмешательства извне, может нормализовать положение на столь важном участке международной политики.

Именно такую цель преследовало правительство КНДР, выступив в начале 1984 г. с предложением о проведении трехсторонних переговоров с участием КНДР, США и Южной Кореи. В центр переговоров предполагалось поставить вопрос о замене соглашения о перемирии мирным соглашением и выводе американских войск. США, как известно, не приняло эту инициативу. Без одобрения к ней отнеслась и Япония.

Юго-Восточная Азия и Тихий океан — зона повышенного внимания Японии

Манера поведения Японии в этом обширном районе земного шара резко отличается от ее действий на других участках внешней политики. Если перед США официальный Токио вынужден держать себя как младший партнер, перед западноевропейскими государствами вставать в позу оскорбленного в лучших чувствах, на Ближнем Востоке — лавировать, в Африке и Латинской Америке — примеряться и готовиться к широкой экономической экспансии, то в ЮВА он демонстрирует, по выражению филиппинского ученого-международника Р. Константино, пример «неоколониалистской доминации». Неудачи агрессивной политики в 30 — 40-е годы, когда под предлогом создания «сферы процветания в великой Восточной Азии» Япония захватила громадную территорию с населением 130 млн. человек и затем потеряла ее, отнюдь не обескуражили новое поколение японских руководителей. И хотя вплоть до конца 60-х годов отношения Токио со странами региона были умеренными, тем не менее задача получить неограниченный доступ к источникам сырья и рынкам сбыта в этом районе, установить экономическое и военно-политическое господство ни в коей мере не снималась с повестки дня. В 70-е годы, пока США «спасали» ЮВА от коммунизма, японские монополии без рекламы и шума, с помощью «мирной иены» сумели незаметно внедриться на рынки всех стран АСЕАН. «Мирное» наступление оказалось даже более эффективным, чем военное. Об этом свидетельствует ряд показателей.

Экспорт Японии в страны «пятерки» вырос с 1970 по 1982 г. в 8,2 раза, импорт — в 10,4 раза. И хотя удельный вес этих стран в экспортно-импортной иерархии Японии за эти годы увеличился незначительно — в совокупном экспорте с 9,5 до 10,7 %, а в импорте — соответственно с 9,9 до 14,7 %, тем не менее члены АСЕАН заняли четвертое место в японском экспорте (после США, Западной Европы и стран Ближнего Востока) и третье место в импорте (после Ближнего Востока и США).

Еще большее значение Япония как торговый партнер имеет для АСЕАН. По японским данным, в 1979 г. на долю Японии падало 34,9 % их экспорта (на долю США — 21,5 %, ЕЭС — 16,1 %) и 21,5 % импорта (на долю США — 15,2 %, ЕЭС — 13,4 %) ⁴⁴. И хотя в 1980 г. удельный вес Японии существенно понизился до соответственно 19 и 14 %, но уже в следующем,

1981 г. он вновь начал возрастать и составил 27 и 24 %. В любом случае Япония продолжает оставаться главным экспортером и импортером государств Ассоциации.

В сфере японских капиталовложений страны «пятерки» занимают второе место после североамериканского континента. За 1951—1982 гг. общая сумма капиталовложений в эти страны составила 10 657 млн. долл., или 20,1 % всех зарубежных инвестиций Японии. По масштабам капиталовложений в этот район Япония опережает все страны ОЭСР, включая США. Средняя доля Японии в капиталовложениях на рынках АСЕАН на конец 1981 г. была равна 27,8 %, США — 21,6, ЕЭС — 16,6 %. По объему и удельному весу инвестированного капитала в отдельных странах она уступает США и ЕЭС в Сингапуре и США на Филиппинах⁴⁵. Основная часть капиталовложений была произведена в конце 70-х — начале 80-х годов. Так, если в 1970 г. сумма всех прямых капиталов в АСЕАН была равна 166 млн. долл., то в 1981 г. только в Индонезию было инвестировано 410 млн. долл.

По данным на конец 1981 г., на заводах в странах «пятерки» с участием японского капитала работало примерно 330 тыс. человек. Степень интеграции Японии в экономику стран АСЕАН видна из следующих данных⁴⁶:

	Индонезия	Малайзия	Филиппины	Сингапур	Таиланд
Количество японских фирм	209	252	734	761	407
Доля промышленности, %	59	57	37	34	43
Количество рабочих, тыс.	80	60	73	70	50
Доля японских акций, %	60	60	43	н. о.	55

Японский капитал контролирует фактически целые отрасли: текстильную — в Таиланде, судостроительную и радиотехническую — в Сингапуре, автомобильную — в Малайзии. Он глубоко проник в обрабатывающую промышленность Индонезии.

Чем обусловлена столь бурная активность Японии в ЮВА?

Во-первых, сырьевым и энергетическим богатством стран региона. В условиях обострения обстановки на Ближнем Востоке особое значение начинает приобретать нефть. Поэтому Индонезия, откуда поступает основная часть нефти из этого района, привлекает самое пристальное внимание Токио (не случайно именно в эту страну направляется самая значительная часть японских капиталов). Во-вторых, возможность получать большие прибыли, чем в других районах земного шара. По сообщениям местной печати, один инвестируемый в странах ЮВА доллар приносит прибыль в 3—5 долларов. А в Индонезии японским предпринимателям удается извлечь прибыль, в десять раз превышающую вложенный капитал⁴⁷. Кроме того, по словам президента Мицуи Т. Яхиро, каждый вложенный в страны АСЕАН миллион долла-

ров увеличивает поток японского экспорта на 600 тыс. долларов⁴⁸. В-третьих, тем, что политика реиндустриализации предусматривает использование стран АСЕАН в качестве производственной площадки для «грязных» отраслей японской промышленности. В-четвертых, важностью морских путей Японии, пролегающих через зону АСЕАН. Именно поэтому Малаккский и Зондский проливы, Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря попали в число «стратегических» направлений японской внешней политики.

При этом близкая расположенность Японии к государствам региона, с одной стороны, прекрасные знания местных условий, в немалой степени накопленные в период оккупации в 1941 — 1945 гг. — с другой, дают Японии определенные преимущества перед соперниками. В результате Япония серьезно потеснила своих конкурентов — США и страны Западной Европы.

Вместе с тем процесс экспансии сопровождается растущим противодействием государств АСЕАН, проявляющимся в форме антияпонских движений и манифестаций, приуроченных обычно к визитам японских премьер-министров (например, в 1972, 1974 и 1977 гг.). Страх потерять приобретенные позиции вынуждает монополии требовать от государства их защиты военно-политическими средствами. Ответом на требования монополий и стала азиатская часть доктрины КОНБ.

В этих условиях не совсем понятны на первый взгляд те высокие оценки, которые дают японские политические деятели своим отношениям со странами АСЕАН. Так, Я. Накасонэ во время своего посещения государств АСЕАН и Брунея в мае 1983 г. даже заявил, что «без процветания членов Ассоциации не может быть и процветания Японии»⁴⁹. Он действительно прав, но только в том отношении, что без выкачивания минерального и энергетического сырья из этой зоны японская экономика вряд ли выглядела бы столь мощно. Однако успехи Японии в данном случае оборачиваются негативными сторонами для стран региона и развития их экономики. Филиппины, в частности, уже сейчас испытывают на себе пагубный эффект от действия предприятий сталелитейной компании «Кавасаки» на о-ве Минданао, отходы которых загрязняют прибрежные воды, уничтожая рыбные запасы. В Таиланде, где японские фирмы доминируют в текстильной и электронной промышленности, заработная плата женщин на японских предприятиях значительно ниже общетаиландских стандартов. В Сингапуре в смешанных компаниях японские управляющие принимают решения в пользу своего бизнеса, продавая, например, японским покупателям товары по ценам ниже, чем на открытом рынке. В Малайзии уже давно ширится протест против «сброса» в страну отработанной «вторичной» технологии. Японские судовладельцы фактически захватили в свои руки рыболовный промысел в Индонезии, Малайзии и на Филиппинах, разоряя местных рыбаков. По мнению журнала «Инсайт», японский капитал «содействует взяточничеству и коррупции в Индо-

незии, стимулируя образование местной продажной компрадорской буржуазии, которая находится в тайном сговоре с высшими правительственными чиновниками, военными и хуацяо»⁵⁰.

Все эти примеры, количество которых можно умножить, свидетельствуют о том, какой ущерб наносит хозяйничанье японских монополий развитию национальных экономик. По сути дела, зона АСЕАН в значительной степени попала под экономический контроль Японии.

Было бы, правда, наивно выражать негодование по поводу характера действий японских монополий или ожидать других вариантов их экспансии. Это значило бы «лишить» империализм его природной сущности.

В то же время было бы неправильным отрицать наличие в экспансионизме и позитивных моментов. Диалектика этого явления такова, что объективно с точки зрения экономического и социального развития стран ЮВА торгово-экономическая экспансия имеет и положительную сторону. «Двоякая миссия» колониализма, разрушительная и созидательная, — «с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии»⁵¹ — не утратила свой характер и в настоящее время. Причем К. Маркс в работе «Будущие результаты британского господства в Индии», отрывок из которой мы процитировали выше, особенно обращает внимание на «везение» Индии в том смысле, что ее завоевала цивилизация с «более высокой культурой», которая и позволяла оказать такой двойной эффект на дальнейшее развитие этой страны⁵². Поэтому для азиатских стран даже предпочтительнее, чтобы они попадали в сферу деятельности, «разрушительной и созидательной», японского империализма, как наиболее энергичного и, если можно так выразиться, «передового». И чем больше Япония будет вкладывать капиталы в экономику этих стран, тем больше будет построено фабрик и заводов, создаваться инфраструктур, тем быстрее будет происходить классовая дифференциация и пробуждение классового и национального самосознания и политического размежевания. Все это, по выражению К. Маркса, «должно дать неопределимые результаты», в том числе и крайне негативные для самих японских монополий.

Однако это тема для политэкономического и социального исследования, что выходит за рамки задач нашей работы. Вернемся же к внешнеполитическим реальностям.

Итак, экономическое проникновение Японии в регион вызывает беспокойство у стран Ассоциации. В связи с этим они часто задают резонный вопрос: «Во время тихоокеанской войны бизнесмены пришли после военного вторжения; азиатов интересует: придут ли японские военные после бизнесменов, чтобы защитить интересы последних?»⁵³.

В ответ на это в Токио отвечают, что японские вооруженные силы не представляют угрозы миру. Я. Накасонэ и предыдущие премьер-министры постоянно заверяли и заверяют представите-

лей АСЕАН, что военный потенциал страны предназначен только для самообороны и что Япония «никогда не вступит на путь военной державы».

Реальные же действия Японии, изменение ее военного статуса в стратегии США в азиатско-тихоокеанском регионе, расширение сфер действия «сил самообороны» на обширные акватории Тихого океана, наконец, доктрина КОНБ с ее упором на военные средства обеспечения безопасности ставят под сомнение искренность официальных заявлений. Комплекс военных приготовлений предполагает возможное выдвижение вооруженных сил Японии в район ЮВА. По крайней мере, подготовка к этому ведется, что вызывает естественную озабоченность у руководителей АСЕАН. Президент Индонезии Сухарто в беседе с Р. Рейганом (в октябре 1982 г.) откровенно выразил свое недовольство поддержкой со стороны США планов Японии взять под контроль морские коммуникации в зоне стран Ассоциации⁵⁴. Подобные опасения выражают и филиппинские руководители. Президент Ф. Маркос в интервью журналу «Эйшауик» указывал: «Комбинация экономической мощи и военной силы Японии возбуждает страх в регионе, и мы не хотим, чтобы Филиппины стали базой для японских патрульных судов. Мы против превращения Японии в военную державу»⁵⁵. Подытоживая опасения народов региона, вице-президент Индонезии А. Малик прямо заявлял: «Мы напуганы. Японии нельзя разрешать перевооружаться. Это то, чего боятся все азиаты»⁵⁶. Хотя и менее острая, но аналогичная критика раздается из Куала-Лумпур, Сингапура, Бангкока.

В немалой степени членов АСЕАН волнует характер действия «китайского фактора» на внешнюю политику Японии в ЮВА. По их мнению, сближение Токио с Пекином может оказать негативное влияние на отношения Японии со странами «пятерки».

На первый взгляд их опасения лишены оснований, поскольку Япония и Китай преследуют в ЮВА несовместимые стратегические цели. Именно в этом регионе сталкиваются интересы двух государств, каждое из которых претендует здесь на преимущественное влияние. Был период, когда в ЮВА доминировал Китай, затем страны региона попали в зависимость от западных держав, а в первой половине 40-х годов XX в. регион фактически находился в руках Японии. Ныне же опять Япония, но уже при опоре на США приобрела здесь преимущественное влияние вследствие своего интенсивного экономического проникновения. И пока условия в ЮВА в целом благоприятны для японского монополистического капитала, Токио стремится к их консервации, что в корне противоречит стратегическим замыслам Пекина. Но не тактическим. Нынешнее китайское руководство, учтя опыт середины 60-х годов, избрало другой способ действия. Он предусматривает смягчение отношений со своими потенциальными противниками — США и Японией — с тем, чтобы с их помощью обеспечить благоприятные для себя позиции в Азии.

Конечно, все это не является секретом для Токио. И все же соблазн «оседлать» Китай в своих интересах, извлечь максимум из прозападной, по их мнению, политики Пекина, продолжает оставаться доминирующим настроением в правящих кругах Японии: Тем более что нынешние тактические задачи китайского руководства совпадают со стратегическими целями Токио. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить азиатскую часть доктрины КОНБ и выступление премьера Госсовета КНР на 1-й сессии ВСНП 6-го созыва (июнь 1983 г.). Совпадение целей поразительное. Они сводятся к следующему: содействовать антивьетнамской политике стран АСЕАН, противодействовать мирному диалогу между членами Ассоциации и государствами Индокитая, усложнить международные позиции СРВ, ЛНДР и НРК⁵⁷. Именно этого попытался добиться во время своего визита в страны АСЕАН Я. Накасонэ. «Плодотворный визит Накасонэ» — так оценила китайская пресса результаты поездки японского премьера по странам региона⁵⁸.

Нынешнее совпадение интересов между двумя старыми соперниками в ЮВА — это своего рода «политическая игра», и пока неизвестно, кто кого «переиграет». Но ясно то, что в целом она осложняет обстановку в регионе. Важно также и то, что такого типа японо-китайское взаимодействие оборачивается негативными сторонами в азиатской политике и самого Токио.

Членов АСЕАН волнует, например, оказываемая Японией экономическая помощь Китаю, в которой они усматривают средство усиления своего амбициозного соседа. Не меньшую тревогу у них вызывает перспектива создания японо-китайского военно-политического альянса при поддержке США, реальная основа для которого, по мнению политических деятелей региона, была заложена в японо-китайском договоре о мире и дружбе и в нормализации американо-китайских отношений. Их волнует, может быть, не столько возможность оказаться под тройственным кондоминатом США — КНР — Япония — такой ход событий оценивается как маловероятный, сколько острая ситуация в регионе вследствие усиления борьбы данного «треугольника» с социалистическими странами Индокитая.

В Токио, конечно, отдают себе отчет в существовании всех этих проблем. С целью их частичного разрешения правящие круги Японии демонстративно активизировали общее, «асеановское» направление своей политики. В принципе Япония и раньше поддерживала довольно тесные связи со странами Ассоциации, но только с каждой в отдельности. Как верно однажды заметила «Джапан таймс», «отношения Японии с АСЕАН, как с региональной группировкой, являются сравнительно новыми». Уже обращалось внимание на то, что в официальных документах впервые эта организация была упомянута в марте 1977 г. (в совместном японо-американском коммюнике), т. е. после 10 лет ее реального функционирования. В том же году были предприняты и

практические шаги для налаживания сотрудничества с государствами АСЕАН в целом.

Определенный резонанс получил визит премьер-министра Т. Фукуда в страны региона (август 1977 г.), в ходе которого было объявлено, что Япония отказывается от роли военной державы и что она окажет большую экономическую помощь этим государствам (в размере около 1 млрд. долл.). Особое значение придавалось намерениям Токио добиться взаимопонимания со странами Индокитая, и, более того, как заявил Т. Фукуда в Куала-Лумпур, Япония готова взять на себя миссию по налаживанию отношений между членами АСЕАН и государствами Индокитая на основе принципов мирного сосуществования⁵⁹. Намерения, выраженные японским премьером в Маниле и в Куала-Лумпур, получившие наименование «доктрина Фукуда», так и не были реализованы.

На совещании министров экономики Японии и стран АСЕАН в Токио (ноябрь 1979 г.) представители Ассоциации вновь напомнили об обязательствах, взятых на себя Токио. Они настаивали на более широком доступе на японский рынок своих товаров и снижении импортных тарифов. Вновь был поднят вопрос о ликвидации диспропорций в торговом балансе Таиланда, Филиппин и Сингапура с Японией.

Но для Токио более удобным вариантом по-прежнему продолжает оставаться принцип взаимодействия на двусторонней основе, а не на многосторонней. Так, в декабре 1979 г. Япония добилась заключения с Филиппинами налогового соглашения, которое открывало ее компаниям широкие возможности для усиления экспансии в этой стране. Японским предпринимателям удалось добиться снижения налогов на инвестиции и прибыли японских концернов, действующих на Филиппинах. Аналогичные «успехи» имеются у Японии и в отношениях с другими членами АСЕАН. Безусловно, такая деятельность вызывает скрытое раздражение, подчас переходящее в открытое недовольство, как это имело место во время посещения стран Ассоциации премьер-министром К. Танака в 1974 г. Одна сингапурская газета писала: «Страны АСЕАН не могут вечно оставаться поставщиками сырья и материалов Японии. Промышленность АСЕАН и в особенности Сингапура также не может находиться в состоянии неопределенности, оставаясь на низком технологическом уровне с большим применением ручного труда»⁶⁰.

С целью предотвращения нового взрыва антияпонских настроений Токио организовал поездку в страны АСЕАН министра иностранных дел С. Окита (июнь 1980 г.). Он, как известно, выступил с идеей создания «Тихоокеанского сообщества». Исходя из своего исторического опыта общения с Японией и реально сложившейся ситуации, руководители Ассоциации восприняли эту идею как современный вариант «сферы сопроцветания». Волновала их и другая сторона планируемого сообщества, на что обратила внимание, например, индонезийская газета «Мердека». На

ее страницах говорилось: «Заинтересованность в создании подобной группировки со стороны США, Японии, Австралии при поддержке этой идеи Китаем придала ей политическую окраску. Видимо, следующим шагом будет ее военная трансформация»⁶¹. В целом планы создания «Тихоокеанского сообщества» рассматривались странами ЮВА как заявка Японии на подкрепление экономического доминирования военно-политическим влиянием.

В январе 1981 г. страны АСЕАН посетил с официальным визитом следующий премьер-министр Японии — Д. Судзуки. Его поездка проходила в атмосфере усиления антисоветизма в политике Токио и Вашингтона (и, кстати, уже после утверждения доктрины КОНБ). Это, естественно, наложило отпечаток на характер инициатив, с которыми выступил японский премьер. Главную задачу он видел в том, чтобы получить поддержку от членов АСЕАН в организации международной конференции по урегулированию так называемой «кампучийской проблемы». Дело в том, что свержение полпотовского режима и приход к власти при поддержке Вьетнама демократического правительства в Кампучии вызвали резкое недовольство в империалистических государствах, в том числе и в Японии. Они прибегли к давлению на СРВ и НРК, пытаясь подключить к антивьетнамским и антикампучийским действиям страны АСЕАН. Такая политика, естественно, вела только к сохранению напряженности в регионе. Тем не менее Япония взяла на себя миссию побуждать Ассоциацию занять позицию, закрепляющую раскол между индокитайскими государствами и членами АСЕАН. Подобная инициатива, видимо, должна была отражать, правда в весьма своеобразной форме, один из постулатов «доктрины Фукуда», предусматривавший готовность Японии «содействовать взаимопониманию АСЕАН со странами Индокитая».

На декабрьском совещании в Пекине (1980 г.) такая попытка не увенчалась успехом. Усилия Токио втянуть членов Ассоциации в разрешение «кампучийской проблемы», предпринятые Д. Судзуки в 1981 г., также не принесли осязаемых результатов. Несмотря на это, японское правительство не оставило намерений действовать в роли «координатора», но уже не в деле содействия улучшению взаимоотношений между АСЕАН и странами Индокитая. Ныне «координаторская» деятельность Токио трансформировалась в позицию противника индокитайских государств на базе положений, сформулированных «пятеркой». Такая политика противоречит стремлению Ассоциации «избегать втягивания в борьбу двух группировок». Тем более, как заявил министр иностранных дел Индонезии М. Кусумаатмаджа, «в АСЕАН нет принципиальных разногласий в отношении Вьетнама. Все мы сходимся на том, что в конечном счете самую большую угрозу представляет Китай»⁶². Видимо, эта позиция и была положена в основу отказа Сухарто от восстановления дипломатических отношений между Индонезией и КНР, предложение о котором по

поручению китайских руководителей привез Я. Накасонэ в мае 1983 г.⁶³

Эта поездка Я. Накасонэ привнесла новые акценты в азиатскую политику Японии. На этот раз Токио решил не напоминать об идее «Тихоокеанского сообщества», учитывая негативную реакцию на нее со стороны членов Ассоциации. Была принята во внимание и малоэффективность откровенного антисоветизма и антивьетнамизма, на что делал ставку Д. Судзуки. В Токио также решили, что одними политическими предложениями трудно завоевать расположение руководителей стран АСЕАН: нужны и экономические «подарки». В результате Я. Накасонэ привез в своем «багаже» и предложения иенowych займов на общую сумму 800 млн. долл. И хотя он не удержался от высказываний антисоветского и антивьетнамского характера, упор был сделан на другом — на «азиатской общности», которая должна явиться основой взаимоотношений между Японией и АСЕАН. В речи, произнесенной в Куала-Лумпур 9 мая 1983 г., которая впоследствии получила название «Программа дружбы на XXI век», Я. Накасонэ заявил, что его «самая сокровенная мечта» заключается в том, чтобы «Азия шла в авангарде будущего». А это может произойти лишь при условии «укрепления отношений сотрудничества между Японией и АСЕАН в такой степени, которая могла бы стать движущей силой в деле создания новой азиатской культуры, способной указать всему миру путь в будущее»⁶⁴.

Национализм во внутренней политике таким образом трансформировался в расизм во внешней политике. Вполне очевидно, что главную роль в этом «азиатском будущем» намерена играть Япония как государство, обладающее подавляющим военно-экономическим и технологическим превосходством над другими азиатскими странами. Не менее очевидно и то, что за противопоставлением Азия и не Азия просматривается антисоветская заостренность этой «новой азиатской культуры». Но не только это. Такое будущее предполагает противодействие другим неазиатским государствам, прежде всего могущественным соперникам Японии в регионе — США и странам Западной Европы. Вызвать на расовой основе настроения против «белых» империалистов — вполне соответствует гегемонистским интересам японских монополий в ЮВА.

Таким образом, программа Я. Накасонэ — это попытка возродить в новых условиях старую схему «сферы процветания Великой Восточной Азии». Так она и была воспринята в регионе. Новые — только методы и средства. Военные не исключаются, но упор делается на экономические, политические и культурологические рычаги. А цель, под какой бы личиной она ни подавалась — «Тихоокеанское сообщество», «защита» интересов стран АСЕАН от СССР и СРВ или азиатско-расовая общность, — остается та же, а именно: превратить ЮВА в зону своего доминирующего экономического и политического влияния.

Сколь лицемерен и конъюнктурен лозунг об «общности су-

деб» азиатских народов, свидетельствует опыт взаимоотношений Японии со странами Индокитая и Тихого океана. В общении с ними «азиатские» мотивы уступают классовым и геостратегическим задачам, в результате чего неазиатские капиталистические государства зоны Тихого океана (Австралия, Новая Зеландия), а также Канада оказываются для Японии ближе, чем азиатские, но социалистические страны, последовательно отстаивающие общую линию социализма на международной арене.

Высокая степень совпадения позиций Японии по многим проблемам международной политики с Австралией, Новой Зеландией и Канадой определяется также их общей тесной экономической, военной и политической привязкой к стратегии США. Взаимопонимание обнаруживается по широкому кругу вопросов, в том числе и в их отношении к политике Советского Союза, СРВ и КНР в азиатско-тихоокеанском регионе.

Как уже говорилось, Канберра и Оттава были теми столицами, в которых идея «Тихоокеанского сообщества» была воспринята благожелательно. Более того, Австралия даже пытается перехватить инициативу у Японии в пропаганде этой идеи и привлечении в «сообщество» других государств, против чего Япония на данной стадии не возражает. Тесные политические контакты Японии с тихоокеанскими странами подкрепляются военными связями, принявшими форму совместных учений в рамках «Римпак». Безусловно, военно-политические отношения и на этом участке японской политики координируются США, которые стремятся создать слаженный ансамбль антисоветских сил в районе Азии и Тихого океана.

Правда, после прихода к власти в марте 1983 г. лейбористской партии во главе с Р. Хоуком Австралия вносит диссонанс в этот ансамбль. Как известно, прежнее правительство либеральной партии во главе с М. Фрейзером безоговорочно поддерживало курс США и Японии в регионе. Нынешнее же правительство осудило политику консерваторов, направленную на активизацию роли Австралии в осуществлении планов Пентагона по подготовке к ядерной войне, и высказалось против баз США на пятом континенте. Во время визита Р. Хоука в Токио (февраль 1984 г.) он предостерег Японию от наращивания военной силы и призвал японскую сторону содействовать глобальному разоружению и воспрепятствовать размещению ядерных сил в Северной Азии.

Обнаружились разногласия и по вопросу о Кампучии. Хотя Австралия также не признает правительство Народной Республики Кампучии, но она не поддерживает и «коалиционное правительство», сколоченное из различных фракций кампучийской эмиграции. Австралийское правительство отказалось также выступить в ООН (в октябре 1983 г.) совместно со странами АСЕАН соавтором резолюции по Кампучии.

И все же классовая солидарность Японии и Австралии в борьбе против мировой системы социализма приглушает разногласия по тем или иным вопросам мировой политики. В немалой степе-

ни этому способствует и тесное переплетение экономик двух стран.

Достаточно сказать, что на шкале внешнеэкономических приоритетов Японии страны Тихого океана, и прежде всего Австралия, занимают более весомое место, чем весь Африканский континент. В 1982 г. общий объем торговли Японии с Австралией и Новой Зеландией был равен 13,3 млрд. долл., в то время как оборот с Африкой достиг 10,7 млрд. долл. В том же году объем прямых инвестиций только в одной Австралии равнялся 2,9 млрд. долл. (5,4 %), а в Африке — 2,5 млрд. долл. (4,7 %). В этом же году Австралия являлась четвертым торговым партнером Японии (после США, Саудовской Аравии и Индонезии), занимая седьмое место в японском экспорте и пятое место в импорте. Значимость этого государства определяется главным образом наличием сырьевых и энергетических ресурсов. Уместно напомнить, что 30 % минерального сырья, 40 % сельскохозяйственной продукции и 17,7 % урановой руды всего капиталистического мира импортируется из Австралии. Она является самым крупным в мире экспортером железной руды, угля, бокситов, алюминия, шерсти. Это делает экономические структуры Австралии и Японии взаимодополняемыми, а их торгово-экономическое сотрудничество — взаимосвязанным, отличающимся высокой степенью взаимозаинтересованности.

В 1980 г. Австралия занимала первое место в импорте Японии следующих товаров: железная руда (44,9 %), бокситы (65,1), цинк (33,8), уголь (43,0), говядина (82,0), баранина (56,1), сахар (33,9), шерсть (78,4), сыр (36,8 %); второе место: по марганцу (33,3 %), соли (40,2); третье место — по пшенице (17,4 %) ⁶⁵.

В еще большей степени представляет интерес Япония для Австралии. В 1981 г. на долю этой страны приходилось 34 % австралийского экспорта (первое место) и 20 % импорта (второе место после США). На Японию падает 90 % проданных в Австралии телевизоров, 64 % — автомобилей, 54 % — стали.

Японо-австралийские отношения заметно активизировались после прихода к власти в Канберре (13 декабря 1975 г.) коалиции либеральной и аграрной партии во главе с лидером либералом М. Фрейзером. Уже летом следующего года (16 июня 1976 г.) был подписан после трех лет напряженных переговоров Основнополагающий договор о дружбе и сотрудничестве. В том же году был создан японо-австралийский фонд для финансирования исследований в области языка, культуры, а также социальной, экономической и политической структур Австралии. Были учреждены японо-австралийские и австралийско-японские комитеты по вопросам торгового и экономического сотрудничества. Со стороны Австралии его возглавляет Я. Макленнан, с японской стороны — С. Нагано (до мая 1984 г.). Поскольку между ними имеется ряд торгово-экономических противоречий (в частности, в вопросах рыболовства, пошлин и квот на экспорт сельскохозяйст-

венной продукции Австралии, частого невыполнения японской стороной подписанных контрактов и т. д.), почти ежегодно созываются совещания деловых кругов обеих стран.

Аналогичный характер присущ отношениям Японии с Канадой, хотя и в меньшей степени. Товарооборот между ними вырос с 2,3 млрд. долл. в 1972 г. до 7,3 млрд. долл. в 1982 г. Объем инвестиций Японии в Канаде на конец 1982 г. был равен 1,3 млрд. долл. Япония является третьим импортером канадских товаров (в 1979 г. на ее долю приходилось 6,4 %) после США и ЕЭС и четвертым экспортером (3,4 %) после США, ЕЭС и стран Латинской Америки. Номенклатура экспортных и импортных товаров Японии и Канады по характеру идентична структуре японо-австралийской торговле, т. е. обмен товаров промышленного производства на сырье и энергоресурсы. Для Японии характерен крупный дефицит в торговле с этими двумя партнерами, который, правда, не очень волнует Токио. Поскольку стороны крайне заинтересованы в поддержании и развитии отношений, они всегда находят компромиссные решения для улаживания обоюдных споров. К этому их понуждает растущая взаимозависимость и взаимодополняемость в сфере экономики и стремление укрепить собственные позиции на международной арене.

Иной характер носят отношения Японии с индокитайскими государствами. Правда, сначала, после поражения США, в соответствии с концепцией «мира и стабильности в Азии» в Токио проявили заинтересованность в налаживании связей с государствами субконтинента, в первую очередь с СРВ. В условиях послевоенного восстановления народного хозяйства Вьетнама японские деловые круги могли получить крупные экономические заказы, что отвечало бы интересам обеих стран. Особые надежды возлагались на участие японских компаний в разработке нефтяных проектов, реализация которых могла в определенной степени ослабить одностороннюю ориентацию на ближневосточный регион. На эту сторону взаимовыгодного сотрудничества для Японии обращал внимание заинтересованных кругов бывший министр иностранных дел Т. Кимура после своего визита в СРВ в августе 1979 г.

Некоторые препятствия на пути сотрудничества, оставленные в наследство южновьетнамским режимом, были вскоре улажены, после чего стороны приступили к обсуждению конкретных форм экономического взаимодействия. Уже в 1978 г. объем двусторонней торговли достиг 268 млн. долл., а в 1979 г. он должен был существенно возрасти. Помимо этого предполагалось предоставить экономическую помощь Вьетнаму в размере 70 млн. долл.

Но затем позитивное продвижение японо-вьетнамских отношений было приостановлено факторами, выходящими за рамки двусторонних связей. В связи с так называемыми «кампучийскими событиями» японское правительство активно подключилось к враждебной Вьетнаму политике, добиваясь сколачивания антивьетнамского союза в ЮВА. Результатом подобной позиции яви-

лось и то, что Токио принял решение «заморозить» обещанную помощь Вьетнаму, которое действует по настоящее время.

Однако вопреки официальной линии правительства деловые круги страны продолжают проявлять интерес к экономическому сотрудничеству с индокитайскими государствами. В марте 1982 г. был заключен контракт между внешнеторговой организацией СРВ и компаниями «Мицуи тоацу кагаку» и «Марубэни» на поставку химических удобрений во Вьетнам. В следующем месяце того же года другая компания, «Итотю сёдзи», получила заказ на поставку партии тяжелых самосвалов и бульдозеров. Намечается некоторое оживление торгово-экономических связей. В 1982 г. Вьетнам поставил Японии товаров на сумму 36,0 млн. долл., а импортировал отсюда продукцию на сумму 92,3 млн. долл. Конечно, цифры невелики, но существен сам факт. Как сообщалось в газете «Майнити», «деловые круги выражают сожаление по поводу неудовлетворительной политики правительства Японии, которое присоединилось к санкциям против СРВ по требованию США, что нанесло значительный ущерб японо-вьетнамской торговле. Сами эти санкции не достигли намеченных целей — поставить вьетнамский народ на колени»⁶⁶.

Следует отметить, что в правящих кругах Японии есть деятели, выдвигающие предложения, реализация которых могла бы оказать оздоравливающее воздействие на политический климат в регионе. Так, уже упоминавшийся Т. Кимура предлагал японскому правительству «взять на себя инициативу по созыву международной конференции с участием Соединенных Штатов, Китая, Советского Союза для обсуждения вопроса о провозглашении Юго-Восточной Азии — стран АСЕАН, трех индокитайских государств, а также Бирмы — безъядерной зоной». «Этот план, — говорил он, — мог бы позволить заложить основу для создания в ЮВА „зоны мира“»⁶⁷.

Это конструктивное предложение, которое давно отстаивают прогрессивные силы Японии, до сих пор не находит позитивного отклика у официальных кругов в Токио.

Глава четвертая

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ

Политика СССР в отношении Японии: курс на добрососедство

Хотя в предыдущих главах не шла речь о двусторонних японо-советских отношениях, тем не менее читатель, вероятно, обратил внимание на то, что во всех направлениях внешней политики Японии весомо присутствовал советский, точнее, антисоветский фактор. Он являлся ключевым в отношениях с США и странами Западной Европы, с государствами Азии и Тихого океана, а также в доктрине КОНБ и в военной политике Токио.

Конечно, влияние СССР на международную обстановку и ее развитие столь велико, что ни одно правительство не может обойтись без определения своей позиции относительно Советского Союза. Выбор позиции зависит прежде всего от социального характера государств, и в этом смысле все капиталистические страны по сути своей антагонисты СССР. Но решать межсистемные противоречия на путях военной конфронтации в современных условиях означало бы поставить под угрозу само существование человечества. Это понимают руководители многих капиталистических государств и поэтому видят разрешение исторических противоречий в ходе мирного социально-экономического и идеологического соревнования. На иной путь, путь конфронтации и враждебности, склоняется Япония. Причем ответственность за это она возлагает на Советский Союз, который якобы ужесточил свою политику на мировой арене, в том числе и в отношении Японии. Чтобы убедиться в несостоятельности подобных обвинений, коротко остановимся на внешнеполитических шагах СССР по отношению к своему дальневосточному соседу.

Основой политики Советского Союза в отношении капиталистических стран являются ленинские принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Этими принципами изначально руководствуется Советское государство и в своих связях с Японией.

В 50-е годы позиция Советского Союза в отношении этой страны нашла свое отражение в совместной с КНР декларации от 12 октября 1954 г. В ней подчеркивалось, что Советский Союз

и КНР в своей политике по отношению к Японии исходят из принципов мирного сосуществования, из заинтересованности в развитии торговых и культурных связей¹. В 1956 г. была подписана советско-японская декларация о восстановлении дипломатических отношений. В ней указывалось, что обе стороны будут разрешать споры только мирными средствами, воздерживаться от угрозы применения силы².

В 1957 г. Советский Союз благожелательно отнесся к интересам Японии в ходе переговоров по вопросу о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана. Следовательно, стремление СССР к добрососедству с Японией было абсолютно ясно проявлено в период, когда, по мнению буржуазных авторов, Советский союз осуществлял «жесткую» линию в отношении Японии³.

Стремлением к налаживанию добрососедских отношений были мотивированы действия Советского Союза и в 60-е годы. Во время визита в Японию первого заместителя Председателя Совета Министров СССР в 1961 г. вновь было подчеркнуто намерение Советского Союза крепить плодотворное сотрудничество с Японией и указывалось, что важным шагом на этом пути могло бы стать развитие торговли, так как программа внешней политики СССР — «это программа мирного сосуществования, сотрудничества в экономической области»⁴. Официальные заявления советских руководителей деятелей в 60-х годах свидетельствовали о неизменности советской политики в отношении Японии. И в том, что японо-советские связи развивались, немалая заслуга принадлежит инициативам Советского государства, его принципиальной политике.

Наибольший прогресс в советско-японских отношениях наблюдался в 70-е годы, т. е. в период ослабления международной напряженности. Еще в 60-е годы в их практике укоренились компенсационные сделки, предусматривающие переход к долговременному экономическому взаимодействию. На новую ступень двусторонние экономические связи поднялись после того, как японское правительство предоставило гарантии и кредиты частным компаниям, занятым совместно с советскими организациями в осуществлении проектов Сибири. В апреле 1974 г. впервые в истории был подписан Протокол, предусматривавший предоставление Советскому Союзу государственных кредитов экспортно-импортным банком Японии на сумму 1050 млн. долл. На основе Протокола 3 июня 1974 г. заключено Генеральное соглашение о поставках в СССР оборудования, машин и материалов для разработки Южно-Якутского угольного бассейна в счет кредитов Японии на сумму 450 млн. долл. Позднее было подписано еще одно Генеральное соглашение о поставках Советскому Союзу японского оборудования и других материалов на 550 млн. долл. и об экспорте в Японию в 1975—1979 гг. 17,5 млн. куб. м деловой древесины и 900 тыс. куб. м пиломатериалов. После выполнения этого соглашения 9 марта 1981 г. подписывается аналогичное Генеральное соглашение для разработки лесных ресурсов

Дальнего Востока. Перспективным оказалось Генеральное соглашение от 28 марта 1975 г. о проведении геологоразведочных работ на нефть и/или газ на шельфе о-ва Сахалин. Успешно были выполнены пятилетние торговые соглашения за 1971—1975 гг. и 1976—1980 гг.⁵ Сейчас действует торговое соглашение на период 1981—1985 гг.

На совещании японских деловых кругов с советскими представителями в Москве в сентябре 1979 г. японская сторона дала положительную оценку реализации Генеральных соглашений и проявила интерес к новым проектам, предложенным Советским Союзом в качестве базы для дальнейшего наращивания сотрудничества на компенсационной основе.

Показателем поступательного развития советско-японских экономических связей служит состояние торговли, объем которой вырос с 822 млн. долл. в 1970 г. до 4638 млн. в 1980 г. и 5280 млн. долл. в 1981 г. Происходит непрерывный рост морских и авиационных грузовых перевозок между обеими странами. Большую роль при этом играет новый порт — Восточный, построенный в бухте Врангеля при участии японских строительных организаций.

Атмосфера разрядки благотворно сказалась и на углублении торгово-экономических и политических связей Японии с социалистическими странами Восточной Европы. Так, общий экспорт Японии в такие страны, как Чехословакия, Польша, ГДР, Румыния, Венгрия, Болгария, увеличился со 106,6 млн. долл. в 1970 г. до 757,8 млн. долл. в 1981 г., а импорт за тот же период — со 111,3 млн. до 230,4 млн. долл. Знаменательными, например, были визиты в Японию Председателя Государственного совета Болгарии Т. Живкова (март 1978 г.), венгерского министра иностранных дел Ф. Пуйя и членов правительств других социалистических государств. После установления в 1973 г. дипломатических отношений между Японией и ГДР неуклонно развивались торговые и иные связи между ними. Особенно благотворное влияние на их развитие оказал визит в Токио Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР Э. Хоннекера в мае 1981 г. В ходе двусторонних переговоров был подписан договор о торговле и судоходстве, а также была достигнута договоренность о долгосрочном экономическом сотрудничестве, в рамках которой Япония намеревалась поставить в ГДР 10 тыс. автомобилей, нефтеперерабатывающий завод и другие виды промышленного оборудования общей стоимостью 1 млрд. 300 млн. долл.

С перспективой развивались японо-польские отношения. В 1970 г. экспорт Японии в ПНР был равен 22,4 млн. долл., а в 1980 г. он возрос до 228 млн. долл.; темпы роста импорта, правда, были скромнее: соответственно 39,6 млн. и 61 млн. долл. Однако в последующем в связи с негативной позицией Токио к мероприятиям польского правительства по нормализации внутривнутриполитической обстановки взаимная торговля пошла на убыль и в

1981 г. составила 99,5 млн. долл. в японском экспорте и 35,9 млн. долл. в импорте.

И все же, если говорить в целом, экономические связи Японии с социалистическими странами Восточной Европы и с СССР в 70-е годы и в самом начале 80-х годов развивались успешно. Советский Союз при этом неоднократно демонстрировал готовность к углублению сотрудничества, приданию им большего динамизма и превращению их в важнейший позитивный элемент международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе.

Совсем иной характер носит позиция официального Токио в отношении Советского Союза. Даже в 50—70-е годы политическая атмосфера в стране не всегда благоприятствовала успешному развитию советско-японских отношений. В Японии действовали силы, которые пытались блокировать углубление взаимных связей. Активными поборниками антисоветизма в правящем лагере являются представители монополий, связанных с производством оружия, и военные круги. К ним примыкают различные правые националистические организации. Эти силы вместе с Вашингтоном оказывали воздействие на правительство, пытались подтолкнуть его к антисоветским акциям. Именно давлением этих сил и объясняется противоречивая и непоследовательная линия Токио в отношении Советского Союза. А это, естественно, не могло не вести к перебоям, к спадам в советско-японских отношениях, созданию помех на пути к добрососедству.

С конца 70-х — начала 80-х годов негативные факторы, которые мешали развивать отношения с СССР в предыдущие годы, стали все больше определять политику Японии. Как известно, администрация президента Картера в конце своего существования потребовала от Японии «ужесточения» подхода к Советскому Союзу. Настояния Вашингтона на принятии «санкций» против Советского государства в связи с так называемыми «афганскими событиями» в целом нашли положительный отклик в японском правительстве. В частности, японское правительство рекомендовало компаниям частично свернуть экономическое сотрудничество с СССР и не возобновлять переговоры по новым контрактам. Кроме того, по инициативе Токио были прерваны официальные контакты с советской стороной.

Подобные шаги вызвали энергичные протесты демократической общественности Японии. Недовольство выразили и представители бизнеса. Так, С. Нагано призвал кабинет министров «различать экономику и внешнюю политику» и заявил, что «деловые круги не собираются прерывать японо-советское экономическое сотрудничество». Печать расценила меры правительства как «безрассудные» и «неэффективные». «Факты свидетельствуют, — писала газета японских коммунистов „Акахата“, — о безоговорочном следовании правительства за действиями администрации США против Советского Союза».

По инициативе официальных кругов Японии в стране усилилась антисоветская пропаганда. Во-первых, в органах массовой

информации умножились публикации явно провокационного толка. Газета «Нихон-то собиэто» писала по этому поводу: «Быстро увеличивается число журналистов, связанных с УНО... Они выступают в роли застрельщиков выпадов в адрес миролюбивой политики стран социалистического содружества, и в первую очередь против СССР, СРВ, Кампучии»⁶. Во-вторых, сугубо негативную роль играет инспирированное буржуазно-националистическими элементами так называемое «движение за возвращение северных территорий». Неоднократные поездки членов кабинета, а с 1981 г. и самого премьер-министра в северные районы Хоккайдо также преследуют цель подогреть беспредметный «территориальный вопрос». Дело дошло до того, что были учреждены дни «северных территорий». В них обычно участвуют члены правительства, включая премьер-министра. ЛДП выделило 10 млрд. иен для расходов в течение 5 лет на организацию антисоветских кампаний и раздувание среди населения чувства враждебности к СССР. В-третьих, предпринимаются попытки подкрепить необоснованные территориальные притязания мифом о «советской военной угрозе». В соответствующей главе уже говорилось, что цель подобной кампании — оправдать рост военных расходов и собственное военное строительство. В-четвертых, очередным поводом для взрыва антисоветской кампании в начале 1982 г. послужило решение польского правительства о введении военного положения в стране. В духе одного из положений доктрины КОНБ — необходимости объединения и кооперации западных стран — официальная Япония поддержала интерпретацию польских событий США и некоторыми другими странами НАТО. Японский министр иностранных дел и генеральный секретарь кабинета возложили «вину» за принятое в Варшаве решение на Советский Союз⁷.

Несмотря на широкий спектр антисоветских действий, Советский Союз, проявляя выдержку и твердость, продолжал выдвигать инициативы по улучшению советско-японских отношений. Советское правительство терпеливо разъясняло и разъясняет обществу и официальным лицам в Токио пагубность и бесперспективность нагнетания антисоветских настроений в Японии.

Тем не менее официальный Токио продолжает свою линию. В ходе переговоров между военными ведомствами США и Японии в ноябре 1982 г. была достигнута договоренность о размещении на японской территории, в том числе на военно-воздушной базе Мисава (северная часть о-ва Хонсю) американских истребителей-бомбардировщиков «F-16», способных нести на борту ядерное оружие. Подобная договоренность приобретает для Советского Союза особую угрозу, если иметь в виду, что японо-американский «договор безопасности» позволяет американским самолетам наносить бомбовые удары по советским базам в Приморье. Об этом прямо заявил заведующий договорным отделом МИД Японии в октябре 1982 г. Т. Курияма. Причем, по

свидетельству газеты «Асахи», японское правительство, оказывается, придерживается подобного толкования «договора безопасности» еще с 1960 г.⁸ Советское правительство вынуждено было выступить с заявлением в адрес японского правительства, в котором обращалось внимание на то, что «реализация планов размещения в Японии американских самолетов „F-16” вынудила бы Советский Союз принять ответные меры оборонительного характера для нейтрализации новой опасности, исходящей с японской территории». «Советская сторона, — говорится в заявлении, — ожидает, что правительство Японии с должным вниманием отнесется к высказанным советской стороной соображениям, тщательно взвесит все последствия своего решения, в том числе и для безопасности самой Японии».

В то же время Советский Союз давал возможность японской стороне изменить положение. В заявлении указывалось, что «долгосрочным интересам советского и японского народов отвечало бы не нагнетание напряженности, а поиск путей укрепления взаимного доверия и расширения делового сотрудничества»⁹.

Советский Союз неоднократно предлагал Японии подписать мирный договор на взаимоприемлемой основе. Обмен мнениями по вопросу заключения мирного договора имел место во время встреч между руководящими деятелями Советского Союза и Японии в 1973, 1975, 1976 гг. Из бесед выяснилось, что японская сторона не готова к заключению такого договора. Тогда СССР предложил, не прекращая переговоров по мирному договору, подписать между странами договор о добрососедстве и сотрудничестве, проект которого был передан в январе 1978 г. министру иностранных дел Японии. Предполагалось, что этот договор охватит те области, которые созрели для того, чтобы поставить их на прочную договорную базу. Нет сомнения в том, что заключение такого договора отвечало бы интересам советского и японского народов и стало бы крупным шагом в пользу мира.

В связи с этим предложением в японских политических кругах было выражено опасение, что заключение такого документа воспрепятствует подписанию мирного договора. Но в советской печати неоднократно указывалось, что реализация советского предложения о заключении договора о добрососедстве и сотрудничестве ни в коей мере не снимает вопроса о мирном договоре, в отношении которого советская сторона готова зафиксировать намерение продолжить переговоры. Проект договора о добрососедстве и сотрудничестве, предложенный Советским Союзом, находится в полном соответствии с Уставом ООН и включает в себя такие положения, которые уже в той или иной форме нашли свое отражение в договорах и соглашениях, заключенных СССР с США, ФРГ, Францией и другими капиталистическими странами.

Однако официальные круги Японии под различными предлогами отказались от серьезного изучения советских предложений и ответили на них развертыванием широкой антисоветской кам-

пании вокруг уже упоминавшегося «территориального вопроса».

Более того, враждебность к Советскому Союзу вышла за рамки двусторонних отношений и стала пронизывать чуть ли не все направления внешней политики Японии. Какие же перспективы сулит подобная политика? Рассмотрим ее предварительные итоги в более широком контексте.

Еще в ходе выработки внешней политики на 80-е годы многие ученые, политические деятели и деловые круги высказывали опасения по поводу того, что невозможно будет сохранить баланс между тремя компонентами доктрины КОНБ. Внешнеполитическая деятельность Токио в последние годы подтвердила эти опасения.

Как и следовало ожидать, наибольшее внимание было уделено военно-политической стороне внешней политики Токио. Поддержка антисоветской стратегии Белого дома на практике привела к ускорению качественной модернизации вооруженных сил страны, совершенствованию военного механизма взаимосвязи с Вашингтоном на основе «договора безопасности», учащению совместных с вооруженными силами Пентагона военных учений, а также к закреплению за «силами самообороны» постоянного места в качестве участника многосторонних маневров «Римпак» со странами АНЗЮС. Интенсивно продолжаются трехсторонние контакты между США, Японией и Южной Кореей, нацеленные на военно-политическую интеграцию трех стран в единый военно-политический механизм. Дальнейшее развитие получают военно-политические переговоры Японии с европейскими странами НАТО (в первую очередь с Францией, ФРГ, Англией и Италией) — процесс, именуемый «натоизацией» Японии. Сохраняется враждебная позиция Токио в отношении социалистических государств Индокитая и Афганистана, в целом усилилась антисоветская линия японского правительства.

Вместе с тем не были решены задачи, предусмотренные в экономической части доктрины КОНБ: не только сохранились, но и обострились торгово-экономические противоречия с США и странами ЕЭС, не разрешены экономические расхождения с государствами АСЕАН; к ним добавилось усиление опасений с их стороны в связи с наращиванием мощи «сил самообороны» Японии; не столь однозначно, как хотелось бы Токио и Вашингтону, развиваются отношения с КНР. Проамериканизм Токио осложнил позиции японских компаний на Ближнем Востоке. Серьезно ухудшились советско-японские политические и экономические связи. Причем, как отмечалось в японской печати, бизнесмены из-за «санкций», предпринятых в связи с «афганскими событиями», понесли убытки в размере 4 млрд. долл.¹⁰

Сравнение результатов осуществления военно-политической и экономической частей доктрины КОНБ свидетельствует о том, что первая развивается, по логике японского правительства, по восходящей линии, так сказать со знаком «плюс», вторая — по нисходящей, со знаком «минус». Этот процесс естественный, по-

скольку любой «плюс» в военной сфере оборачивается «минусом» в экономике. И прошлое, и современность доказали и продолжают доказывать, что затраты на военные цели наносят ущерб экономическим интересам. Такие результаты запрограммированы самой доктриной КОНБ с ее неизбежным утритованием военного аспекта: действие последнего объективно направлено против гармоничного развития экономики.

Буржуазные либералы и внешняя политика Японии: призыв к реальности

Обратная пропорциональность возможных «успехов» в военной политике, в антисоветской направленности внешней политики Японии ее достижениям в экономических областях начинает вызывать серьезное беспокойство у бизнеса. Один из представителей деловых кругов, советник Банка Японии (а также профессор экономики университета Сэйкэй, президент Института статистических исследований и Азиатского клуба) М. Синохара с целью избежать такой зависимости предлагает увязать «комплексную безопасность» с «международной безопасностью», которая может быть достигнута на путях экономического сотрудничества и оказания помощи развивающимся государствам. «И если США, — пишет М. Синохара, — утомленные такой помощью, пытаются освободиться от этого типа безопасности, то для Японии она необходима, во-первых, из-за чрезвычайно высокой зависимости от сырьевых и энергетических ресурсов, во-вторых, от продовольствия, в-третьих, в связи с перестройкой взаимоотношений с новыми индустриальными государствами (Южной Кореей, Тайванем, Гонконгом, Сингапуром). Поэтому вклад Японии в международную безопасность надо осуществлять не в военной сфере, а в сфере ресурсов, энергии и продовольствия». Синохара считает далее, что особое внимание с точки зрения продовольственных проблем необходимо обратить на развитие дельты Меконга в Индокитае, где к 1990 г. может быть выращено 3,5—3,6 млн. т риса. Но эти потенциальные возможности можно реализовать «на основе экономического сотрудничества между оппозиционными политическими системами»¹¹.

Подобные настроения частично были воплощены в реальных действиях во время уже упоминавшегося визита в СССР японской экономической делегации во главе с С. Нагано. В условиях расцвета антисоветизма этот визит, даже вне зависимости от результатов, символизировал своего рода вызов крупного бизнеса курсу кабинета Накасонэ и отражал неприятие политики КОНБ в ее чрезмерно военизированном виде.

Среди политических и научных кругов Японии существует немало сторонников серьезного подхода и к развитию советско-японских политических отношений, закрепленных соответствующим договором. Так, еще в 1978 г. С. Сонода, касаясь советского предложения подписать договор о добрососедстве и сотруд-

ничестве, говорил: «Мы не должны отвечать только „нет“. Мы должны выступить с контрпредложением за столом переговоров, например таким: можно обсуждать этот договор параллельно с договором о мире»¹².

Некоторые политические деятели понимают, какое серьезное осложнение в советско-японские отношения вносит «территориальная проблема». В этой связи известный деятель Японии, председатель правления японской Ассоциации по культурным связям с зарубежными странами С. Мацумаэ резонно указывает: «Принятие кабинетом... решения об учреждении „дня северных территорий“ является провалом дипломатии Японии в отношении СССР. Такое решение... приведет к обострению японо-советских отношений в то время, когда усиливаются настроения в пользу урегулирования отношений с Советским Союзом»¹³. Такой точки зрения придерживаются многие ученые, принадлежащие к школе «политического реализма», например М. Накадзима. Он полагает, что сложные вопросы в советско-японских отношениях, как, например, «провокационную проблему северных территорий», необходимо решать с «холодной головой», а не путем «возбуждения японской общественности».

Решительное противодействие в части правящих кругов вызывают и антисоветские начала в общей теории и практике политики «безопасности». Многие представители этих кругов не склонны рассматривать свою страну в качестве неотъемлемого «элемента» глобальной политики Вашингтона. Некоторые из них отклоняют так называемую концепцию «советской угрозы», справедливо квалифицируя ее как «демагогическую и ограниченную». Действия Советского Союза на международной арене, по их мнению, являются естественным отражением идеологических основ советского государства, нацеленных в первую очередь на защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Отвергая как необоснованный тезис об «угрозе», они считают, что главная задача СССР заключается в укреплении дружеских связей с их страной и в углублении экономического сотрудничества. Именно таким образом воспринимают советскую внешнюю политику, как было сказано в одном авторитетном сборнике, «большинство японцев, предпочитающих мир на основе разрядки международной напряженности и экономическое сотрудничество с СССР»¹⁴. В упоминавшемся сборнике были приведены результаты опроса среди влиятельных политических деятелей, включая членов кабинета Д. Судзуки. Как оказалось, большинство опрошенных вообще не верят в мифическую «советскую угрозу».

В правящих кругах страны с начала 80-х годов, т. е. с момента нового витка гонки вооружения, образовалась своего рода буржуазно-либеральная оппозиция курсу официального Токио. Она состоит из видных деятелей ЛДП, представителей бизнеса, влиятельных ученых. В отличие от правительственных оценок они по-иному подходят ко всему комплексу отношений между

США, СССР и Японией. Они полагают, что нынешняя система американо-японских отношений позволяет Вашингтону устанавливать полный контроль над японской внешней политикой, в результате чего страна продолжает переживать «оккупационный период» с ограниченным «политическим суверенитетом»¹⁵. Белый дом как бы в подтверждение этого, казалось бы, на первый взгляд преувеличенного вывода потребовал в феврале 1984 г. от японского правительства разрешения ввести в состав Совета промышленной структуры при МВПТ наблюдателей от США. Это требование, оцененное как намерение Вашингтона взять под свой контроль внешнеэкономическую деятельность Японии, тем не менее было удовлетворено кабинетом Накасонэ¹⁶. Прецедент, не имеющий практики в межгосударственных отношениях, еще раз продемонстрировал, сколь подчиненное положение занимает Япония в отношениях с США.

Среди буржуазно-либеральной оппозиции существует устойчивое мнение, что усиление военной мощи Японии и укрепление ее военных связей с США не содействуют обеспечению безопасности страны. Обратимся к оценкам военного специалиста, бывшего начальника отдела истории Военной академии УНО Х. Маэда. Он подвергает обстоятельной критике американскую теорию «бесплатного использования договора безопасности». Этот договор, считает Маэда, был «навязан» побежденной Японии. «Едва ли, — пишет он, — победившая страна станет односторонне навязывать побежденной стране договор, невыгодный ей самой. На самом деле этот договор требует жертв от Японии, но отнюдь не от США». Японии же он невыгоден по той простой причине, что «нет оснований предполагать, будто бы она столкнется с военной угрозой, достаточно сильной, чтобы оправдать размещение иностранных войск на ее земле». Хотя бы уже потому, что у Японии нет нерешенных военных проблем с ее соседями. Утверждать же, будто Япония обязана совместными действиями американских и японских вооруженных сил предотвращать «советское вторжение — значит, по существу, создавать иллюзию мании преследования». Смехотворными называет ученый высказывания некоторых деятелей об имеющихся якобы у СССР намерениях установить контроль над японской промышленностью, взяв «в клещи» морские коммуникации. Наконец, пишет он, «японцам нет абсолютно никакой необходимости считать, что страна в настоящее время подвергается ядерной угрозе со стороны Советского Союза», а поэтому «ядерный зонтик» США — это «помощь», которая вовсе не требуется. В результате, делает вывод Маэда, «угроза Японии исходит от нажима США, а не от наращивания военной мощи СССР». И чтобы искоренить эту угрозу, необходимо освободиться от «договора безопасности» и военной опеки США¹⁷.

Другой специалист в военной области, М. Ягисава, резонно спрашивая, чьи же интересы следует защищать под рубрикой «национальных интересов», отвечает: это — интересы корпора-

ций, интересы США. А подлинным национальным интересам Японии соответствовала бы договоренность СССР и США об отказе от войны, о снижении военного противостояния в мире¹⁸. Д. Лумис из токийского колледжа «Цуда», кстати не питающий особых симпатий к СССР, считает, что «единственной страной, которая может вторгнуться в Японию, являются США. Конечно, это могло бы случиться, так сказать „по просьбе законного правительства“, если бы антиамериканское движение усилилось бы настолько, что японские власти оказались бы не в состоянии его контролировать»¹⁹. В Японии, безусловно, есть и такие деятели, которые постоянно говорят об «угрозе» со стороны Советского Союза. Но даже они, правда с сожалением, вынуждены констатировать, как это делает бывший главный редактор агентства Дзиди К. Моринага, что «фактически мало японцев верят в реальную советскую угрозу»²⁰.

В связи со всеми этими разговорами об угрозе и подготовке к ее отражению японцы ставят и более общий вопрос: можно ли вообще добиться внешнеполитических целей, применяя опасный военный инструмент? Известный политический деятель, губернатор префектуры Канагава К. Нагасу, ставя под сомнение правомерность доктрины «национальной обороны» в качестве государственной политики, пишет: «Все войны начинались ради самообороны. В результате провозглашения самообороны в качестве цели защиты жизненных интересов Япония втягивалась в агрессивные войны, которые вела 15 лет»²¹. 17 тыс. японцев погибло в японо-китайской войне 1894—1895 гг., 100 тыс. — в русско-японской войне 1904—1905 гг., 2100 тыс. — в тихоокеанской войне — такой печальный итог внешнеполитических авантюр Японии. Нагасу не видит иной альтернативы внешнеполитическому курсу страны, кроме пути к миру и готовности отстоять мир. Он верно подметил размытость «самооборонной» политики Токио, справедливо считая, что для военных кругов «самооборона» — это замаскированная форма наступательной, агрессивной доктрины и практики.

Бывший генеральный секретарь Совета обороны О. Кайхара с позиции военного разобрал план 1000-мильной «обороны» Японии, который был предложен адмиралом Ц. Яда²². Подсчитав наличный и перспективный потенциал Японии, а также возможные варианты, с которыми придется столкнуться стране в случае попыток реализации этого плана, О. Кайхара пришел к выводу: «Требования к силам самообороны самостоятельно защищать 1000-мильную зону напоминают позиции императорских ВМС: „ничего нет и не может быть невозможного“. А такая позиция привела Японию к поражению»²³.

Именно в этой связи многие специалисты обращают внимание на специфику положения страны, которая ставит ее в особенно неблагоприятные условия с точки зрения ведения современной войны. Островное положение государства, концентрация населения в крупных городах, скопление промышленности на неболь-

шой территории, наконец, отсутствие естественных ресурсов — все это делает «непотопляемый авианосец» особенно уязвимым для ответного удара.

Надо полагать, что значительная часть правящих кругов и не связывает усиление «оборонного» потенциала с прямым вовлечением в военные действия на своей территории и за ее пределами. Многие представители этих кругов рассматривают глобальные военные устремления как фактор, повышающий политическое влияние страны в мире. Ностальгия о мировом политическом авторитете давно гложет Токио. Однако опыт XX в. показал, что истоки политического влияния отнюдь не находятся в сфере военной политики. Экономические и культурные факторы оказываются в этом смысле намного эффективнее.

Интересны в этой связи мысли С. Сонода, относящиеся к 1978 г., когда он исполнял обязанности министра иностранных дел. В предисловии к очередной «Голубой книге» он подверг критике имеющую хождение на Западе концепцию, согласно которой «ценность» государства определяется категорией «военная сила». Отвергая такой вариант «ценности», он писал, что «скорее всего в этой связи важен вклад в соответствии с интересами всего мирового сообщества. Именно вклад стал критерием для определения ценности и уровня авторитета страны в мире. Поэтому наша страна, исходя из данного критерия, превратилась в государство, обладающее ценностью, так как экономический вклад дополняется политическим»²⁴.

Нельзя не согласиться с подобными рассуждениями. Проблема только в том, что они не имеют отношения к Японии, по крайней мере к нынешней ее политике. Политического же влияния можно добиться только политическими средствами.

С таким выводом начали соглашаться и те деятели, которые когда-то сами внесли весомый «вклад» в наращивание военных сил страны, например бывший премьер-министр Д. Судзуки, а также нынешний претендент на этот пост Т. Комото. Растет и беспокойство деловых кругов, у которых, по словам президента компании «Каватэцу кокэнсэцу» Я. Кавада, разговоры о превращении Японии в «непотопляемый авианосец» вызывают «страх». Эти настроения подытожил президент торговой фирмы «Дайэн» Накаутти. «Идея о том, что в ядерный век можно обеспечить безопасность страны путем гонки вооружения, — заявил он, — является в корне ошибочной. Такой политике необходимо поставить прочный заслон»²⁵.

В докладе Общества комплексного изучения проблем современности, куда входят различные слои японской политической и научной элиты, был дан критический анализ нынешнего внешнеполитического курса Токио, и прежде всего его безоговорочного следования стратегии США. Авторы доклада выдвинули предложение заключить между США, СССР, КНР, Тайванем, Южной Кореей, КНДР и Японией договор о коллективном обеспечении

безопасности, который бы декларировал демилитаризацию Дальнего Востока и взаимное ненападение сторон²⁶.

Таким образом, многие японские ученые-международники, военные специалисты, представители делового и политического мира считают, что наращивание военного потенциала страны, тем более его использование объективно и исторически ничем не мотивировано: оно не только не увеличит политического влияния, не только не обеспечит национальную безопасность, а, наоборот, может поставить под угрозу подлинную безопасность Японии, подорвать имедж невоенной державы, вызвать самую негативную реакцию внешнего мира. Старая милитаристская доктрина (выдвинутая еще в 1860 г.) — богатая нация, сильная армия (фукоку кёхэй) — уже привела однажды к краху и чуть ли не к потере суверенитета Японии. В современную же эпоху две составные части этой доктрины являются антагонистами.

Однако логика рассуждений не всегда соответствует логике действий. Последние говорят о том, что милитаристские тенденции продолжают усиливаться. К чему это может привести уже в ближайшем будущем?

Не вдаваясь в детали последствий экономического и политического характера для внутривнутриполитической ситуации в стране, можно все же предположить, что отвлечение ресурсов на так называемые «оборонные нужды» понизит долю национального богатства и ослабит Японию на внешних рынках к вящему удовлетворению США и Западной Европы.

Надо полагать, что страны АСЕАН вряд ли будут безмятежно созерцать процесс наращивания вооруженных сил своего воинственного соседа. Опыт «общения» с Японией в годы второй мировой войны еще не изгладился из памяти их народов. Повторять его, судя по высказываниям политических лидеров этого блока, они явно не желают.

Нельзя, видимо, исключать и изменения в позиции КНР. У Пекина в настоящее время особый подход к наращиванию военного потенциала Японии. Однако выход ВМС Японии в зону ЮВА может рассматриваться в Китае и с точки зрения безопасности южных границ КНР. Такая ситуация не может не привести к появлению иных настроений среди китайского руководства, в результате чего возможно обострение японо-китайских противоречий.

Нереальным было бы полагать, что и Советский Союз останется безучастным наблюдателем попыток нарушить равновесие на Дальнем Востоке путем усиления военной мощи Японии, углубления военных связей между УНО и Пентагоном, размещения со стороны США новых видов оружия в регионе. Профессор Е. Нагаи как-то писал: «Поскольку милитаризация Японии будет носить характер антисоветской заостренности, Советский Союз вынужден будет предпринять контрмеры»²⁷. И в этом японский профессор совершенно прав. Заблуждаться на этот счет нет никаких причин.

Давая отпор милитаристским и антисоветским поползновениям реакционных кругов Японии, Советский Союз в то же время всегда оставлял и оставляет двери открытыми для ведения конструктивного диалога с этой страной. Об этом постоянно напоминают руководители партии и правительства СССР. Так, в одном из своих выступлений министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил: «Если в Токио сделают выбор в пользу мира и добрососедства, то СССР будет надежным партнером Японии в развитии широчайших взаимных связей в политической, экономической и других сферах»²⁸.

РОЛЬ ЯПОНИИ В МИРЕ

Исследованные в монографии проблемы позволяют сделать некоторые обобщающие выводы. В конечном счете они должны нас подвести к ответу на вопрос о роли Японии в мировой политике.

Но вначале необходимо определить понятие «роль». Обычно в теоретических исследованиях, посвященных международным отношениям, и в выступлениях политических лидеров это понятие ассоциируется с мощностью государства. Тем самым подразумевается прямо пропорциональная зависимость между названными явлениями. В концентрированном виде подобный подход выражен в призывах правительства о необходимости приведения политической роли Японии в соответствие с ее экономической мощью.

Думается, что подобная трактовка связи мощи и роли государства неверна. В первой части монографии мы писали о категориях силы, мощи, веса и престижа государства. Напомним, что вес означает объективную констатацию сравнительной мощи государства на международной арене; в свою очередь, мощь — это совокупный экономический потенциал страны, а престиж — оценка веса государства со стороны международной среды. Сила же определена как способность государства изменять структуру международных отношений. Понятие роли государства, безусловно, связано со всеми названными категориями, но не прямо, а через цепь явлений, выраженных терминами «мощь» — «политика» («сила») — «роль». В самом деле, по своей экономической мощи Япония занимает третье место в мире. Роль же этой страны явно ниже ее возможностей и ограничена рамками той политики, которую она сама себе определила. В то же время мощь РСФСР в начале 20-х годов уступала экономическому потенциалу большинства крупных держав, однако роль нашей республики была столь громадна, что привела к кардинальному изменению в системе международных отношений. В определенной степени то же самое можно сказать о Кубе и Вьетнаме. Их место с точки зрения экономических потенциалов также уступает месту многих капиталистических стран, однако вряд ли кто-нибудь станет оспаривать значение их влияния на развитие нацио-

нально-освободительного движения в Латинской Америке, Африке и в Азии. Следовательно, роль государства определяется не мощью, а политикой, которая может характеризоваться и силовыми чертами. Поскольку отношение к роли зависит от мировоззренческой, классовой принадлежности наблюдателя (государства, личности), постольку роль — понятие субъективное, оценочное. Другими словами, *роль* — это субъективная оценка участниками международной среды политики (или силы) того или иного государства или группы государств.

Если исходить из такого понимания названных терминов, то можно сделать вывод, что престиж Японии как крупной экономической державы очень высок. Такая оценка зиждется не только на констатации абсолютных и относительных экономических показателей Японии (по многим видам производства, причем самым перспективным, она занимает 1, 2 или 3-е места в мире), но и определяется высоким качеством японских товаров. Не случайно почти во всех странах капиталистического мира «престижно» иметь японские товары. Престижеобразующими элементами являются также уважение всего мира к способности Японии достигать высоких экономических результатов без наличия собственного сырья и энергоресурсов, всепроникаемость японского бизнеса, его умение предвидеть перспективные направления в производстве, заблаговременно подготовиться к предстоящим кризисам.

При этом престиж Японии даже выше объективного статуса, так как при всех экономических достижениях страны она тем не менее по совокупному экономическому потенциалу уступает и США, и западноевропейскому центру, а темпы ее экономического роста в 70-е годы существенно понизились по сравнению с 60-ми годами. Экономическая мощь Японии вполне сопоставима (с небольшим превышением) с потенциалом ФРГ (при этом, однако, надо иметь в виду, что население ФРГ почти в два раза меньше японского, а значит, по относительным показателям Япония сразу же уступит многие свои первые места ФРГ).

«Излишек» престижа над объективным весом государства, в данном случае Японии, объясняется, как минимум, тремя причинами.

Во-первых, он создается односторонней оценкой внешних признаков этого статуса и одного или нескольких индикаторов экономического потенциала страны. Если анализировать более длинный ряд показателей экономического, социального и культурного развития страны, то удельный вес Японии относительно других развитых капиталистических стран будет значительно ниже. В упоминавшейся книге «Типология несоциалистических стран» был проделан такой многомерно-статистический анализ по 31 индикатору (и рассчитанный с помощью статистическо-математических методов) на конец 60-х годов. В результате Япония по совокупным показателям, отраженным в главном компоненте, оказалась всего лишь на 15-м месте среди 85 стран несоциали-

стического мира. И это в тот период, когда по ВВП она уже вышла на второе место в капиталистическом мире (после США) и опережала ФРГ¹. Можно безошибочно утверждать, что проделанный таким способом анализ экономического развития Японии на начало 80-х годов вряд ли подтвердил бы тезис о статусе Японии как второй экономической державы капиталистического мира.

Во-вторых, престиж — это формирование в течение определенного периода времени благоприятной позиции относительно данного государства со стороны политических деятелей, различных слоев населения других стран. И чтобы достичь такого отношения, государство затрачивает определенные ресурсы для накопления субъективных условий в международной сфере. Таким образом, престиж зависит и от внешнеполитических фондов, т. е. от внешнеполитического потенциала, а точнее, потенциала пропагандистского и идеологического аппарата внешней политики. Японское правительство и японский бизнес не жалеют средств для пропаганды своих достижений.

Наконец, в-третьих, на престиж Японии невольно «работают» и противники торгово-экономической экспансии японских монополий. Раздувая и утрируя в прессе победы «желтого дьявола» или «самурайских пиратов» на собственных рынках, они тем самым как бы рекламируют превосходство Японии.

Очень важен вопрос о характере японского империализма в нынешних исторических условиях. Формально тема нашего исследования не имеет прямого отношения к оценкам японского империализма и его особенностей. Но без этого крайне сложно окончательно определить характер внешней политики Японии, а значит, и ее роль в мире. Поэтому мы считаем целесообразным изложить свое представление о японском империализме через призму его внешнеполитической деятельности.

Выведенные еще в 1916 г. В. И. Лениным пять признаков империализма актуальны и в настоящее время. Применительно к современной Японии требует уточнения пятый признак: «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»². Попытка «территориального передела», предпринятая Японией в 1931—1945 гг., окончилась провалом. Урок отчасти пошел впрок, и японский монополистический капитализм на данный момент не ставит задачу «передела земли». Сейчас речь может идти лишь о расширении хозяйственной территории. И к этому Японию толкает не только мощь монополий, которым тесны рамки национального рынка, но и сама природа монополистического капитализма. В. И. Ленин писал: «Внешнеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям»³. В нынешних же условиях это означает стремление к овладению рынками сбыта и сырья. И сейчас, пожалуй, нет ни одного участка земного шара, куда бы не протянул свои руки японский монополистический ка-

питал. И по охвату, а точнее, по захвату мировых рынков, носящих глобальный характер, Япония, как представляется, идет впереди если не США, то любой отдельно взятой страны Западной Европы. Масштабность японского империализма является, таким образом, первой его особенностью.

Но финансовый капитал «хочет не свободы, а господства». Развивая эту мысль Гильфердинга, В. И. Ленин пишет: «Для империализма характерно как раз стремление к аннектированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных... ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при *переделе*, протягивать руку ко *всяким* землям; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии»⁴. Этот вывод находит свое подтверждение особенно в действиях японского империализма в наши дни. В направлениях внешнеэкономической экспансии Японии не случайно столь важное место занимают развитые капиталистические государства (это подтверждается данными, приведенными нами в соответствующем разделе). В 80-е и особенно в 90-е годы, учитывая планы японской буржуазии сконцентрировать свои усилия на развитии технологического потенциала и наукоемких областей производства, нынешний баланс удельных весов между аграрными и промышленными районами в совокупной экономической деятельности Японии наверняка будет меняться в пользу последних. И в связи с этим выступает вторая особенность японского империализма: он побивает в экономической конкурентной борьбе своих соперников не только на рынках развивающихся государств, но и на их собственных рынках. Это говорит о том, что японский финансово-монополистический капитал сильнее, динамичнее, организованнее, выше американского, западногерманского, английского и т. д. (как в начале века такими преимуществами обладала германский империализм над английским, а американский над германским). Тенденция такова, что если сейчас японский капитализм выше своих конкурентов в торговле, то завтра он будет выше их по зарубежным капиталовложениям.

Наконец, третьей особенностью японского империализма является его почти полная зависимость от внешних источников сырья. Такая зависимость имеет свои плюсы и минусы. Можно даже сказать, что плюсы развития японской экономики есть продолжение или отражение тех минусов, которые возникли в результате импортной зависимости от внешней среды. Именно последнее вынуждало японские монополии ориентироваться на наукоемкое (а значит, и металло- и энергосберегающее) производство, на качество товаров, на разработку энергосберегающего оборудования. Даже тип японского мышления, доминирующей чертой которого является стремление к экономии, к рачительному хозяйствованию, в некоторой степени отражает те сложные условия, в которые поставлена Япония. Уязвимость от внешней среды бизнес компенсировал еще более отлаженной системой управления, т. е. именно эта уязвимость в какой-то степени яви-

лась причиной формирования «японского менеджмента», вызывающего зависть у американских и западноевропейских конкурентов.

Обратной стороной зависимости от рынков сырья и сбыта явилась и «чисто японская» манера поведения, обхождения со своими партнерами, проявляющаяся в стремлении уладить все надвигающиеся конфликты, быть в хороших отношениях со всеми. Хотя и не всегда, но чаще всего такая манера поведения приводила к успехам.

Таким образом, в отличие от американского (гегемонистского) и западноевропейского (группового, коллективистского) империализма японский империализм можно обозначить как *торгово-финансовый* империализм. Он имеет следующие отличительные признаки: стремление к экономическому господству на всем земном шаре; большая организованность и мобильность, большее искусство в достижении цели; способность быстро осваивать результаты научно-технической революции и предугадывать перспективы ее дальнейшего развития.

Характер японского империализма определяет внешнюю политику Японии и объясняет несоответствие между ее экономическим статусом и политической ролью в мире. Что наблюдалось во внешней политике Токио в 70-е годы? Небывалый размах активности японских монополий и на этом фоне особенно бросающиеся в глаза вялые, пассивные действия японского правительства. Известный американский обозреватель Дж. Рестон с некоторым недоумением писал по этому поводу: «Японские руководители не решаются выдвигать собственные предложения для решения запутанных (международных) проблем, и стороннему наблюдателю трудно определить, то ли они недооценивают своего потенциального влияния на мировые дела, то ли просто пытаются уйти от ответственности, налагаемой на них успехом»⁵. Действительно, ни вопросы войны и мира, ни проблемы разрядки и разоружения, ни одна из актуальнейших проблем современности не привлекала пристального внимания японского правительства. Причины такого отношения особенно удивляют в свете того, что еще в конце 60-х годов японские политические деятели призывали к увеличению именно политической роли страны в мире. В чем же дело?

Во-первых, надо учесть, что ни один из лидеров монополистических кругов страны (ни Уэмура, ни Сакурада, ни Сасаки, ни Нагано — президенты «4-х монархий» на начало 70-х годов) и не ставили подобной задачи. В самом деле, зачем им политическая роль? Она, равно как и военная, необходима для подготовки условий, благоприятствующих экономической экспансии. Но в эти годы такие промежуточные звенья были ни к чему монополиям, поскольку и с помощью «чисто» экономических средств и рычагов они добивались своих целей.

Во-вторых, соотношение сил между финансовым капиталом и японским государством в значительно большей степени, чем

в других развитых капиталистических странах, было и остается в пользу первого. И таким образом, он мог самостоятельно, через голову правительства, добиваться осуществления своих целей. К государству монополии обращались лишь в тех случаях, когда резко обострялись экономические противоречия в их отношениях с США или Западной Европой. Не случайно многосторонние и двусторонние встречи в верхах обычно служили для решения или по крайней мере смягчения остроты прежде всего экономических проблем, возникавших между союзниками-соперниками. Такая же роль отводилась правительству и в отношениях Японии со странами ЮВА. Когда монополии чувствовали накопление антияпонских настроений в регионе, они побуждали политических руководителей страны принимать меры для «снятия напряжения». Этой же цели служили и поездки японских политических деятелей на Ближний Восток.

В-третьих, ответ на поставленный вопрос находится в тесной связи (причем связь здесь прямая) с проблемами международной разрядки и американо-японских отношений. Дело в том, что если политика монополий диктуется собственными интересами, то правительственный курс формируется главным образом под воздействием двух сил: монополий и Вашингтона. Правительство постоянно находится как бы между двух огней. Поскольку у японских монополий достаточно серьезные противоречия с США, то в случае склонения Токио к позиции Вашингтона (например, выполнение требований ограничить экспорт в США) такой курс встречает противодействие со стороны дзайкай, если же правительство «работает» на свои монополии, это вызывает критику со стороны США. Такое положение между Сциллой и Харибдой не позволяет японскому правительству вырабатывать, а тем более осуществлять целостную линию поведения, в результате чего, по выражению Р. Арона, «коэффициент мобильности» официальной государственной политики крайне низок. Но в период разрядки, в том числе по линии СССР — США, последние ослабили давление на Токио в плане привлечения его к борьбе с мировым социализмом. Сам Вашингтон в тот период давал пример улучшения отношений с Советским Союзом, Китаем и другими социалистическими странами. В Токио, как известно, не преминули воспользоваться такой ситуацией и положительно реагировали на предложения социалистических государств улучшить отношения. Подобные действия японского правительства отвечали интересам и японских компаний, которые постоянно проявляют готовность развивать экономические отношения со всеми странами, включая социалистические. Следовательно, внешнеполитическая роль японского правительства, по сути дела, сводилась на протяжении большей части 70-х годов к функциям экономического эмиссара японских монополий в мире.

Еще в 1969 г. на Международном совещании рабочих и коммунистических партий был сделан крайне важный вывод: «Сегодня, в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма,

происходит известное перемещение центра тяжести стратегии империализма на мировой арене. Политика империализма все в большей мере определяется классовыми целями общей борьбы против мирового социализма, национально-освободительных революций и рабочего движения»⁶. Однако поведение японского империализма в 70-е годы мотивировалось в значительно большей степени собственными интересами, нежели общеимпериалистическими интересами борьбы с мировым социализмом.

Положение кардинально изменилось на рубеже 70—80-х годов. Ослабление позиций империализма по всем основным линиям противоборства оказало стимулирующее влияние на тенденцию к сплочению, блокированию мировой буржуазии. Эта тенденция стала доминировать над тенденцией разъединительной, порождаемой экономическими противоречиями.

Инициатором по объединению западного мира выступили США, как самая мощная военная и экономическая держава. Японские политические лидеры охотно откликнулись на призывы к сплочению. Но если бы речь шла только об одобрении курса Вашингтона со стороны политических кругов, то можно было бы заранее предсказать, что проамериканская позиция Токио не была бы воплощена на практике. Вся суть в том, что японский монополистический капитал также встревожен, и не менее США или политиков собственной страны, ростом влияния социалистической системы и размахом национально-освободительного движения, а следовательно, и своих капиталовложений, рассредоточенных по всему земному шару. Об этой тревоге свидетельствуют приведенные в монографии высказывания лидеров финансово-политического капитала в конце 70-х—начале 80-х годов. И в данном случае плюсы диверсифицированной экономической политики оборачиваются минусами зависимости от политической ситуации на каждом участке, где сконцентрировались интересы японских монополий. Добиваться хороших и стабильных отношений становится все сложнее и сложнее, поскольку логика отношений с США оборачивается негативными сторонами для экономических интересов Японии. Как писал один из авторитетных японских экономистов М. Сакамото, «хотя Япония не была непосредственным участником событий в американо-иранском конфликте, но как член западного мира она объективно почувствовала на себе результаты этого конфликта»⁷. Эта же логика втягивает Японию и в «противоречия между Востоком и Западом».

К концу 70-х годов созрели и другие факторы, толкающие страну на путь превращения в политическую державу. Рост экономики, усиленное продвижение на рынки развитых капиталистических государств, тенденция к технологическому опережению и т. д. породили в правящих кругах националистическую самонадеянность, разжигаемую и среди широких масс Японии. Наконец, армия, военные круги, приобретающие статус политической силы, тоже начинают проявлять себя во всех звеньях внешнеполитического процесса.

Все эти моменты и явились базой для выдвижения доктрины КОНБ с четко выраженным упором на военно-политические средства ее достижения. Если раньше говорили, что политика должна работать на экономику, то теперь экономику намереваются подчинить политике.

При этом за всеми разговорами о политике и политической роли страны скрываются и более далеко идущие намерения. Об этом свидетельствует следующий факт. Упомянутый выше М. Сакамото (он является заместителем директора Института экономики, составителем долгосрочных прогнозов, разрабатываемых Центром по развитию комплексных исследований и другими международными экономическими комитетами ОЭСР, и принял по линии этого Центра непосредственное участие в составлении «Прогноза развития Японии к XXI веку») опубликовал книгу под названием «Вызов великой экономической державы. Стратегия перестройки международного порядка». В ней вопрос ставится фундаментально: Япония должна стать «великой политической державой», способной перестроить международный порядок. Это, по сути дела, открытая заявка финансового капитала не только на экономический раздел, но и на политический передел мира. Такая программа кардинально увеличивает значимость государства во внешней политике.

Чтобы пояснить, чего не хватает Японии на данный момент для достижения столь глобальной цели, М. Сакамото перечисляет признаки «великой политической державы»: 1) численность населения и обширная территория; 2) способность обеспечить безопасность (военная сила); 3) ресурсы и энергоресурсы; 4) промышленная мощь; 5) культурный и идеологический потенциал⁸. Такими признаками, по мнению Сакамото, в настоящее время обладают США и СССР, Китай же имеет их потенциально. Первый признак Япония может приобрести, считает он, за счет «освоения» азиатско-тихоокеанского региона. Такое «освоение» приведет к появлению у Японии и третьего признака. Четвертый и пятый признаки характерны для Японии уже сейчас. Остается второй признак — «обеспечение безопасности». Именно в этом, считает Сакамото, суть проблемы, и поэтому на приобретение данного признака, на подготовку плацдарма в деле перестройки международного порядка должны быть обращены все усилия страны. Вряд ли может вызвать возражение намерение того или иного государства играть «политическую роль» в мире. Весь вопрос в том, какой характер придается этой роли?

Японские правящие круги рассматривают функциональную роль «политической державы» в качестве инструмента для достижения нескольких задач: путем увеличения военного потенциала обеспечить военно-политическое доминирование в азиатско-тихоокеанском регионе и одновременно равноправный, независимый статус в американо-японских отношениях; перехватить политическую инициативу у США и западноевропейских государств по линии «Север — Юг» и тем самым создать благопри-

ятные условия для дальнейшего развития своей экономической экспансии в зоне «третьего мира»; принять более активное участие в борьбе против социалистической системы и ее революционизирующего влияния в развивающихся странах, стать экономическим, а если удастся, и политическим лидером западного мира. Эти задачи как раз и аккумулированы в «стратегии пересмотра международного порядка» — современном варианте планов, которые еще в 20-е годы выдвигал генерал Г. Танака.

Конечно, только будущее ответит на вопрос, насколько реальны подобные планы. Правда, изучение исторического прошлого и современного состояния дел на международной арене иногда дает возможность верно предсказать судьбу тех или иных проектов. Попробуем и мы пойти по этому пути.

Ученые-системники утверждают, что социальная система, в том числе и система международных отношений, обладает собственными целями, которые нельзя отождествлять с целями ее участников. В общем-то это утверждение не что иное, как переложение на системный язык замечания В. И. Ленина о том, что «политика имеет свою собственную логику».

Начнем с американо-японских отношений. Проявленная Вашингтоном готовность поощрить развитие вооруженных сил Японии и переложить на их плечи «оборону» азиатско-тихоокеанского региона была воспринята в Японии как шанс увеличить военно-политическую самостоятельность вообще и в рамках отношений с США в частности. На самом деле более глубокая интеграция «сил самообороны» в американскую стратегию, наоборот, ведет страну к еще большей зависимости от Вашингтона хотя бы уже в силу несоизмеримых военных потенциалов двух государств, а также военно-технической зависимости от США. Кроме того, углубленное взаимодействие с вооруженными силами союзника делает Токио соучастником всех военных акций и авантюр Пентагона, а неизбежное противодействие такой политике, следовательно, будет сказываться и на Японии. Следовательно, появятся дополнительные негативные моменты, которых страна избегала в предыдущие десятилетия.

Объективно углубление военных связей Японии с США последним выгоднее и по той причине, что выход «сил самообороны» в район Азии и Тихого океана резко осложнит отношения Японии со странами региона, ухудшит ее экономические позиции, чем, не исключено, воспользуются американские монополии. Таким образом, Япония не только не приобретет большую степень независимости от США, а, наоборот, потеряет даже то, что имела ранее.

Следует ожидать дальнейшего торгово-экономического проникновения Японии в развивающиеся страны. Но отношения с США, точнее, увязывание политики Токио со стратегией Вашингтона и наращивание собственного военного потенциала усложнит действия японских компаний на «Юге». Япония уже понесла

ущерб от проамериканской позиции в ирано-американском конфликте. Продолжение такого курса, по сути антиарабского, на Ближнем Востоке чревато еще большими негативными последствиями для экономики Японии. Ближний Восток — это бурлящий котел, и никто не может однозначно предсказать, как завтра будет вести себя Саудовская Аравия или Кувейт, откуда Япония черпает значительную часть своей нефти.

Можно предположить, что Япония в конце концов опередит США по ВВП. Но это отнюдь не будет означать, что она превратится в экономического лидера (а тем более политического) по одной простой причине. Превращение страны в «мозговой трест» капиталистического мира — а именно на это нацелена стратегия японских монополий — приведет к еще большей *экономической* зависимости от развитых капиталистических государств. Потому что именно они станут основными потребителями японской технологии. А если в случае политических или тех же экономических соображений они откажутся покупать японские «мозги», то что тогда с ними делать? И таким образом плюсы от превращения Японии в «мозговой центр» империализма обернутся минусами.

Экономика США и стран Западной Европы обладает преимуществами над японской экономикой вследствие большей пропорциональности, структурного разнообразия. Мировое разделение труда — это исторический факт. Но наиболее полно свои преимущества оно демонстрирует только при равноправных и взаимовыгодных политических и экономических отношениях. Пока же существует система капитализма с ее закономерностями, то и международное разделение труда мировая буржуазия будет эксплуатировать в угоду своим собственным монополистическим интересам, причем не только в отношениях с социалистическими и развивающимися странами, но и во взаимодействии внутри системы. Неискоренная рознь экономических, социальных и политических интересов национальных империализмов, вопреки усилиям к сплочению, подтачивает и дезинтегрирует фронт мирового капитализма. Неутихающая борьба между тремя центрами подтверждает это с полной очевидностью.

Противодействие же социализму, национально-освободительному движению, экономической и политической самостоятельности развивающихся стран — это борьба против истории. И она без всяких сомнений обречена на провал. Это подтверждает не только опыт политики Японии в первой половине XX в., но и нынешний опыт политики США, обладающий громадным военно-экономическим потенциалом. Наконец, и опыт борьбы всех капиталистических государств, вместе взятых, против социализма и прогресса не оставляет надежд на перспективу в этой борьбе.

Таким образом, роль Японии на путях «превращения ее в политическую державу», как ее мыслят в Токио, заранее обречена на неудачу. Такая роль не сможет приостановить тенденцию изменения соотношения сил в пользу социалистических и

демократических начал в мире, а средства ее достижения еще больше отбросят страну назад от политики независимости и самостоятельности.

В первой половине XX в. Япония пыталась с помощью военной силы покорить полмира — в результате она была разгромлена. После второй мировой войны, связав себя военным договором с США, Япония добилась существенного экономического роста, но фактически в значительной степени утратила свободу рук в области внешней политики. Пытаться достигнуть ее на основе политики национальной безопасности, в борьбе против Советского Союза и других социалистических государств? Даже при самой богатой фантазии это трудно было бы представить.

Официальный Токио до сих пор не испробовал еще один вариант политики — политики нейтралитета и мира. Именно на этом пути Япония обладает неисчерпаемыми возможностями для достижения по-настоящему статуса великой политической державы. Ведь сила и политическая роль не обязательно сопрягаются с громадной экономической мощью. Вьетнам был и есть явно слабее США в экономике, но оказался на какой-то момент сильнее в политике. Сила — в политике, но не в любой, а в политике, соответствующей историческому развитию человечества. И если именно это иметь в виду, то и японская политика может носить силовые черты. Не в соотношении сил между империализмом и социализмом, а в соотношении сил между политикой мира и прогресса и политикой войны и конфронтации. И в этом смысле широкие возможности для проявления со стороны Японии «позитивной силы» дают советские предложения об установлении мира и стабильности в Азии и на Тихом океане.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, например, предлагалось странам, расположенным на Дальнем Востоке, провести конкретные переговоры по мерам доверия. В докладе говорилось, что «разработка и применение мер доверия... могли бы не только разрядить обстановку на месте, но и стать делом, очень полезным для укрепления основ всеобщего мира»⁹. Эти меры можно было бы применять как на коллективных началах, так и на двусторонней основе. В частности, СССР настойчиво стремится к установлению надежных отношений добрососедства, взаимного сотрудничества и взаимного доверия с Японией.

В полной мере роль Японии, ее авторитет, усиление ее политического статуса в мире могут быть достигнуты только на исторически перспективных магистралях развития мировой системы. Было бы политической близорукостью со стороны тех, кто ответствен за внешнеполитические решения в стране, игнорировать требования собственного народа, народов азиатско-тихоокеанского региона, требование самой истории разрядить современную международную обстановку, гарантировать продолжение и углубление разрядки, избавить наконец человечество от нависшей над ним угрозы. Именно такой позитивной роли ждет мировое сообщество и от Японии.

Введение

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 3—4.

² Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М., 1973; М. Г. Носов. Японо-китайские отношения. М., 1978; А. П. Марков. Послевоенная политика Японии в Азии и Китае. М., 1979; В. М. Мазуров. США — Китай — Япония: перестройка межгосударственных отношений (1969—1979). М., 1980; М. И. Иванов. Рост милитаризма в Японии. М., 1982; Л. П. Пинаев. Эволюция военной политики Японии. М., 1982; Япония. М., 1981 и ряд других работ.

³ И. И. Коваленко. Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., 1976; Международные отношения в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке. М., 1978; Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Кн. 1—2. М., 1978; Международные отношения в азиатско-тихоокеанском регионе. М., 1979; В. Б. Воронцов. Китай и США: 60—70-е гг. М., 1979.

⁴ Япония. М., 1981, с. 338.

⁵ А. П. Марков. Послевоенная политика Японии в Азии и Китае, с. 232—234.

⁶ М. И. Иванов. Рост милитаризма в Японии, с. 147.

⁷ Автору известны лишь две крупные работы, в той или иной степени касающиеся этой темы, изданные в СССР: В. Овчинников. Ветка сакуры. М., 1971; В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. Японцы. М., 1983.

⁸ В. В. Мишениградзе. Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981, с. 15.

⁹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение.— Т. 25, с. 262.

¹⁰ К. Маркс. Капитал.— Т. 25. Ч. II, с. 354.

¹¹ Мысль о приоритете «экономических выгод» над всеми остальными наиболее выпукло была выражена в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», в которой подчеркивалось: «Насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода. Насколько цель „фундаментальнее“ средства, применяемого для ее достижения, настолько же экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая».— Т. 20, с. 164.

¹² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 362; О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности.— Т. 36, с. 300. Ленин не употреблял термин «военно-феодальный» применительно к японскому милитаризму; так он обозначал русский империализм. Однако сравнительный анализ политики и экономики России и Японии в период 1898—1914 гг. и характеристик, которые давал Ленин этим двум государствам в те годы, привел советских ученых к выводу о правомерности определять японский империализм как «военно-феодальный». Впервые такая характеристика Японии была дана в монографии Е. М. Жукова «История Японии» (М., 1939, с. 142), но

* Произведения В. И. Ленина приводятся по Полному собранию сочинений, К. Маркса и Ф. Энгельса — по второму изданию Сочинений, за исключением специально оговоренных.

«более подробно и тщательно разработана в монографии: *И. Я. Бедняк. Япония в период перехода к империализму.* М., 1962.

¹³ См., например: *Я. А. Певзнер. Государство в экономике Японии.* М., 1976; *он же. Государственно-монополистический капитализм и теория трудовой стоимости.* М., 1978; *М. В. Баскакова. Япония: государство и накопление основного капитала.* М., 1976; *А. И. Динкевич. Финансовая и денежно-кредитная система Японии.* М., 1977; *И. И. Коваленко. Очерки истории коммунистической партии Японии после второй мировой войны.* 1945—1961. М., 1981; *В. Н. Хлынов. Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции.* М., 1978; *Ю. И. Березина. Современное японское общество и рабочий класс.* М., 1981; *Ю. Д. Кузнецов. Социально-классовая структура современной Японии.* М., 1983.

¹⁴ См.: *А. Г. Черных, Г. В. Хрусов. Ленин и Япония.* Владивосток, 1974.

¹⁵ Эта позиция, оказывается, имеет глубокие исторические корни. В. И. Ленин еще в 1917 г. писал: «Мы решили начать со статистики, вполне сознавая, конечно, какую глубокую антипатию вызывает статистика у некоторых читателей, предпочитающих „низким истинам“ „нас возвышающий обман“» (*В. И. Ленин. Статистика и социология.*— Т. 30, с. 351).

¹⁶ Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М., 1981, с. 22, 95.

¹⁷ *В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».*— Т. 30, с. 94, 95.

¹⁸ *Ф. Бурлацкий, А. Галкин. Социология. Политика. Международные отношения.* М., 1974, с. 271.

¹⁹ *В. И. Ленин. Доклад о тактике РКП.*— Т. 44, с. 300.

²⁰ *А. И. Ракитов. Историческое познание (Системно-гносеологический подход).* М., 1982, с. 24.

²¹ *M. Maruyama. Thought and Behavior in Modern Japanese Politics.* Tokyo, Oxford, New York, 1979, с. 268.

²² Другие направления внешней политики Японии даны менее полно, чем упомянутые выше. Объясняется это следующим обстоятельством. Многие из них проанализированы в специальных работах. См.: *В. И. Шипаев. Япония и Южная Корея («Помощь развитию» и ее последствия).* М., 1981; *И. В. Волкова. Япония и Африка (Экономические и политические отношения).* М., 1981; *В. О. Кистанов. Экономическое проникновение Японии в Латинскую Америку.* М., 1982; *Н. И. Луценко. Экспансия Японии в Латинскую Америку после второй мировой войны (60—80-е годы).* М., 1984 (канд. дисс.). Тема Ближнего Востока исследована А. Д. Богатуровым в канд. диссертации «Проблема обеспечения энергосырьевыми ресурсами во внешней политике Японии» (М., 1982). *М. И. Крулякко. Советско-японские экономические отношения.* М., 1982. Ожидает своей очередности очень важная тема — отношения Японии с Австралией и Канадой. Несмотря на это, мы все-таки считали необходимым включить в исследование, хотя бы в качестве иллюстративного материала, и эти направления политики Японии по той простой причине, что иначе невозможно было бы выявить шкалу приоритетов во внешнеполитической деятельности Токио.

Часть первая

¹ Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических стран, с. 43—44.

² Там же, с. 44.

³ Существует, правда, еще более часто встречающееся мнение, что «реализация» — это и есть внешняя политика, а формирование — это уже внутренняя политика.

⁴ О соотношении естественных, экономических и политических факторов см.: *А. В. Сергеев. Марксизм-ленинизм о соотношении внутренней и внешней политики.*— Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики. М., 1982.

⁵ Политические системы современности (Очерки). М., 1978, с. 14, 20—21.

⁶ Managing an Alliance: The Politics of U. S.—Japanese Relations. Wash., 1976, с. 94.

⁷ Там же, с. 95. Не случайно эта «текстильная война» стала классическим примером в анализе механизма и процесса принятия внешнеполитических решений.

⁸ Daily Yomiuri. 28.03.1975.

⁹ Причины существования «множества парадигм», т. е. неспособность современных западных политологов выработать общую теорию политики, основательно проанализированы в упомянутой выше монографии В. В. Мшвнерадзе.

¹⁰ Цит. по: N. Thayer. How the Conservatives Rule Japan. Princeton, 1969, с. 70.

¹¹ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку (Сравнительный анализ процесса принятия внешнеполитических решений в Японии и США). Токио, 1977, с. 5, 6.

¹² W. E. Steslicke. Actors in Politics: the Political Life of the Japan Medical Associations. N. Y., 1973, с. 30.

¹³ См.: Policymaking in Contemporary Japan. L., 1977, с. 41, 45; X. Ханан. Кокусай канкэйрон (Теория международных отношений). Токио, 1978, с. 113—117.

¹⁴ Policymaking in Contemporary Japan, с. 5.

¹⁵ В буржуазной политологии этот термин употребляется для обозначения субъектов политики, принимающих участие во внешнеполитическом процессе.

¹⁶ Policymaking in Contemporary Japan, с. 50, 56.

¹⁷ Там же, с. 243, 244—245, 249, 250.

¹⁸ Там же, с. 247.

¹⁹ Там же, с. 310, 315.

²⁰ R. E. Ward. Japan's political system. New Jersey, 1978, с. 139—140.

²¹ В. И. Ленин. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы.— Т. 23, с. 239.

²² См., например: США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление. М., 1972; С. Б. Четвериков. Кто и как делает политику в США. М., 1974; А. А. Кокошин. США: за фасадом глобальной политики. М., 1981; Современная внешняя политика США. Кн. 1—2. М., 1984; Федеративная Республика Германии. М., 1973 и др. Что же касается проблем внешнеполитического механизма Японии, то советские ученые только недавно приступили к исследованию этой темы: См.: А. А. Макаров. Финансово-монополистический капитал и политический механизм Японии.— Проблемы Дальнего Востока. 1982, № 2; И. Э. Круговых. Процесс принятия внешнеполитических решений в условиях кризисной ситуации.— Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии.— Информационный бюллетень М., ИДВ АН СССР. 1981, № 23.

²³ Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики. с. 30.

²⁴ Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии».— Т. 18, с. 496.

²⁵ Политическая экономика современного монополистического капитализма. М., 1975, т. I, с. 384.

²⁶ Об этой стороне деятельности монополий, о структуре политической организации общества и о соотношении между его отдельными звеньями см.: Политические системы современности (Очерки); Теория государства и права. Л., 1982.

²⁷ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 379.

²⁸ Этот взгляд родствен идеям М. Бакунина («государство создало капитал»), с которыми боролись К. Маркс и Ф. Энгельс. См.: Карл Маркс. Избранные произведения. М., 1935, т. II, с. 494.

²⁹ P. Birnbaum. La Logique de l'état. Paris. Fayard. 1982, с. 155, 234.

³⁰ Цит. по: Ф. Энгельс. К истории союза коммунистов.— Т. 21, с. 220.

³¹ Япония, с. 75.

- ³² Там же, с. 89.
- ³³ Asiaweek. 08.04.1983, с. 40.
- ³⁴ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 214.
- ³⁵ Там же, с. 9.
- ³⁶ Там же, с. 181.
- ³⁷ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 191, 206.
- ³⁸ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 8—9.
- ³⁹ Там же, с. 10.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, с. 182, Эту мысль последовательно отстаивает в своих работах другой известный японский ученый, Т. Янага, который считает, что все институциональные блоки являются не чем иным, как «агентами монополистического капитала»: *Ch. Yanaga. Big Business in Japanese Politics. N. Haven. 1968, с. 63—64.*
- ⁴² В. И. Ленин. О государстве.— Т. 39, с. 82, 83.
- ⁴³ В 1980 г. в Кэйданрэн входило 979 членов, в том числе 798 крупных корпораций и банков, представленных своими руководителями — председателями правлений и президентами. С мая 1980 г. пост председателя Кэйданрэн занимает Е. Инаяма.
- ⁴⁴ Weltwoche (Zür). 20.10.1976.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Т. 30, с. 97—98.
- ⁴⁶ Japan Times. 08.04.1983.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Asiaweek. 08.04.1983, с. 40.
- ⁴⁹ M. Marger. Elites and Masses. An Introduction to Political Sociology. N. Y., Van Nostrand, 1981, с. 181.
- ⁵⁰ Актуальные проблемы внешней и внутренней политики Японии, с. 69.
- ⁵¹ К. Маркс. Классовая борьба во Франции.— Т. 7, с. 16—17.
- ⁵² Asian Security. Tokyo, 1982, с. 146.
- ⁵³ Подробно см.: К. Luster. Foreign policy-making during the oil crisis.— «Japan Interpreter». 1977, № 3.
- ⁵⁴ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 206.
- ⁵⁵ Япония, с. 125.
- ⁵⁶ Там же, с. 125—127.
- ⁵⁷ А. А. Прохожев. Организация и управление экономикой и государством в Японии. М., 1977, с. 184.
- ⁵⁸ Япония, с. 132.
- ⁵⁹ Japan Times. 24.05.1980.
- ⁶⁰ И. А. Латышев. Правящая либерально-демократическая партия Японии. М., 1967, с. 80—81.
- ⁶¹ Japan Times. 24.05.1980.
- ⁶² Япония, с. 313.
- ⁶³ В 1976 г. эта «помощь» составляла 7,9 млрд. иен, а в 1977 г.— уже 10,1 млрд., в 1978 г.— 11,1 млрд. иен.— Asian Survey (Berkeley). 1980, № 8, с. 855.
- ⁶⁴ См.: И. А. Латышев. Правящая либерально-демократическая партия... с. 90; Lee Chae-Jin. Japan faces China. Political and Economical Relations in the Postwar Era. L., 1976, с. 169.
- ⁶⁵ Asahi Evening News. 24.12.1975.
- ⁶⁶ Mainichi Daily News. 21.09.1976.
- ⁶⁷ Г. Н. Сорвина. Сущность государственной собственности при капитализме. М., 1962, с. 7.
- ⁶⁸ С июля 1972 г. по ноябрь 1983 г. в Японии функционировало 13 кабинетов.
- ⁶⁹ Как верно заметил уже упоминавшийся М. Марджер, «различия между элитами не касаются основных проблем политэкономии. Хотя корпоративная элита и не решает все вопросы, она способна установить программу и границы политических споров».— М. Marger. Elites and Masses, с. 240.
- ⁷⁰ В случае осуществления административно-финансовой реформы структура ГМК в Японии изменится существенно в пользу монополий. Подробнее об этом см.: Я. А. Певзнер. Кризис государственно-монополистического регу-

лирования в Японии и административно-финансовая реформа.— Япония (Ежегодник). 1983. М., 1984.

⁷¹ Так, Э. Харари пишет: «Фракционные соображения становятся перво-степенными только в одном критическом случае — когда выбирают президента партии».— *E. Harary. The Politics of Labour Legislation in Japan: National-International Interaction.* Berkley & Los Angeles, 1973, с. 180.

⁷² Кокусай мондай (Проблемы международных отношений). 1972, № 4. с. 17—18.

⁷³ *Far Eastern Economic Review.* 25.07.1975.

⁷⁴ *Japan Times.* 24.05.1980.

⁷⁵ *The Constitution of the Liberal Democratic Party.* Tokyo, 1980, с. 24. Единственным исключением в 60-е годы было правительство Э. Сато, сумевшее удержаться у власти с 1964 по 1972 г.

⁷⁶ Приведенные здесь сведения о разведывательных органах Японии впервые были опубликованы в журн.: *Japan Quarterly.* 1982, № 2, с. 159—162.

⁷⁷ Подробнее см.: Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976, с. 187—197.

⁷⁸ *Managing an Alliance,* с. 52.

⁷⁹ Цит. по: *И. А. Латышев.* Японская бюрократия. М., 1968, с. 77.

⁸⁰ *Japan Times.* 24.04.1983.

⁸¹ *К. Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 157.

⁸² *E. F. Vogel. Japan as number one: Lessons for America.* Cambridge (Mass). L., 1979, с. 83—84.

⁸³ *A. Kubota. The Political Influence of the Japanese Higher Civil Service.*— *Japan Quarterly.* 1981, № 1, с. 46.

⁸⁴ Цит. по: *И. А. Латышев.* Японская бюрократия, с. 77—78.

⁸⁵ *Japan Quarterly.* 1981, № 1, с. 49.

⁸⁶ *К. Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 158.

⁸⁷ *Japan Quarterly.* 1981. № 1. Табл. № 1 и 3 — с. 51; табл. № 2 и 4 — с. 52.

⁸⁸ *К. Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 206.

⁸⁹ Кэйдзай-то гайко (Экономика и дипломатия). 1977, № 11, с. 40; Гайко дзико (Международное обозрение). 1979, № 1168, с. 6; *Far Eastern Economic Review.* 12.06.1981.

⁹⁰ *Mainichi Daily News.* 20.06.1981.

⁹¹ Япония, с. 139.

⁹² *Х. Ханаи.* Кокусай канкэйрон, с. 114.

⁹³ *D. C. Hellman. Japanese foreign policy and domestic politics: The Peace agreement with the Soviet Union.* Berkeley. Los Angeles, 1969, с. 142.

⁹⁴ Кэйдзай-то гайко. 1977, № 11, с. 38.

⁹⁵ Там же, с. 41. Судя по данным журнала *Japan Quarterly* (1982. № 2, с. 161), последнее из упомянутых требований выполняется довольно успешно: в 1978/79 фин. году МИД выплатил 4,4 млрд. иен своим информаторам из других служб.

⁹⁶ 1980-нэндай нихонгайко-но синро (Внешняя политика Японии в 80-е годы). Токио, 1980, с. 39.

⁹⁷ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 127; см. также: *Х. Ханаи.* Кокусай канкэйрон, с. 114.

⁹⁸ *В. И. Ленин.* Конституционный принцип в Англии.— Т. 25, с. 75.

⁹⁹ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 128.

¹⁰⁰ *Х. Ханаи.* Кокусай канкэйрон, с. 114.

¹⁰¹ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 55.

¹⁰² Там же, с. 29.

¹⁰³ Новые явления в механизме политического господства монополий. М., 1975, с. 33.

¹⁰⁴ См.: Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств, с. 151, 155.

¹⁰⁵ Подробнее см.: *Н. Fukui. Party in Power: The Japanese Liberal-Democrats and Policy-making.* Berkeley and Los Angeles, 1970, с. 256.

¹⁰⁶ Известия. 23.03.1982.

- ¹⁰⁷ Far Eastern Economic Review. 17.12.1982.
- ¹⁰⁸ См.: Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств, с. 162.
- ¹⁰⁹ С большой натяжкой можно рассматривать только одну функциональную роль СМИ, проявляющую себя в механизме принятия решений, а именно сбор информации для правительственных органов. Но в этом случае они утрачивают свое содержание в качестве средств массовой информации, ориентированных на формирование общественного мнения, а начинают выступать в виде подразделения разведывательных органов. Ранее говорилось, что некоторые отделы агентства Кёдо цусин, а в еще большей степени Дзидзи цусин берут на себя именно такие функции.
- ¹¹⁰ D. C. Hellman. Japanese foreign policy and domestic politics, с. 78.
- ¹¹¹ X. Ханан. Кокусай канкэйрон, с. 116.
- ¹¹² См.: M. E. Weinstein. Japan's Postwar Defense Policy. 1947—1968. N. Y., 1971, с. 82—83; J. K. Emmerson. Arms, Yen and Power: The Japanese Dilemma. N. Y., 1971, с. 114.
- ¹¹³ В. И. Ленин. Письмо Г. Мясникову.— Т. 44, с. 79.
- ¹¹⁴ Fr. Gibney. Japan: The Fragile Super Power. Tokyo, 1979, с. 246, 250.
- ¹¹⁵ Japan Times. 15.10.1976.
- ¹¹⁶ Far Eastern Economic Review. 19.03.1976.
- ¹¹⁷ См.: М. Г. Носов. Японо-китайские отношения; Г. Ф. Кундаев. Японо-китайские отношения на современном этапе. 1972—1982. М., 1983.
- ¹¹⁸ H. Fukui. Tanaka goes to Peking: A Case Study in Foreign Policymaking.— Policymaking in Contemporary Japan.
- ¹¹⁹ Там же, с. 73—74.
- ¹²⁰ Цит. по: Policymaking in Contemporary Japan, с. 91.
- ¹²¹ Там же (ad hoc — лат. — для этого случая, для этой цели).
- ¹²² К установлению дипломатических отношений с КНР призывали премьер-министр Э. Сато и министр иностранных дел Т. Фукуда в своих выступлениях на 66, 67 и 68-й сессиях парламента (июль, октябрь 1971 г. и январь 1972 г.).— См.: Вага гайко-но кинкё (Обзор внешней политики Японии). Токио, 1972, № 16, с. 403, 405—406, 410, 415—416, 420.
- ¹²³ Policymaking in Contemporary Japan, с. 81.
- ¹²⁴ Там же, с. 83.
- ¹²⁵ Там же, с. 94.
- ¹²⁶ Нихон кэйдай кэнкюсэнта кайхо (Вестник исследовательского института экономики Японии). 1979, № 355, с. 38.
- ¹²⁷ См.: Юйбуцурон (Материализм). 1975, № 4, с. 235.
- ¹²⁸ Цит. по: Политические системы современности, с. 43.
- ¹²⁹ X. Араки. Нихондзин кодо ёсики (Стиль поведения японцев). Токио, 1974, с. 82.
- ¹³⁰ Старинная японская поговорка гласит: по выступающим гвоздям надо бить, пока они не уходят целиком в дерево или пока не сломаются.
- ¹³¹ Managing an Alliance, с. 109.
- ¹³² Y. Sakamoto. Japan in Global Perspective.— Bulletin of Peace Proposals (Oslo). 1982, № 1, с. 5.
- ¹³³ 1980-нэндай нихонгайко-но синро, с. 4.
- ¹³⁴ К. Цуруми. Кокисин-то нихондзин. Тадзюкодзо-то саякай-но рирон (Любопытство и японцы. Теория общества с многослойной структурой). Токио, 1972, с. 124.
- ¹³⁵ Цит. по: Нихондзин-но сисо-то кодзо (Мышление и поведение японцев). Токио, 1973, с. 129.
- ¹³⁶ Кстати, правый класс Японии как наиболее образованная часть японского общества в значительно большей степени оторван от так называемых «общинных ценностей», чем другие слои населения, и, естественно, тяготеет к рациональному мышлению, на что обращают внимание специалисты японской психологии. См.: Gr. Clark. Japan in Asia; A Cultural Comparison.— Asia Pacific Community. 1982, № 17, с. 69.
- ¹³⁷ Japan Times. 09.04.1982.
- ¹³⁸ M. Miyata. The Politico-Religion of Japan. The Revival of Militarist Mentality.— Bulletin of Peace Proposals. 1982, № 1, с. 25.

- ¹⁴⁹ Там же, с. 27.
¹⁴⁰ Там же, с. 29.
¹⁴¹ Цит. по: *G. D. Hook. Education as Business. Wither Peace Education?*— Bulletin of Peace Proposals. 1982, № 1, с. 16.
¹⁴² Там же, с. 19.
¹⁴³ *P. F. Drucker. What we can learn from Japanese management.*— Harvard business rev. Boston, 1971, № 2, с. 113.
¹⁴⁴ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 38. Любопытно, что к подобным метафорам прибегают многие авторы для описания процесса принятия решений в Японии. Австралиец М. Сейл пишет: «Принятие решений бизнесменами, бюрократами и политиками происходит в виде „скрытой сарабанды (испанский танец.— Р. А.)“ вокруг пустой сцены».— Far Eastern Economic Review. 12.04.1982.
¹⁴⁵ Тайгай сэйсаку кэттэйкатэй-но нитибэй хикаку, с. 18.
¹⁴⁶ Far Eastern Economic Review. 01.04.1982.
¹⁴⁷ *А. Н. Курицын. Управление в Японии: организация и методы.* М., 1981, с. 91.
¹⁴⁸ *Э. Захариас. Секретные миссии. Записки офицера разведки.* М., 1959, с. 74, 401.
¹⁴⁹ *Х. Симидзу. Нихондзин ва каватта ка (Изменились ли японцы?).* Токно, 1975, с. 152.
¹⁵⁰ Weltwoche (Zür.). 20.10.1976.
¹⁵¹ *K. Masao. U. S.—Japan Communication.— Discord in the Pacific: Challenges to the Japanese— American alliance.* Wash. 1972, с. 167.
¹⁵² Необходимо отметить, что такое несоответствие в определенной степени уравновешивается тем, что японское государство выступает адвокатом не только собственной буржуазии, но и мировой буржуазии, прежде всего США, особенно по вопросам внешней политики. Разрешение противоречий между национальными и общемпериалистическими интересами всегда создавало проблемы японскому правительству, выражающиеся например, в требовании Вашингтона о введении экономических санкций против Советского Союза и заинтересованности японских компаний продолжать экономическое сотрудничество с СССР.

Глава вторая

- ¹ Дискуссия на этот счет часто возникает среди японских политологов. Различные мнения, например, были высказаны в журн. Тюокорон. 1983, № 2.
² Роль стереотипов во внешней политике на Западе изучает имэджинология. См.: *Л. А. Зак. Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы.* М., 1976.
³ Подробно см.: *А. Каренин. Философия политического насилия.* М., 1971; Современные буржуазные теории международных отношений.
⁴ *Г. Х. Шахназаров. Грядущий миропорядок.* М., 1981, с. 58.
⁵ Вага гайко-но кинкё. 1972, № 16, с. 418.
⁶ Там же, с. 2.
⁷ Однако в системе империализма Японию в качестве одного из трех центров выделял премьер-министр Х. Икэда еще в начале 60-х годов.
⁸ Гайко дзико. 1972, № 12, с. 3.
⁹ Адзиа куотари. 1974, № 1—2.
¹⁰ *Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон,* с. 29.
¹¹ *С. Такаянаги* Гэндай кокусай канкё-но тагэнтэкикосэй (Многополярная структура современной международной обстановки).— Кокусай мондай. 1974, № 3, с. 4.
¹² Там же, с. 6.
¹³ Вага гайко-но кинкё. 1972, № 16, с. 418.
¹⁴ *Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон,* с. 29.
¹⁵ *Г. Х. Шахназаров. Грядущий миропорядок,* с. 58.
¹⁶ Адзиа куотари. 1974, № 1—2, с. 95.
¹⁷ *H. Kahn. The Emerging Japanese Superstate: challenge and response.* N. Y., 1970; *Z. Brzezinsky. The fragile blossom. Crisis and change in Japan.* N. Y., 1972, с. 133.

- ¹⁸ R. Scalapino. American-Japanese Relations in Changing Era. N. Y., 1972, с. 4—5.
- ¹⁹ R. Clough. East Asia and the U. S. Security. Wash., 1975, с. 45; P. G. Mueller. D. A. Ross. China and Japan.—Emerging Global Powers. N. Y., Wash., L., 1975, с. 142; J. N. Maki. Japan and World politics in the 1970s.—Pacific Affairs (Melb.). 1973, № 2, с. 280.
- ²⁰ China and Japan (A search of Balance Since World War I). Oxford—Santa Barbara, 1978, с. 415.
- ²¹ Адзиа куотари. 1974, № 1—2, с. 35; Туюкорон, 1978, № 10, с. 130.
- ²² M. Ohira. A New Foreign Policy of Japan.—Pacific community. 1972, № 3, с. 410.
- ²³ Japan Times. 06.04.1980.
- ²⁴ Japan Times. 26.01.1980.
- ²⁵ В. П. Лукин. «Центры силы». Концепции и реальность. М., 1983, с. 240.
- ²⁶ R. L. Cord, J. A. Modeiros, W. S. Jones. Political Science. An Introduction. N. Y., 1974, с. 40.
- ²⁷ Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон, с. 31.
- ²⁸ K. N. Waltz. Theory of International policies. Redding (Mass.) ets. Addison—Wesley, 1979, с. 209.
- ²⁹ См.: Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон, с. 40.
- ³⁰ См.: The Foreign Policy of Modern Japan. L., 1977, с. 368.
- ³¹ Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон, с. 49.
- ³² P. S. Cline. World Power Assesment 1977. A Calculus of Strategic Drift. Boulder (Col.), Westview Press. 1977, с. 174—175.
- ³³ R. Aron. La notion de rapport de force sa-t-elle encore un sens a l'ère nucleaire?—Defence Nationale. 1976, № 1, с. 11.
- ³⁴ Цит. по: Э. А. Поздняков. Системный подход и международные отношения. М., 1976, с. 96.
- ³⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— Т. 20, с. 647.
- ³⁶ Там же, с. 643, 178.
- ³⁷ Там же, с. 647.
- ³⁸ В. И. Ленин. Доклад о тактике РКП.— Т. 44, с. 300.
- ³⁹ В. И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина.— Т. 42, с. 278.
- ⁴⁰ S. Vrcsan. Power without use of Forth?—Pacific Community. 1974, № 4, с. 488.
- ⁴¹ Ф. Бурлацкий, А. Галкин. Социология. Политика. Международные отношения, с. 259.
- ⁴² Ф. Энгельс. Диалектика природы.— Т. 20, с. 595.
- ⁴³ К. Маркс. Капитал.— Т. 23, с. 176.
- ⁴⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы.— Т. 20, с. 597.
- ⁴⁵ В. И. Ленин. О лозунге Соединенных Штатов Европы.— Т. 26, с. 353.
- ⁴⁶ Приведенные в данном и последующих двух разделах цифровые материалы, за исключением особо оговоренных, основаны на расчетах ИМЭМО АН СССР и НИКИ МВТ СССР по данным статистики ООН и национальных статистик отдельных стран, прежде всего Японии.
- ⁴⁷ Кэйдзай хакусё. Токио, 1982, с. 309.
- ⁴⁸ Кагаку гйдзюцу хакусё. Токио, 1981, с. 926, 931.
- ⁴⁹ Сэкай мондай гэппо. 1982, № 6, с. 23.
- ⁵⁰ Far Eastern Economic Review. 22. 12. 1983.
- ⁵¹ Сякай кагаку кэнкю. 1980, № 2, с. 203.
- ⁵² По мнению авторов доклада, промышленная конкурентоспособность — это «степень непосредственной и будущей способности промышленников проектировать, производить и продавать товары, цена на которые и не связанные с ценой качество которых привлекательнее, чем аналогичные характеристики товаров конкурентов за границей или на внутренних рынках».— Far Eastern Economic Review. 04.12.1981.
- ⁵³ Три центра империализма сегодня: США — ЕЭС — Япония.— Новое время. 1984, Приложение, с. 16.
- ⁵⁴ Fortune. 12.12.1983.

⁵⁵ По другим данным, количество американских ТНК равно 211, японских — 72, английских — 56, западногерманских — 36, французских — 25, канадских — 21, итальянских — 10 и т. д.

⁵⁶ *Мировая экономика и международные отношения*. 1984. № 1, с. 41.

⁵⁷ *Japan's Economic Security*. N. Y., 1983, с. 246.

⁵⁸ Я. А. Певзнер. Государство в экономике Японии, с. 30—31.

⁵⁹ Данные за 1967 г. см.: 1980 — нэндай нихонгайко-но синро, с. 67; за 1982 — Цусэ хакусэ (какурон). 1984, с. 807.

⁶⁰ *Мировая экономика и международные отношения*. 1981, № 8, с. 66—67.

⁶¹ Современная внешняя политика США, т. 2, с. 35.

⁶² *Economic Outlook Japan*. Tokyo. Japanese Government. 1981, с. 26.

⁶³ Тоё кэйдзай. 1981, № 4338, с. 70.

Глава третья

¹ Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон, с. 56.

² Т. Иногучи. Кокусай сэйдзи кэйдзай-но кодзу. Сэнсо-то цусэ-ни миру хахэн сэйсуй-но кисэки (Структура международной политики и экономики. Превратности гегемонии в торговле и политике). Токио, 1982, с. 61.

³ Там же, с. 61, 64.

⁴ См.: Проблемы Дальнего Востока. 1981, № 3, с. 196.

⁵ См.: В. Ф. Петровский. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.

⁶ См.: И. Сергеевко. Возрождение милитаризма в Японии. М., 1968; Черная книга Японии. Современная Япония в агрессивных планах американского империализма. Пер. с яп. М., 1973.

⁷ Вага гайко-но кинкё. 1972, № 16, с. 416.

⁸ *Pacific Community*. 1972, № 3, с. 409.

⁹ Там же, с. 411.

¹⁰ Вага гайко-но кинкё. 1979, № 23, с. 293.

¹¹ *Foreign Affairs*. 1977, № 27, с. 170.

¹² Вага гайко-но кинкё. 1979, № 23, с. 323.

¹³ Вага гайко-но кинкё. 1979, № 21, ч. 2, с. 9; 1976, № 20, ч. 1, с. 49.

¹⁴ Этот метод предполагает изучение директивных документов или официальных заявлений, в которых формулируются цели, средства и направления деятельности государства в сфере экономики или политики. См.: Е. П. Голубков. Использование системного анализа в отраслевом планировании. М., 1977; Рабочая книга по прогнозированию. М., 1982.

¹⁵ Контент-анализ указанных документов был сделан в апреле 1977 г. под руководством доцента МГИМО МИД СССР М. А. Хрусталева. В данной работе выделены только внешнеполитические проблемы, зафиксированные в упомянутых совместных заявлениях.

¹⁶ Кокусай мондай сирё (Материалы по международным проблемам). 1977, № 2, с. 76; Вага гайко-но кинкё. 1979, № 23, с. 322.

¹⁷ Косвенным свидетельством возросшей значимости Азии в политике страны может служить и такой ряд показателей: в первом коммюнике (от января 1972 г.) азиатским проблемам было посвящено всего два вопроса, в следующем — уже семь вопросов, в третьем — 10, в четвертом — 9, в пятом — 19, в шестом (март 1977 г.) — 24 вопроса.

¹⁸ Адзиа куотари. 1974, № 1—2, с. 86.

¹⁹ Гайко дзихо. 1976, № 1139, с. 12.

²⁰ Адзиа куотари. 1974, № 1—2, с. 86.

²¹ *Japan Quarterly*. 1973, № 1, с. 22.

²² Н. Нагано. Гаймусё кэнкю. Нихон гайко-но ситтай дзиттай-то дзиссэ-ки бунсэки (Исследование МИД. Японская дипломатия — анализ действительности: промахи и достижения). Токио, 1975, с. 181.

²³ *Pacific Community*. 1976, № 1, с. 18.

²⁴ Понятие АВП мы почерпнули из работ советского теоретика А. В. Сергеева, который не только проанализировал взаимосвязи между АВП и внешнеполитическим потенциалом, но и вскрыл структуру первого и базовые источники второго понятия. См.: А. Sergiyev. *Methodological Problems of Qan-*

titative Analysis and Simulation of Socio-Political Systems.— Political Theory and Political Practice. M., 1979.

²⁵ К. Маркс писал: «Внешняя торговля и мировой рынок являются как предпосылкой, так и результатом капиталистического производства». — Теория прибавочной стоимости. — Т. 26. Ч. III, с. 262.

²⁶ Г. А. Трофименко. Средства и методы внешней политики США. — Вопросы истории. 1979, № 5, с. 61.

²⁷ Japan Quarterly. 1973, № 1, с. 37.

²⁸ Гайко дзико. 1976, № 1139, с. 14.

²⁹ Гайко дзико. 1979, № 1186, с. 6.

³⁰ Japan Quarterly. 1981, № 1, с. 62.

³¹ Europa Archiv. 1980, № 18, с. 566.

³² «Пассивная дипломатия» в японской политологии обозначается множеством терминов: тайокэй-но гайко (дипломатия приспособления), тэсэйкай-но гайко (дипломатия регулирования), дзёкё-ни цуйхокэй (или цуйдзуйкэй)-но гайко (дипломатия адаптации к ситуации), тэйсисэй гайко (дипломатия низкого профиля) и т. д.

³³ Адзиа куотари. 1974, № I—2, с. 92, 87.

³⁴ Адзиа куотари. 1973, № 10—12, с. 71; Тюокорон. 1977, № 2, с. 96.

³⁵ Asia Pacific Community. 1978—1979, № 3, с. 43.

³⁶ Asia Pacific Community. 1978—1979, № 3, с. 45—46.

³⁷ Вага гайко-но кинкё. 1972, № 16, с. 80.

³⁸ Нихон кэйдзай симбун. 21.09.1978.

³⁹ Japan Times. 26.01.1980.

⁴⁰ 1980 — нэндай ниhon гайко-но синро, с. 4. Чтобы предотвратить возникновение естественно напрашивающегося вопроса, а как эти культурные ценности согласуются с агрессией Японии в первой половине XX в., Ё Нагаи заранее отвечает: «Политика страны в эпоху Мэйдзи (1868—1911) и в 30-е годы была не чем иным, как отклонением от исконных традиций, и означала всего лишь временную показуху (мисэкакэ)». Там же, с. 4.

⁴¹ Цит. по: В. Лукин, А. Парканский. «Тихоокеанское сообщество»: проекты и реальность. — Мировая экономика и международные отношения. 1981, № 3, с. 73.

⁴² Сэкай кэйдзай рипото. 1980, № 134, с. 31.

⁴³ От слова «кольцо» пришлось отказаться, видимо, по той причине, что оно ассоциировалось с военными учениями, которые назывались «Тихоокеанское кольцо» («Римпак»).

⁴⁴ Сэкай-но угоки. 1981, № 374, с. 25, 31.

⁴⁵ М. Kajima. Modern Japan's Foreign Policy. Tokyo, 1970, с. 22, 103.

⁴⁶ Цит. по: За рубежом. 1982, № 42, с. 9.

⁴⁷ Asia Pacific Community. 1983, № 19, с. 127.

⁴⁸ Mainichi Daily News. 26.01.1982.

⁴⁹ Вага гайко-но кинкё. 1982, № 26, с. 364.

⁵⁰ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 4.

⁵¹ См.: Н. Усиба. Сайкин-но кокусай дзёсэй-то ниhon-но андзэн хосё (Современная международная обстановка и обеспечение безопасности Японии). Токио. Нихонгайко кёкай. 1981, № 23, с. 5.

⁵² Japan Times. 06.04.1980.

⁵³ Т. Hamano. The Japanese Economy in the 1980's—Japan in the 1980's (Papers from a symposium on contemporary Japan held at Sheffield University, England). Tokyo, 1982, с. 138.

⁵⁴ Там же, с. 64.

⁵⁵ Asahi Evening News (Supplement). 19.11.1979.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Asahi Evening News. 22.11.1979.

⁵⁹ Japan Times. 17.02.1980.

⁶⁰ Тюокорон. 1982, № 7, с. 103.

⁶¹ И. Кант полагал, что возможно достижение «всеобщего» правового гражданского состояния и параллельно установление состояния вечного мира между государствами. Основным средством установления такого миропорядка

Кант считал развитие международной торговли.— См.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983, с. 243.

⁶² *Е. Нагаи*. Мораториуму кокка-но боэйрон (Теория обороны мораториального государства).— Тюокорон. 1981, № 1, с. 77—79.

⁶³ *Н. Амая*. Тёнинкоку — нихонтэдай-но куригото (Государство горожан — возврат к торговой Японии).— Бунгэй сюндзю. 1980, № 3; *он же*. Супунасянаридзуму-о хайсу (Поклонение супному национализму).— Бунгэй сюндзю. 1981, № 7.

⁶⁴ *Japan Quarterly*. 1981, № 1, с. 58—59.

⁶⁵ *И. Симицзю*. Ниппон ё, кокка тарэ: каку-но сэнтаку (Япония — стань государством! Ядерный выбор).— Сёкун. 1980, № 7, с. 26.

⁶⁶ *Х. Курису*. Ватакуси-но боэйрон (Мой взгляд на оборону). Токио, 1978.

⁶⁷ *Daily Yomiuri*. 27.06.1977.

⁶⁸ *Far Eastern Economic Review*. 26.04.1982.

⁶⁹ Их необходимо отличать от «политических реалистов» (С. Это, К. Вакайдзуми, Т. Окабэ, М. Накадзима и др.) — авторов доктрины «мира и стабильности в мире».

⁷⁰ 1980-нэндай нихон гайко-но синро, с. 45.

⁷¹ Сого андэн хосё сэнряку (Стратегия комплексного обеспечения безопасности). Токио, 1980, с. 22.

⁷² *М. Иноки*. Кусотэки хэйвасюги-кара кусотэки гункокусюги-э (От утопического пацифизма к утопическому милитаризму).— Тюокорон. 1980, № 9.

⁷³ *Japan Times*. 06.04.1980.

⁷⁴ Развернутая программа этой платформы была сформулирована Д. Судзуки в докладе «Сотрудничество и солидарность Западного лагеря», изложенного на встрече в верхах в Оттаве.— См.: Кокумин гайко. 1981, № 79; Вага гайко-но кинкё. 1982, № 26, с. 9—10.

⁷⁵ *Н. Усиба*. Сайкин-но кокусай, с. 9.

⁷⁶ *Asian Security*. Токио, 1981, с. 199.

⁷⁷ Там же, с. 200—201.

⁷⁸ См.: Майнити симбун. 12.07.1980.

⁷⁹ Бозэй хакусё. Токио, 1980, с. 78.

⁸⁰ *В. И. Ленин*. По поводу одной статьи в органе бунда.— Т. 14, с. 190.

Часть вторая

¹ *Pacific Community*. 1977, № 2, с. 217.

² Цит. по: *Математика в социологии: моделирование и обработка информации*. М., 1977, с. 174.

³ *К. Маркс*. Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Т. 46. Ч. II, с. 332.

Глава первая

¹ *Japanese and U. S. Policy in Asia*. N. Y., 1982, с. 59.

² Там же, с. 49, 51.

³ Там же, с. 55, 76.

⁴ Там же, с. 4.

^{4a} *Asian Pacific Community*. 1983, № 19, с. 44.

⁵ *Japanese and U. S. Policy in Asia*, с. 10.

⁶ *Far Eastern Economic Review*. 21.04.1983.

⁷ Там же.

⁸ *An Alternative Strategy for the 80's.— National Defense*. July — August 1983.

⁹ Там же, с. 51.

¹⁰ Там же, с. 54.

¹¹ *Асахи симбун*. 09.02.1983.

¹² *New York Times*. 31.05.1983.

¹³ *Токио симбун*. 22.07.1984.

¹⁴ *Токио симбун*. 30.05.1983; *Japan Economic Journal*. 07.06.1983.

¹⁵ *Правда*. 09.03.1983.

- ¹⁶ Красная звезда. 04.04.1982.
- ¹⁷ Orbis. 1981, № 1, с. 103.
- ¹⁸ Orbis. 1981, № 1, с. 104.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Бозэ хакусэ. 1980, с. 264—269.
- ²¹ Far Eastern Economic Review. 23.12.1982.
- ²² Asian Pacific Community. 1980, № 10, с. 4.
- ²³ Japan Economic Journal. 17.08.1982.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Асахи симбун. 02.06.1978.
- ²⁷ Asahi Evening News. 24.07.1980.
- ²⁸ См.: За рубежом. 1983, № 37, с. 6.
- ²⁹ Asahi Evening News. 15.08.1980.
- ³⁰ Майнити симбун. 04.08.1981.
- ³¹ Акахата. 22.05.1981.
- ³² См.: Гунсюку мондай-то нихон (Проблемы разоружения и Японии). Токио, 1981. № 10.
- ³³ Асахи симбун. 31.07.1978.
- ³⁴ Правда. 30.07.1982.
- ³⁵ Far Eastern Economic Review. 23.06.1983.
- ³⁶ См.: Черная книга Японии (Послесловие И. Сергиенко); С. Т. Мажоров. Военно-экономический потенциал современной Японии. М., 1979, с. 75.
- ³⁷ В качестве основы для выделения этих признаков были взяты определения ВПК, данные в следующих работах: Л. М. Громов, Р. А. Фармазян. Военная экономика современного капитализма. М., 1975, с. 240; Советская военная энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 248—249; Военный энциклопедический словарь. М., 1983, с. 144; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств; Милитаризм (Цифры и факты). М., 1983, с. 131—132.
- ³⁸ Asahi Evening News. 19.03.1980.
- ³⁹ Подсчитано по: Japan Economic Yearbook 1981/82. Токио, 1981, с. 124; Japan Press Weekly. 25.03.1983, с. 29.
- ⁴⁰ Far Eastern Economic Review. 14.03.1980; Business Week. 14.03.1983.
- ⁴¹ The Military Balance, 1980—1981; Defense of Japan, 1981, с. 291—292; по США: США: военное производство и экономика. М., 1983, с. 104.
- ⁴² И. Сергиенко. Возрождение милитаризма в Японии, с. 127; С. Т. Мажоров. Военно-экономический потенциал, с. 75.
- ⁴³ Far Eastern Economic Review. 14.03.1980.
- ⁴⁴ D. I. Okimoto. The Economies of National Defense.—Japan's Economy. Coping with Change in the International Environment. Westview Press (Boulder), 1982, с. 276—277.
- ⁴⁵ Economist. 18.12.1982.
- ⁴⁶ Far Eastern Economic Review. 03.02.1983.
- ⁴⁷ SIPRI Yearbook. St., 1981, с. 186—187; 1983, с. 292—293.
- ⁴⁸ Japan Economic Journal. 09.12.1980.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Japan Economic Journal. 17.11.1981.
- ⁵¹ Economist. 18.12.1982.
- ⁵² Business Week. 14.03.1983.
- ⁵³ См.: U. S. Comptroller General. U. S. Military Coproduction Programms Assig Japan in Developing Its Civil Aircraft Industry. U. S. Government Printing Office. 1982, с. 18.
- ⁵⁴ Business Week. 14.03.1983.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Представитель компании «Фудзицу» С. Нагано говорил: «Коммерческая и военная техника срстаются так быстро, что уходят в прошлое времена, когда существовала такая вещь, как чисто военная техника».—Newsweek. 09.01.1984.

Глава вторая

- 1 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.
- 2 Revue du Marche Commun. 1981, № 243, с. 2.
- 3 Asahi Evening News. 02.03.1977.
- 4 Newsweek. 23.03.1981, s. 10.
- 5 Revue Economique. 1981, № 5, с. 942—943.
- 6 Мировая экономика и международные отношения. 1982. Приложение.
- 7 ФРГ, Франция, Великобритания, Италия.
- 8 Problèmes économique. 1981, № 1715, с. 30.
- 9 Кокусай мондай сирё. 1980, № 12, с. 25—26.
- 10 Цусе хакусё. Какурон. 1982, с. 762.
- 11 С. Окига. Нитибэй нитио кэйдзай канкэй (Японо-американские и японо-европейские экономические отношения).— Кокумин гайко. 1980, № 78, с. 5.
- 12 Far Eastern Economic Review. 13.08.1982, с. 90.
- 13 Financial Times. 10.06.1981.
- 14 Christian Science Monitor. 24.02.1983.
- 15 Mainichi Daily News (Supplement). 9.05.1983.
- 16 Christian Science Monitor. 14.02.1983.
- 17 New York Times. 02.05.1981.
- 18 Japan Times. 25.09.1982.
- 19 Fortune. 12.12.1983.
- 20 Там же.
- 21 Е. П. Севастьянов, Н. Е. Корсакова. Позолоченное гетто. М., 1983, с. 158—161.
- 22 Business Week. 17.10.1983.
- 23 News from MITI. 18.07.1983.
- 24 Вага гайко-но кинкё. 1982, № 26, с. 171.
- 25 Business Week. 16.06.1980, с. 94.
- 26 Там же, с. 102.
- 27 Japan Economic Journal. 09.12.1980.
- 28 Mainichi Daily News (Supplement). 09.05.1983.
- 29 Aussenpolitik. 1977, № 2, с. 159.
- 30 США: экономика, политика, идеология. 1981, № 10, с. 51.
- 31 С. Окига. Нитибэй нитио кэйдзай канкэй, с. 32.
- 32 Западная Европа в современном мире. М., 1979, т. 2, с. 47.
- 33 Le Monde diplomatique. Janvier 1980, № 310 (Supplement), с. 21.
- 34 Правда. 28.02.1980.
- 35 Правда. 03.37.1981.
- 36 Подсчитано по: Цусё хакусё. Какурон. 1982, с. 557.
- 37 См.: Мировая экономика и международные отношения, 1984, № 1, с. 47.
- 38 Цусё хакусё. Какурон. 1982, с. 818.
- 39 Christian Science Monitor. 24.02.1983.
- 40 Japan Quarterly. 1981, № 2, с. 163—164.
- 41 Japan Times. 04.06.1983.
- 42 Japan Times. 01.06.1983.
- 43 Japan Economic Journal. 16.12.1980.
- 44 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.
- 45 Europa Archiv. 1980, № 18, с. 566.
- 46 Правда. 21.11.1980.
- 47 Токио симбун. 30.05.1983.
- 48 Japan Economic Journal. 25.11.1980.
- 49 Токио симбун. 06.06.1981.
- 50 Нихон кэйдзай симбун. 06.06.1981.
- 51 Известия. 20.07.1982.
- 52 Japan Times. 16.12.1982.
- 53 Rinascita. 04.03.1977.

¹ Достаточно напомнить, что ВВП Японии в 1980 г. был равен 1,2 трлн. долл., в то время как ВВП 10 стран азиатско-тихоокеанского бассейна в том же году не достигал и 700 млрд. долл. Подсчитано по: Вага гайко-но кинкё. 1982, № 26, с. 547.

² Нихон-то АСЕАН (Япония и АСЕАН). Токио, 1981, № 1, с. 27.

³ Там же.

⁴ См.: Нидзюиссэйки-э-но сэньяку. Кики-о до норикоэру ка (Стратегия Японии к XXI веку. Как преодолеть кризисы?). Токио, 1978, с. 247.

⁵ Вага гайко-но кинкё. 1983, № 27, с. 4, 30—31.

⁶ Asian Security. Токио, 1981, с. 199; 1982, с. 162; Asia Pacific Community. 1982, № 17, с. 17.

⁷ Вага гайко-но кинкё. 1972, № 16, с. 2.

⁸ В соответствии с разработанными в Японии индикаторами оценки сравнительной мощи государств КНР занимает 3-е место в мире после США и СССР. См.: Х. Ханаи. Кокусай канкэйрон, с. 49; М. Сакамото. Кэйдзай дай-коку но тэсэн. Кокусай туидзё сайкоттику-но сэньяку (Вызов великой экономической державы. Стратегия перестройки международного порядка). Токио, 1981, с. 294; Бэй хакусё, 1981, с. 85, 236, 253.

⁹ М. Кикуги и др. Тюсо тайрицу. Соно кихан, рэкиси, рирон (Основы, история и теория советско-китайских противоречий). Токио, 1976. с. i.

¹⁰ Тюокорон, 1978, № 10, с. 117, 128, 148.

¹¹ Japan Times. 11.07.1980.

¹² Asian Security. 1981, с. 201.

¹³ Адзиа куотари. 1974, № 1—2, с. 86.

¹⁴ Daily Yomiuri. 13.01.1975.

¹⁵ Asian Security. 1981, с. 201.

¹⁶ Business Week. 16.03.1981, с. 105.

¹⁷ 1980-нэндай нихонгайко-но синро, с. 314.

¹⁸ Japan Times. 04.06.1983.

¹⁹ United States — Japanese Relations. The 1970's. Cambridge (Mass.), 1974, с. 164.

²⁰ Расчеты по: Цусё хакусё за соответствующие годы.

²¹ Фэй Монун. Чжунго вэйлай цзай ячжоу цивэй (Будущее место Китая в Азии).— Шицзе чжиши. 1983, № 10, с. 2.

²² Japan Times. 01.03.1983.

²³ Japan Times. 23.08.1981.

²⁴ Жэньминь жибао. 02.09.1982.

²⁵ Beijing Review. 29.08.1983, с. 9—10.

²⁶ Japan Times. 01.03.1983.

²⁷ United States — Japanese Relations, с. 163.

²⁸ Far Eastern Economic Review. 16.04.1982, с. 34.

²⁹ Japan Times. 06.07.1983.

³⁰ Beijing Review. 18.07.1983, с. 9; Правда. 10.07.1983.

³¹ Х. Судзуки. Цзян Цзинго и Тайвань. Токио, 1978, с. 148 (на яп. яз.).

³² Санкэй симбун. 14.07.1977.

³³ В 1980—1981 гг. Тайвань получил из США оружия на сумму 1,5 млрд. долл.— Asian Security. 1981, с. 106. В 1983 г. США планировали поставить оружия на сумму 800 млн. долл. Правда. 11.08.1983.

³⁴ Japan Times. 01.01.1979.

³⁵ Токио симбун. 21.12.1978.

³⁶ Japan Times. 01.01.1979.

³⁷ Санкэй симбун. 16.01.1979.

³⁸ Цит. по: Известия. 16.12.1980.

³⁹ Japan Times. 08.03.1982.

⁴⁰ Ёмиури симбун. 16.07.1975.

⁴¹ Токио симбун. 17.07.1975.

⁴² Санкэй симбун. 13.07.1982.

⁴³ Токио симбун. 18.09.1980.

⁴⁴ Нихон-то АСЕАН, с. 22.

- ⁴⁵ См.: Тихоокеанский регионализм: концепции и реальность. М., 1983, с. 177.
- ⁴⁶ Asiaweek. 08.04.1983, с. 30.
- ⁴⁷ См.: Правда. 18.08.1983.
- ⁴⁸ Правда. 22.11.1983.
- ⁴⁹ Far Eastern Economic Review. 19.05.1983.
- ⁵⁰ Insight. Nov., 1978, с. 46.
- ⁵¹ К. Маркс. Будущие результаты британского господства в Индии.— Т. 9, с. 225.
- ⁵² На современном материале эти идеи К. Маркса основательно проанализированы в монографии Н. А. Симония «Страны Востока: пути развития».
- ⁵³ R. Constantino. Image of Japan in Asia. Growing Suspicion and Fair.— Bulletin of Peace Proposals. 1982, № 1, с. 53.
- ⁵⁴ Asia Pacific Community. 1983, № 19, с. 125.
- ⁵⁵ Asiaweek. 08.04.1983, с. 50.
- ⁵⁶ Asiaweek. 21.01.1983, с. 23.
- ⁵⁷ См.: Beijing Review. 04.06.1983, с. XXII—XXIII.
- ⁵⁸ Beijing Review. 23.05.1983, с. 11.
- ⁵⁹ См.: Understanding ASEAN. London and Basinstove. 1982, с. 189.
- ⁶⁰ Наньян сянбао. 29.11.1979.
- ⁶¹ Мердека. 19.02.1980.
- ⁶² Newsweek. 28.06.1982.
- ⁶³ Asiaweek. 13.05.1983.
- ⁶⁴ Far Eastern Economic Review. 19.05.1983.
- ⁶⁵ Asahi Evening News. 12.11.1981.
- ⁶⁶ Майнити симбун. 07.03.1979.
- ⁶⁷ Asia Pacific Community. 1978, № 1, с. 14.

Глава четвертая

- ¹ Правда. 12.10.1954.
- ² Подробнее см.: В. Н. Березин. Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники. Из истории нормализации отношений СССР с послевоенной Японией. М., 1977.
- ³ См. например: R. Loventhal. The Soviet Union, China and Japan.— Survey. 1972, № 4, с. 32—33.
- ⁴ Правда. 19.08.1961.
- ⁵ Подробно см.: П. Д. Долгоруков. Торгово-экономические отношения СССР с Японией.— СССР—Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925—1975). М., 1978; М. И. Крулякко. Советско-японские экономические отношения.
- ⁶ См., например: Х. Симидзу. Нихондзин ва надзэ сорэн-га кирай ка (Почему японцам не нравится Советский Союз). Токио 1979; А. Соно. Гэндай-но гайко-то сэно. Ниссоканкэй-но какусин-о цуку (Современная дипломатия и война. В связи с японо-советскими отношениями).— Кокумин гайко. 1981, № 77.
- ⁷ Japan Times. 24.02; 13.03.1982.
- ⁸ Известия. 11.02.1982.
- ⁹ Правда. 10.11.1982.
- ¹⁰ Правда. 16.04.1983.
- ¹¹ Asian Pacific Community. 1982, № 18, с. 14.
- ¹² Mainichi Daily News. 31.12.1978.
- ¹³ Асахи симбун. 06.02.1981.
- ¹⁴ Japanese and US Policy in Asia, с. 55.
- ¹⁵ Bulletin of Peace Proposals. 1982, № 1, с. 44.
- ¹⁶ Mainichi Daily News. 24.02.1984; New York Times. 13.03.1984.
- ¹⁷ Н. Маэда. The Free-Rider Myth.— Japan Quarterly. 1982, № 2, с. 176, 181.
- ¹⁸ Japan Quarterly. 1981, № 2, с. 173—174.
- ¹⁹ С. Д. Луммис. Japanese Pacifism under the U. S. War Machine.— Bulletin of Peace Proposals. 1982, № 1, с. 45.
- ²⁰ Asia Pacific Community. 1983, № 20, с. 15.

- ²¹ Asahi Evening News (Supplement). 19.11.1979.
- ²² Бунгэй сюндзю. 1982. № 10; Санкэй симбун. 03.11.1982.
- ²³ Japan Times. 25.03.1983.
- ²⁴ Вага гайко-но кинкё. 1979, № 23. Предисловие.
- ²⁵ Асахи симбун. 18.02.1983.
- ²⁶ Асахи симбун. 21.11.1983.
- ²⁷ 1980-нэндай нихонгайко-но синро, с. 33.
- ²⁸ Правда. 17.06.1983.

Заклучение

- ¹ См.: Типология несоциалистических стран. М., 1976. Приложение № I.
- ² В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.—Т. 27, с. 386—387.
- ³ Там же, с. 382.
- ⁴ Там же, с. 389.
- ⁵ New York Times. 28.10.1981.
- ⁶ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969, с. 45.
- ⁷ М. Сакамото. Кэйдзайкоку-но тэсэн. Кокусэй тицудзе сайкотику-но сэнряку, с. 289, 292.
- ⁸ Там же, с. 294.
- ⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 28—29.

Japan's Foreign Policy, 1970s-80s by R. Sh.-A. Aliyev is a comprehensive study of the foreign policy of Japan which is presently one of the major international economic centres. The book analyses a range of important issues, including the process of shaping and implementing foreign policy, decision making mechanism, the role of traditions and the influence of political culture on the Japanese diplomacy accounting for Japan's behaviour on the international scene, correlation between the overall strategy and regional tactics of the Japanese ruling circles as well as Japan's policy towards the US, USSR, Western Europe and the Pacific nations.

Drawing on the analysis of relations among the participants in the foreign policy process the author concludes that Japanese monopoly capital predominantly shapes the country's overall foreign policy pattern and that among the government institutions MITI (Ministry on International Trade and Industry) is playing the crucial role.

Japan's unprecedented economic growth is closely related to its foreign political and economic interests. The book outlines the basic reasons for discrepancy between Japan's economic potential and its political role in the world. The author contends that up to now Japan has not turned into a "power focus" though it has acquired and retains the status of the international economic centre.

Important observations are made on Japanese military policy and the evolution of its military and political relations with the US. The author is drawing attention to the increased tendency of the early 1980s leading to militarization of the country. This tendency is paving its way in the struggle with anti-militaristic movement represented by the oppositional parties, pacifists and also by business community. This struggle hampers the pace of militarization that has not yet met the expectations of the right wing in the Liberal Democratic Party as well as those of the US administration.

Japan faces grave difficulties in trade and economic relations with the US and Western Europe, which are both its partners and rivals. The policy of comprehensive national security measures that had to link Japanese interests with those of their Western

allies could not resolve or reduce the existing contradictions. The study outlines various forms and basic features of the contradictions between Japan and Western Europe and between Japan and the US. Asia and the Pacific region are areas of special interest for Japanese monopoly groups. Japan's economic policy has led to the establishment of rather stable and lasting relations with Australia, South Korea and ASEAN countries. Sino-Japanese relations have been showing dynamic development in the past decade. Problems facing Japan in the Asian-Pacific region are analysed against this background.

The book also deals with the evolution of Japan's policy towards the Soviet Union. The author states that anti-Sovietism that has become manifest in the official Tokyo line in the 1980s will undermine the very idea of increasing Japan's political role in international affairs. This line contradicts the doctrine of comprehensive security. Hostility towards the USSR and other socialist countries of Asia leads only to deterioration of the international situation in South-East Asia and the Far East. Many political figures of repute understand this danger. They stand for reconsideration of the Japanese attitude towards the Soviet Union on the lines of good neighbourhood and cooperation.

The author emphasizes that Japan has all objective requisites for attaining the authoritative international status that would be compatible with its economic power. This, however, requires that Japan's political actions correspond to the realities of international relations.

The book is based on numerous empirical and theoretic sources dealing with various aspects of Japan's foreign policy. The presentation of the most important political issues makes it an interesting contribution to the studies into contemporary Japanese politics.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Часть первая. Формирование и выработка внешней политики в Японии</i>	13
Предмет исследования	13
Глава первая. Механизм политической власти в Японии и процесс принятия внешнеполитических решений	17
Японо-американская политология о механизме принятия решений	17
Японский финансово-монополистический капитал, власть и государство	23
Структура внешнеполитического механизма и процесс принятия решений	35
Влияние неправительственных организаций и средств массовой информации на процесс формирования внешней политики	58
Роль традиций в процессе формирования внешней политики и принятия решений	71
Глава вторая. Мощь Японии и ее место в мире	88
Место Японии в мире в свете теории «многополярности»	89
Параметры мощи и определение силы	96
Япония как один из трех центров экономического могущества империализма	103
Глава третья. Внешнеполитические концепции и доктрины Японии	124
Доктрина «национальных интересов» — идейно-теоретическая основа внешней политики Японии в 70-е годы	127
Доктрина «комплексного обеспечения национальной безопасности» — внешнеполитическая программа Японии на 80-е годы	148
<i>Часть вторая. Внешнеполитическая деятельность Японии на международной арене</i>	165
Глава первая. Японо-американский военно-политический союз и тенденция к милитаризации в Японии	169
Япония в военно-стратегических планах США	169
Развитие японо-американских военных отношений	174
Военная политика Японии	183
Японский монополистический капитал и тенденции к милитаризации страны	190
Глава вторая. Япония и три центра межимпериалистического соперничества (экономико-политические аспекты)	206
Торгово-экономическое соперничество: счет в пользу Японии	207
Средства и формы японской экспансии	213
Политический диалог: поле сотрудничества или конфликта?	222
Глава третья. Азиатско-тихоокеанский регион во внешней политике Японии	232
КНР во внешней политике Японии	235
Проблема Тайваня и отношения с Южной Кореей	245
Юго-Восточная Азия и Тихий океан — зона повышенного внимания Японии	256
Глава четвертая. Советско-японские отношения: поиск альтернатив	269
Политика СССР в отношении Японии: курс на добрососедство	269
Буржуазные либералы и внешняя политика Японии: призыв к реальности	276
<i>Заключение. Роль Японии в мире</i>	283
Примечания	294
Summary	310